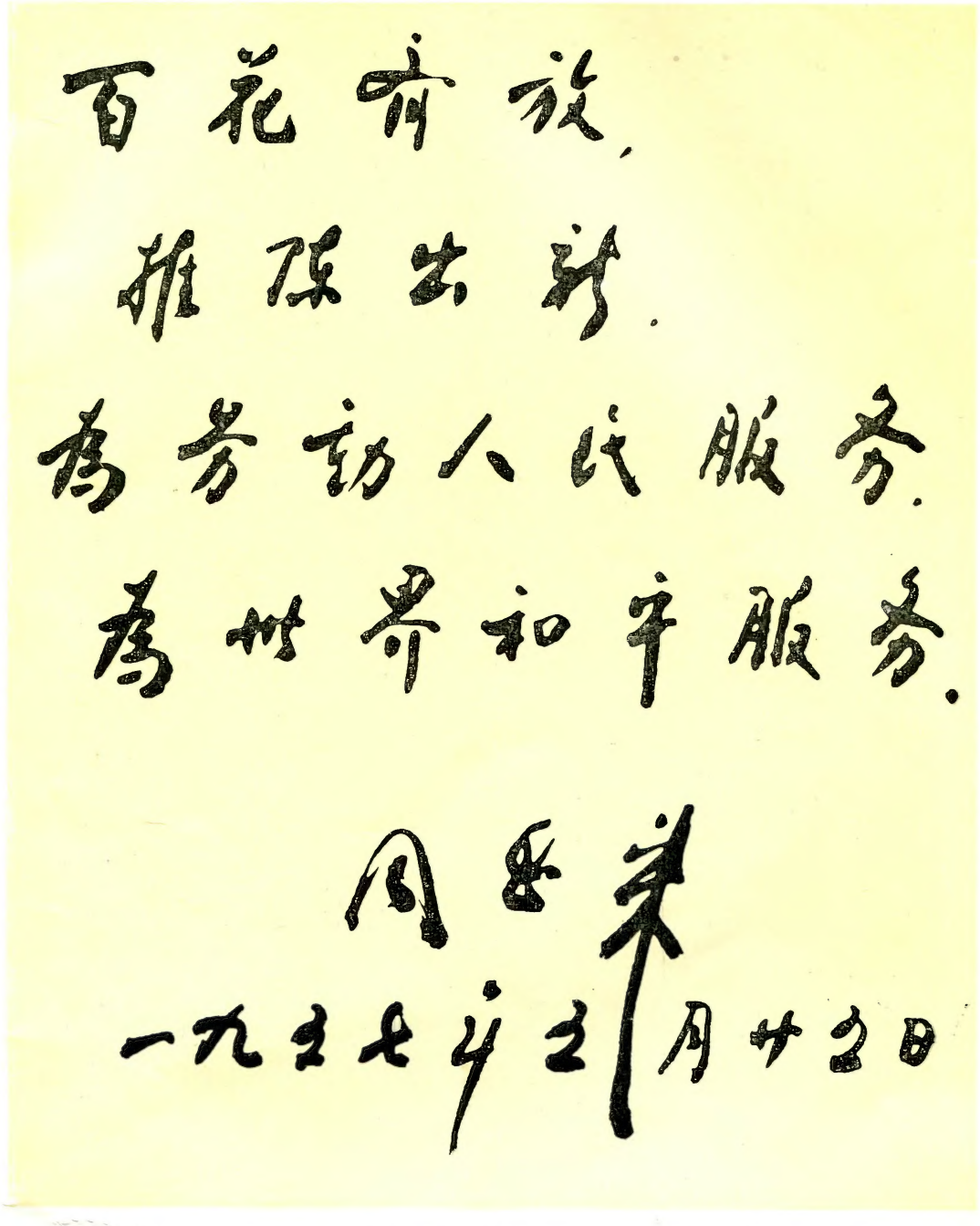
ИНОСТРАННАЯ литература

9
1957



По просьбе редакции журнала «Иностранная литература» Премьер Государственного Совета Китайской Народной Республики товарищ Чжоу Энь-лай любезно согласился предпослать специальному номеру журнала, посвященному литературе и искусству Китая, следующие строки:

ПУСТЬ РАСЦВЕТАЮТ СТО ЦВЕТОВ,
В СТАРОМ НАЙДЕМ НОВОЕ —
НА СЛУЖБУ ТРУДОВОМУ НАРОДУ,
НА СЛУЖБУ МИРУ ВО ВСЕМ МИРЕ.

ЧЖОУ ЭНЬ-ЛАЙ.

25 мая 1957 года.

Выше воспроизводится факсимиле рукописи товарища Чжоу Энь-лая.

ИНОСТРАННАЯ Литература

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ЭТОТ НОМЕР НАШЕГО ЖУРНАЛА ПОСВЯЩЕН ЛИТЕРАТУРЕ И ИСКУССТВУ БРАТСКОГО КИТАЙСКОГО НАРОДА.

Содержание

Послание товарища ЧЖОУ ЭНЬ-ЛАЯ в связи с выходом в свет специального номера журнала «Иностранная литература», посвященного литературе и искусству Китая.

А. СУРКОВ — Наша дружба 3

МАО ДУНЬ — Китайская литература, ее прошлое, настоящее и будущее 4

ГО МО-ЖО — Стихи 16

СЮЙ ХУАЙ-ЧЖУН — Мы сеем любовь (Роман) 19

ША ОУ — На берегу реки Цзяцин. ГУН ЛЮ — В небе много звезд. Только один человек может ее разбудить (Стихи) . . 91

ЦЗАН КЭ-ЦЗЯ — Стихи с побережья . . . 93

ЛАО ШЭ — Чайная (Пьеса) 99

ЖАОЦЗЕБАСАН — Видеть еще острей. ФЭН ЧЖИ — Песнь об ущелье Люцзя (Стихи) . 109

ВАН ЮАНЬ-ЦЗЯНЬ — Партийный взнос (Рассказ) 111

ЦЮЙ ЦЮ-БО — Нескончаемые «противоречия» (Рассказ) 118

ИЗ КИТАЙСКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ

ТАО ЮАНЬ-МИН, МЭН ХАО-ЖАНЬ, БО ЦЗЮЙ-И 127

ТОРГОВЕЦ МАСЛОМ и ФЕЯ ЦВЕТОВ (Повесть) 133

9

1957

СЕНТЯБРЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ИЗВЕСТИЯ“ МОСКВА

АРМАН ЛАНУ — Майор Ватрен (Роман. Продолжение) 165

ЦАО ЦЗИН-ХУА — О том, кто принес нам огонь с неба 216
ЧЖАН ЦЗЮНЬ-СЯН — Кино служит народу . 221
ЛИ ЧАО — В театрах Китая 230
ВАН СУНЬ — Традиции и формы национальной живописи 241
НАМ ОТВЕЧАЮТ ДЕЯТЕЛИ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА КИТАЯ 244

ЛЮДИ МИРА О КИТАЕ

А. Уиннингтон — Первая тибетская газета ◆ М. Оливер и Н. Фронтини — В гостях у художника Ци Бай-ши. ◆ В. Петров — В храме Юньган. ◆ Нгуен Туан — Театральный Шанхай. ◆ В. Бредель — Рассказ молодого поэта. ◆ М. Деби. — Первые впечатления на китайской земле. ◆ К. Малапарте — Привет Китаю. ◆ Н Саба — «Пойди и посмотри». ◆ М. Бенюк — Новые побеги на старых корнях. ◆ Веркор — Один день в Пекине. ◆ А. Гофмейстер — Спасибо за урок. 255

СРЕДИ КНИГ И ЖУРНАЛОВ

В. Сорокин — Молодые писатели Китая. ◆ А. Хамадан — Рассказ о великом пути. ◆ С. Шлапоберская — «Письма из Китая». ◆ Р. Фиш — Путешествие в страну осуществляемой мечты. ◆ Е. Елагина — Рассказы о безвестных героях. ◆ Л. Лунгина — Кукольник Лю. ◆ Л. Осповат — Чилиец в стране своего будущего. ◆ Т. Елисеева — Болгарские поэты о Китае. ◆ М. Фридман — «Я был в новом Китае». ◆ М. Салганик — Среди друзей. 269
ЛЮ БАЙ-ЮЙ — Холодное течение правых элементов в литературе 280
А. ТИШКОВ — Новый журнал «Жатва» . . 285

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ . . 288

Китайские пословицы и поговорки, опубликованные в этом номере, переведены А. Тишковым.

На обложке: Народная вырезка из бумаги. В орнаменте надпись «Китайско-советская дружба».

В этом номере помещены две вкладки с многокрасочными репродукциями работ современных китайских художников.

Наша дружба

«Иностранная литература» посвящает этот номер Народному Китаю, его литературе, его культуре. Нет надобности доказывать своевременность и пользу этой инициативы редакции. Исторически объясним и понятен тот огромный интерес к жизни китайского народа, который испытывают советские люди всех национальностей. Интерес этот возник не сегодня и не вчера. С тех пор, как Россия вышла к границам Китая, русские люди стали вглядываться в жизнь великого соседнего народа. Недаром Пушкин мечтал о поездке в Китай в составе дипломатической миссии. Недаром имена выдающихся русских путешественников связаны с их великими открытиями на территории Китая. Недаром многие русские историки культуры обращали свои взоры к феноменальной, непрерывной в своем развитии пятитысячелетней культуре Китая.

И при всем этом, наши соотечественники в дореволюционное время крайне мало знали о жизни своего соседа, народа-гиганта. Лишь после Октября, и в особенности, после начавшихся в двадцатые годы гигантских битв за освобождение китайского народа от двойного ига своих и иноземных поработителей интерес к Китаю стал в нашей стране всенародным и превратился в активное братское сочувствие советских народов борьбе китайского народа, борьбе невиданно трудной и невиданно героической.

Современник этих лет, я знаю, что во времена знаменитого «Северного похода» лекции о Китае читались не только в просторных столичных аудиториях, но и в глухих деревнях, аулах и кишлаках. В те годы все начинающие поэты, вторя Маяковскому, писали стихи, приветствующие борьбу китайской Красной Армии. В те годы были переведены волнующие документы о вооруженной борьбе китайского народа, Кантонской Коммуне и о зарождении в горах Цзинганшаня Красной Армии Мао Цзэ-дуна и Чжу Дэ. В те времена были переведены простые и покоряющие сильные в своей простоте народные партизанские песни. В те времена мы, советские люди послеоктябрьского поколения, впервые прочли в русском переводе произведения «китайского Горького», как его тогда называли,— Лу Синя, а впоследствии произведения Го Мо-жо, Мао Дуня и других революционных и прогрессивных писателей Китая.

Теперь, накануне дня, когда Народный Китай будет праздновать восьмую годовщину победы народно-демократического строя, мы ясно видим, как расширился круг наших знаний о Китае.

Для широкого круга ценителей литературы и искусства встали в ряд мировой поэтической классики имена Цюй Юаня, Бо Цзюй-и, Ду Фу и других великих мастеров китайской классической поэзии. Миллионы советских любителей искусства «по почерку» научились узнавать великолепные творения патриарха современных художников Ци Бай-ши, восхищаться неисчерпаемым мастерством великого китайского актера Мэй Лань-фана.

Около двух лет тому назад мне довелось почти месяц путешествовать по Китаю. Этот месяц воочию показал мне и моим спутникам, что, несмотря на значительное углубление наших знаний о Китае и его культуре, нам известна сегодня, может быть, десятитысячная часть тех даров гения великого народа, которые должны войти в круг неотъемлемых сокровищ всего человечества.

Беседуя с писателями и работниками искусств в Пекине, Сиани, Ухани, Кантоне, Чунцине, Шанхае, всюду мы видели и чувствовали, как широк и действен интерес китайских друзей к нашей литературе, к нашему искусству, к именам и книгам советских писателей. Мы поняли, что наши китайские друзья, хотя они недавно начали широко переводить на китайский язык наши книги, знают нашу литературу настоящего и прошлого, знают спорные и бесспорные проблемы, возникающие в наших дискуссиях, лучше, полнее, чем знаем мы классическую и современную литературу Китая и проблемы, волнующие ныне китайских литераторов.

Это воспоминание еще больше убеждает меня в глубокой полезности выпуска редакцией «Иностранной литературы» специального номера, посвященного Народному Китаю, китайской литературе, китайскому искусству и культуре.

Нашим народам и народам Китая история предопределила роль колонновожатых человечества на никем не хоженом, целинном просторе будущего, роль пролагателей путей к коммунизму. Годы совместной борьбы за лучшее будущее, годы мирного созидательного труда скрепили навсегда узы боевого братства между нашими народами. Мы должны больше знать друг о друге, глубже проникать в сокровищницу великого опыта, накопленного народами, щедро одарять друг друга неисчерпаемыми богатствами, запечатленными в искусстве и литературе наших народов.

А. СУРКОВ.

Мао Дунь

Китайская литература, ее прошлое, настоящее и будущее

Редакция журнала «Иностранная литература» решила посвятить специальный номер литературе Китая, познакомить широкие круги советских читателей с лучшими произведениями китайской литературы — с древних времен до наших дней, то есть помочь им, насколько это позволяет объем журнала, получить о ней более или менее полное представление. Литературная общественность Китая горячо приветствует эту инициативу редакции «Иностранной литературы», имеющую большое значение для дальнейшего расширения китайско-советских культурных связей. Я не мог отказать товарищам из редакции «Иностранной литературы» и написал эту статью.

В небольшой статье невозможно изложить весь процесс развития нашей литературы и ее особенности на каждом этапе. Насколько это в моих силах, я постараюсь набросать лишь эскиз главного идейного направления литературы Китая.

1. ТРАДИЦИИ РЕАЛИЗМА

Первое собрание древних песен «Шицзин», составление которого приписывается Конфуцию, появилось у нас примерно веков за пять до нашей эры. Это самый ранний и наиболее древний литературный памятник. Он содержит 305 поэтических произведений, большинство которых принадлежит безыменным авторам и представляет собой либо острую сатиру на политические порядки того времени, либо лирические напевы, либо обрядовые песни и гимны. В стихах и песнях показана жизнь различных слоев общества, выражено осуждение паразитического образа жизни, расточительства и разврата, царивших в среде сословной родовой знати, в них ярко отражено то, что́ народ любит и что́ ненавидит. Написанные в разной манере, стихи («ши») весьма лаконичны, язык их прост, бесхитростен и вместе с тем исключительно образен, полон глубокого чувства, волнует своей эмоциональностью, подлинно музыкальным звучанием. (Когда-то, очень давно, они напевались в сопровождении музыкальных инструментов; со временем их стали петь уже без аккомпанемента).

Но «Шицзин» не только самая древняя «антология» поэтического наследия китайской литературы. В ней бережно сохранены и переданы нам драгоценные традиции реализма нашей литературы, и неслучайно, что именно «Книгу песен» наши предки назвали «поэтическим наставником».

С IV века до н. э. до нас дошел и другой памятник древней поэзии — книга «Чуских строф» («Чуцы»). Это общее название сочинений нашего

великого поэта Цюй Юаня — первого, оставившего после себя имя в истории Китая. «Чуские строфы» явились новым этапом в развитии поэзии. Поэт развивает в них художественные формы «Шицзина», вносит большие изменения в строфику, более отчетливо выявляет в ней музыкальное, напевное начало. Главное произведение «Чуских строф» — элегия «Лисао» («Скорбь изгнанника»), в которой глубокое патриотическое чувство и призыв к справедливости тесно переплетаются со сказочной фантазией и мягкой, словно дуновение ветерка, лирической напевностью. Элегия «Лисао» впитала в себя богатство китайской мифологии, мудрость легенд седой старины; она до сих пор цветет чудным цветком в саду замечательной древней литературы Китая. В то же время «Чуские строфы» — прекрасный образец правильного восприятия и развития реалистических традиций «Шицзина». Более двух тысяч лет тому назад один исследователь и критик «Чуских строф» сказал о них следующее: «Для песен «Нравы царств» (один из разделов «Шицзина») характерно преобладание любовного чувства, в котором нет никакой развращенности; сатире «Малых од» (также раздел «Шицзина») свойственно выражение обиды, но без злобного возмущения. Что же касается «Скорби изгнанника», то можно сказать, что в ней совмещены о б а эти достоинства». (Говоря другими словами, это значит, что если в стихах «Шицзина» реалистическое начало выражено двумя различными поэтическими манерами, то в «Лисао» они соединены вместе, получили дальнейшее развитие и привели к созданию н о в о й манеры стихосложения).

Ярко выраженные в «Шицзине» и «Чуских строфах» реалистические традиции впоследствии принимались каждым большим писателем и поэтом. Это особенно характерно для периода становления Ханьского царства (примерно в I веке до н. э.), когда многие авторы, воспитанные на традициях «Чуских строф», создали на их основе новую поэтическую форму «фу», занявшую главное место в творческих исканиях того времени. «Фу» — рифмованное сочинение, очень близкое по своему характеру ритмической прозе. Но и сама проза, какой мы понимаем ее теперь, тоже получила развитие в эпоху Хань. Наиболее выдающимся представителем прозаического жанра Ханьской эпохи был писатель и историк Сыма Цянь. После крушения Ханьского царства каждая историческая эпоха выдвигала писателей, чье творчество основывалось на завещанных предками реалистических традициях и поднимало их на новую ступень. Можно назвать такие имена всемирного значения, как Цао Чжи (эпоха Троецарствия), Тао Цянь (Цзиньское государство), Ли Бо, Ду Фу и Бо Цзюй-и (династия Тан), Су Ши и Лу Юй (Сунская династия), Ван Ши-фу и Гуань Хань-цин (период монгольского владычества), наконец У Цзин-цзы и Цао Сюэ-цинь (династия Цин).

Но здесь же следует особенно подчеркнуть, что после эпохи Хань (206 г. до н. э.— 220 г. н. э.) реалистические традиции «Шицзина» и «Чуских строф» уже не имели необходимых условий для дальнейшего развития и всякий раз наталкивались на всевозможные препятствия. Начиная с IV века, писатели и поэты, вышедшие из среды правящих феодальных классов и служившие им, в своем большинстве были решительными противниками реалистического искусства. Они были оторваны от действительности, их нисколько не интересовало идейное содержание произведения, и главное назначение литературы они видели в поисках и разработке новых изысканных форм или, как тогда говорили, «выискивали для сочинения слова», которые можно было бы «расставить в созвучном порядке». В результате, хотя их голоса и звенели литаврами, а рифмы поражали своей красотой и изяществом, сами стихи были в общем пусты и бессодержательны. Пышным цветом расцветали литературные жанры типа

«пяньвэнь», представлявшего собой разновидность ритмической прозы *. Такая атмосфера царила в литературе после IV века. (Разумеется, это не говорит о том, что в литературе «пяньвэнь» вообще ничего хорошего создано не было или что произведения в этом жанре вообще лишены реалистического духа. Однако такой всезахватывающей эмоциональной выразительности, какая представлена в прозе Сыма Цяня, мы уже не видим.) В период IV—VIII вв. стихотворные формы «ши» и «у», а также ритмы «пяньвэнь» рассматривались как главное, столбовое направление литературного творчества. Проза же (литературный стиль, выработанный философами эпохи Чжоу и Циньского царства, а также Сыма Цянем в годы царствования Западных Ханей) называлась ими «сочинительством», то есть вульгарной, недостойной приверженца «законного» литературного стиля пробой кисти. Нет необходимости доказывать несостоятельность подобных оценок. И тем более нет необходимости объяснять, что изобразительные средства, применяемые в жанре «пяньвэнь», лишь сковывали писателя по рукам и ногам, лишали его возможности совершенствовать свои творческие силы. Однако на протяжении целых пяти веков эта форма канонизировалась, стала привычной, естественной, всеобщей, да и сами литераторы не осмеливались придерживаться иной точки зрения. Первым, кто выступил с решительным протестом против подобного положения в литературе, был танский мыслитель и поэт Хань Юй (786—824 гг.), громким голосом возвестивший необходимость возрождения литературного языка и стиля эпох Чжоу, Цинь, Восточных и Западных Ханей. Впоследствии потомки назвали реформы языка, осуществленные Хань Юем, движением за возрождение «гувэня», то есть древнего литературного языка, а самого Хань Юя — «поднявшим прах восьми поколений». Однако это требование не нашло широкой поддержки и не стало главным направлением литературы не только при жизни самого Хань Юя, выступившего поборником возрождения «гувэня» и создавшего вместе со своими единомышленниками — Лю Цзун-юанем и другими писателями — ряд выдающихся произведений. Оно не находило общественного отклика и два столетия подряд после его смерти. Только в годы укрепления и расцвета Сунской династии (XI в.) оно начинает занимать в среде литературно образованных и пишущих людей подобающее ему место.

Следует также отметить, что Хань Юй не только отстаивал необходимость реформы литературного стиля. Он высказывал очень верную мысль, что «сочинение ценно своей принципиальностью», то есть выступал за пропагандистский характер литературы, утверждая, что она должна быть рассадником идей, воспитывать народ. Конечно, взгляды, которые он считал нужным распространять и распространял, не шли дальше идей, высказывавшихся в свое время Конфуцием и Мэн-цзы, но это уже определяется самой эпохой.

С середины XV в. и до XVIII в. в Китае развивалось второе движение за возрождение «гувэня». Оно родилось как реакция на господствовавший в то время в литературе стиль «тайгэ» и своим острием было направлено против него. Что представлял собою стиль «тайгэ»? Это был особый литературный стиль, безупречный с точки зрения формы, выдержанной в духе канонических требований, однако произведения, написанные им, поражали своей бессодержательностью, бездумностью, напыщенностью и лицемерием, с каким прославлялись военные подвиги и воспева-

* Стиль «пяньвэнь», говоря в общих чертах, требует от писателя полного параллелизма в парных строках. Каждая строка сочинения должна состоять не только из одинакового количества иероглифов, как и параллельная ей строка, но и быть созвучной ей. Подобная канонизация строфики, естественно, могла приводить и приводила лишь к вычурности литературного языка, внешнему лоску, но практического значения не имела и не отражала живого языка. (Прим. автора).

лись добродетели сильных мира сего. Сами иероглифы, какими пишется этот термин, означают — «стиль придворной литературы».

Среди инициаторов, вдохновителей и деятелей движения за возрождение «гувэня» особенно выделялись семь писателей, которых впоследствии назвали «семью первыми». На заключительном же его этапе были известны уже другие семь деятелей, поэтому их соответственно назвали «семью последними». Это движение возникло в период ослабления государства Мин, постоянно подвергавшегося опустошительным набегам извне. Власти бездействовали, экономика была в упадке, страна сотрясалась непрерывными крестьянскими восстаниями. Как «семеро первых», так и «семеро последних» сознавали, что в такой момент литератор не может смотреть на происходящее закрытыми глазами и строить иллюзии насчет «великого спокойствия» в государстве. Поэтому они выдвинули требование обязательного соответствия прозы «сочинениям Чжоуских и Циньских классиков», а поэзии — «стихам периода расцвета династии Тан», то есть возврата прозы и поэзии к реалистическим традициям, как это следовало понимать. В действительности, однако, «семеро первых» и «семеро последних» переключили все внимание своих последователей исключительно на вопросы литературного стиля. Хотя сущность их требований (наследование и развитие реалистических традиций) была абсолютно правильной, однако средства, которые они избрали для осуществления своей цели, оказались ошибочными. Они, например, призывали изучать формы поэзии и прозы отдаленных времен, ища в них реалистическое начало, но не видели, что реалистические произведения, создаваемые их современниками на разговорном языке и пользующиеся в народе широкой популярностью, у ж е обладают достаточно высоким художественным уровнем. А так как они упорно отстаивали т о ч н о е подражание литературным стилям эпох Цинь и Хань, например, для прозы, это не могло не уводить их в сторону от действительности. Их статьи, содержавшие призывы к реформе, были недоступны для понимания. Последователи «семи первых» и «семи последних», переписывая наставления своих учителей, делали их еще более непонятными и вычурными. Художественные же произведения, созданные ими на возрожденном к жизни древнем языке, понять было почти невозможно, и современники называли их «фальшивым, невразумительным гувэнем». Поэтому среди литераторов образовались группировки, выступившие против возрождения «гувэня» «семью первыми» и «семью последними». В истории китайской литературы эти группировки известны под именем «Гунъаньской» и «Цзинлинской» группировок (по названию местностей, откуда были родом их организаторы). Обе эти группировки стояли за реформу литературного стиля, но категорически отрицали грубый, режущий слух, подделывающийся под «гувэнь» литературный стиль, проповедываемый последователями «семи первых» и «семи последних». Сами же они, однако, не выдвинули достаточно ясной и четкой программы по восстановлению и развитию реалистических традиций. Но, как я уже говорил выше, именно в этот период усиливаются реалистические традиции в творчестве безыменных авторов из народа, создававших свои произведения на разговорном, понятном на слух языке «байхуа». Это нашло свое отражение в возникновении жанра повествовательной литературы — романа и новеллы.

2. РАЗВИТИЕ РЕАЛИЗМА

Из сказанного следует, что развитие реалистических традиций «Шицзина» и «Чуских строф» проходило не так уж гладко на протяжении долгого периода, охватывающего примерно 1500 лет (с III по XVII век). Но это относится лишь к литературному Олимпу, на котором восседали пред-

ставители правящей феодальной прослойки, ее поэты и писатели. Что же касается презираемой и преследуемой ими народной литературы, то здесь положение было совершенно иным: в народной литературе реалистические традиции «Шицзина» и «Чуских строф» разрабатывались и укреплялись.

Прежде всего следует назвать такой замечательный памятник литературного творчества, как сборник поэзии «Юэфу», составленный в эпоху Хань. Начало собиранию песен «Юэфу» было положено учреждением специальной казенной палаты, ведавшей отбором музыкальных произведений, предназначенных для исполнения при дворе. Собственно, от названия этой палаты (Юэфу — музыкальная палата) и пошло название сборника. Специально назначенные для этой цели люди разъезжали по всей стране, записывали народные песни, которые затем подвергались обработке и исполнялись перед императором и его приближенными. Впоследствии музыка к этим песням была утеряна, но слова сохранились и дошли до нас в виде сборника «Юэфу». Сохранились и два сборника песен «Юэфу», относящиеся к периоду Восточных и Западных Ханей. В этих песнях остро высмеивается придворная знать, осуждается беззаконие чиновников, жестокий произвол и зверства помещиков, эксплуатирующих крестьян, во многих песнях звучит тема трагедии женщины, у которой отнята свобода, и т. д. Таким образом, можно сказать, что в сборниках песен «Юэфу» достаточно широко отражена жизнь различных общественных классов того времени и существовавшие между ними противоречия. Сборники «Юэфу» оказали серьезное влияние на многих поэтов Восточного Ханьского царства (начало III в.) и привели к созданию так называемой «цзяньаньской песенной манеры», по названию города Цзяньань. Из песен «Юэфу» цзяньаньские поэты брали темы для своего творчества, поэтому в произведениях, созданных ими, мы видим отражение действительности, слышим голос эпохи. Представителем этого творческого направления является поэт Цао Чжи.

В период III—VI вв. наибольшее распространение в бассейне реки Янцзы получили песни торгового люда, что было связано с зарождением и ростом в этих местах торговли. По содержанию эти песни — в большинстве своем лирические, любовного характера. Зато народное песенное творчество на севере страны в этот же период отличается многообразием тем, строгостью форм и простотой языка. Народные песни юга и севера (до нас дошло около пятисот таких песен) совершенно противоположны по своему духу лирическим произведениям, создаваемым столпами поэзии из среды правящих классов, произведениям, о которых говорили, что в них «слышится стон, но ему не предшествует боль». В эту эпоху напыщенных, высокопарных поэтических стилей, продолжавшуюся, во всяком случае, столетия три-четыре подряд, лишь небольшое число действительно одаренных поэтов (например, Гэн Синь, Бао Чжао) могло пробить стену формализма и эстетства, окружавшую литературный Олимп, и создать новый, отличающийся свежестью и простотой литературный стиль, который оказал значительное влияние на более позднюю поэзию. Они смогли это сделать главным образом потому, что брали темы из народного песенного творчества и учились у народного творчества использованию в поэзии языка простых людей.

В конце Сунской и начале Юаньской эпох (примерно, к середине XIII в.) начинается становление театра, который тоже берет свое начало в народном театрализованном действии. В Юаньскую эпоху драматургия занимает уже главенствующее положение. Это явилось новым этапом развития реалистических традиций китайской литературы. На протяжении ста лет, начиная с середины XIII в., было создано не менее 500—600 драм, из которых более 170 и сегодня ставится на сцене нашего театра. Темы этих пьес самые разнообразные, в них ярко отображена общественная

жизнь и созданы живые образы героев того времени. Назовем лишь двух представителей драматургии Юаньской эпохи, имена которых в настоящее время всемирно известны,— Гуань Хань-цина и Ван Ши-фу. Пьеса Ван Ши-фу «Западный флигель» известна и советскому зрителю *.

Дальнейшее развитие реалистических традиций имеет место уже в эпоху Сун (960—1279 гг.). Оно ознаменовалось появлением повествовательной литературы — литературы городских слоев населения. Возникновение ее относится к XII в., причем самой ранней ее формой была устная литература. Это было время расцвета торговли. На севере славился своим рынком город Бяньцзин (ныне Кайфын). Многочисленное городское население требовало развлечений, зрелищ. Так возникает особая категория рассказчиков, «шошу», собиравших вокруг себя в чайных, закусочных толпы слушателей. Истории, которые они пересказывали, иной раз были такие длинные, что чтение их продолжалось нередко не один десяток дней подряд. Темы такого рода повествований были самые разнообразные: рассказы на исторические темы, любовные похождения, фантастические сказания, невероятные чудеса, совершаемые небожителями и оборотнями, приключения странствующих рыцарей, судебные процессы и казни, приводившие слушателей в трепет, всевозможные удивительные происшествия и события, слухи, до которых рыночная толпа всегда падка.

Все эти истории (разумеется, в устной интерпретации) имели законченный сюжет. Существовали подлинные художники, мастера «шошу», которые передавали свое искусство ученикам. Каждое новое поколение «шошу» дополняло рассказываемую историю новыми подробностями, изменяло и улучшало сюжет, обогащало язык, делало ее более совершенным, законченным художественным произведением. Впоследствии, с развитием книгопечатания, возникла идея записывать эти истории и издавать их для чтения. Начало этому было положено в XIII веке.

Сунская повествовательная литература была изустной, передаваемой от одного поколения рассказчиков к другому. А так как каждое новое поколение «шошу» по-своему передавало ту или иную историю, добавляло или переделывало ее, у нас есть все основания назвать это творчество коллективным, так как имена авторов до нас не дошли. Произведения повествовательной литературы, авторы которых нам известны, относятся уже к эпохе Мин (1368—1644 гг.). Это Ло Гуань-чжун, который собрал рассказы из истории Трех царств и создал на их основе большой роман «Троецарствие». Это Ши Най-ань, собравший широко распространенные еще в Сунскую эпоху и горячо любимые народом истории о подвигах героев Ляншаньбо, участников революционной крестьянской войны, и создавший роман «Речные заводи». Это У Чэнь-энь, который собрал передававшиеся из поколения в поколение легенды о паломничестве танского монаха Сюань Чжуана в Индию за священными книгами и составил на их основе роман «Путешествие на Запад». Это Фын Мэн-лун, собравший и обработавший 120 коротких новелл, передававшихся из уст в уста на протяжении более трехсот лет (некоторые из этих новелл написаны им самим).

По тематике эти произведения повествовательной литературы тоже весьма разнообразны, в них широко показана жизнь того времени, быт и нравы людей, выведены характеры героев. Однако и «История Трех царств» («Троецарствие»), и «Речные заводи», и «Путешествие на Запад» были созданы на уже готовой основе. Конечно, Ло Гуань-чжун и другие авторы самим фактом составления названных произведений совершили творческий подвиг, вызывающий восхищение и по сей день. Но нельзя не признать, что в основе своей эти замечательные памятники нашей литера-

* Пьеса Ван Ши-фу «Западный флигель» известна советскому зрителю под названием «Пролитая чаша».

туры представляют собой плод коллективного творчества многочисленных безыменных авторов.

Первым, уже самостоятельным произведением, появившимся на грани XVI—XVII вв., был роман «Цзинь Пин Мэй», в котором автор изобличает преступления деспотического класса помещиков. Нам неизвестно имя автора этого замечательного произведения. Одно время существовала версия, будто авторство романа принадлежит весьма влиятельному и одаренному писателю Минской эпохи Ван Ши-чжэну, одному из «семи последних» поборников возрождения «гувэня», однако реальными доказательствами этого мы не располагаем.

В период господства в Китае маньчжурской династии Цин реалистический роман делает новый шаг вперед. Все крупнейшие произведения этого периода созданы известными авторами, причем их содержание впервые нашло четко выраженные литературные формы. Это Пу Сун-лин с его короткими новеллами «Ляо-чжай чжи-и» («Рассказы о людях необычайных»), написанными на старом литературном языке «вэньянь», У Цзинцзы — автор романа «Жулинь вайши» («Неофициальная история конфуцианцев») и Цао Сюэ-цинь — автор романа «Хунлоумын» («Сон в красном тереме»). Появление их относится ко второй половине XVI в. и первой половине XVII века. Собственно, с этого и начинается развитие повествовательного жанра, так как в последующее время число романов и новелл, написанных на разговорном языке «байхуа», показывающих человеческие чувства, остро изобличающих темные силы общества, с каждым годом возрастает. Ограниченные размером статьи, мы просто не в силах назвать даже небольшую долю этих произведений.

3. «ДВИЖЕНИЕ 4 МАЯ» — ЯНЬАНЬСКОЕ СОВЕЩАНИЕ ПО ВОПРОСАМ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА — КУРС «ПУСТЬ РАСЦВЕТАЮТ СТО ЦВЕТОВ, ПУСТЬ СОПЕРНИЧАЮТ СТО ШКОЛ».

Орудийные залпы Великой Октябрьской революции донесли до Китая идеи марксизма-ленинизма. Октябрьская революция указала китайскому народу путь борьбы. Эта борьба китайского народа против империалистической агрессии и господства феодалов-милитаристов, начиная с 1919 года, с каждым днем все более обостряется; рабочий класс начинает крепить в этой революционной борьбе свои силы, завоевывать гегемонию. В области культуры эта классовая борьба нашла отражение в известном «движении 4 мая», движении за новую культуру.

Такое название движения за новую культуру связано с патриотической демонстрацией 4 мая 1919 года в Пекине, во время которой массы решительно выступили против империалистической агрессии и предательской политики своего правительства. Однако в действительности это движение началось годом-двумя ранее и уже тогда встретило горячую поддержку со стороны учащейся молодежи. Начало ему было положено обсуждением вопросов, связанных с реформой литературного языка (то есть вопросов создания произведений не на мертвом «вэньяне», а на живом «байхуа», основанном на нормах разговорной речи). В ходе этого обсуждения была выдвинута и новая, критическая точка зрения в отношении феодальной идеологии вообще, придававшая совершенно конкретные формы движению против «людоедского воспитания». Это был первый в истории Китая конфликт между «отцами и детьми», всколыхнувший все общество.

Одним из требований «движения 4 мая», движения за новую культуру было требование укреплять и развивать реалистические традиции китайской литературы. Однако по характеру политических идей, которые вкла-

дывались в это требование, оно шло далеко вперед в сравнении с любым периодом нашей прошлой истории, поскольку в нем совершенно отчетливо было выражено антиимпериалистическое и антифеодальное содержание.

Первыми зачинателями движения за новую культуру были представители той части интеллигенции, которые прониклись коммунистическими идеями; среди них значительную прослойку составляли выходцы из революционной мелкобуржуазной интеллигенции — и, естественно, буржуазная интеллигенция. Последняя вполне удовлетворялась реформой литературного языка и не возражала против замены «вэньяня» разговорным «байхуа» в качестве языка художественной литературы. С развитием движения за новую культуру в его рядах начинается расслоение. Буржуазная интеллигенция сперва обратилась в бегство, потом она все больше правела, пока отдельные ее представители, например Ху Ши, окончательно не перешли в лагерь контрреволюции. Вот тогда-то движение за новую культуру вступает в новый для него этап — этап движения за революционную литературу, осуществляемого под идейным руководством Коммунистической партии Китая — авангарда рабочего класса; целью этого движения было распространение идей социализма и демократии. Началась ожесточенная борьба против всех и всяких реакционных и правооппортунистических идей и взглядов.

Знаменосцем движения за революционную литературу был в этот период Лу Синь; и эта борьба, продолжавшаяся всю его жизнь, составляла основное содержание литературной жизни Китая в двадцатые и тридцатые годы. О самом Лу Сине и общем положении в китайской литературе в то время советские люди знают достаточно хорошо, поэтому нет необходимости подробно останавливаться здесь на этом вопросе.

За двадцать с лишним лет, от «движения 4 мая» до войны против японских империалистов, движение за создание китайской революционной литературы проходило под идейным руководством Коммунистической партии Китая и развивалось по пути социалистического реализма. Это доказывается деятельностью и успехами «Лиги левых писателей» (1930—1935 гг.), творчеством Лу Синя в последние годы его жизни, творчеством многих других замечательных писателей. Однако перед прогрессивными писателями (почти все они были выходцами из среды мелкой буржуазии) стоял ряд коренных вопросов теории и практики, ясного ответа на которые они не имели, и это задерживало успешное движение вперед по пути социалистического реализма. И вот, в 1942 году в Яньани созывается совещание по вопросам литературы и искусства, на котором с большой речью, получившей широкую известность, выступил председатель Мао Цзэ-дун. На этом совещании впервые в истории Китая были последовательно и систематизированно разрешены важные, имеющие исключительное значение вопросы о связях литературы и искусства с политикой, об отношении литературы и искусства к жизни и борьбе масс, об идеологическом перевоспитании писателя и повышении художественного уровня его творчества, о доступности литературы и искусства. Проанализировав конкретную обстановку в Китае, товарищ Мао Цзэ-дун указал в своем выступлении, что литература и искусство должны служить народу, прежде всего рабочим, крестьянам и солдатам. Для достижения этой цели работники литературы и искусства должны последовательно переделывать себя, принимая непосредственное участие в реальной революционной борьбе масс. Только в этом случае новые литература и искусство могут действительно стать могучим средством воспитания масс, могучим идейным оружием в борьбе с непролетарской идеологией.

Со времени яньаньского совещания прошло пятнадцать лет. За эти годы в мировоззрении и мироощущении работников литературы и искусства произошли огромные изменения. Они учились марксизму-ленинизму,

они прошли испытание в огне революционной борьбы масс, в которой самоотверженно участвовали как рядовые бойцы, они закалились в массовых политических кампаниях, находясь в тесном контакте с крестьянами, рабочими и бойцами народной армии. За эти пятнадцать лет — срок сравнительно небольшой — был создан ряд замечательных произведений литературы, совершенно новых и по форме и по содержанию, посвященных подвигам народных героев в революционной борьбе Китая, новым людям и новым делам в строительстве социализма.

Но идеологическое перевоспитание китайской интеллигенции, вышедшей из буржуазной и мелкобуржуазной среды,— процесс очень длительный и очень сложный. Совсем недавно товарищ Мао Цзэ-дун в своей речи по вопросу о правильном разрешении противоречий внутри народа указывал: «Хотя широкие массы интеллигенции уже добились прогресса, они не должны из-за этого предаваться самодовольству. Для того чтобы быть полностью на уровне требований нового общества и сплотиться воедино с рабочими и крестьянами, интеллигентам необходимо продолжать перевоспитывать себя, постепенно отбросить буржуазное мировоззрение и формировать в себе пролетарское, коммунистическое мировоззрение. Перемена мировоззрения — это коренная перемена. Нельзя сказать, что в настоящее время большинство интеллигентов уже завершило эту перемену. Мы надеемся, что наша интеллигенция будет продолжать идти вперед и в ходе своей работы и учебы будет постепенно формировать в себе коммунистическое мировоззрение и постепенно осваивать марксизм-ленинизм, что она постепенно сольется воедино с рабочими и крестьянами, не будет останавливаться на полпути и тем более не будет отступать назад, так как отступление назад бесперспективно». Разумеется, интеллигенция, о которой здесь идет речь, включает в себя также и работников литературы и искусства. Для них особенно важно сейчас постепенное формирование коммунистического мировоззрения, поскольку задача работников литературы и искусства состоит в том, чтобы своими художественными произведениями воспитывать народ в духе социализма.

В июне прошлого года Коммунистическая партия Китая выдвинула курс «пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ». В той же речи по вопросу о правильном разрешении противоречий внутри народа товарищ Мао Цзэ-дун указывал: «...призывы «пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ»... были выдвинуты на основании конкретной обстановки в Китае, они были выдвинуты на базе признания того, что в социалистическом обществе все еще существуют различные противоречия, они были выдвинуты на основании насущных требований государства, нуждающегося в быстром развитии экономики и культуры. Курс «пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ» стимулирует развитие искусства и прогресс науки, стимулирует процветание социалистической культуры в нашей стране». Из этого можно видеть, что курс «пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ» нисколько не противоречит курсу партии, направленному на продолжение идеологической перестройки сознания интеллигенции. Больше того, именно проведение его в жизнь будет способствовать расцвету и дальнейшему развитию нашей социалистической культуры, поэтому широкие массы интеллигенции (в том числе и работники литературы и искусства) должны продолжать и расширять работу по перестройке своего сознания. Если говорить непосредственно о литературе, то курс на «расцвет ста цветов» направлен на то, чтобы мы с еще большей энергией овладевали методом социалистического реализма и ни в коем случае не ослабляли своих усилий. Врагами социалистического реализма являются догматизм и ревизионизм, и вряд ли нужно утверждать, что в Китае их сегодня уже нет. Наоборот, они есть, поэтому

мы, последовательно осуществляя принятый партией курс, должны решительно бороться с догматизмом и ревизионизмом, особенно с ревизионизмом, вред которого исключительно велик.

Иногда люди сомневаются: как же быть, если наряду с «расцветом ста цветов» начнут цвести и ядовитые травы? Где тот критерий, с помощью которого можно отличить ароматные цветы от сорных трав?

В упоминаемой речи товарища Мао Цзэ-дуна уже дан ответ на эти два вопроса. Для экономии места, я приведу здесь выдержку из этого доклада, в котором сформулированы шесть положений, могущих служить критерием для отличия сорных ядовитых трав от ароматных цветов. Эти положения следующие: «1. благоприятное для сплочения всего народа нашей многонациональной страны, а не вызывающее раскол в народе; 2. благоприятное для социалистических преобразований и социалистического строительства, а не вредное для социалистических преобразований и социалистического строительства; 3. благоприятное для укрепления демократической диктатуры народа, а не подрывающее или ослабляющее эту диктатуру; 4. благоприятное для укрепления демократического централизма, а не подрывающее или ослабляющее эту систему; 5. благоприятное для укрепления руководства Коммунистической партии, а не ведущее к отходу от такого руководства или к его ослаблению; 6. благоприятное для международной социалистической солидарности и международной солидарности всех миролюбивых народов, а не наносящее ущерб этим двум видам солидарности». Работники литературы и искусства Китая горячо поддерживают курс «пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ», ибо твердо верят в то, что он, в полном соответствии с конкретной обстановкой Китая, способствует расцвету и развитию нашей социалистической литературы и нашего социалистического искусства; работники литературы и искусства Китая горячо одобряют шесть положений, выдвинутых партией для отличия ароматных цветов от ядовитых трав, ибо эти положения вполне соответствуют интересам Китая и вполне отвечают духу нашей конституции.

4. КУЛЬТУРНЫЙ ОБМЕН

Разрешите мне в конце, воспользовавшись представившимся случаем, сказать несколько слов о необходимости и взаимной выгоде для нас культурного обмена.

Китайский народ высоко ценит и любит свою национальную культуру, вместе с тем он высоко ценит и любит замечательную культуру всех других народов. Наш народ не только радостно воспринимает в литературе и искусстве других стран все здоровое, прекрасное, полезное для духовной жизни народа, но и с большой охотой учится у них, берет у них все лучшее, чтобы привить у себя.

История развития китайской культуры за три тысячелетия знает множество примеров, подтверждающих интерес китайского народа к культурному обмену с другими народами и его отношение к этому обмену. Это тоже хорошая китайская традиция. Когда мы говорим об истории развития литературы и искусства Китая, было бы несправедливо не сказать, как мы воспринимали все лучшее, что создавалось в области литературы и искусства другими народами, как освежало оно нашу плоть и кровь.

Приведу несколько примеров. Еще во времена Ханьской династии Китай поддерживал культурные связи с народами Индии и государств Средней Азии, наши предки посещали друг друга, знакомились, перенимали друг у друга хорошее, полезное для себя. Мы очень давно познакомились и с другими соседями. Этот культурный обмен оказал глубокое влияние на нашу литературу,

живопись, скульптуру, музыку. В нашей истории записаны многочисленные факты такой великой дружбы и культурного обмена. В свою очередь, китайская культура оказывала влияние на каждом историческом этапе на развитие культуры соседних с нами народов.

Выше я уже рассказал, например, как в Сунский период нашей истории возник новый литературный жанр — повествовательная литература городских слоев населения. Прообразом этого литературного жанра была своеобразная форма сочинения — «бяньвэнь», возникшая еще в эпоху Тан. Сочинение в форме «бяньвэнь» представляло собой чередование стихов и прозы в одном небольшом произведении с законченным сюжетом. Эти сочинения воспроизводили главным образом различные истории из буддийских священных книг. Естественно, что на этот жанр оказали влияние буддийские религиозные трактаты. В области живописи и скульптуры мы также испытали большое влияние буддийского искусства. Особенно сильным было зарубежное влияние на нашу музыку; в эпохи Суй и Тан изучение музыки соседних с нами народов приняло весьма широкие размеры; впоследствии музыкальная культура других народов даже слилась с китайской национальной музыкой, она стала как бы ее составной частью, обогатила и расширила рамки китайской музыкальной культуры.

Культурный обмен нашей страны со странами Западной Европы начинается со второй половины XIX в., однако широкое ознакомление с европейской литературой и искусством относится уже к концу XIX в. В эти же годы наш народ начинает знакомиться с классической русской литературой. Лу Синь рассказывал, что интерес к литературе вообще и к литературному творчеству в частности он почувствовал после того, как еще в раннем возрасте (это были годы последней императорской династии Цин) стал изучать русскую классику, которая открыла ему глаза на то, что в мире существуют два рода людей — эксплуататоров и угнетателей, с одной стороны, и эксплуатируемых и угнетенных, с другой. Эти слова Лу Синя объясняют нам, почему после «движения 4 мая» чтение и изучение русской художественной литературы приняло в Китае такие широкие размеры.

Достаточно показать это на одном небольшом примере. В 1921 году (то есть на втором году «движения 4 мая») издававшийся в Шанхае литературный ежемесячник «Сяошо юэбао» выпустил специальный номер, посвященный русской литературе. В истории китайской периодики это был первый случай, когда целый номер журнала был посвящен популяризации литературы какой-нибудь другой страны. В этом номере (довольно объемистом, он насчитывал около 500—600 тысяч иероглифов, то есть более 60 печатных листов) было помещено 20 статей обзорного характера о русской литературе и искусстве, 27 произведений художественной литературы, в том числе рассказы и стихи, написанные уже после Октябрьской революции; даны четыре обстоятельные статьи справочного характера в помощь изучающим литературу. Будучи в то время главным редактором «Сяошо юэбао», я имел возможность принимать непосредственное участие в подготовке этого номера, и это доставляло мне истинную радость. Но досадно то, что в силу целого ряда объективных обстоятельств мы не смогли избежать многих недочетов. Так, нам не удалось всесторонне осветить характер русской литературы, из-за недостатка материала мы очень мало показали нашему читателю произведений именно послеоктябрьского, советского периода. И все же следует сказать, что этот номер журнала «Сяошо юэбао» сыграл свою роль в деле популяризации русской литературы в Китае.

Вслед за тем переводы произведений русских классиков на китайский язык стали выходить у нас систематически. Переводились также (с рус-

ского и других языков) выдающиеся произведения советской литературы. Лу Синь, например, перевел на китайский язык «Разгром» А. Фадеева, Цао Цзин-хуа перевел «Железный поток» А. Серафимовича — а ведь это было всего лишь двадцать лет тому назад. Зато в течение трех лет перед образованием Китайской Народной Республики, по далеко не полным данным, в нашей стране было издано в переводе на китайский язык 376 произведений классической русской и советской литературы (в том числе и несколько книг по вопросам литературоведения и критики). Правда, это количество невелико, однако нужно вспомнить, что это было время господства реакции, когда издание переводов русской литературы было делом опасным, сопряженным с рядом трудностей. Издание переводов русской и особенно советской художественной литературы подвергалось в то время жестокой цензуре, более того: над издателем постоянно висела угроза тюремного заключения, за чтение советской литературы люди подвергались преследованиям и гонениям со стороны властей и тайной полиции.

Разумеется, с созданием Китайской Народной Республики все это резко изменилось. Изучение передового опыта Советского Союза (опыта советской литературы и искусства в том числе) всемерно поощряется и поддерживается Коммунистической партией и народным правительством. Китайский народ горячо откликнулся на призыв партии и правительства изучать опыт Советского Союза. С 1949 по 1956 год мы перевели на китайский язык и издали в общей сложности 2683 произведения классической русской и советской художественной литературы, общим тиражом в 67.630 тысяч экземпляров. Правда, эти цифры говорят лишь об одной стороне дела.

Отнюдь нельзя считать случайным, что наши работники литературы и искусства, весь наш народ так горячо любят литературу и искусство СССР. Прежде всего, это естественный результат великой и нерушимой дружбы между нашими народами, единства целей в строительстве социалистического общества и самого духа строительства. Передовой опыт сорока лет строительства социализма в Советском Союзе исключительно ценен для нас. В области литературы и искусства мы стремимся изучать все лучшее, что дал каждый народ, но сегодня для нас первейшей и главной задачей является учеба у нашего великого союзника — Советского Союза. Учась у советской литературы, мы углубляем и расширяем наши представления о социалистическом реализме, все более успешно овладеваем этим самым лучшим и самым сильным творческим методом. Через советскую литературу мы учимся высоким коммунистическим моральным качествам советского народа и великому духу пролетарского интернационализма.

Пусть же советская социалистическая литература и искусство еще больше расцветают и развиваются, пусть укрепляется и развивается дело китайско-советского культурного обмена, дело братской дружбы между народами Китая и Советского Союза.

Пожелаем нашим работникам литературы и искусства и нашим уважаемым друзьям — работникам литературы и искусства СССР внести своими произведениями новый, еще более важный вклад в дело укрепления и сплочения всех стран социалистического лагеря, в великое дело защиты мира во всем мире.

Пекин, 12 июля 1957 г.

Го Мо-жо

Стихи

ГОДОВЩИНА СТРЕМИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ ВПЕРЕД

(17 сентября 1950 г.)

Перед вратами Тяньаньмынь — бушующее море,
И крики радости растут, как волны на просторе,
И солнце раннее встает, над площадью сияя,
Где Декларации слова слились в могучем хоре.

Тебе сегодня ровно год, отчизна молодая,
Ты видишь только утра свет, свой день лишь начиная,
Но необъятней этот срок, чем возраст великана,—
Чем тысячи угрюмых лет истории Китая.

Да! — Этот год мы лишь вперед стремились неустанно,
Был изгнан враг из Гуанси, Гуйчжоу и Синьцзяна,
Над Гуандуном запылал багряный стяг свободы,
Мы до вершин Памира с ним дошли от океана.

В единый лагерь сплочены великие народы,
Страна Советов и Китай — как сплав одной породы,
И в мире побеждает мир, и враг ему не страшен.
Да! — Этот год был непохож на все другие годы.

Законы новые врагам грозят суровой карой,
Раздавлен феодальный строй, опора власти старой,
Страны хозяевами став, растут простые люди,
Чей труд погасит навсегда преступных войн пожары.

Китаю много тысяч лет, никто их не забудет,
Но необъятней этот год. Он был суров и труден,
Но мы свершили первый шаг, в грядущее вступая,
И вся история для нас пусть лишь началом будет.

Отныне, каждый новый год веками измеряя,
Вперед стремится весь народ великого Китая,
Мао Цзэ-дуна вьется стяг, над головой пылая,
И Декларации слова гремят не умолкая!

Перевод с китайского Юрия Александрова

ПОДБАДРИВАЮ ДРУЗЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ РАБОТЫ

(1 мая 1923 г.)

Друзья мои, тоска нам ни к чему,
не нужно горевать и убиваться!
Сейчас наш долг — разрушить этот замок,
источник бесконечных злодеяний!

Да кто ж из нас при этом строе может
своим трудом спокойно заниматься?
Нам лишь, как псам, ошейник надевают,
чтобы буржуям мы служили верно!

Друзья мои, нам радоваться нужно,
что мы стремление к свободе сохранили!
Что жажду мы свободы сохранили
еще, друзья, нам радоваться нужно!

И если даже мы пока не в силах
проклятый этот замок уничтожить,
Мы все равно пойдем на гору вместе —
ведь лучше взявшись за руки идти!

Друзья мои, тоска нам ни к чему,
не нужно горевать и убиваться!
Воспряньте ж духом, поклянемся ныне,
что замок заколдованный разрушим!

Перевод с китайского С. Марковой

ВЕРБЛЮД

Корабль пустыни! В темноте
Ты, как живучая гора,
Высоко голову подняв,
Всю ночь шагаешь до утра,
Усталых путников ведя
К огням рассветного костра.

А если буря налетит,
Взвивая пыльное крыло,
Прижмутся путники к тебе,
Пока беду не пронесло.
О драгоценный дар судьбы,
Нам не забыть твое тепло!

Цветистой бабочкою сон
В душе проносится моей:
Свисают нежные плоды,
Шумит трава, бежит ручей.
И вместо выжженных пустынь
Колышется волна полей.

Смотри! Багряная заря
Горит полоскою сквозной.
Нас отдых ждет в конце пути,
В густой тени потонет зной,
И даже на краю земли
Найдем с тобою рай земной!

Пусть межпланетным кораблем
Рванемся в дерзостный полет,
Пусть управляемый снаряд
Стрелою чертит небосвод,
В пустыне всех дороже ты —
Шагай вперед! Всегда вперед!

Перевод с китайского Сергея Северцева

«ТАМ, ГДЕ НЕ СТУПАЛА НОГА ЧЕЛОВЕКА».

Гравюра китайского художника Лян Юн-тая.

Сюй Хуай-чжун

Мы сеем любовь

РОМАН

Перевод с китайского А. Клышко, Ю. Луговского, А. Файнгара.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Стояла ранняя осень. Впрочем, времена года мало различаются на Тибетском плоскогорье: горы всегда покрыты толстым слоем снега, а снег всегда искрится на солнце так, будто скрывает под собой не твердый гранит, а прозрачный хрусталь.

И все-таки стояла ранняя осень: деревья на склонах гор сбросили листву и оголились, степь стала темнобурого цвета.

Лэй шел по степи и время от времени ковырял землю — издали могло показаться, что он собирает корни женьшеня. Шедший сзади Цзы-хуан отчетливо видел, что Лэй не находит ничего стоящего. Просто он подбирал разноцветные кусочки глины и аккуратно завертывал их в маленькие бумажные пакеты. Такое занятие никогда не вызывало никакого интереса у Цзы-хуана, и поэтому он равнодушно спросил:

— Ну, какая она, по-твоему, эта земля?

— Нет плохой земли, есть лишь плохая обработка,— торжественно ответил Лэй и тут же, немного смутившись, добавил: — Конечно, не я пришел к такому выводу, а Вильямс.

— Кто?

— Вильямс, советский почвовед.

Цзы-хуан промолчал. Лэй наполнил землей последний пакет — дело сделано,— взвалил на плечи плащ-палатку, и они вместе пошли к реке умываться.

— Смотри, смотри! — воскликнул вдруг Лэй приглушенным голосом и протянул руку.

В излучине реки, у северного склона горы, садилась стая гусей. Лэй с радостным любопытством глядел на них. Никогда прежде он не видел диких гусей, сидящих на земле, и сегодня испытывал к ним какое-то трогательное чувство. Ведь дикий гусь, говорят старики, не простая птица, а верный и надежный посол, несущий вести влюбленным.

Лэй попытался, совсем по-мальчишески, крадучись приблизиться к гусям. Он был, однако, излишне осторожен. Даже когда он подкрался почти вплотную, гуси продолжали сидеть спокойно. Лэй изумился. Он не знал, что тибетцы всех пернатых считают «небесными духами» и никогда

никто из тибетцев не причинит вреда птице, даже если она сядет посреди шумной городской улицы.

— Гляди. Они не боятся меня! — Лэй не отрываясь смотрел на ближайшую к нему птицу.— Совсем не боятся, словно мы старые знакомые!

— Вполне возможно, что знакомые! — насмешливо отозвался Цзы-хуан и добавил: — Идем, пора, однако, возвращаться!

Но Лэй увлекся.

— Подожди,— настаивал он,— ведь это очень интересно! Как сверкают их перышки! А хвост? Почти как у утки. А на картинках их часто рисуют без хвоста!..

— Ну ладно, пошли. С хвостом, без хвоста — гусь как гусь... Лучше бы ты побольше занимался своим делом...

Это неожиданно прорвавшееся откровенное недовольство слегка задело Лэя, но он пересилил себя и сказал деловым тоном:

— Действительно, мне надо еще многому учиться. Я уже думал об этом. Но тогда необходимо отправиться в Китай. Отпустишь?

Цзы-хуан недовольно посмотрел на него, ничего не ответил и, повернувшись, пошел. Лэй взвалил на плечи мешок, поднял котел для варки пищи и молча двинулся за ним. Цзы-хуан, не поворачивая головы, спросил:

— Ты давно из дому?

— Четыре года.

— Эх, четыре года! А я три раза по четыре — двенадцать лет, но еще и не думаю об отпуске.

— Вот ты о чем! Но и я не собираюсь домой. Меня беспокоит эта земля. Нужен анализ.

— Анализ?

— Да. Это можно сделать в управлении лесоводства и земледелия. Или в Сычуаньском университете. Но лучше всего — в Сельскохозяйственной академии в Пекине. Я там знаю профессора Ляо. Я, правда, никогда его не видел, но мы давно переписываемся, и, если можно так выразиться, я его «аспирант-заочник». Мы вместе проделали бы анализ этой земли.

У Цзы-хуана рот скривился в усмешке.

— Анализ? Звучит по-ученому! Но разве можно делать анализ земли? Что в ней анализировать? — и с оттенком издевки в голосе Цзы-хуан закончил: — Разве не ты говорил только что: «Нет плохой земли!» Ну, а поскольку ее нет...

— Но почву-то знать надо? — разгорячился Лэй.— Каков, например, процент ее кислотности? Засоленности? Какие удобрения применять? И, главное, что на этой земле следует сеять? На все это можно ответить только после изучения почвы.

Цзы-хуан махнул рукой.

— Ну, если нельзя без анализа, то... я подумаю, подумаю. Поговорим потом. Ты только не поднимай паники. Во время антияпонской войны я руководил в Тайсиньшане отрядом покорителей целины. Но у нас не было времени выяснять, соленая или кислая была там земля!

Лэй окончательно возмутился.

— Да пойми ты, у нас ведь агростанция! И начальник станции ты. Конечно, поеду я или нет — все зависит от тебя. Но как агротехник я буду требовать у начальника либо поездки, либо приборов. Не пробовать же землю на язык!

— Приборы?

— Приборы!

— Гм, при-бо-ры!..

Они больше не произнесли ни слова. Оба шли, опустив головы, сторонясь друг друга, как чужие; Цзы-хуан — очень быстро (привычка

людей, долго служивших в армии). Лэй заметно отставал. Расстояние между ними все увеличивалось.

Узенькая тропинка увела Цзы-хуана в прохладный еловый лесок, куда не проникали лучи солнца. Здесь постепенно он начал отходить. Собственно, он вовсе не собирался препятствовать отъезду Лэя. Лэй очень способный и вполне добросовестный юноша. А сердился Цзы-хуан на него просто из-за скверного настроения. Как только Цзы-хуан вспоминал, что он — начальник агростанции, настроение у него всегда портилось. Чертовски трудно работать! В свое время Цзы-хуан был начальником тыловой службы в штабе дивизии, но там он чувствовал себя гораздо лучше, чем здесь, на этой маленькой агростанции! В общем одновременно с должностью начальника станции на его плечи свалилась вся степь. А это очень тяжкий груз! Если бы на его место поставить человека более способного, тот бы, возможно, справился. Цзы-хуан частенько подумывал об этом. Собственно говоря, позавчера он даже подал в партийный комитет заявление с просьбой отпустить его. Однако не таков Су И, чтобы зря отпускать людей.

Подумав об этом, Цзы-хуан живо представил себе секретаря: Су И на вид было за сорок, он начинал толстеть и лысеть, а его усталые и озабоченные глаза странно противоречили веселой повадке, которая свойственна секретарю в обращении с людьми. На месте ему не сиделось, он был постоянно на ногах. Вот и при последней встрече Су И встал и протянул Цзы-хуану индийскую сигарету:

— Не куришь? И хорошо делаешь — этот табак дерет горло, как перец, да и дороговат. Ну ничего, вот откроется торговая компания, закурим «Дачжунхуа»!

Цзы-хуан хмуро молчал. Не о сигаретах он пришел разговаривать. И секретарь отлично понимал это. Наконец, беседа повернула в нужное русло. Цзы-хуан не стал кривить душой.

— Боюсь, что не справлюсь,— прямо сказал он,— и, кроме того, сомневаюсь в пользе агростанции. По-моему, без нее вполне можно обойтись...

Но секретарь сразу резко прервал Цзы-хуана. Как это он тогда сказал? Ах, да...

— Работа,— сказал Су И,— еще и не началась, а ты уже боишься, что не справишься?

Цзы-хуан начал высказывать свои соображения. Он ничего не скрыл. Он рассказал о том, как работники только что созданной агростанции терпеливо обходили буквально каждый дом, чуть ли не умоляли каждого тибетца поднимать целину. Обещали им любую поддержку. «За плотиной,— говорили работники станции,— целинная земля. Кто поднимет ее, тому она и будет принадлежать. Ни арендной платы, ни налогов!»

Сначала это как будто производило впечатление. Горцы отвечали: «Хорошо! Идет!». Но на другой день приносили мешок ржи. Цзы-хуан отказывался, давали полпакета чаю. Другие приносили огромный кусок ткани и даже полную горсть соли. А случались и совсем бесстыдные люди — смеялись прямо в глаза, а затем предлагали за землю девушку.

— Ты только послушай, Су И,— объяснял Цзы-хуан,— ведь это же нарочно, в насмешку...

Но Су И почему-то не согласился с Цзы-хуаном.

— Кто знает? — задумчиво сказал он.— Может быть, они просто не могут понять, что мы о них заботимся? Думал ты об этом?

Нет, Цзы-хуан был другого мнения.

— У них просто нет никакого интереса к земле,— заявил он.— И потом — они ленивы. Это в национальном характере тибетцев!

Су И, все время ходивший по комнате, даже остановился.

— Не слишком ли ты торопишься с выводами? — секретарь холодно улыбнулся; в глазах его Цзы-хуан вдруг уловил строгость и решительность.— Ты ведь говоришь не об одном человеке, а о целом народе! И, пожалуйста, держи язык за зубами. Чтобы ни один человек не знал об этом твоем «открытии». А сейчас самое главное...

Тут воспоминания Цзы-хуана неожиданно были прерваны. Из-за деревьев вдруг появился человек в набедренной повязке из бараньей шкуры. Он вырос перед Цзы-хуаном мгновенно, заградив собой узенькую лесную тропинку. Он был довольно крепкого сложения, хотя и очень худ — на груди отчетливо выступали ребра. Лицо, плечи, руки покрывал густой слой грязи. Глубоко сидящие глаза смотрели в упор на Цзы-хуана. Мускулистая рука сжимала рукоятку ножа.

Цзы-хуан невольно потянулся к поясу и тут же почувствовал, как на лбу выступил холодный пот: за поясом ничего не было, уходя из армии, он сдал оружие. Цзы-хуан успел крикнуть:

— Что тебе нужно? Чего ты хочешь?

Человек не ответил. Медленным, казалось, неловким движением он вытащил из ножен длинный сверкающий нож. И вот клинок блеснул в воздухе...

2

Люди с агростанции, все без исключения, жили в темных, сырых, заплесневелых землянках, хотя им и были обещаны двухэтажные дома и в них каждому — по отдельной комнате, а семейным — даже котлы для варки пищи.

Так говорилось, когда их направляли сюда. А оказалось, что тибетцы из окрестных деревень живут лучше и из жалости предлагают добровольно освободить для них половину соломенных домиков. Но, боясь уронить престиж агростанции, никто из сотрудников не торопился с переездом. Зато конюшня агростанции была выстроена на зависть всем: высокая, светлая, просторная, с круглыми окнами, с запирающимися дверьми и дощатым потолком, покрытым соломой и обмазанным глиной, а стены оштукатурены. Если бы не кормушки и стойла — прямо-таки приличный дом! Когда эта «императорская конюшня» строилась, она вызывала живейшее любопытство у жителей ближних гор.

Вдохновителем строительства конюшни был ветеринар Мяо Кан. Что касается Цзы-хуана, то на конюшню он не хотел тратить ни одного мао*, а на смете, составленной ветеринаром, наложил резолюцию: «Отложить»,— но это нисколько не охладило Мяо Кана. Он не уставал повторять, что люди, даже в очень трудных условиях, могут сами о себе позаботиться, а скот, на который не обращают внимания, обречен на гибель. И он сумел перетянуть на свою сторону членов союза молодежи. А среди них была и дочка секретаря Су И — Линь Юань.

Линь Юань просто увлеклась этим строительством. И вовсе не оттого, что ее, метеоролога, интересовала конюшня, а потому, что если за конюшню был Мяо Кан, значит это действительно важно!

Линь Юань подошла к конюшне. Казалось, она вовсе не собиралась заглядывать туда, а направлялась в бухгалтерию. Но, подойдя к конюшне, она открыла окно и заглянула внутрь.

Мяо Кан стоял у стойла и кистью писал иероглифы на маленькой дощечке. Волосы падали ему на глаза, но он был всецело поглощен работой и ничего не замечал. Линь Юань молча глядела на него. В открытое окно, должно быть, ворвался ветерок и донес до Мяо Кана дыхание девушки. Он оглянулся:

---

* Мелкая монета (*кит.*).

— А, Линь Юань! В чем дело?

— Да так, ни в чем; я думала здесь нет никого — дверь открыта. Может быть, забыли запереть? — она тут же сообразила, что стоит вовсе не у двери, а у окна, и поспешно добавила: — В конюшне надо повесить градусник, я думаю, начальник станции согласится. Но где же его лучше повесить?

— Да ты зайди сюда!

Линь Юань вошла в конюшню, притворяясь, что пытается взглядом измерить высоту стены:

— Надо, пожалуй, подальше от дверей вешать, а то могут разбить. А что ты делаешь?

— Пишу таблички. Для каждой лошади будет своя табличка.

Линь Юань с тайной гордостью взглянула на юношу. Нет, он не такой, как все, всегда заранее продумает каждую мелочь! Она подошла поближе и, опершись о каменную кормушку, стала смотреть, как пишет Мяо Кан. Густые линии туши оставались на том месте, где он проводил кистью, тушь быстро пропитывала доски и тускнела. Когда он заканчивал одну табличку, Линь Юань забирала ее и подавала другую. Глядя на то, с какой серьезностью она относится к табличкам, можно было подумать, что эту работу надо обязательно делать вдвоем. Но, несомненно, будь здесь третий, работа бы не так интересовала ее.

Надо сказать правду: Линь Юань заметила Мяо Кана с первой минуты знакомства.

Было это так: она полоскала белье в реке и вдруг сзади услышала голос:

— Товарищ! Позвольте спросить...

Она оглянулась. Перед ней стоял молодой человек с чемоданом в руках. Он был высок, хорошо сложен и одет в тот серый костюм, который обычно носят в Китае. Строгое, но вместе с тем слегка женственное лицо. Звонкий, приятный голос.

— Где-то здесь должен быть государственный кооператив. То есть, простите, агростанция. Не знаете?

И, как это ни странно, сердце Линь Юань радостно дрогнуло.

— Здесь, здесь,— торопливо ответила она.— Вы к нам на работу?

— Да,— сказал молодой человек, внимательно оглядывая девушку.

Тогда ей захотелось испытать его.

— Вот — станция!

Он посмотрел туда, куда она показала рукой, и увидел покосившиеся, замшелые землянки. В воздухе описывал круг ястреб.

— Не ожидали, что агростанция такая? — спросила она прямо.

— Почему же? Ожидал. Я приехал сюда по собственному желанию!

У Линь Юань вторично дрогнуло сердце: по ее мнению, молодой человек испытание выдержал.

— Подождите минутку, нам по пути,— приветливо крикнула она,— я уже все выстирала!..

Будем справедливы: Линь Юань каждого вновь прибывшего встречала с тем острым интересом, с каким бойцы встречают подкрепление, подоспевшее на передний край. Но сейчас ей хотелось просто поговорить с молодым человеком. Впрочем, и он охотно отвечал на ее вопросы.

По специальности он врач-ветеринар, в прошлом году окончил техникум, а раньше учился на хирурга. Но быть ветеринаром намного труднее, не правда ли? Человек может рассказать, что у него болит. А животное? Тут все зависит от знаний, опыта и способностей ветеринара.

Эти слова произвели на Линь Юань огромное впечатление. Она решила, что сама судьба послала ей человека, отличающегося такой глубиной мыслей, такой целеустремленностью...

Можно ли с первого взгляда, после первого разговора полюбить человека? Линь Юань спросить об этом было некого. Но не все ли равно, что думают другие? Сама Линь Юань была уверена, что она полюбила. А Мяо Кан?

О, он был вовсе не глуп. Он отлично понимал, что покорил девушку, и это очень ему льстило. Только вот относился он к этому не слишком серьезно, пожалуй, даже легкомысленно. Ей нравится гулять с ним у реки? Пожалуйста, он никогда не отказывался от прогулок. Ему даже нравилось, когда их видели вместе. Он вообще любил вызывать в людях тайную зависть. Впрочем, своих чувств Мяо Кан никак не выражал. Он был приветлив со всеми и в том числе с Линь Юань.

Когда таблички были дописаны, выяснилось, что их надо прибить как можно выше. Иначе лошади дотянутся и их испортят. Мяо Кан хотел найти лестницу, но Линь Юань предложила:

— Зачем лестница? Ты наклонись, я взберусь к тебе на плечи, затем ты приподнимешься...

Она осторожно выпрямилась, стоя у него на плечах, и грудью прислонилась к стенке. В этот момент она почувствовала, как его горячие руки крепко обхватили ее колени. Его руки! Что это с ней? Она сейчас упадет...

Когда Линь Юань, объятая волнением, прибивала уже пятую табличку, кто-то крикнул с улицы:

— Линь Юань!.. Линь Юань!

Она была так поглощена своим занятием, что не сразу даже услыхала этот крик.

— Тебя зовут, почему не откликнешься? — негромко спросил Мяо Кан.

— Меня? В чем дело?

— Скорее, скорее! — донеслось с улицы.

Кто-то перепуганно объяснил:

— Ранили начальника станции!

Линь Юань спрыгнула с плеч Мяо Кана.

3

Су И тихонько приоткрыл дверь. Он думал, как и в прошлый раз, найти раненого Цзы-хуана в постели. Но на постели лежало только сложенное ватное одеяло.

Юэ-сян нарезáла овощи. Увидев гостя, она вытерла руки о фартук.

— Где Цзы-хуан?

— Ушел!

— Зачем же он встал? Ведь сегодня только пятый день...

— Вот именно. Врач сказал, что ему надо лежать две недели. Но он открыл окно, увидел, как ястреб схватил утку, взял ружье и вышел. Что я могла поделать?

Со скорбным видом она села у кровати и стала чинить одежду мужа. Клубок прыгал по кровати — руки ее ни на минуту не оставались без дела. И так бывало всякий раз, когда Су И приходил к ним: она вечно отчитывала мужа и в то же время нежно заботилась о нем. Эта сумрачная землянка всегда была чисто прибрана, и стоило Цзы-хуану усесться за крошечный столик, как перед ним появлялась горячая еда и дочерна зажаренный перец — его единственная слабость. На свою прическу и одежду Юэ-сян особенно обращала внимание тогда, когда подавала гостям чай. Она была еще молода и довольно красива, но постоянные заботы мешали ей помнить об этом.

Су И выпил две чашки чаю, безуспешно пытаясь утешить хозяйку. Затем он встал, собираясь идти. Юэ-сян быстро сказала:

— Подождите! Он слушает только вас!..

— У меня еще дела. Я, пожалуй, зайду в другой раз...

Юэ-сян знала, что он идет к Линь Юань. Этому самому занятому из всех занятых людей так редко удавалось проведать дочь! Юэ-сян не решилась его удерживать.

Утра стояли холодные, но к полудню на солнце становилось невыносимо жарко. Два часа дневного отдыха очень много значили для всех, и особенно для Линь Юань. Ночью ей приходилось дважды делать запись погоды. Боясь проспать, она всегда просыпалась до срока, потом долго не могла заснуть. Она хотела достать будильник, чтобы вставать вовремя, но начальник станции на ее заявлении наложил свою неизменную резолюцию: «Отложить».

Су И спустился в землянку, тихо подошел к кровати и посмотрел на дочь. Сейчас он был всего лишь отец: заснула, не сняв башмаков! Устала, легла не раздеваясь! Он хотел разуть ее, но побоялся разбудить. Пусть спит так. Она спала на боку, дыхание было очень ровным. Голова лежала на согнутой в локте руке. Кулачки были крепко сжаты, будто прятали от людей какую-то драгоценность. Одна косичка лежала на плече, другая змейкой извивалась на подушке. В уголках рта, как обычно, скрывалась улыбка. Наверняка ей снилось что-то прекрасное! Су И долго смотрел на нее и не мог отогнать от себя мысль, что она очень похожа на свою мать.

...Когда-то Су И, учитель истории, по возрасту почти не отличавшийся от своих старших учеников, и лучшая его ученица Линь И-нань влюбились друг в друга и вскоре поженились. Линь И-нань бросила занятия музыкой, хотя ей и прочили замечательную будущность, и стала учительницей в той же школе, где работал Су И. Но довольно скоро Су И был вынужден покинуть школу — его перевели в другой город. Жена последовала за ним. Су И был коммунистом, участвовал в подпольной борьбе, и жизнь его вечно подвергалась всевозможным опасностям. Но Линь И-нань была верным и стойким товарищем своему мужу. Лишь в одном вопросе они расходились. Линь И-нань была строгая мать, она не давала никаких поблажек маленькой Линь Юань. А мягкий Су И всегда баловал девочку и прощал ей любые шалости. Случилось так, что во время одной из ссор по поводу воспитания дочери Су И получил спешное извещение о провале его подпольной группы. Он вынужден был покинуть город, не простившись с женой и дочкой. Су И надеялся вскоре вернуться или установить с ними связь через друзей, но надеждам его не суждено было сбыться.

Линь И-нань пришлось поступить тапером в жалкий местный театр, лишь бы прокормить ребенка. Прошло несколько лет. С частями Народно-освободительной армии Су И вошел в город, где оставалась его семья,— обожаемая им семья! Но его ждал страшный удар: жены он уже не застал в живых. Очередная эпидемия, посетившая кварталы бедноты, унесла Линь И-нань. Линь Юань, повзрослевшая, вытянувшаяся, молчаливо-сдержанная, почти нищенствовала, живя при том жалком театрике, где прежде ее несчастная мать еле зарабатывала им обеим на пропитание.

С тех пор Су И ни на минуту не расставался с дочерью. Он знал только две радости: работу и дочь!

Су И отошел от постели дочери. Выдвинул ящик стола и вынул тетрадку в черном кожаном переплете. Перевернул несколько страниц. Это был дневник Линь Юань. Вчера она записала: «Вечером мы пошли с ним на реку. Мы очень долго сидели на берегу. Мне кажется, что пришло мое счастье...»

Дальше следовало еще несколько строк, но Су И не стал их читать. Вряд ли это ей понравится. А если он захочет что-то узнать, он просто может спросить у нее.

4

Где-то вдали прогремел ружейный выстрел. Су И выскочил из землянки.

По берегу реки шел прихрамывающий человек. Он шел, опираясь на ружье, как на костыль. Су И не столько узнал, сколько угадал в нем Цзы-хуана и поспешил ему навстречу. Выглядел Цзы-хуан неважно, лицо его было все еще мертвенно-бледным и обросло редкой, темной бородой. Здороваясь с Цзы-хуаном, Су И заметил, что тот тащит подстреленную утку.

— Нечаянно подстрелил?

— Нет. Это дикая утка,— Цзы-хуан присел и, разглядывая свою добычу, сказал: — Да разве здесь разведешь уток? Купили несколько, но ни одного утиного яйца не дождались. Часть уток уже пошла на корм ястребам, а остальные вот-вот улетят с дикими стаями.

— Улетят с дикими утками? А ты не назначил сторожа?

— Конечно назначил. Ми Фу-шена.

Собственно, Ми Фу-шен был бригадиром возчиков. Но на агростанции не хватало людей, и сотрудники несли двойные обязанности. Цзы-хуан сердито обвел глазами группу людей, сбежавшихся на его выстрел. Ми Фу-шена среди них не было, он еще только шагал вдоль берега реки.

За Ми Фу-шеном спешили члены его бригады.

Цзы-хуан нетерпеливо поджидал всю группу. Едва они приблизились, он крикнул:

— Ми Фу-шен, тебе было поручено стеречь уток?

— Да,— невозмутимо ответил тот, но, глянув в лицо начальника и поняв, что надвигается гроза, сам перешел в наступление:

— Да мало ли какие бывают поручения! Я обучен обращаться с лошадьми, а не с утками.

— Чтобы стеречь уток, нужно разве специальное образование? — Взбешенный Цзы-хуан не говорил, а цедил слова сквозь стиснутые зубы.

— А что я могу с ними поделать? — Ми Фу-шен придал своему лицу наивное выражение.— У нас почти все самки, а на берегу — дикие самцы. Так вот...

Вокруг захохотали. Цзы-хуан окончательно рассвирепел:

— Не можешь ничего поделать? Ну, ладно. Зато я могу. Сколько утка стоит, столько и удержим из твоей зарплаты. Вот и подсчитывай! Понял меня?

Он отвернулся. Ми Фу-шен с оскорбленным видом поплелся к птичнику. Остальные потянулись за ним. На отлогом берегу реки остались опять только двое: секретарь партийного комитета и начальник агростанции. Вздохнув, Цзы-хуан приподнялся и, опираясь на ружье, собрался идти. Су И, видя, скольких усилий стоит ему каждый шаг, с досадой сказал:

— И зачем только ты вышел? Рана не зажила, а он уже, видите ли, отправился на охоту.

Цзы-хуан огрызнулся:

— Я не в первый раз ранен и прекрасно знаю, что моя рана не опасна...

— Не опасна?! — Су И покачал головой.— Ты скажи спасибо, что толстая ткань ослабила удар, а не то...

Но Цзы-хуан не сдавался:

— Да не в ткани дело! Хорошо, что вовремя подоспел Лэй. А то этот бандит искромсал бы меня. На вид дохлый, а силен как бык!

Су И прищурился, задумчиво посматривая вдаль.

— Ты успел даже разглядеть его? Что ж, такие сильные люди нужны на агростанции. Как по-твоему? Я, между прочим, посоветовал направить его к тебе...

И секретарь засмеялся, видя, что Цзы-хуан не верит своим ушам.

— Да, да! Кстати, его с минуты на минуту должны привести. А ты подумай, как его можно использовать, пусть поработает с нами. Нам очень нужны сильные руки!

Цзы-хуан растерянно и обиженно глядел на Су И.

— Ничего не понимаю! Этого... бандита — к нам?! — его даже передернуло от негодования.

— А что тут такого? — спокойно спросил Су И.— Ты бы хоть узнал, почему он с ножом прячется в лесу и поджидает одиноких путников. Думаешь, просто разбойничает? Как бы не так. Это «грабитель счастья». Здесь есть такой древний обычай, правда, сейчас уже отмирающий. Люди с тяжелой долей пытаются этаким способом изменить свою судьбу. Ты посмотри на него — он же еще совсем молод! Ему надо кормить отца, дряхлого старика, а кроме ножа, у них в доме ничего нет... Понял, дружище?.. Да вот, полюбуйся, его ведут...

Молодого тибетца вел такой же молодой конвоир. За несколько шагов они остановились. Тибетец узнал Цзы-хуана и с ужасом взглянул на винтовку в его руках. Широко расставив ноги, он воздел руки к небу, а затем, показав себе на сердце, бесстрашно и дико крикнул:

— Стреляй!

5

Но в этот момент на берегу реки, словно из-под земли, выросла группа бродячих актеров. Угодливо и заискивающе улыбаясь, они льстиво восхваляли агростанцию, ее начальника, всех работников и просто умоляли разрешить им бесплатное представление. Конечно, если начальник будет так щедр, они не откажутся от знаков его гостеприимства: например, от дзамбы* и окорока и от какой-нибудь старой одежды — например, от стоптанных башмаков. Это будет великий дар доброты и благородства. И они будут беспредельно благодарны!

Цзы-хуан не успел еще вымолвить ни да, ни нет, а жители ближних горных деревень, которых, казалось, никто не оповещал, уже начали собираться в поле. Тибетцы, работающие на агростанции, с восторгом угощали актеров чаем, одни устраивали им лежанки, другие вызвались «охранять сцену» и для этого яростно разгоняли теснившихся впереди ребятишек.

Появились и основные сотрудники станции — китайцы; с большим интересом разглядывали они музыкальные инструменты, каких им никогда не приходилось видеть. Здесь было несколько барабанов на подставках, медные тарелки, перевитые красными шелковыми лентами, и две длинные трубы необычной формы. Впрочем, у всех инструментов тональность была одинаковая, для китайского уха непривычная и резкая.

Первым номером шло выступление «женщины-черта». На ней был парик — волосы до пояса — и плоская треугольная маска с длинным языком. В руках она держала «мертвого ребенка» — куклу из бараньей кожи. Она то шла легкими шажками, то вдруг начинала стремительно кружиться, так что многоцветные ленты ее пояса развевались по ветру.

Описав круг по сцене, она принялась петь. Из-под маски раздался визгливый, режущий слух высокий голос. Затем восемь человек, одетых

* Тибетское национальное кушанье, приготовляемое из муки и масла.

не то монахами, не то воинами, с гиканьем выбежали на сцену. Все они были в масках, с мечами, топориками и луками в руках. Они окружали «женщину-черта», нападали на нее и пели пронзительными голосами. Слов было почти невозможно разобрать, но общий смысл сводился к необходимости искоренить зло на земле.

Наконец, натанцевавшись до упаду, актеры сбросили маски, расселись тут же на сцене и занялись чаепитием. Сняла маску и «женщина-черт». Оказалось, что она необычайно хороша собой: красивое лицо, нежная белая кожа; от возбуждения щеки ее пылали ярким румянцем — это еще больше украшало ее. Она казалось хрупкой, но выглядела вполне взрослой. Зрители восторженными возгласами приветствовали актрису и всячески старались обратить на себя ее внимание. Особенно не сиделось на месте Ми Фу-шену. Он уверял приятелей, что, когда она с мечом под мышкой сходила со сцены, то подмигнула именно ему. Впрочем, многие оспаривали эту честь. Только Цзы-хуан не успел принять участие в обсуждении столь животрепещущего вопроса. Юэ-сян шепнула ему: «Иди скорее, тебя ждут дома!».

В землянке он застал нескольких почтенных старцев из ближайших деревень. Цзы-хуан знал их всех.

— Почему вы не на представлении? — спросил он, входя в дверь.

— Уже насмотрелись! А ты-то знаешь, чем занимаются твои гости?

— Как — чем? Они — бродячие актеры!

— Бродячие... да! Бродячие конокрады!

Цзы-хуан переменился в лице.

— Конокрады? Откуда вы знаете?

Старцы переглянулись.

— Уж нам-то известно,— гордо сказал один из них.— Тибетцу, дожившему до наших лет, все известно.

Цзы-хуан все еще боялся поверить сказанному и тем самым обидеть актеров.

— Вы это точно знаете?

Самый старый из посетителей насмешливо пожал плечами:

— Мы по дружбе пришли тебя предупредить, бэньбу*. А ты пойди и глянь, увидишь, как они кружат вокруг вашей конюшни, пока вы охотитесь за этой красавицей-чертом...

Цзы-хуан, как всегда, скорый на расправу, решил немедленно разогнать музыкантов, но старики настойчиво советовали ему не торопиться. Они говорили, что если установить ночью охрану, то все будет в порядке. У этих конокрадов свои правила. Если есть возможность угнать лошадь, они такой возможности не прозевают. Больше того, уведут коня сегодня, а завтра продадут тебе же. Но, едва увидев, что замыслы их раскрыты, они тотчас отступают. И старики снова и снова твердили Цзы-хуану:

— Будь осторожен, бэньбу, хорошенько охраняй конюшню. Но только не вздумай первым нападать на них, начальник! Ни в коем случае не делай этого. Они, конечно, конокрады, но несчастнее их нет людей на земле. Обещаешь ты нам не трогать их?

И Цзы-хуан, у которого все кипело внутри, тихо ответил:

— Обещаю!

6

Были эти актеры конокрадами или нет, но на агростанции они ничем не поживились. С утра и до вечера лошади паслись в горах, на сочных пастбищах, под присмотром двух верных людей.

Люди эти, собственно, не имели прямого отношения к лошадям. Один

* Начальник *(тиб.)*

из них, Чжу, был бригадиром механизаторов, другой, Е Хай, его помощником.

На агростанции к Чжу относились по-разному. Во-первых, он был неразговорчив, а этого не любят. Во-вторых, он сразу же в день приезда восстановил против себя нескольких сотрудников.

— Вы тоже ушли из армии? — спросил его кто-то вполне дружелюбно.

— Ушел?! Нет! — Чжу поставил свой чемодан на землю.— И что это значит «ушел из армии»?

— А как надо говорить? — засмеялся собеседник.— Спустился из армии?

— Чего смеешься! — Чжу всерьез рассердился: — Не «спустился» и не «ушел»! Запомни — прибыл из армии!

Пожалуй, такая придирчивость могла показаться безобидным чудачеством. Прибыл из армии, ушел из армии — какая в конце концов разница? Но Чжу упорно стоял на своем и держался так вызывающе, что его стали сторониться.

Помощником Чжу по бригаде механизаторов был назначен Е Хай. Теперь до прибытия тракторов они вместе выгоняли лошадей на пастбища. Внешностью Е Хай походил на большого ребенка. Но этот ребенок обладал мускулами борца и ростом великана. Толкни его — с места не сдвинешь. В армии он был кавалеристом и очень горевал, что его демобилизовали. На агростанции долго не понимали, как и почему это произошло. Лошадей Е Хай знал и умел обращаться с ними. Однажды кто-то сказал:

— Но ведь были же у командования какие-то причины, чтобы расстаться с тобой?

— Какие там причины? — крикнул раздраженный Е Хай.— Ночью я, правда, плохо вижу, а днем — лучше не надо...

— А! Так ночью ты слепнешь?!

Когда загадка разрешилась, ему перестали надоедать с расспросами, но тут Е Хай начал всем рассказывать, как его перехитрил командир части.

— Узнав о демобилизации, я спрятался в лесу. Меня обнаружил один мальчишка, собиравший хворост, и рассказал, где я. Командир доставил меня в часть, накормил и говорит: «Докладывай»! Я сказал: «Ладно, вычеркивайте мое имя из списков, но не выгоняйте!» Командир объясняет: «Если ты останешься, на тебя нужно довольствие!» — «Не нужно, говорю, никакого довольствия! Что ребята оставят, тем и буду сыт». Командир засмеялся: «Ты, значит, считаешь, что уйти в запас — это уйти из жизни?» Он еще спрашивает! Четыре года я служил в кавалерии, сколько раз участвовал в боях. Как же мне теперь обойтись без всего этого? Командир говорит: «Демобилизуешься, пойдешь работать в сельскохозяйственный кооператив. Это ведь совсем не то, что по старости вернуться в деревню, просто примешь участие в новых боях!» Я сказал: «Если впереди бой, то мне нужен конь!..» Уж одно-то я знал твердо — коня мне не дадут. Но командир тотчас согласился: «Идет!» Мог ли я догадаться, что уже есть решение передать из нашей части десять коней в кооператив?!

Среди этих коней был и конь Е Хая — пегий, в темных яблоках; таким образом вместе с конем Е Хай прибыл на агростанцию. И когда Цзы-хуан подбирал людей на пастбища, Е Хай сам предложил свои услуги. Но никто не знал, что с некоторых пор у Е Хая появилось пристрастие к сольному пению.

Пение доносилось с противоположного берега реки. Приятный женский голос разливался в долине, и горы повторяли его щемящим душу эхом. Девушка пела:

Павлин ест листья горького дерева,
Павлин пьет ледяную воду из грязного источника
Не потому, что ему так хочется,—
А потому, что такова его судьба!

У павлина яркая шапка,
У павлина красивые перья
Не потому, что он так нарядился сам,—
Потому, что такова его природа.

Ранним утром, когда Чжу и Е Хай гнали лошадей на пастбище, они видели, как в саду старого Сылавэньдуя работает его красавица дочь. По вечерам они встречали ее с подружками на дамбе. Девушки часто танцевали «сюаньцзы» — тибетский национальный танец. А с наступлением ночи жена Сылавэньдуя взбиралась на крышу и ласково звала:

— Цючжи! Цючжи!

И Цючжи сразу возвращалась домой.

Сегодня Цючжи, напевая, как обычно, шла по противоположному берегу реки. Она пустила к воде двух навьюченных яков, а сама вздумала перебраться через реку по сооружению из бамбука, веревки и кожи, перекинутому с одного берега на другой. Оба конца этой неустойчивой переправы были закреплены камнями, но все-таки мост получался на редкость шаткий, и только очень ловкий человек мог решиться пройти по нему. Достаточно было поскользнуться или на мгновенье потерять равновесие, чтобы уже никогда не встать. Цючжи, однако, проходила по этому мостику так же свободно, как по дорожке. Она даже умудрялась в одной руке нести что-нибудь, а другой держалась за веревку. Но сегодня Цючжи почему-то стояла в нерешительности на своем берегу и махала рукой: «Эй!»

Чжу и Е Хай откликнулись одновременно:

— Что случилось?

— Переведите меня через реку! — весело попросила Цючжи.

Оба пастуха кинулись к ней. Цючжи неосторожно повисла на веревке. В ушах ее раскачивались серьги из слоновой кости. На шее позвякивали стеклянные бусы и серебряный медальон с изображением Будды. Говорят, если не расставаться с таким медальоном, то не страшны никакие горести.

— Ты зачем пришла, Цючжи? Пахать? — робко спросил Е Хай.

Цючжи утвердительно кивнула. Чжу поинтересовался, что будут сеять на этой земле.

— Ничего! — важно объявила Цючжи.— Отец говорит, что земля должна отдыхать три года. Этот — последний...

Сылавэньдуй слыл опытнейшим земледельцем. Он знал не только, как обрабатывать землю в разные времена года, но и когда земле надо давать отдых.

Яки, перейдя реку вброд, отряхивались на берегу. Цючжи принялась запрягать их. Она завязала веревкой рога и начала укреплять кожаными ремнями перекладину. Чжу и Е Хай с удивлением следили за нею. Наконец Чжу, как старший, не выдержал:

— Цючжи, что ты делаешь? Кто же запрягает за рога? Для ярма ведь есть шея.

— Шея? — Цючжи расхохоталась.— Как же так — шея?

— Давай покажу. Хорошо?

— Ну-ка, я посмотрю! Шея?!

Цючжи все еще хохотала, думая, что пастухи просто шутят. Но Чжу и Е Хай уже принялись за дело. Из сломанного деревца они сделали дугу в виде иероглифа «жень»*, потом надели на шею яка это ярмо, но когда

* Иероглиф «жень» — «человек» — напоминает дугу для упряжки.

запряжка по китайскому образцу была уже почти закончена, появился сам Сылавэньдуй. Это плотный, коренастый человек лет пятидесяти. Увидев, что люди с агростанции помогают дочери, он улыбнулся и поблагодарил их. Однако новая упряжка показалась ему издевательством. Конечно, молодежь всегда найдет себе забаву, но ведь сейчас, во время пахоты,— он сурово нахмурился,— не до шуток. Не говоря ни слова, Сылавэньдуй принялся распрягать яков. Чжу осторожно спросил:

— Тебе не нравится, как мы запрягли, Сылавэньдуй?

— Лучше бы вы смотрели за лошадьми, чем шутки шутить,— обиженно сказал старик.

— Да какие же это шутки? — заспорил Е Хай.— Повсюду так запрягают!

— Ты думаешь? — насмешливо спросил Сылавэньдуй.

— У себя мы всегда так делаем! — подтвердил Чжу.

— А мы, тибетцы,— как этому учили наши предки,— запрягаем за рога. Я сорок лет сею хлеб, и не видел других упряжек...

— А если пахать на лошадях, тогда как? — и видя, что старик не отвечает, Чжу настойчиво повторил: — Как же их запрягать? Может, за уши?

— Кто же пашет на лошадях? Лошади нужны для войны! — гордо возразил Сылавэньдуй и крикнул дочери: «Пошли!»

Пахота началась. Цючжи погоняла яков, старик налегал на соху. Соха была очень старая, металлический лемех давно стерся, и Сылавэньдую приходилось туго. К тому же борозда получалась очень узкая. Все поле покрывали мелкие канавки, как на стиральной доске, а под ними лежала твердая, не разрыхленная земля. Корни сорняков оставались в ней нетронутыми и губили посевы — после первого дождя сорняки начинали буйно расти. А яки, запряженные за рога, постоянно задирали головы вверх и зря тратили силы. Но Сылавэньдуй все погонял и погонял их — во время пахоты не до шуток...

К вечеру Чжу, сочувственно следивший за стариком, спросил Е Хая:

— Когда Лэй уехал в Китай?

— Да с месяц, пожалуй. А что?

— А то, что скорее бы он возвращался да привозил машины! — сказал Чжу со вздохом.— Пока мы сами не начнем пахать, нам никто не поверит.

Хотя Лэю и не удалось попасть в Пекин к профессору Ляо, все же он был очень доволен своей поездкой. Анализ земли сделали в Сычуаньском университете. Кроме того, Лэй закупил различные семена и одновременно выполнил главное поручение Цзы-хуана — раздобыл в управлении земледелия обещанные агростанции плуги и один венгерский трактор. Сейчас могли дать только один, но и это было уже немало. Вдобавок ему выделили довольно много всяких дефицитных инструментов.

Когда заводили моторы грузовиков, Лэй вдруг увидел незнакомую девушку; он сразу решил, что это студентка! Она просила шофера взять ее с собой, но шофер почему-то отказывался. Лэй подошел к ним.

— Захватите меня! — чуть не плача упрашивала девушка.— Я еду на ту же агростанцию, и вот уже вторые сутки не могу попасть на машину. А еду я туда работать. Я зоотехник.

Но все ее объяснения не производили на шофера никакого впечатления. Зато Лэй обрадовался. Вот удача! Не просто попутчик, а зоотехник, едущий работать на агростанцию! Он отнесся к ней, как к старому товарищу, пожал руку и, обратившись к шоферу, решительно сказал: «Пусть сядет!»

Шофер продолжал упрямиться. Он говорил о каком-то решении не брать попутных пассажиров и о том, что ни для кого не станет нарушать постановлений. Он тупо мотал головой и не слушал никаких доводов, пока добродушнейший Лэй не разозлился окончательно.

— За эти машины отвечаю я,— кричал он.— Понятно? И я разрешаю товарищу...

Он схватил вещи девушки и стал укладывать их в кузов. Шофер неожиданно сдался и сказал девушке ласково и примирительно:

— Да уж садись в кабину!

Но она не забыла обиды:

— Наверху прохладнее! — и полезла в кузов.

Оба, Лэй и она, удобно устроились друг против друга. Загудел мотор. Машина резко рванула с места, оставляя позади клубы пыли. Шофер решил показать «класс» езды этим двум пассажирам.

Ни — имя девушки очень понравилось Лэю — прислонилась к борту кузова, неотрывно следя за убегающими вдоль шоссе полями и холмами. Она то ли не умела, то ли не хотела беседовать с незнакомым человеком, не сказала ему даже «сесе» за услугу, но в глазах ее светилась благодарность, и Лэю сдержанность девушки понравилась не меньше, чем имя.

Однако молчание затягивалось. Лэй уже хорошо разглядел Ни. Она была похожа на спортсменку: лицо ее заливал здоровый румянец, а кожа слегка почернела от загара. Мягкие волосы развевались на ветру. Внешность у нее была самая обычная: не дурнушка и не красавица. Но глаза хорошие, ясные, взгляд прямой и доверчивый. Чем больше смотришь в эти глаза, тем милее становится их обладательница.

В конце концов они все-таки разговорились. Ни стала расспрашивать об агростанции. Особенно ее интересовало все, что касается ухода за скотом. Если ответы Лэя совпадали с ее представлениями, на лице у Ни появлялась улыбка. Если нет, лицо становилось озабоченным. Она расспрашивала подробно обо всем, что есть и что будет, и не всегда Лэй мог ей ответить. Он знал только, что в недалеком будущем рядом с агростанцией и машинной станцией возникнет большой государственный кооператив. А окрестные жители-тибетцы со временем также станут членами кооператива. Все, что ему было известно, он с готовностью сообщал девушке. Наконец она спросила:

— Вы знакомы с товарищем Мяо Каном?

— Как же, очень хорошо знаком! Он наш ветеринар. А вы его знаете?

Ни вдруг заметно оживилась:

— Мы с ним вместе учились в техникуме, только он был старше меня на один курс. Как его здоровье? А то он часто страдал малярией.

— Вполне здоров.

Мяо Кан стал темой разговора. Лэй чувствовал, что Ни хочет знать о нем решительно все. Что ж, Лэй не мог сказать о нем ничего плохого, и она осталась довольна. Но у Лэя настроение испортилось. Видимо, они не просто однокашники...

А он? В какое смешное положение он едва не попал! Ему вдруг стало стыдно, словно он поймал себя на желании присвоить чужую собственность... К счастью, Ни, кажется, ничего не заметила, она по-прежнему глядит вперед, и легкий горный ветерок треплет ее волосы...

Шофер, о котором они забыли, вовсе не забыл о своих пассажирах. Когда кончилась тряска по ухабам, он развил предельную скорость, чтобы доставить их побыстрее. Машина неслась вперед, как огромная черная птица.

8

Сикан-Тибетская дорога на Лхассу строилась исключительно быстро, прорезая туннелями горы и мостами — реки. Она лишь на сорок километров не дошла до агростанции. Грузовики, с которыми прибыл Лэй, разгружались на этом конечном пункте. Попросив Ни присмотреть за грузом, Лэй верхом помчался на агростанцию за подмогой. Ему не пришлось там никого упрашивать. Большая группа работников агростанции, несмотря на позднее время, сразу же отправилась в путь и к утру добралась до места назначения.

Только Цзы-хуан приветствовал приезд зоотехника Ни. Остальные даже не заметили ее, занявшись разгрузкой. Ни и сама считала, что для агростанции сейчас важнее всего трактор, плуги, семена, но ее огорчало и беспокоило то, что среди прибывших с агростанции не оказалось Мяо Кана. Почему он не пришел?

Когда огромный обоз вернулся на агростанцию, девушки на дамбе уже давно прекратили свои танцы. А это значит, что наступила глубокая ночь. Но Цзы-хуан приказал механизаторам немедленно привести в порядок плуги, чтобы с утра начать пахоту. Следовало также немедля заняться сборкой трактора. Под утро Цзы-хуан заглянул в землянку механизаторов. Оба сидели на корточках перед догоравшей свечой; у одного в руках была книга, другой рассматривал какой-то чертеж.

— Ну и молодец наш агротехник! — воскликнул Чжу.— Не привези он книг и схемы этого трактора, мы бы тут совсем пропали...

В армии Чжу был заместителем командира автоколонны, и поэтому на агростанции его сразу же определили в трактористы. Теперь обнаружилось, что он не такой уж великий специалист! Цзы-хуан хмуро и недоверчиво поглядывал на привезенные Лэем книги. Кто знает, можно ли по книжным рисуночкам превратить все эти разрозненные детали в настоящий трактор?

Сомнения одолевали не одного Цзы-хуана. Почти никто не спал, с нетерпением ожидая, когда механизаторы приступят к сборке невиданной машины. Едва Е Хай появился на улице, его сразу же забросали вопросами: «Да умеете ли вы в самом деле собирать тракторы?», «Почему не раздобыть настоящего специалиста?», «Одно дело водить трактор, а попробуй-ка, собери!..»

Е Хай, как умел, защищал честь своего бригадира Чжу. Наконец ему надоели бесплодные разговоры.

— Идите-ка лучше помогать! — заявил он и в сопровождении целой свиты вернулся в землянку.

Сборка началась при свете луны.

Несмотря на то, что к Чжу многие относились настороженно, приказания его выполнялись беспрекословно. Освещая чертеж карманным фонариком, Чжу называл детали и твердым тоном отдавал приказания о том, как их ставить. Если происходила заминка или части не подходили, он проверял сам и, случалось, признавал ошибку, говоря: «Разобрать! Снова разобрать!» Кое-кто начал жаловаться на усталость, а Ми Фу-шен делал вид, что падает с ног. Да и на самом деле люди не спали уже вторую ночь. Но Чжу и Е Хай были неутомимы. Они решительно отвергли предложение сделать перерыв. Обоими владел благородный творческий азарт. Наконец настала минута, когда трактор был собран, хотя оставались какие-то лишние детали. Е Хай грустно сказал: «Беспризорные»,— и все облегченно засмеялись этой нехитрой шутке.

Словно сбросив с плеч огромную тяжесть, люди присели. Теперь предстояло запустить мотор. Но тут отказало зажигание, и охлажденный мотор никак не разогревался. Чжу попробовал развести костер, но пламя

получалось слишком маленьким. Е Хай огорченно вздохнул: «Эх, если бы достать меха!».

— Я сейчас сбегаю,— раздался женский голосок.— У нас дома есть меха из бараньей кожи.

Все удивленно переглянулись, а Цючжи уже бежала к конюшне, перепрыгивая на ходу через канавы. Ее маленькая фигурка быстро исчезла в темноте.

Ночь подходила к концу, но в синих предрассветных сумерках все окружающее еще выглядело смутно и расплывчато.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

Спригорка за агростанцией открывался вид на родовое поместье Сянцзэгунбу. Беспорядочно обнесенное крепостной стеной, поместье напоминало старинный горный городишко, в самом центре которого, как журавль среди кур, возвышался четырехугольный дом родоправителя. Это пирамидальное здание с усеченным верхом напоминало бастион, окруженный несколькими строениями и возвышающийся над всем этим ансамблем серых стен и пестрых крыш. С плоской его крыши можно было обозревать огромное пространство в пятьдесят-шестьдесят квадратных ли, с тонкой серебряной нитью реки, которая то извивается по равнине, то теряется в неопределенной, бесконечной дали с синевой лесов, дымками селений и сочной зеленью пастбищ. От глаза наблюдателя не скрылось бы ни малейшее движение на всех этих просторах, подвластных хозяину «крепости».

Внутри огромного дома — внутренний двор, а посредине двора — квадратный помост, покрытый мягкими одеялами. С этого помоста садились на лошадей сам хозяин и его именитые гости. У лестницы, ведущей в дом,— с десяток откормленных лохматых тибетских собак. И чтобы ступить на лестницу, надо пройти мимо всей этой зловещей своры. Каждый этаж дома состоит из множества комнат и комнатушек-келий. Крутыми лестницами и темными, узкими переходами этажи соединяются между собой, и если в коридоре встречались два толстяка, разойтись им было нелегко. Как муравьи, цепочкой блуждая в темноте, пробирались по этим извилистым коридорам бесчисленные слуги и посетители дома.

Гэсанлама жила на четвертом этаже.

В ее гостиной, устланной дорогим английским ковром, стояло восемь мягких кресел коричневого дерева. Столик возле стены сервировался обычно на две персоны. Чай, заправленный маслом, подавали в серебряных инкрустированных чашках, зеленый — в прозрачном цзянсийском фарфоре. Европейскую обстановку дополнял радиоприемник. Он появился здесь вовсе не потому, что хозяйка гостиной любила музыку. Батарей к приемнику вообще не было — просто приемник считался красивой и модной вещью, привезенной из Индии и купленной за очень высокую цену.

Дверь слева вела в домашнюю часовню — «комнату для созерцания», лишенную дневного света. «Вечный» огонь от сильной масляной лампы освещал алтарь, бросая блики на изваяние Шакьямуни, отлитое из позолоченной меди, на глиняные статуи святых и многочисленные изображения Будды и бодисатв со снежно-белыми полосами хада («шарфов на счастье»), свисавших с их бесчисленных рук.

Выход из часовни за пологом вел во внутреннюю комнату Гэсанламы. Здесь, кроме нескольких сундуков с висячими замками, никаких вещей не было. Огромный тюфяк, служивший ложем Гэсанламе и покрытый тяжелым лхасским ковром, находился под самыми окнами, так что, даже не вставая, а только протянув руку, можно было отдернуть черную суконную штору — и утреннее солнце ласково заливало все вокруг...

Взгляд Гэсанламы, бесцельно блуждавший по комнате, остановился на большой фотографии, висевшей у ее изголовья. С фотографии насмешливо улыбалась прекрасная молодая женщина с большими лукавыми глазами, обрамленными длинными ресницами. Едва только до затуманенного сознания Гэсанламы дошло, что это — ее собственный портрет, она отвела взгляд в сторону. Взяла было с туалетного столика зеркало, но сразу и резко отложила его в сторону; ей не хотелось видеть себя сейчас — похудевшую, изможденную, с потухшими глазами, с бессильно опущенными уголками губ, с мелкими морщинками горечи и усталости.

Одета она была очень просто, пожалуй, даже небрежно: синий платок, накинутый на длинный темно-коричневый халат. Косы с вплетенными в них красными шнурками уложены небрежным, едва держащимся венцом. На ногах ночные туфли. Собственно говоря, она могла бы менять туалеты каждый день, ей было чем похвастать, что показать. Не было только желания. Все то, на что она прежде тратила столько энергии и денег, теперь потеряло для нее всякую прелесть. Целых двенадцать лет она почти не касалась своих сундуков.

То приближаясь, то исчезая, донеслись далекие раскаты, на которые вибрирующим звуком отвечало горное эхо. Уже два дня беспокоили Гэсанламу эти непонятные звуки. Можно подняться на крышу «крепости» и увидеть все своими глазами, но Гэсанлама, едва дойдя до гостиной, вернулась в спальню, плотно прикрыла двери и опустилась на постель. Не сегодня Гэсанлама потеряла интерес ко всему окружающему. Уже давным-давно приучила она себя ничего не желать, ничего не знать, не слышать, ни о чем не спрашивать...

Когда-то в часовне прислуживали двое лам, из месяца в месяц читавшие сутры* домочадцам родоправителя. Но Гэсанламе до отвращения надоело их бесконечное бормотание, и ламы были изгнаны в нижний этаж. Гэсанлама пыталась не вспоминать... Но совсем отрешиться от мыслей ей все-таки не удавалось.

Больше всего мучили воспоминания молодости. Какое это было незабываемое время! Беззаботное, радостное, славное и быстротечное. Пределов ее желаниям не было, не было и границ выходкам своенравной, не знающей управы девушки... Ни одна пирушка местной знати не обходилась без ее участия. Немало достойных мужчин робко давали понять, что они были бы счастливы назвать ее своей женой, но до поры до времени она и не задумывалась об этом. До поры до времени! Пока не появился Сянцзэгунбу...

Дансн, сын Гэсанламы, пробежал мимо окна, и это вывело ее из задумчивости. Перегнувшись через перила лестницы, Дансн сапогом, привязанным к длинной веревке, дразнил огромного желтого пса.

Больше всего на свете Дансн хотелось вырваться из опостылевшего дворика «крепости», убежать на пастбище, поиграть со сверстниками, схватить камень и бросить его далеко-далеко. Или лепить фигурки из глины. Или, на худой конец, хоть подраться с кем-нибудь. Но ничего похожего не было в его жизни. Единственному наследнику родоправителя не разрешали ступать ни на шаг за пределы отцовского дома, и ослушаться он не смел. Да если б и ослушался, кто стал бы играть с ним?

---

* Священная буддийская книга.

Детишки, едва начинавшие разбираться в том, что их окружает, и те не решались приблизиться к «цзанпу», почтительно и не без страха избегая знатного наследника. Всякий раз при взгляде на своего единственного ребенка, такого худенького, такого неразвитого, Гэсанлама испытывала приступы горькой, неутолимой жалости. И тотчас эта жалость переходила в досаду, а иногда и в ненависть к покойному мужу. Нечего сказать, удобное время он выбрал, чтобы отправиться на небо!.. Не подумать о двадцатишестилетней жене, о сыне, которому тогда едва минуло два года! Ох, сколько пришлось пережить Гэсанламе потом, сколько пришлось передумать! Лучше и не вспоминать всего. В прошлом месяце, в день ее рождения, многие ниба* вообще не сочли нужным поздравить вдову покойного родоправителя. А ведь при нем, при Сянцзэгунбу, они толпились здесь ежедневно, не зная чем и как угодить могущественным хозяевам.

Только Эмадэндэн... Нечего скрывать, она была тронута его приходом. Он один помнит о ее существовании. Он умеет быть благодарным, этот Эмадэндэн. Вот уже двенадцать лет он делает все возможное, чтобы честно служить вдове своего покровителя...

Словно в подтверждение своих мыслей, Гэсанлама услышала за дверью мягкие шаги и тихий голос служанки:

— Госпожа, Эмадэндэн просит разрешения войти к вам.

Гэсанлама молчала. Это означало: она согласна принять гостя.

Фиолетовый халат едва прикрывал безобразно расплывшееся тело человека с невероятно маленькой головой, помещавшейся, казалось, прямо на плечах.

Угодливо согнувшись, он остановился в гостиной в ожидании выхода хозяйки. Но из-за полога внезапно послышался голос Гэсанламы, звавшей его; осторожно приоткрыв полог, Эмадэндэн вошел.

Несмотря на испытываемое ею чувство благодарности к Эмадэндэну за оказываемое ей внимание, Гэсанламу коробило от приторно участливого тона, каким толстяк расспрашивал ее о самочувствии. Она догадывалась, что Эмадэндэн приберегает какие-то новости, и, может быть, неприятные

— Есть дело? — спросила она напрямик.

— О, ничего срочного. Видела «льва»?

Гэсанлама в недоумении подняла голову. Конечно, откуда ей, заживо похоронившей себя в этих стенах, знать, что речь идет всего-навсего о тракторе, на радиаторе которого изображен геральдический лев?

Эмадэндэн довольно усмехнулся.

— Значит, не видела? А я посмотрел! — и, потирая пухлые руки, он приступил к рассказу.

— Позавчера, по пути сюда, я встретил его. Железный, весь железный. Выше верблюда! — Эмадэндэн поднял руки над головой. — Рычит, как настоящий лев. Тянет две широкие железные полосы и сам же передвигается по ним. А полосы, как ковер, стелются под ним. Сам поворачивает и может даже пятиться. Но он не может ходить молча, он все время рычит. Даже ушам больно, если стоять рядом. Рычит и дышит через трубку, а дыхание едкое, зловонное...

Слушая этот туманный рассказ о неизвестном чудовище, Гэсанлама вспомнила таинственный грохот, который долетал сюда, в ее убежище.

— На «льве» сидит человек в военной форме,— продолжал Эмадэндэн, — он правит «львом». А другой, тоже военный, сидит сзади и помогает. «Лев» тащит за собою плуги. Представь себе силу «льва», если он тащит сразу пять плугов и все пять поднимают землю... О, как бы это показать, какой ширины пласт они захватывают?..

* Тибетский крупный землевладелец, помещик.

Гэсанлама вдруг почувствовала, что рассказ Эмандэндэна страшно утомил ее. Но переполненный впечатлениями толстяк упивался собственным красноречием. Ему хотелось не только поразить воображение родоправительницы, но и запугать ее. Пусть думает, что «лев» опасен ей и ее власти... Пусть остерегается этих вежливых, любезных пришельцев с их агростанцией, плугами, тракторами и агротехникой... Пусть помнит, что не положено ей, женщине, ни на шаг отступать от священных законов тибетских гор. И Эмадэндэн продолжал свой рассказ. Но что мог он рассказать о бригадире механизаторов Чжу и его подручном Е Хае? Что знал он о том, какое великое торжество для них этот первый выход трактора?

В тот день у дамбы собрались почти все жители окрестных горных селений.

Трактор, словно боевой корабль на просторах неведомого моря, осторожно прощупывал каждый кусочек безбрежной целины и оставлял за собой глубокий кильватер застывающих волн пахучего чернозема. Стаи ворон, слетавшиеся на это поле, двигались вслед за трактором, с громким криком пожирая выброшенных на солнце земляных червей.

Горцы — мужчины, женщины, старики и дети, вытянувшись длинной вереницей и боясь хоть на миг задержаться, брели по борозде вслед за трактором. Они опускались на колени, брали в руки комья этой пахучей земли и медленно, задумчиво перетирали ее пальцами; земля просеивалась через пальцы и падала обратно в борозду...

Ничего этого не заметил Эмадэндэн. Зато от него не ускользнуло кое-что другое.

— Одна девушка, кажется, дочь этого Сылавэньдуя, забралась на «льва». Девушка на этаком чудовище! — злобно захихикал Эмадэндэн, и пальцы его зачастили по бусинкам четок; затем тон его опять стал строгим: — А сегодня утром я встретил с десяток чаба* с плугами. Они направлялись к дамбе. Их с агростанции послали. И лошадей погнали туда же...

Гэсанлама внезапно почувствовала сильное головокружение.

«Довольно, — подумала она про себя, — довольно! Какое мне дело до всего этого? У меня есть сянцзы**, пусть он и слушает твои сказки...»

Подумала, но сказать ничего не успела, только махнула ватной, непослушной рукой. Силы оставили ее и, бледнея, она мягко скользнула на ковер.

— Что с тобой? — Эмадэндэн испуганно бросился к Гэсанламе. Вбежавшая служанка стала ее укладывать и, увидев вопрошающее лицо гостя, объяснила, что хозяйка переутомилась, с ней в последнее время часто случаются обмороки.

— Эге! Это козни злого духа, вот что! Надо погадать, помолиться. Молитва вернет ей здоровье. Присмотри за ней, а я схожу к ламе. Надо позвать монаха, погадать, помолиться... — бормотал Эмадэндэн, торопливо покидая покои Гэсанламы.

2

В последних лучах заходящего солнца причудливо светилась золоченая крыша храма родоправителя. Красные стены, растворяясь в наступающих сумерках, казались окрашенными густой кровью. Предвечерний ветерок раскачивал целый лес длинных и тонких шестов с развевавшимися на них желто-черными полотнищами — знаменами с текстом чудотворных молитв из буддийских канонов. Фестоны из разноцветных лоскутков, также расписанные молитвами за чьи-то улетевшие души, колы-

* Тибетские крестьяне.

** Управляющий землями родоправителя.

хались между шестами. Сколько раз шевельнется лоскут со священным заклинанием, столько раз будут прочтены слова молитвы. Монотонные удары барабанов оттеняли звучные голоса лам, нараспев читавших священные каноны; время от времени в этот хор монахов, непрерывно повторяющих заученные тексты, врывалась все заглушавшая перекличка горнов и барабанов.

Сяса — настоятель храма—с достоинством, подобающим его сану Воплощенного Будды, неторопливо вышел из здания. Опустившись на приготовленную ему циновку перед западным входом, он склонился над пожелтевшими листами канона. Старым глазам плохо помогали уже и очки в металлической оправе: в сгущавшихся сумерках он с трудом разбирал буквы.

В этом году Сяса исполнилось восемьдесят пять. Двенадцатилетним мальчиком он начал изучать канонические тексты. Заучивал мистические формулы и мантры*, обладавшие чудодейственной силой. С тех пор вот уже больше семидесяти лет он жил одинокой жизнью затворника. За эти годы он понял, что по каноническим книгам можно изучать историю Тибета, таящую на своих страницах немало ответов на вопросы современников. Он перечитывал «Мона» и «Цзэчжу» — эти древние сочинения по медицине — и узнавал из них многое о лекарственных травах. Из осторожности он так ни разу и не применил своих медицинских познаний, но с каждым годом все больше и больше верил в свой дар исцелителя.

Так было до самого недавнего времени, когда старого жреца посетило сомнение. Оно появилось почти незаметно и стало неотступно преследовать старика: действительно ли такого огромного смысла исполнена его жизнь, отданная поискам истины и приобретению глубоких знаний? И можно ли назвать знанием то, что постиг он, Воплощенный Будда?

Рядом с агростанцией открыли медпункт. Все оборудование этой бесплатной больницы разместилось пока в пяти палатках и в двухэтажном домике, а весь персонал составляли три врача и пять санитарок! Но пациенты шли сюда день и ночь, непрерывным потоком. Шли с хирургическими травмами, доставляли рожениц, не могущих разродиться, приводили детишек с воспаленными, невидящими глазами, приходили сюда и молодые торговцы, больные венерическими болезнями... И все эти люди получали здесь помощь, хотя со стороны казалось, что персонал больницы не прилагает к этому никаких видимых усилий. Репутация храма и самого Сяса от всего этого, однако, не страдала: жаждавшие счастливого исцеления по-прежнему сначала являлись в храм, принося дары богам здоровья, а передавать божествам их дары и просьбы по-прежнему должен был Сяса. Но сам Сяса прекрасно понимал, кто действительно вылечивал больных, и не хотел их обманывать. Вот почему с некоторых пор старый жрец в ответ на все просьбы о заступничестве перед богами всех без исключения прямо посылал в больницу.

Давным-давно, когда молодой Сяса настойчиво, с упоением начал учить свою первую сутру, ему казалось, что он уже вступил в мир, неведомый непосвященным,— в особый мир уединения и отрешенности. Он, казалось ему, уже достиг той абсолютной неподвижности, которая дает возможность перейти в сферу небытия, он полагал, что забыл даже о собственном существовании...

Сяса вздрогнул от внезапно раздавшегося громкого женского смеха. Задорный смех этот вернул его к пониманию того простого факта, что он никуда и не уходил из этого наскучившего, очень наскучившего ему человеческого мира... Площадка, на которой Сяса проводил свои вечерние часы, выходила во внутренний садик дома Эмадэндэна. Каждый вечер по

* Буддийская молитва.

этому садику, обнесенному прочной стеной, словно заключенные, выпущенные на прогулку, бродили жены ниба. Здесь не пели и не танцевали. Женщины даже редко переговаривались друг с другом. Бесцельно и лениво прохаживались они вдоль стен, от двух широколистых ив к теплице с давно увядшими белыми хризантемами и обратно.

Самая старшая из жен Эмадэндэна была его ровесницей, ей сорок девять. А самая младшая была на два года моложе его дочери Цыдуньичжэн. Может быть, Цыдуньичжэн просто обладала хорошим вкусом, но ни одна из жен Эмадэндэна не могла сравниться с ней в нарядах. Вместе с дорогими патугами, похожими на короны и усеянными драгоценными камнями, жемчужными, коралловыми, янтарными ожерельями и нефритовыми застежками, они носили и дешевые, уродливые украшения из ракушек, монет, фальшивого жемчуга. Тяжелые, грубые платья из узорчатой парчи или тканей самых невероятных цветов и рисунков только оттеняли благородную простоту нарядов Цыдуньичжэн, хорошо сознававшей свое превосходство.

Задорный смех, вернувший старого жреца к действительности, возвестил появление Цыдуньичжэн. Она вбежала в садик через боковую калитку, осмотрелась и остановила взгляд на юноше, пристроившемся на широкой стене и жадно следившем за каждым движением трактора, подымавшего землю невдалеке.

Подкравшись к юноше сзади и приподняв край своего длинного шарфа, Цыдуньичжэн с размаху накрыла им голову своего пленника, как бабочку сачком. Он вскочил на ноги и тотчас из побежденного стал победителем. Опрокинутая навзничь, словно распластанная под его гибкими руками, она сначала пыталась вырваться, но, обессилев и задыхаясь от смеха, вдруг затихла, затрепетала, ловя воздух широко раскрытыми горячими губами.

Снизу послышалось осторожное покашливание. Слуга докладывал, что прискакал всадник с письмом для сянцзы Чакэдоцзи.

— Ты что, не можешь сам принять письмо и отнести его в комнату сянцзы? — раздраженно крикнула Цыдуньичжэн.

— Я так и хотел сделать,— виновато ответил слуга,— да всадник говорит, будто ему велено отдать только в собственные руки.

Слуга повернулся, чтобы уйти.

— Всадник? — переспросил Чакэдоцзи и вдруг, словно очнувшись, вырвался из объятий девушки.— Подожди,— крикнул он удаляющемуся слуге.— Я сейчас...

Он даже не взглянул на Цыдуньичжэн, пытавшуюся снова обнять его, и бросился к дому.

...Сяса с отвращением отвернулся. Ему никогда не нравился этот Чакэдоцзи, этот надменный управляющий родоправительницы Гэсанламы. Пусть люди любуются его величественной осанкой, умным лицом, манерами образованного человека! Старый жрец испытывал к этому человеку неодолимую ненависть хотя бы потому, что управляющий Чакэдоцзи нарушил обычаи, соблюдавшиеся здесь многими поколениями, и занял в доме покойного родоправителя такое важное положение. Подумать только — «сянцзы»! На этот титул имеют право лишь те, кто принадлежит к родовой знати. А кто такой этот Чакэдоцзи? Просто бродяга, вообще не помнящий родства! Будь у него предки или родственники, он вспомнил бы о них хоть раз за четыре года, проведенные здесь. И потом, откуда у него такие деньги? Когда он здесь появился, то без счету бросал золотые на украшение храма. А сколько заморского серебра получили от него и Эмадэндэн и другие нибы?! Где же можно так разбогатеть, если не на большой дороге!

И вместе с тем старый жрец втайне восхищался ловкостью Чакэдоцзи. Ходили слухи, что раньше Чакэдоцзи состоял помощником священнослужителя, вел монастырское хозяйство. А теперь вот каким поместьем ворочает! Умен, умен, куда умнее этого жадного хитреца Эмадэндэна. Все раздражение, переполнившее грудь Сяса, обратилось против Эмадэндэна. Об этом ниба у старого ламы давно сложилось определенное мнение. Уж он-то знал, чем дышит толстяк Эмадэндэн. Ящик за ящиком копить звонкие серебряные юани — вот единственная цель его жизни. И будь то в его силах, ниба давно продал бы за несколько сот юаней не только свою, но и любую чужую душу. А иначе зачем бы он так настаивал в свое время, чтоб Гэсанлама назначила управляющим Чакэдоцзи, дав ему титул сянцзы? Зачем? Каждому младенцу ясно, что Эмадэндэн спелся с этим безродным пришельцем и участвует во всех его доходах. А на расходы он никогда ни одного медяка не давал... Никогда и нигде!

Совсем стемнело, и старый лама поднялся, чтобы вернуться в храм. Он и не подозревал, что предмет его глубокого презрения — ниба Эмадэндэн — давно уже стоит за его спиной, почтительно, хотя и с явным нетерпением ожидая, пока лама обратит на него свое благосклонное внимание. Видимо, очень важное дело привело сюда ниба, если, не соблюдая обычаев, он позволил себе первым обратиться к ламе, едва тот стал подниматься. Вздыхая, он заговорил вкрадчиво и тихо:

— Э-э! Как же состарились священные книги. Лист за листом рассыпаются, смотреть на это и сердце болит...

— Да, — холодно кивнул лама, — состарились, рассыпаются...

— Перепечатать надо, новые надо напечатать!

— Перепечатать? А деньги?

— Деньги? Надо потратиться... святое дело, надо, надо...

— Нет средств, — равнодушно возразил лама, — ведь только у меня здесь собрано двести сорок томов, а всего в семнадцати наших храмах их наберется несколько тысяч... И все старые, все рассыпаются...

— Значит все и надо перепечатать! — воскликнул Эмадэндэн. — Каждый том — заново. Я сам займусь этим, ладно? И будь спокоен, никто не посмеет уклониться от этого святого дела!..

Старый Сяса и сам знал, что никто не решится давать ему пустые обещания, но в душе он не верил речам Эмадэндэна. Молча выслушав его и не выказав ни радости, ни интереса, он медленно направился к дверям храма. Однако это нимало не смутило Эмадэндэна. Довольный собою, усмехаясь, словно после совершенной удачной сделки, толстяк уже собрался было уходить, как вдруг вспомнил о том, что надо попросить жреца помолиться за Гэсанламу. Он снова догнал Сяса и стал подробно рассказывать о ее болезни. Сяса выслушал просьбу, не проронив ни звука, затем, вздохнув, едва заметно покачал головой в знак отказа и исчез в темном углу молельни.

3

Девушки пели. Смеркалось, и в сумеречной тени, окутавшей долину, их голоса казались более светлыми и мягкими.

Но сегодня девушкам не сиделось у плотины. Они устроились на узкой каменистой площадке у самого входа в землянку Чжу и Е Хая. О танцах нельзя было и думать, здесь и повернуться-то негде. И все-таки девушки пришли сегодня именно сюда.

Запевала, как всегда, Цючжи, но едва вступали остальные, она умолкала и только слушала, слушала. Словно для того и запевала, чтобы сказать, какую еще песню ей хочется послушать. Слушала, а сама то и дело поглядывала на землянку. Это маленькое оконце, так часто светившееся всю ночь напролет, было видно даже с крыши ее дома. Что ж сегодня —

луна еще только взошла, а там уже спят? Неужели спят? Намаялись, наверное, бедняги за целый день возни со своим «львом». Нет, не спят они! Наверно, задули свечу, сидят в темноте и слушают песни. Неужели слушают? И сильный голос Цючжи вдруг вырвался из хора девушек и устремился вперед, словно звенящий горный ручеек.

А в землянке не было ни души.

Всех работников агростанции Цзы-хуан вызвал в этот вечер к себе на «квартиру». Самая просторная из землянок, она использовалась и под «зал заседаний». А Юэ-сян волей-неволей приходилось принимать гостей. Поставив перед каждым чашку кипятку, она забиралась с шитьем в самый дальний угол и оттуда, со стороны, внимательно прислушивалась к разговорам. И так как каждый приходил, имея собственный твердый взгляд на все окружающее, и в погоне за убедительностью повторял свои соображения как можно чаще, то «порядок» на этих собраниях был самый плачевный.

— Не кричите же все сразу! Тише! — убеждал Цзы-хуан, размахивая руками. Он тоже хотел убедить остальных в правильности своих замыслов. Замыслы эти были очень просты: тибетцам понравилось пахать плугами. Значит надо воспользоваться этим. Есть в наличии тридцать плугов — и значит нужно, чтобы все тридцать работали одновременно; придется всему коллективу агростанции заняться пахотой. Пахота сейчас — самое главное! Что касается остальных дел, то они подождут.

Цзы-хуан говорил решительно и непреклонно, и доводы его убедили многих. Но агротехник Лэй, несмотря на свою молодость, всегда отстаивал собственное мнение.

На этот раз его мнение сводилось к тому, что остальные дела ждать не могут и что, как бы ни важна была пахота, все равно крохотный коллектив агростанции не сумеет удовлетворить нужды окрестных селений.

— Я предлагаю, — Лэй почти наступал на Цзы-хуана, — организовать в окрестных селениях группы по изучению сельскохозяйственных орудий. Надо прежде всего поискать людей, у которых вообще есть опыт обработки земли, обучить их здесь, у нас, а потом они сами других научат. Плуги можно давать взаймы, можно и еще раздобыть новые, если пастухи соберут средства...

Предложение Лэя было столь разумным, что его горячо поддержали решительно все. А новый зоотехник Ни так жадно ловила каждое его слово, что Лэй почувствовал себя просто счастливым.

Люди уже разошлись, но Цзы-хуан все еще стоял у входа в свою землянку, то соглашаясь мысленно с Лэем, то снова испытывая неуверенность и повторяя про себя: «Тибетцы ведь это! Боюсь, не так-то легко они научатся!..»

Размышления его прервал дробный стук копыт. Пронзительные звуки неестественно звонкого человеческого голоса прорезали ночную тишину. Горы ответили на этот крик многоголосым эхом. Цзы-хуан вздрогнул. Он уже научился узнавать этот голос гонца, возвещавшего волю родоправительницы Гэсанламы или Воплощенного Будды Сяса. Гонец прибывал всегда сверху — с гор или из крепости — со спешным приказом ко всем жителям. Крик гонца словно ножом ударил по песне девушек и пресек ее на полуслове. Все, кроме глухих стариков, с тревогой высовывались из дверей, прислушиваясь к словам приказа.

«Все чаба... включая женщин, стариков и детей... явиться... бумага для печатания священных канонов... святое дело...» Цзы-хуан, еще не слишком хорошо говоривший по-тибетски, все-таки понял основной смысл приказа.

Густое черное облако закрыло месяц, и ночь стала совсем темной и еще более беззвучной.

Опершись о косяк двери и устало всматриваясь в непроглядную темень степи, начальник агростанции думал о том, что у него не хватает ни уменья, ни хитрости бороться с теми неизвестными силами, которые— он чувствовал это! — противодействуют любому важному начинанию. Ведь надо же, чтоб это «приказание свыше» появилось именно сегодня. Нет, завтра с утра он отправится к Су И. Пусть тот освобождает его от этой проклятой должности... Он, Цзы-хуан, солдат и готов в любую минуту драться в открытом бою. Но здесь...

Юэ-сян, выглянув из землянки, молча накинула на плечи мужа шинель и стала у очага разогревать ужин. Она быстро накрыла стол: поставила чашку дымящегося ароматного супа, тарелку с жареным перцем и тихо позвала:

— Иди ужинать!

Цзы-хуан устало присел к столику и уставился на чашку, что-то соображая. Плававшие в супе ломтики нарезанных утиных яиц живо воскресили в памяти Цзы-хуана хлопотливую и вездесущую утиную команду Ми Фу-шена.

— Откуда это у нас? — с испугом взглянул он на жену.

— Ешь и не рассуждай! Скоро уж светать будет...

— Я спрашиваю, где ты взяла все это? — он повысил голос.

— Ну где я взяла?! — Юэ-сян чувствовала, что муж не в духе и ищет выхода своему раздражению. — Подобрала! Шла с реки, вижу — лежит в траве. Я и подобрала...

— Подобрала! Подобрала! Ты, наверно, не помнишь, что есть более точное слово для таких вещей: «украла»! — вспыхнул Цзы-хуан.— Украла, а не подобрала! Ты срамишь меня перед людьми! Ты ведь знаешь, чьи это утки?! — и он швырнул палочки, встал и взбешенный отошел от стола.

Юэ-сян не двигалась. Она молча смотрела на мужа: видела, как он порывистым движением бросился на постель, рванул шинель, укрылся... Потом перевела взгляд на чашку с еще дымившимся супом... «Украла!!» Схватив одеяло и накинув его на плечи, она вышла в кухню. Ее тряс тяжелый озноб. Прислонившись к стене у очага, она с ожесточением зажмурилась. Но горячие слезы капали и сквозь опущенные веки.

Вот уже два года прошло с тех пор, как она вслед за мужем перебралась сюда из далекого Китая. До чего же измучилась она без него за долгие годы войны и разлуки! И как радостно было найти его здесь! Нашла, почти отчаявшись найти... И хотя измученный, вечно занятый муж порой вообще забывал о ее существовании, Юэ-сян не замечала этого. Поглощенная единственной мыслью облегчить жизнь этого усталого, горячо любимого человека, она не ждала тогда особого внимания к себе с его стороны, мирилась с тем, с чем, наверно, и не надо было мириться с самого начала...

Слишком часто за последние месяцы сидела она вот так, одна, забыв потушить свечу. Слишком часто стало повторяться все это. Но почему? Почему? Наверно, потому, что у них нет ребенка. Когда в семье нет детей, начинаются ссоры. А ей вот уже тридцать четыре, и ни одного ребенка... А могу я родить? А если нет? Что если нет?.. И она тихо плакала в эти одинокие ночные часы.

Не спал и Цзы-хуан. Тихие всхлипывания жены вызвали в памяти давние годы... Впрочем, не такие уж давние. Это было девять лет назад. Однажды ночью — он был тогда бойцом связи партизанского отряда — ему посчастливилось проходить через родную деревню. Остановились на привал, и он побежал домой. Стоит перед дверью, а войти не может. Не может, и все! Сколько радости тогда было дома, даже не хватало слов... Отец и мать обнимают, а он вырвался, чтобы хоть минут-

ку лишнюю побыть с ней... Они и жили-то вместе всего три месяца, а не виделись целых три года.

Юэ-сян прильнула к нему тогда и вот так же, как сейчас, всхлипывала тихонько и очень жалостливо... А он только прижимал ее к себе, беспомощно уговаривая не плакать и вымолвить хоть словечко.

Всю эту мимолетную встречу, все те пятнадцать минут она так и проплакала. Пора... С трудом разнял ее руки, обвившиеся вокруг его шеи, оставил ее, рыдавшую, бессильный помочь, утешить.

Какая это была тяжелая и... счастливая встреча!

«...Она ведь отдала мне самое дорогое — свою молодость, свою любовь. Без единого слова упрека, без жалоб на одинокую, полную испытаний жизнь, ждала двенадцать лет. А что я ей дал взамен?! Я не сказал ей ни одного ласкового слова. Раз в три дня видишь ее и то, чтобы придраться к чему-нибудь. А кого винить в том, что ничего не получается? Ее легко обидеть, проще всего сорвать на ней досаду и недовольство собственной беспомощностью. Она все простит... Ну чего сегодня разошелся? Внести в кассу деньги за эти яйца, и все. Для меня же старалась...»

Он отодвинулся к стене, поправил вторую подушку, покрыл одеялом половину постели, где спала обычно Юэ-сян.

— Что ты там делаешь? — окликнул он жену. Юэ-сян молчала.

Через минуту она услышала, как он, шаркая туфлями, направляется в кухню. Она с головой укуталась в одеяло.

Он опустился на низенькую скамейку рядом с ней, обнял ее. Она передернула плечами, стараясь освободиться от его руки.

— Ну хватит же, Юэ-сян, хватит... женка, — голос его стал мягким, проникновенным.

— Ты бы, прежде чем ругаться, спросил сначала, — и, не пытаясь больше сдерживать слез, Юэ-сян разрыдалась: — Ты бы хоть выслушал меня! Ну, подобрала я эти яйца, так ведь я за них деньги заплатила, их завхоз записал на наш счет... Он сказал, что в прошлом месяце тебе недодали восемьсот юаней. Вот в счет недоданного он и записал...

— Не надо, Юэ-сян. Я уже давно не сержусь на тебя. Я на себя зол, на себя самого...— вздохнул Цзы-хуан.— Подумай только, все ведь стало налаживаться, только подняли было голову, и вот... Ты же слышала, что сообщил гонец? Приказано, видишь ли, населению всех сел... Даже старики и дети сгоняются с завтрашнего дня куда-то делать бумагу для каких-то священных книг. Это значит месяца на два, на три... с кем же нам работать? Кому помогать? Для кого мы трактор и плуги раздобывали?

Юэ-сян подняла заплаканное, припухшее лицо и растерянно посмотрела на мужа:

— Разве они не могут привлечь к этому делу людей из дальних сел?

— Могут, конечно.

— Так назло они что ли забирают людей отсюда?.. Цзы-хуан, на зло?

Муж задумчиво поглядел на Юэ-сян.

— Не знаю, женушка, — признался он.

4

— Вот в армии ты был, — не торопясь продолжал Су И, — и, прежде чем что-либо предпринять, тебя обязывали оценить обстановку. А здесь? Что ты можешь сделать здесь, если обстановки не понимаешь?

Цзы-хуан виновато переминался с ноги на ногу, словно ученик перед учителем. На его счастье, Су И вызвали в соседнюю комнату. Цзы-хуан

застыл у подоконника, вглядываясь в беспредельную даль неба. Услышав шаги секретаря, он встряхнулся:

— Товарищ Су И, я думаю к этой самой правительнице съездить. Завтра поеду!

Су И одобрительно кивнул:

— Наконец-то додумался! Только не завтра, а сейчас же езжай. Да не забудь захватить хада, подарки там разные. Это прежде всего! С пустыми руками у них в гости не ходят, запомни. И кроме того, ты начальник. Фигура! С положением человек! Значит надо взять с собой «свиту». Тот, кто с тобой поедет, поднесет подарки, а ты сам только приветствуй. Понял? Возвращаться, наверно, к ночи придется, так что сопровождающий пригодится. Кстати, как этот молодец, что твое «счастье» украсть хотел?

— Ах, этот?! — Цзы-хуан беспечно махнул рукой. — Сбежал, давно сбежал! Он еще тогда порывался.

Су И задумчиво посмотрел на Цзы-хуана.

— Боялся тебя: думал, ты мстить будешь, убьешь его...

Секретарь протянул Цзы-хуану мешочек с серебром.

— Это самой Гэсанламе, жалованье за этот месяц. Очень возможно, что она снова откажется вас принять,— пояснил Су И,— тогда обязательно запиши эту сумму и скажи, что мы оставим их у себя на хранение, как и за прежние месяцы. Вот видишь...— Су И показал на пять таких же мешочков с серебряными юанями,— это деньги Гэсанламы за пять истекших месяцев.

Цзы-хуан взялся за шапку, собираясь прощаться, но секретарь остановил его:

— Погоди, вместе поедем. Нам по пути. Ты знаешь, кто приехал? Управляющий торговой компанией. Я еду с ним место подыскивать.

— Место? Магазины строить?

— А как же иначе? Конечно! По всей форме будем строить. Только вот место подходящее выбрать. Для города это будет иметь огромное значение... — О городе он говорил так, словно речь шла не о первом наброске проекта, а о реальном городе, уже возвышающемся в камне и бетоне на месте пустыря, поросшего верблюжьей колючкой.

Стоя в дверях, Су И познакомил Цзы-хуана с управляющим торговой компанией — очень моложавым и по-юношески стройным человеком. Управляющий надеялся, что Су И на ходу поможет разобраться ему в тех вопросах, которыми он засыпал секретаря несколько минут назад в кабинете. Сюда он ехал работать бухгалтером, но Су И встретил его словами: «Вы управляющий, значит?...» — и до сих пор не называл иначе, а новоиспеченный управляющий был не на шутку испуган свалившейся на него ответственностью. Однако секретарь вообще, казалось, забыл о нем. Су И рассказывал о покойном властителе этих мест и делал это с увлечением; видимо, в нем проснулся преподаватель истории.

— ...Так вот, — говорит Су И, — предание гласит, что в годы княжения седьмого или восьмого тибетского вана* молодой, отважный военачальник пошел походом на племена, населявшие пограничную с Тибетом местность, и победил их. Однако он навлек на себя гнев самого вана своей неуемной кичливостью и, попав в немилость, был разжалован в простолюдины. Ему было запрещено возвращаться в Лосо — так тогда называлась Лхасса. С горя молодой человек пристроился к дому могущественного вождя местного рода. Вскоре он был уличен в связи с дочерью вождя. Отец не стал противиться этой связи — тем более, что разжалованный военачальник был, собственно, знатного происхождения,—

* Князь *(кит.)*

и отдал ему дочь, а также даровал земли, «сколько конь за день обскачет». Ну, а наездником этот жених был, говорят, неплохим. Вот он за день и обскакал круг в пять с лишним тысяч ли. С него и пошел род Сянцзэгунбу.

От предков к потомкам — так и переходила веками эта земля из рук в руки, то процветая, то приходя в упадок.

Как рассказывают старики, основатель рода Сянцзэгунбу зачастил к своему соседу, тоже родоправителю, крупному феодалу по имени Лунжэ. Постепенно они породнились домами, и так продолжалось из поколения в поколение.

Наша нынешняя родоправительница Гэсанлама, например, старшая дочь одного из Лунжэ. Но как раз при последнем Сянцзэгунбу между двумя владетельными домами была нарушена традиционная дружба, и они стали смертельными врагами!

Говорят, в ссоре этой повинен был Лунжэ, что теперь, впрочем, уже никакой роли не играет. Сам Лунжэ погиб на охоте, под копытами своей лошади; и в очень скором времени один за другим поумирали все его наследники — прямые и побочные. Надо сказать, что все они умирали при очень странных обстоятельствах; в конце концов получилось так, что единственной наследницей несметных богатств рода Лунжэ оказалась жена его лютого врага Сянцзэгунбу, то есть наша почтенная Гэсанлама... А незадолго до этого люди нашли всю семью ее отца, всех его жен и детей лежащими вповалку во дворе своего дома, на воротах которого висел огромный замок, а по стене, окружавшей поместье, чьей-то рукой была прочерчена магическая линия. (Такая линия, по верованиям тибетцев, препятствует счастливому переселению душ умерших.) В живых остался лишь младший брат отца Гэсанламы, последний из рода Лунжэ.

Говорят, что, узнав об этом, Гэсанлама совсем растерялась. Зато супруга ее, родоправителя Сянцзэгунбу, это известие толкнуло на немедленные и решительные действия. Набрав человек триста чаба, вооружив их, он той же ночью поскакал к усадьбе младшего Лунжэ. Там и крикнуть, что называется, не успели, как были вырезаны все до одного. Все, кроме самого младшего Лунже и маленькой девочки Цимэйцзины, его племянницы. Молодой этот дядюшка, усадив племянницу к себе в седло, ускакал с нею неведомо куда и скрылся из этих краев. Всадники Сянцзэгунбу превратили роскошную усадьбу в мертвое пепелище, и вслед им неслись лишь крики воронов да ястребов, круживших над трупами. Что же касается родоправителя Сянцзэгунбу, то он прибрал к рукам их земли и земли других перебитых им хозяев и чувствовал себя на этих землях почти как дома... до тех пор, пока и сам безвременно не отправился к праотцам.

5

Рассказ Су И не слишком заинтересовал Цзы-хуана, но заставил его насторожиться. Нравы, как видно, здесь были жестокие. «Кого же взять все-таки в сопровождающие, в эту «свиту», — раздумывал Цзы-хуан, перебирая в памяти имена работников агростанции. Возможность выбора была очень ограниченна — все заняты и не все годятся. В конце-концов он решил так: пусть Юэ-сян стережет уток, а Ми Фу-шена он возьмет с собой.

У самого входа в «крепость» Цзы-хуана и Ми Фу-шена окружила свора косматых собак. Злобным рычанием сопровождали они каждое движение гостей; Ми Фу-шен уже собрался было отступать, но остановился под пронзительным взглядом Цзы-хуана. Секунду спустя Цзы-хуан с облегчением рассмеялся: собаки ничего не могли сделать, их ошейники были устроены так, что мешали им приблизиться вплотную к лестнице.

Поднявшись на самый верхний, четвертый этаж и выбравшись из темного лабиринта переходов, оба посланца очутились наконец у дверей, ведущих в покои хозяйки. Служанка выглянула, сразу услышав их шаги, и сообщила, что хозяйка, к сожалению, не принимает — сегодня «недобрый день».

Цзы-хуан разозлился. Надо было помнить, что, по местным обычаям, среди тибетской знати в этот день не принято и упоминать о визитах. Оставалось кивнуть головой в знак согласия. Цзы-хуан жестом приказал Ми Фу-шену отдать служанке мешочек с серебром:

— Если вас не затруднит, передайте это хозяйке. Здесь жалование правительнице цзуна* за текущий месяц...

Через минуту служанка принесла серебро обратно.

— Хозяйка сказала...

— Хорошо, хорошо, — не давая ей докончить, заторопился Цзы-хуан,— здесь сто шестьдесят четыре юаня. Пусть она запишет эту сумму, а я сдам деньги на хранение...

Визит был окончен, пришлось удалиться, ничего не добившись. Цзы-хуан мысленно упрекал себя: откуда это он взял, что удастся уговорить родоправительницу отменить приказ об изготовлении бумаги для священных книг. Ми Фу-шен негодовал вслух:

— Подумаешь, «недобрый день»! Аристократка!

В воротах им пришлось посторониться, пропуская мчавшегося во весь опор всадника. Этот хорошо одетый молодой человек как будто искал их. Во всяком случае, увидев Цзы-хуана и Ми Фу-шена, он кивнул им, словно говоря: «Сейчас!»,— и лихо спрыгнул с лошади. В его поведении чувствовались скромность и умение сохранять собственное достоинство. Открытое лицо его было привлекательно.

— Давно приехали, бэньбу? — приветливо обратился он к Цзы-хуану и тут же пояснил: — Вы меня не знаете. Я — сянцзы и давно уже хочу познакомиться с бэньбу.

Сянцзы? Цзы-хуан вспомнил чей-то рассказ об управляющем Гэсанламы.

— Вы... Ваше имя?

— Чакэдоцзи! — представился молодой человек и быстро заговорил:

— Мне просто повезло! Я ездил к вашему начальнику Су И, но не застал его. Очень хорошо, что встретил вас. Вы тоже сможете помочь...

— Помочь? — удивленно переспросил Цзы-хуан.

— Да, помочь. Вчера ночью здесь были обнаружены конокрады, они увели у Гэсанламы семь лучших лошадей и седла прихватили... Но один из них не ушел, его удалось схватить. А здесь еще властвуют средневековые обычаи. По этим обычаям... конокраду выкалывают глаза и отрубают руки, а затем изгоняют... Конечно, грабителей я и сам ненавижу. Но такое зверство в наши дни... Простите, что беспокою вас, но идемте скорей...

Цзы-хуан и Ми Фу-шен растерянно переглянулись.

— Идемте же! — повторил настойчиво Чакэдоцзи, — прошу вас, поговорите с Эмадэндэном. Конокрада схватил он, он и будет с ним расправляться. А вы лицо уважаемое, вы — бэньбу. Если вы захотите...

Действительно, обычай отвратительный. Надо бы помочь.

Пока Цзы-хуан раздумывал, Чакэдоцзи привел их к загону, из которого и были похищены лошади. Здесь, в самом центре утоптанного плаца, стоял шатер, охраняемый очень рослыми вооруженными людьми. За пропажу лошадей они получили утром по сорок плетей и теперь старались выслужиться, ловя каждый взгляд хозяина. В шатре сидел Эмадэн-

* Административная единица в Тибете, соответствует уезду в Китае.

дэн. Со скучающим лицом он перебирал четки, время от времени прикладываясь к тонкой фарфоровой чаше с ячменным вином.

Он не обратил никакого внимания на вошедших, даже не повернулся, но, услышав голос Чакэдоцзи, назвавшего имя Цзы-хуана, сразу вскочил и попытался всем своим видом изобразить величайшее удовольствие от внезапного посещения. Цзы-хуан, подумав о подарках, протянул приготовленные для Гэсанламы дары улыбавшемуся Эмадэндэну.

Эмадэндэн, приняв подношение, передал все подвернувшемуся слуге и стал отвечать на приветствие, протянув Чэнь Цзы-хуану вместо ответного подарка только что от него же полученный хада. Вернуть один из преподнесенных шарфов считалось здесь «хорошим тоном».

Все сели, но беседа как-то не завязывалась: внезапно поднялась сумятица — к шатру, где находился преступник, приблизились стражники.

Ми Фу-шен вздрогнул и еле сдержал крик. Он первый увидел, что конокрадом, над которым готовился самосуд, оказалась та самая «женщина-черт», какую он видел дня два назад... Ее держали двое верзил, вооруженных до зубов и жаждавших отомстить за то, что их спины хранили еще кровавые следы порки.

Перед преступницей разложили орудия расправы: широкие тибетские сабли и остро отточенные бамбуковые дротики... Предусмотрительный ниба созвал сюда около десятка лам. В полном облачении, точно соблюдая ритуал, они расположились пока в стороне, бросая на преступницу полные любопытства взгляды.

А сама преступница казалась совсем равнодушной ко всему происходящему. Прикрывая грудь халатом, разорванным в клочья, она стояла перед входом в шатер, безучастно ожидая, чем все это кончится. Но тут она увидела Эмадэндэна и метнула в его сторону вызывающий, полный презрения и издевки взгляд и больше уже не отводила сразу ставших жестокими глаз от своего мучителя. Вздох ужаса пронесся в толпе: словно из-под дьявольской маски смотрели эти застывшие глаза. Не верилось, что это она, вызывавшая у всех такое восхищение своими танцами, — нежная, гибкая, розовощекая красавица — теперь, словно загнанный зверь, стоит перед толпой, охваченная бессильной злобой.

Эмадэндэн перебирал четки и молча отхлебывал из фарфоровой чаши. Он медлил. Цзы-хуан почувствовал, что ждать дольше нельзя. Он обратился к Эмадэндэну, стараясь казаться спокойным.

— Ниба! Как же ты думаешь наказать ее?

— Так, как велит обычай!

— Сколько вчера лошадей пропало? — словно из праздного любопытства спросил Цзы-хуан.

— Семь, — показал на пальцах Эмадэндэн. — И все нашлись, все семь!

— Выходит, она и не украла ничего? Откуда вы взяли, что это ее рук дело?

— Спроси-ка лучше, где ее нашли. Знаешь, где ее схватили? В стоге сена пряталась, за домом Гэсанламы, поджечь хотела!

— Поджечь? Ее и схватили в эту минуту?

— Не успела. Но у нее нашли огниво! — Эмадэндэн нетерпеливо ждал, когда кончатся вопросы. Он уже поднял было руку, чтобы дать знак начинать расправу, но Цзы-хуан молча пригнул его руку вниз.

— Подожди, я вижу и ты тоже огниво носишь. — Цзы-хуан показал на пояс Эмадэндэна... И многие носят. Кто курит, кто чай кипятит...

— А! Так ведь... — Эмадэндэн понял всю шаткость своих обвинений и судорожно искал выхода. — Ладно! Из уважения к почтенному начальнику мы бы даже готовы были простить ее. Но обычай строг... Пусть она попытает свою судьбу. Если невиновна, дух сохранит ее.

Эмадэндэн осушил чашу, торопливо, насколько ему позволяло его безобразно расплывшееся тело, поднялся и тяжело заковылял к выходу. Он считал шаги, стараясь не сбиться. Отмерив пятнадцать шагов, остановился, повернулся, позвал стражников. К нему подтолкнули девушку. Размеренными движениями, словно совершая таинственный обряд, Эмадэндэн поднял фарфоровую чашу и осторожно установил ее на голове пленницы.

Чакэдоцзи вздрогнул и сжал локоть Цзы-хуана:

— Бэньбу, как вы стреляете? — прерывистым шепотом спросил он.

— Что?

— Как вы стреляете, спрашиваю? Он же сейчас предложит вам испытать ее судьбу...

Цзы-хуан вздрогнул:

— Мне?! Нет!

— Как же «нет»? Тогда надо нанять кого-нибудь... — Чакэдоцзи в отчаянии кусал губы, не зная, что делать.

— Нет! Я не рискну! — решительно повторил Цзы-хуан.

Эмадэндэн возвратился к шатру, тяжело опустился на свои подушки и, играя четками, улыбнулся Цзы-хуану:

— Бэньбу! Осмелюсь затруднить вас своей просьбой! Попытайте ее судьбу! — он махнул рукой в сторону девушки. — Если чаша уцелеет, тогда уж...

— А если она разлетится вздребезги? — Ми Фу-шен что есть силы грохнул кулаком по небольшому столу.

— Тогда, клянусь честью, с шутовской веселостью объявил Эмадэндэн, — я сам, собственными руками развяжу ее руки.

— Нет! Не выйдет дело! Слушай, ниба... — Цзы-хуан встал, твердо решив прекратить эту игру; но Ми Фу-шен выхватил в эту минуту свой карабин и, крикнув девушке: «Не шевелись!», как-то с ходу, почти не целясь, выстрелил.

Тонкий фарфор брызгами сверкнул над головой «женщины-черта».

6

Девушка брела по горной дороге, прихрамывая, с трудом переступая израненными ногами, все еще не веря, что она на свободе. Кругом царила глубокая тишина, нарушаемая лишь далеким шумом быстрого горного потока. Все, что случилось, напоминало кошмарный сон. Но — увы! — это был не сон — ноги кровоточат, руки в ссадинах, с кровоподтеками от веревок. Она брела, поминутно озираясь, брела из последних сил — куда глаза глядят...

У седловины дорога переходила в тропинку, вьющуюся по отвесной стене над бездной, наполненной туманом. Внезапно она вздрогнула, услышав за собой стук копыт, звучавших все более отчетливо. Из-за поворота внезапно показался верховой. Она опрометью бросилась в придорожные кусты, не решаясь даже оглянуться.

— Разве так прячутся? — раздался за ее спиной прерывистый голос еще не отдышавшегося после скачки Чакэдоцзи.— Я же вижу тебя.

Девушка метнулась и подняла глаза, полные отчаяния и ненависти.

— Ну, что ты на меня так смотришь? — шутливо, как с ребенком, заговорил Чакэдоцзи, но сразу же изменил тон. — Не бойся, выслушай меня...

Девушка молчала. Чакэдоцзи спрыгнул с коня, сел на камень и, вынув табак, стал закуривать.

— Я сейчас уеду, ответь мне только на несколько вопросов... Как тебя зовут?

— Чжума!

— Э, Чжума — это для других, — спокойно улыбнулся Чакэдоцзи.— Твое имя Цимэйцзина!

Лицо девушки исказилось от страха; застонав, она в порыве безнадежного отчаяния, бросилась мимо Чакэдоцзи — к пропасти...

Чакэдоцзи успел все-таки настичь ее и едва не свалился вместе с ней в пропасть — так сильно девушка вырывалась из рук, кусалась и царапалась.

— Что с тобой? — с трудом кое-как успокоив девушку, спросил Чакэдоцзи.

— Хочу умереть.

— Почему?

— Меня узнали...

— Но знает тебя один только человек — я.

— Я и прошу тебя, дай мне умереть! — закричала она и снова попыталась вырваться.

— Послушай же! — Чакэдоцзи крепко схватил девушку, почти пригибая ее к земле.

— Пусти... Ну, души меня, не боюсь... но только скажи, кто послал тебя за мной?..

— Да успокойся же, наконец. Я все объясню. Ты знаешь, кто я? Не знаешь. Так вот, я, как и ты, нахожусь здесь, чтобы мстить! Мстить! — с силой повторил он.

Она недоверчиво посмотрела на него, но Чакэдоцзи словно и вовсе забыл о ней. Глаза его устремились куда-то в даль, он разжал руки, и Цимэйцзина медленно поднялась с земли.

Она силилась сообразить: что заставило этого человека броситься ей на помощь?

Чакэдоцзи вдруг мягко спросил:

— А знаешь ли ты, что это по моей просьбе бэньбу вступился за тебя?

— Бэньбу? По твоей просьбе? — Цимэйцзина растерянно глядела на Чакэдоцзи.

— Выслушай, Чжума,— внезапно назвал он ее этим вымышленным именем, — не спрашивай больше ни о чем и помни: у нас с тобой одна цель. Но если хочешь мстить, ты должна подчиниться мне. Я найду возможность... Я сумею... с тобой вместе. Понимаешь?

Она неуверенно кивнула.

— Согласна? — спросил Чакэдоцзи.— Тогда жди моего знака. Куда ты теперь?

— Не знаю!

— Будешь искать свою компанию?

— Нет. Это конокрады! — с презрением бросила Цимэйцзина.

Чакэдоцзи одобрительно посмотрел на нее:

— Правильно! Что толку водиться с такими людьми? Но ты должна устроиться где-нибудь поблизости... И не делать глупостей! А то сено поджигать вздумала! Ну какой в этом смысл? Гэсанлама с сыном живут на четвертом этаже! А дом-то! Ты видела, какие стены? Разве их подожжешь?! Нет, мы сделаем другое... Уж я-то придумаю. Придумаю! Только обожди. Ведь выйдет же она когда-нибудь из дому, тогда и...— Чакэдоцзи согнул свой указательный палец, словно спуская курок.

Чжума-Цимэйцзина нахмурилась.

— Но у меня нет ружья. Да я и не умею...

— Ты не умеешь? — хитро заулыбался Чакэдоцзи.

— А ты?

— Ну куда мне! — засмеялся Чакэдоцзи. — Я с десяти шагов в яка не попадаю.

Он встал, потирая искусанную Цимэйцзиной руку!

— Ладно,— лицо его снова стало суровым и холодным,— все будет — оружие и месть. Но помни: во всем слушаться меня. А теперь иди!

И, словно подчиняясь его повелительному тону, девушка покорно побрела по узкой горной тропинке.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

Чаба, оторванные по приказу свыше от привычной жизни, от семей и родных сел, готовились стать настоящими рабочими бумажной промышленности.

Разбив войлочные палатки, они располагались партиями и группами в районе лесоразработок. Почти каждый из них захватил с собой имевшийся дома запас дзамбы. Теперь они кипятили чай в жестяных котелках и не спеша рассуждали о предстоящей работе. Обработка древесины — от окорки ствола до изготовления белой печатной бумаги — дело сложное, требующее долгого времени, и это чаба было очень хорошо известно.

Но на третий день прибыл подрядчик.

Он был смущен и даже слегка расстроен.

Поздоровавшись со всеми, он вдруг заявил:

— Можете хоть сейчас возвращаться домой!

Это звучало невероятно, непостижимо. Домой? Да, домой. Совсем? Конечно. Но почему все-таки приостанавливалось производство бумаги? Об этом подрядчик молчал, а задавать вопросы не полагалось. Как бы то ни было, подрядчик говорил уверенно. И все знали, что самовольно он никогда не мог бы отдать такое распоряжение. Тем лучше! Никто не собирался здесь задерживаться.

Старик Сылавэньдуй по-настоящему поверил в свое возвращение лишь тогда, когда стал приближаться к дому. В лицо ему дул встречный холодный ветер. С каждым днем становилось все холоднее. Мысли Сылавэньдуя вертелись вокруг хозяйственных дел.

Нужно наверстать дни, потерянные на лесозаготовках, и как можно быстрее вспахать участок на склоне горы. И пока не выпал глубокий снег, надо накосить побольше сена. Беда, если не запасешь на всю зиму корм для яков! Корова скоро должна отелиться, и ее, конечно, нельзя больше впрягать в соху, а яка скорее забьешь до смерти, чем заставишь сдвинуть соху с места. Как же быть? Сейчас каждый пашет не покладая рук, с какими глазами пойдешь к людям одалживать скотину?! Но не заставлять же собственную жену надевать веревочный хомут и вместе с яком тянуть соху!

Позволить, чтобы впряглась Цючжи? Но она совсем подросток, вырастет еще горбатым уродом!

Самому тянуть лямку? Можно, конечно. Но кто тогда пойдет за сохой?

Сылавэньдуй погрузился в глубокое раздумье. Он решил сначала заняться косьбой, а там, когда корова отелится, видно будет, что делать дальше.

Сразу же по возвращении домой Сылавэньдую пришлось принять участие в горячем споре между женой и дочерью. На агростанции собирались нанять табунщика. Цючжи, как только услыхала об этом, сразу

же побежала искать зоотехника Ни, которая, хоть и была здесь новым человеком, но могла уже считаться старшей сестрой Цючжи. Тибетские девушки ласково называют свою самую близкую и хорошую подругу «любимой сестрой».

— Сестра Ни, я слышала, что агростанции требуется табунщик?

— Как же, требуется!

— А кто нужен, мужчина или женщина?

— Все равно! Лишь бы умел пасти лошадей!

— Как ты думаешь, Ни, я подойду? Могут меня взять?

— Тебя? Почему же нет? — Ни горячо пожала ей руки. — Говорят, ты хорошая наездница и знаешь толк в травах?

— Ни, дорогая, замолви за меня словечко перед начальником, скажи, чтоб не нанимали со стороны!

— Ладно! Но у тебя дома согласятся?

— Согласятся!

Но все сложилось вопреки ожиданиям; мать стала решительно возражать, и даже отец поддержал ее.

— В деревне молодежи — сколько хочешь; если ты не пойдешь на эту работу, найдутся другие.

— Но мне по душе эта работа!

— По душе! А кто будет сушить кизяк? Кто будет доить коров? Кто будет...

— С кизяком можно управиться ночью, и доить буду тоже по ночам!

— Ночью, ночью! — ворчала мать, теребя шерсть.— А кто тебя будет искать по ночам? До полуночи не возвращаешься домой, шумишь, носишься где-то в поле! Хоть горло надорви — не дозовешься!

— Я уже обо всем договорилась!

— Ну и что с того, что договорилась?

— Как это, что с того! Все равно я пойду работать!

— Попробуй только! — с угрозой в голосе произнес отец. — Смотри, как бы я тебя не побил!

Отец не только никогда не бил и не ругал Цючжи, но даже никогда не сердился на нее по-настоящему.

В разгаре спора в дверь неожиданно постучали — горцы всегда держат двери на запоре, днем и ночью.

— Сылавэньдуй, Сылавэньдуй! — позвал кто-то за дверью.

Цючжи отжимала творог; заслышав этот голос, она поставила в угол длинную бамбуковую трубку, которой орудовала, и, подобрав на бегу подол юбки, ловко спустилась вниз по бревну, заменявшему лестницу.

Отодвинув засов и бесшумно распахнув одну створку двери, она очутилась лицом к лицу с двумя нежданными гостями — Чжу и Е Хаем. Их приход показался Цючжи удивительным: она с радостным изумлением смотрела на гостей, совсем забыв о том, что стоит в проходе и мешает им войти.

— Отец вернулся?

— Вернулся, он наверху!

Дома горцев строятся в два этажа. Дом покрыт плоской крышей, на которой обычно вялят на солнце свежие фрукты. Верхний этаж жилой, а нижний состоит из небольшого дворика, шага в два-три шириной, да загонов для скота, огороженных частоколом из жердей.

Цючжи повела гостей через скотный двор, где стоял неистребимый запах сена и навоза,— миновать двор было нельзя. Потом она пригласила их подняться наверх. Лестницей служил ствол дерева, на внешней стороне которого, на равном расстоянии одна от другой, топором были как обычно нанесены неглубокие зарубки. Зарубки настолько неглубокие, что взбираться по такой лестнице столь же трудно, как карабкаться

на телеграфный столб. Видя, что гости в нерешительности переступают с ноги на ногу, Цючжи, подобрав юбку, ловко взбежала наверх. Потом она снова спустилась вниз, чтобы помочь подняться Чжу и Е Хаю. Домочадцы Сылавэньдуя засуетились, весь дом пришел в движение — горцы всегда с большим радушием принимают гостей. Тем более таких гостей! Старик старательно протер тряпкой низенький столик, а его жена поспешила подмести пол, после чего только что вытертый столик вновь покрылся тонким налетом пыли.

Цючжи постелила гостям циновки, достала из шкафа несколько деревянных чашек и усердно принялась за мытье посуды; вскоре на низеньком столике появились чай с маслом, дзамба, простокваша, черный сахар, словом, стол был уставлен всеми яствами, которыми может угощать семья горцев своих гостей. От всех этих кушаний исходил резкий запах. Непривычному человеку такой запах даже издали казался нестерпимым. Но Чжу и Е Хай, не моргнув глазом, принялись за угощение. Пренебречь этим угощением значило нанести кровную обиду хозяевам. Поэтому оба гостя пальцами старательно собрали остатки дзамбы со дна чашек, и лица хозяев сияли от удовольствия. Теперь Цючжи готовилась задать гостям несколько вопросов о «львах»; например, откуда вырывается тот могучий рев, который оглушает людей? Не из чадящей ли дымом трубы? И почему «лев» может двигаться вперед и назад? И как поступить, если вы хотите, чтобы «лев» сделал поворот? И куда девается вонючая вода, которую называют бензином; почему она не вытекает обратно, после того как ее зальют в брюхо «льву»?

Однако начатый гостями разговор помешал ей удовлетворить свое любопытство. Е Хай уже давно намеревался изложить цель их визита. Съев чашку дзамбы и считая, что тем самым полностью выполнил долг вежливости по отношению к хозяину, он вытер углы рта и обратился к Сылавэньдую:

— Есть одно дело, о котором нужно с тобой поговорить! Все, кого мы ни спрашивали, советовали обратиться к тебе...

— Поговорить со мной? — несмело переспросил старик.

— Видишь ли, — заметил Чжу, — ты ведь знаешь, что как раз в середине нашего опытного поля находится большая пирамида Мани*? Мы хотим спросить тебя, можно ли перенести ее на другое место?

— Сам посуди, предположим, вот это пирамида Мани. — Е Хай поставил в центре стола фарфоровую чашку из-под простокваши и описал вокруг нее пальцами несколько кругов по столу, пояснив: — Трактор, то есть «лев», передвигаясь по полю, всякий раз должен огибать пирамиду и делать при этом большой крюк. Тратятся попусту бензин и время, одно расстройство, а не работа. Если бы можно было...

Ну да! Разумеется, дело проще-простого: нужно лишь перенести пирамиду на другое место. Однако разве Мани — это какая-нибудь вещь, с которой можно обращаться, как вздумается?

С тех пор как Сылавэньдуй помнил себя, пирамида Мани высилась здесь, в поле, подобно таинственной и загадочной каменной горе. То, что все его родные, и домашний скот, и даже дом, посевы, деревья могли рассчитывать на незримое покровительство священной силы, в представлении Сылавэньдуя имело непосредственную связь с пирамидой Мани. Ему ежегодно приходилось жертвовать все деньги, вырученные от продажи бараньих шкур или целебных трав, на то, чтобы высекать письмена на камнях, — плата, которую ламы взимали за это, устрашающе росла.

* Пирамида Мани сложена из камней с высеченными на них письменами. Когда людям нужно обратиться с какой-либо просьбой к святым, они опускаются на колени перед нею и, молясь, кладут поклоны в течение нескольких дней, а иногда даже и нескольких десятков дней. (Прим. автора).

Ходили слухи, что пирамида Мани сложена из серебряных монет, и если это было правдой, то, наверно, значительную их часть составляли монеты, которые ежегодно жертвовал Сылавэньдуй.

Пирамида Мани, бесформенной массой возвышавшаяся как раз напротив ворот его дома, возлагала на старика большие и священные обязанности. Он чувствовал, что должен постоянно проявлять заботу о ней и что если пирамида Мани подвергнется хотя бы малейшему оскорблению, то и ему не избежать возмездия. Он помнил, что когда Цючжи было всего восемь лет, она, еще ничего не понимая, забралась на вершину пирамиды и немножко там посидела; зимой того же года волки зарезали у него резвого быстроногого жеребенка. В другой раз его старуха, говоря о пирамиде Мани, неосторожно указала в ее сторону пальцем; снова последовало суровое наказание — на третий день старуха занемогла, заметалась в жару и чуть было не умерла. А теперь эти двое пришельцев с агростанции предлагают вообще перенести пирамиду Мани в другое место. Даже подумать об этом страшно!

— Нельзя прикасаться!

Ответ был настолько краток, ясен и решителен, что Чжу и Е Хай сразу поняли: договориться невозможно. Из деликатности они посидели еще немного, но хозяева теперь держались натянуто, и гости быстро стали прощаться. Домой они возвращались молчаливые и разочарованные. Проходя через поле, увидели агротехника Лэя. Устроившись на небольшом бугорке, Лэй что-то чертил. На коленях у него была большая доска.

Подойдя к нему вплотную, Чжу и Е Хай разглядели, что это была карта посадки культур.

— Лэй, а где у тебя на карте пирамида Мани? — спросил Е Хай.

Агротехник молча указал карандашом на какую-то точку.

— Ох, если бы перенести ее на другое место! — вздохнул Чжу.

Но Лэй не проявил особого интереса. Он считал эту затею безнадежной и несвоевременной. Гораздо больше его огорчало то, что на агростанции не было необходимых инструментов. Измерения приходилось производить шагами, и вся карта была составлена на глаз, как набросок с натуры. К тому же не нашлось большого листа бумаги, и различные надписи и линии путались и походили на клубок паутины.

И все же, нанося последние штрихи, Лэй испытывал большую радость. Тщательно расправив помятую бумагу, он видел не поперечные и продольные обозначения, не пояснения и не цифры. Нет! Перед его мысленным взором предстала осенняя пора! Осень, золотая осень; солнце садится за горы, но в полях и на току по-прежнему работают люди, а на дорогах, пересекающих поля, слышен скрип колес, сливающийся со звонкой песней...

Лэй давно собирался написать очередное письмо профессору Ляо, но все откладывал, пока не закончит составлять карту. Сейчас ему захотелось немедленно взяться за письмо. Подробно описав план посевной, он перешел к личным вопросам.

«Вы хотели знать, профессор, как я приобретал знания по сельскому хозяйству? Но я очень немного могу рассказать вам об этом. Дойдя до второго класса школы средней ступени, я бросил учиться из-за недостатка средств и с большим трудом устроился на работу в подсобное хозяйство сельскохозяйственного института. Я подал в канцелярию директора заявление с просьбой о бесплатном посещении лекций. Бедственное положение нашей семьи было известно, и от платы меня освободили, но нужно было сдать несложные экзамены. Они действительно были нетрудными; преподаватель спросил первое, что пришло ему в голову: «Читал ли ты труды Вейсмана и Моргана?» Я не имел ни малейшего представления об их работах. Преподаватель усмехнулся: «Уж лучше бы тебе пахать зем-

лю! Этим хоть прокормишь себя!» Вот, собственно, и все, что можно рассказать о моем сельскохозяйственном образовании...»

Конечно, Лэй мог бы добавить, что он украдкой делал в поле различные опытные посадки и занимался скрещиванием растений и что никто не разделял радости его успехов и не утешал его в минуты горьких неудач. Он мог бы написать профессору и о том, как по ночам усердно изучал труды отечественных и иностранных ученых, но из скромности Лэй этого не сделал.

«Посланные вами семена крымской «виктории», «колхозницы» и некоторых других иностранных сортов ягод мы уже получили, спасибо вам! Но я хочу еще побеспокоить вас просьбой о присылке семян морозоустойчивого чая. Тибетцы едят много мяса и жиров. Чай им так необходим! Между тем здесь его никогда не выращивали и покупают в плитках по дорогой цене у торговцев...

Шлю привет и крепко жму Вашу руку. Желаю всего наилучшего преподавателям и бывшим товарищам по учебе.

Ваш ученик Лэй».

2

Лэй сам пошел на почту отправить письмо. Проходя мимо метеорологической станции, как люди называли землянку, в которой жили Линь Юань и Ни, он невольно замедлил шаги.

Он признался себе, что ему хочется войти и показать Ни первой свою карту. «Но ты же решил?..» — спросил внутренний голос. И, оправдываясь перед самим собой, он мысленно ответил: «Надо выяснить ее мнение о пастбищах, может придется внести какие-нибудь поправки». Внутренний голос не сдавался: «А почему, в таком случае, ты не обратился за советом и к другим?» В этот момент раздалось негромкое покашливание, и на пороге землянки показалась Ни. Отступать было поздно. Ни одной рукой придерживала полог у входа, а другой застегивала воротник вязаной кофты, придававшей ей спортивный вид.

Увидев стоявшего напротив двери Лэя, Ни окинула его пристальным взглядом. Лэй озабоченно спросил:

— Ты кашляешь? Простудилась?

— Нет! — ответила она удивленно.

Лэй смутился: не выдал ли он себя таким подчеркнутым вниманием? Пытаясь поправить дело, он равнодушно спросил:

— Табун вернулся?

— Нет еще, но скоро должен вернуться. А у тебя какое-нибудь дело?

— Нет, ничего! — он почувствовал, что его вопрос о табуне прозвучал нелепо.

Но девушка держалась непринужденно.

— А это что у тебя? Не посевная ли карта?

— Именно. Как ты догадалась?

Ни улыбнулась.

— Поняла. Вчера в разговоре с начальником я сказала, что уже пора вспахать опытное поле и приступать к разработке плана сева, а он только плечами пожал: «Агротехник, мол, уже давно составляет карту!» Надеюсь, это не секрет? Можно посмотреть?

— Пожалуйста! — он нагнулся, собираясь развернуть карту на земле. — Только одно условие: ты выскажешь свои замечания, и чем конкретнее...

— Подожди! Смотри, измазал! — Ни поспешно сделала шаг вперед, осторожно подняла карту с земли и вошла в землянку. Лэй тотчас последовал за ней. Карта была аккуратно разостлана на белоснежной

простыне. Став на колени, Ни расправила непослушный лист бумаги и принялась внимательно его рассматривать. Он с волнением ждал, что она скажет. По выражению ее лица он понял, что Ни довольна. Да и чем, собственно, могла она быть недовольной? Специально для нее в квадратах карты были помещены различные кормовые культуры. И все же, оторвавшись от карты, Ни с сожалением произнесла:

— Неплохо было бы расширить площадь под кормовые!

— Земли маловато, — заметил Лэй.

Вместо ответа Ни вынула из кармана несколько листков бумаги и протянула ему. Это был черновик докладной записки, написанный неразборчивыми иероглифами. Против агростанции, на противоположном берегу реки, расстилалась широкая отмель. Весною паводок затоплял здесь низкий берег, а когда осенью вода спадала, она оставляла на откосе слой ила. Ни обнаружила это, переправившись как-то на тот берег в поисках трав, пригодных для скота. Вернувшись, она хотела поговорить с Цзыхуаном, но решила, что докладная будет убедительнее. В своей докладной Ни предлагала построить дамбу, чтобы преградить паводку путь. Тогда, даже при самых небольших затратах, плодородную почву отмели можно было использовать под посевы, и это увеличит общую площадь кормовых в десять раз. Лэй был в восторге:

— Замечательно! Сегодня вечером я обязательно зачитаю это на совещании!

Он размахивал листами бумаги и восклицал:

— Молодчина Ни! Умница! Сколько раз в течение дня я топтался тут, но мне и в голову не приходило...

— Ты лучше сделай подсчеты,— смеясь, уговаривала его Ни.— Еще неизвестно, удастся ли все это вообще?

— Почему же не удастся? Река там делает поворот, и сила течения уменьшается. А дамбу можно построить у подножия горы.

— Но эту твою докладную записку надо написать не так!

Лэй уже не мог думать ни о чем другом.

— Понимаешь, Ни, надо указать высоту и длину дамбы, из какого материала она должна быть построена, сколько рабочего времени надо потратить на ее возведение — все это должно быть выражено в цифрах.

Ни помрачнела: над этим она не задумывалась, да и не очень-то разбиралась в таких вещах. Она попросила Лэя пойти с ней на берег реки, чтобы еще раз все проверить и составить обстоятельную докладную записку. Лэй с радостью согласился. Они оба очень увлеклись и говорили об этой земле так, словно она давно уже перестала быть заброшенным участком. Ни уверяла, что вовсе не обязательно всю землю отводить под люцерну, какую-то часть надо выделить под кормовые. На первых порах следует организовать там свиноферму, а в будущем поставить и мельницу. Что касается Лэя, то он мечтал о канале со шлюзами и о строительстве электростанции.

За дверью послышались голоса:

— Привет, как живешь? Здравствуй! Давно вернулся?

— Только что! Не скажешь ли, где зоотехник?

— Кто? А-а! Она живет в одной землянке с метеорологом!

Трудно сказать, догадалась ли Ни, кому принадлежал этот голос, но Лэй узнал его сразу — то был Мяо Кан. Две недели назад Мяо Кан по поручению комитета уехал на пастбище, где создавалась опытная передвижная ветеринарная станция. Мяо Кан работал там ветеринаром, но главное было вообще ознакомиться с опытом организации таких станций. Рано или поздно предстояло такую же станцию создавать и здесь, в цзуне Гэнда. Мяо Кан намеревался пробыть в командировке месяц-другой,

но позавчера, узнав от одного работника комитета о прибытии Ни на агростанцию, он сразу переменил решение.

Мяо Кан подошел к землянке, но Ни по-прежнему сосредоточенно рассматривала карту, будто не слыша его шагов. Лэй внезапно вспомнил о каком-то важном деле.

— Карту я могу оставить у тебя,— торопливо произнес он.— Мне еще тут нужно зайти кое-куда... Когда будет время, мы все подробно обсудим.

На пороге Лэй все-таки столкнулся с Мяо Каном. Оба сдержанно поздоровались и посторонились, уступая один другому дорогу.

Очутившись лицом к лицу, Ни и Мяо Кан молча, пристально рассматривали друг друга. Но Мяо Кан не решался обнять Ни, а она ждала именно этого. Во всяком случае, ее строгое и сдержанное лицо внезапно залил яркий румянец, глаза лихорадочно заблестели. Но прошел еще миг, и в лице Ни произошла странная перемена. Оно словно померкло и застыло. Упрямо опустив голову, Ни с усилием выдернула свою руку, освобождаясь от крепкого рукопожатия Мяо Кана...

У него же, наоборот, эта встреча вызвала знакомое и волнующее чувство дружеской близости — она нисколько не изменилась! Такая же, как и прежде, вечно беспокойная и застенчивая!

— Я так и знал, что это ты! — заговорил он возбужденно, — на пастбище мне сказали, что на агростанцию прибыл новый зоотехник... девушка. Я не стал даже узнавать ни имени, ни фамилии, сразу решил: это — ты!

Ни по-прежнему стояла с опущенной головой.

— Почему же ты так решил?

— Зачем спрашивать? Ты ведь сама знаешь!

В самом деле, Ни хорошо знала, что Мяо Кан неоднократно обращался с ее согласия в провинциальное управление сельского и лесного хозяйства и просил при распределении зоотехников направить Ни в цзун Гэнда.

С затаенной обидой в голосе Мяо Кан спросил:

— А почему ты не дала мне знать, что выезжаешь?

— Тебе? Но при чем же тут ты?

Ни слегка улыбнулась, почувствовав, что держится слишком сухо. Стараясь скрыть неловкость, она начала убирать книги со стола, немного отодвинула чернильницу, зачем-то налила из термоса стакан уже холодной воды. Но, конечно, Мяо Кан все понял. Однако свойственное ему хладнокровие помогло и на этот раз. Делая вид, что ничего не произошло, он сказал небрежно:

— Конечно, люди здесь нужны, ты не ошиблась.

— Как обстоят дела на ветеринарной станции? — чувствовалось, что Ни задала этот вопрос только из вежливости. Но Мяо Кан начал обстоятельно рассказывать:

— На ветеринарной станции? Вообще, ничего. Правда, технические условия не совсем удовлетворительные... Сначала я думал пробыть там некоторое время, даже довольно долго... однако...

В эту минуту издалека донеслось конское ржание.

— Табун вернулся! — Ни порывисто поднялась и пошла к двери, бросив на ходу: — Мне пора!

— Подожди минутку! — Мяо Кан встал на пороге, преграждая ей путь и глядя на нее в упор. Ни опустила глаза. Оба молчали. Первой не выдержала Ни.

— Позволь, пожалуйста — произнесла она, и негромкий голос ее прозвучал так твердо, что Мяо Кан невольно посторонился. Ни вы-

скользнула за дверь, не прощаясь, а Мяо Кан, прислонившись к косяку, долго следил за ее медленно удалявшейся фигурой.

Девушки гнали табун, и в воздухе широко разливались их звонкие голоса, выводившие песню Цанянцзяцо*:

Если конь стремится в горы,
Ноги ты ему стреножь.
Если ж милая разлюбит,
Ты пути ей не закажешь.

3

После полудня Линь Юань отправилась навестить отца. Как всегда, приход дочери очень обрадовал Су И. Но вместе с тем, как всегда, он сразу же поинтересовался:

— Ты отпросилась?

— Да.

Он выдвинул ящик стола и вытащил две отливавшие восковой желтизной груши. В этих местах свежие фрукты представляли такую же редкость, как родник в пустыне. Эти груши Су И привез один из сотрудников, вернувшийся из Китая. При виде их Линь Юань чуть не запрыгала от радости, она схватила одну и стала неумело чистить кожуру. Затем, отдав грушу отцу, принялась было за другую, но Су И сказал:

— Оставь на завтра! Сначала съешь одну.

— А ты?

— Я не любитель таких вещей.

— Неправда. Я помню, мама мне говорила, что ты больше всего любишь груши. Однажды она с тобой пошла в сад, где было видимо-невидимо разных плодов, но ты ел только груши.

— Ну, что ты болтаешь! Бери скорее. У меня еще есть.

Линь Юань взяла очищенную грушу и, отрезая перочинным ножом ломтики, начала есть.

Принесли ужин — отварную лапшу, поблескивавшую звездочками масла и посыпанную мелко нарезанным луком.

— Ты не встретила по дороге начальника агростанции? — придвигая чашку, спросил Су И.

— Я видела его издали.

— Ага, значит, ты еще ничего не знаешь? Мы хотим поручить тебе новую работу.

— Какую?

— Будешь учительницей начальной школы!

— Учительницей? — удивилась Линь Юань. — А метеорология?

— Будешь и за погодой следить, и детей учить!

Как и предполагал Су И, на лице дочери появилась тень озабоченности. Конечно, работа учительницы хлопотлива и сложна. Поручить ей такую работу — не значит ли взвалить на ее хрупкие, почти детские плечи непомерно тяжелый груз?

Но Су И не мог не учитывать и все остальное.

— Детей здесь множество,— говорил он,— по узенькой улочке пробираешься осторожно, как бы не опрокинуть какого-нибудь малыша. А кроме юного служки из храма, все дети неграмотны. Все поголовно! Я уж тут проводил обследование — ни одного умеющего читать, понимаешь?

Линь Юань молча слушала, сосредоточенно рассматривая грушу, которую вертела в руке.

---

* Цанянцзяцо (1682—1707 гг.) — поэт, автор лирических стихов, широко известных в тибетском народе.

Су И, нахмурясь, продолжал:

— Пока мы не можем открыть школы во всех районах: нет специалистов-педагогов. Но за дело нужно браться уже сейчас. Конечно, все это очень трудно, с какой стороны ни подступись. Подумай только, здесь вообще впервые появится учитель — и этим учителем будешь ты!

— Но я...,— начала Линь Юань взволнованно и смущенно,— я же ничего не смыслю в педагогике!

— Ну и что ж? — Су И старался говорить бодро. — Работаешь же ты метеорологом, хотя никогда по-настоящему не обучалась и этому делу... Не так ли?

— Хорошо! — тряхнула головой Линь Юань.— Попробую, а там видно будет!

— Вот и отлично! — Су И понял, что больше говорить на эту тему не стоит, и молча положил в карман дочери вторую грушу.

4

От отца Линь Юань отправилась на метеопункт. На душе у нее было радостно — встречи с отцом всегда приводили ее в хорошее настроение.

Надвигались сумерки. У развилки дорог Линь Юань заметила свет в окне Мяо Кана. Значит, он вернулся? Линь Юань невольно замедлила шаги. Но как раз в этот момент свет погас. «Напрасно я обрадовалась,— подумала Линь Юань, — он же писал, что не сможет быстро вернуться... Но свет в окне?! Впрочем, мало ли кто мог зайти туда...»

Невдалеке промелькнула чья-то тень.

— Это ты, Лэй? — неуверенно спросила Линь Юань.— Куда ты идешь?

— Прогуливаюсь.

Лэй внимательно смотрел на Линь Юань. Нет, она ничего не знает о Мяо Кане и о зоотехнике Ни. Надо предостеречь ее. И он как товарищ обязан это сделать.

— Пойдем к реке! — неожиданно для самого себя сказал Лэй вслух.

— Без двадцати десять я снимаю показания приборов... — нерешительно начала Линь Юань. — Впрочем, еще есть время, идем!

Ей хотелось рассказать Лэю, что она будет учительницей. Но он первый начал разговор.

— Я кое-что должен тебе сказать...

— Должен? Тебе поручено начальством? Но отец... — то есть секретарь комитета, уже беседовал со мной...

— Не начальство, я сам... — перебил Лэй и положил ей руку на плечо.

Ничего не понимая, Линь Юань удивленно ждала. Они медленно шли к реке и молчали.

— Как ты думаешь, — набравшись духу, заговорил Лэй, — почему зоотехник Ни вдруг решила уехать отсюда?

Линь Юань пожала плечами.

— Может быть, ей очень захотелось домой? Или не понравилась наша агростанция? Я ей говорила, что через год-другой здесь будет настоящий механизированный госхоз. Но она стоит на своем: хочу на другую агростанцию, и все... Очень странно!

— Не так уж странно, если вдуматься. И ты... я хочу предупредить тебя...

— Меня?! О чем предупредить? — Линь Юань даже остановилась в тревоге.

У Лэя сразу пропала вся решимость. Он неловко забормотал.

— Ну, вообще... насчет погоды... Чтобы ты регулярно следила за температурой. Иначе, знаешь, если что-нибудь случится, мы не справимся...

Но Линь Юань тотчас почувствовала перемену тона и, охваченная смутной тревогой, начала доискиваться причин своего волнения. Почему-то ей кажется, что это связано с зоотехником Ни. И с освещенным окном Мяо Кана. Очевидно, Лэй что-то знает... Выпытать у него? Или спросить прямо? Она избрала именно этот путь.

— Брось, пожалуйста, о погоде. Значит, тебе известно, почему Ни просит о переводе? Известно? Отвечай! — Линь Юань даже каблучком пристукнула от нетерпения.

Лэй заговорил туманно, медленно. Наконец, он с трудом выдавил из себя:

— Если уж ты непременно хочешь знать, я думаю... это имеет отношение к тебе и к Мяо Кану.

Линь Юань догадывалась, что Лэй скажет что-нибудь в этом роде. Но обвинение, высказанное вслух, поразило ее. Не отвечая ни слова и равнодушно глядя на спокойную гладь реки, она как бы застыла в оцепенении. А Лэй, после того как главное было сказано так прямо и начистоту, сразу успокоился и заговорил наставительно, словно читал лекцию:

— Ты пойми, они с Мяо Каном — товарищи по учебе. С какой стороны ни подойти, все будет в ее пользу. Конечно, тут трудно говорить о правах, но неужели тебе безразлично, если из-за тебя страдает другой человек?

Линь Юань стояла по-прежнему молча, не шевелясь и ничем не выдавая, что слышит справедливые упреки Лэя. А Лэй почему-то словно выдавливал теперь из себя каждое слово, и голос его звучал очень жалобно.

— Надо понять, — с грустью говорил он, — что Ни его любит. Она его очень любит!.. Это надо понять!..

5

В этот вечер Ни долго не могла заснуть. Ей все вспоминалось, как она прибыла на агростанцию. Еще по дороге, разговорившись с Цзы-хуаном, она узнала, что ветеринар Мяо Кан уехал на пастбище и должен вернуться не раньше, чем через месяц. Как обидно! Ведь не предупредила она Мяо Кана о своем приезде лишь потому, что хотела сделать ему сюрприз. Вот, мол, добралась и сюда!

В тот вечер, когда она приехала, все были заняты — приводили в порядок плуги и трактор. Никто не обращал на нее внимания. Только Линь Юань встретила Ни так же радушно, как встречала каждого нового сотрудника. Именно Линь Юань приготовила для Ни мягкую удобную постель в своей комнате, именно Линь Юань поила Ни чаем и щебетала, как птичка, обо всем на свете. Конечно, говорила она, зоотехнику полагается не только отдельная комната, но и персональный кабинет... Но что поделаешь, агростанция еще плохо оборудована. И, может быть, даже лучше, что Ни пока побудет с нею, с Линь Юань. Вдвоем все-таки веселее!

У Линь Юань была особая способность быстро сближаться с людьми. Она пленяла их своей приветливостью и сердечной откровенностью. Эти ее свойства не замедлили проявиться и при встрече с Ни: здесь, в этой глуши, им обеим и по возрасту, и по работе неминуемо предстояло стать самыми близкими подругами.

Поэтому в первый же вечер Линь Юань подробно рассказала Ни все, что могла, о работниках агростанции и тут же нетерпеливо сама приступила к расспросам. Откуда Ни родом? Где училась? Почему избрала именно эту специальность?

Ни отвечала обстоятельно, стараясь быть точной.

— Почему выбрала эту специальность? Сама не знаю. Просто понравилось! А ты? Почему ты избрала профессию метеоролога? Долго училась?

Линь Юань вздохнула:

— Какая там учеба! Можно считать, что совсем не училась. Мой отец... Ты его знаешь? Он секретарь комитета. Он выписал сюда метеоролога, но тот почему-то не приехал. И тогда отец послал меня в авиационное управление, чтобы я хоть немного подучилась. Больше некого было послать. Сейчас я хоть и недоучка, но все-таки кое-что знаю. А сама-то я мечтала поступить в художественное училище...

— О! Хочешь стать певицей?

— С моим-то голосом?! Нет... — Линь Юань засмеялась. — Я хотела учиться танцевать. В детстве я училась танцевать в балетной группе. Но теперь поздно уж и думать об этом.

— А мне говорили, что важна основная подготовка. И поскольку она у тебя есть, то...

— Ох, Ни, чтобы стать балериной, нужно иметь большие способности. А главное — фигура. Ну, понимаешь? Ты погляди, какая я толстая! — Линь Юань опять рассмеялась.— Пройдет еще немного времени, и кто знает, во что я превращусь. Вот ты — другое дело...

— Ну, что ты, куда мне! — Ни тоже рассмеялась,— в школе я даже зарядку на переменах не могла делать.

Беседа текла свободно, они говорили обо всем, и трудно было предугадать, о чем у них пойдет речь в следующую минуту. Потом с легкостью, свойственной только юности, они коснулись темы, которую трудно было избежать в подобном разговоре.

— Ты любила? — спросила Линь Юань.

Ни инстинктивно почувствовала, что нападение — лучший вид самозащиты.

— А ты?

— Как тебе сказать? И да, и нет...

— Как так?

— По правде говоря, мы просто частенько встречались. То есть, я хочу сказать, что еще совсем не... Совсем не убедились, что... но...

Ни решила придти на помощь подруге:

— Но каждый из вас это понимал! Так, не правда ли? — с улыбкой подсказала она.

— Именно, именно! — Линь Юань радостно кивнула, но тут же постаралась придать своему голосу равнодушный оттенок.— Но я вовсе не собираюсь спешить! Ведь нужно по-настоящему узнать друг друга. К тому же все ближайшее время мы будем проводить вместе...

— Значит, он работает на агростанции? Кто же это?

— Ты потом сама узнаешь, а сейчас, если даже я его назову, что тебе скажет его имя?

Однако Ни считала, что она уже все знает. Конечно, это тот самый агротехник, с которым она познакомилась в пути. Недаром еще в машине она подумала про себя, что такой парень представляет большую опасность для девушек! Как интересно все складывается. Она порадовалась за Линь Юань.

— Кем он работает? — спросила Ни, уверенная, что предугадывает ответ.

У Линь Юань не было причин скрывать профессию Мяо Кана.

— Ветеринаром, — спокойно сказала она. — И, знаешь, его избрали членом комитета...

В ответ не последовало ни звука. Линь Юань изумилась, но тут же вспомнила, что Ни, должно быть, очень устала с дороги, и с некоторым сожалением шепнула:

— Да ты уже дремлешь, кажется? Я тебя совсем заговорила... Спи, спи скорее!

Так кончился их девичий разговор в первый вечер после приезда Ни. Сегодня, как и тогда, сон долго не шел к ней. Внезапно ее пронзило жгучее беспокойство: уже так поздно, наверно, наступило время снимать показания приборов, а Линь Юань все еще не возвратилась. Где она может быть? С кем? Этот вопрос звучал очень обидно. И, в конце концов, Ни приняла решение: раз так все сложилось, она должна устраниться. Зачем вставать кому-либо поперек дороги? Зачем мешать людям?

Несмотря на то, что Ни пыталась рассуждать трезво, две горючие слезинки скатились на подушку.

6

Расставшись с Линь Юань, Лэй пошел дальше вдоль реки. Домой ему не хотелось — его обуревали противоречивые чувства. Только что ему казалось, что он правильно и вовремя предостерег Линь Юань, а теперь им овладело странное беспокойство. Он даже начинал раскаиваться. Какое он имел право вмешиваться? Каждый волен поступать, как сочтет нужным! Он уже винил себя в том, что все вышло не так, как следовало.

Лэй шел, не разбирая пути, когда впереди промелькнула чья-то тень. От неожиданности он замер. Кто-то спускался с берега, ведя за собой яка. Затем человек и животное вошли в реку и стали быстро переправляться вброд на противоположный берег. Лэй вспомнил, было, о банде конокрадов и насторожился. Но человек, переправившись через реку, стал неторопливо снимать какой-то груз со спины яка. Потом Лэй смутно различил, что человек начал пахать. Вот двужильный! Почти в полночь выходит в поле...

Лэю и в голову не приходило, что он нечаянно узнал тайну Сылавэньдуя.

Два дня назад агростанция объявила, что открывает курсы по освоению плугов. От каждого двора на курсы потянулись люди. Но самый опытный из землепашцев, старик Сылавэньдуй, не явился. Цзы-хуан, догадываясь, что это неспроста, сам отправился звать упрямого старика. Но того не оказалось дома.

— Ушел косить сено! — объяснила жена.

Занятия на курсах для большей наглядности проводились прямо в поле... Чаба приводили своих яков, их впрягали в плуг, и все, кто хотел, мог следить за пахотой. Поэтому, помимо тех, кто был официально зачислен на курсы, собиралось множество «вольнослушателей». Проезжавшие мимо горцы из дальних селений останавливались из любопытства и начинали протискиваться вперед, чтобы посмотреть, из-за чего тут толпится столько людей. Но очень скоро на смену любопытству приходило желание поучиться. И люди подолгу задерживались возле опытного поля, забыв, что спешили по срочному делу.

Отправившись в горы косить сено, Сылавэньдуй увидел, как народ собирается на первое занятие. Он решил, было, подойти и посмотреть. Но желание это пропало после встречи с Е Хаем. Е Хай возвращался с поля за инструментами — в тракторе случилась какая-то мелкая поломка — и, встретившись с Сылавэньдуем, весело приветствовал его.

— Записался на курсы по изучению плугов?

— Как ты сказал? — переспросил старик.

— Записался? Ну, внесен ты в список... Не внесен? Все равно, сту-

пай посмотри! Вон там! — Е Хай указал на группу людей. — Ты только погляди, как пашут наши плуги. И посмотри, как у нас запрягают...

Вид у Е Хая был явно довольный, а на губах, как показалось старику, играла торжествующая улыбка. Этой улыбки он не мог вытерпеть и, махнув рукой, проговорил:

— Нет! Некогда! Косить надо.

Удаляясь от опытного поля, Сылавэньдуй обиженно рассуждал: «Чего я там не видел? Кажется, сам умею запрягать!»

Некоторые из соседей, заметив, что Сылавэньдуй не был на курсах, как бы невзначай заглянули к нему вечерком. Они хором восторженно рассказывали о плугах. Сылавэньдуй пожаловался, что у его яка что-то внутри определенно не в порядке: деревянную соху с места никак не стронет. Где уж ему железный плуг тащить? Однако, по словам соседей, выходило, что сделанный целиком из железа плуг удивительно прост и, главное, легок в работе! Вовсе нет необходимости пускать кнут в ход, стоит лишь прикрикнуть, и скотина совсем без всякого труда тянет его. А самому и вовсе не надо напрягаться. Слегка направляешь плуг, и он идет как по маслу. Это не то, что раньше — согнувшись в три погибели, изо всех сил налегать на соху. Сылавэньдуй никак не мог понять, для чего нужен сошник. Но, по словам соседей, сошник был прямо-таки всемогущим. Он откидывал в сторону только что перевернутый пласт земли, надежно укладывал его, разрезал спутанные корни растений... А в общем плуг — это вещь, которая многого стоит!

Сылавэньдую хотелось все тщательно и не спеша обдумать. Почему бы, действительно, ему, как и другим, не пойти на агростанцию и не занять плуг? Погода день ото дня все больше портится, а когда еще отелится корова? Участок же надо вспахать теперь — если река замерзнет, будет поздно! Но он все не мог решиться. Что если вдруг про него начнут судачить? Особенно Чжу и Е Хай. Скажут, вот и Сылавэньдуй явился на поклон! Да и так ли уж легки эти плуги в обращении? Трудно сказать.

В конце концов Сылавэньдуй решил подзанять у кого-нибудь из соседей яка и плуг.

Если этот плуг действительно так удобен, то можно ночью, когда ни один человек не увидит, ни сам черт не пронюхает, поднять те два участка у реки. А с остальным можно и после управиться. Вот почему Сылавэньдуй и очутился ночью на берегу реки.

Но Лэй, конечно, и не подозревал обо всех этих колебаниях и сомнениях, овладевших стариком. Ему просто было очень любопытно посмотреть, кто это работает в такой непроглядной темени. Он бесшумно перебрался через реку и внезапно вырос перед Сылавэньдуем.

Старик не смог скрыть испуга, словно его накрыли на месте преступления.

— Оказывается, это ты, почтенный Сылавэньдуй! — весело воскликнул Лэй. — Но почему ты в столь позднее время вышел в поле?

— Я... никак заснуть не мог, я все думал... — запинаясь пробормотал старик.

— А! Занимаешься опытами! Хорошо! Хорошо! — Лэй искренне радовался, так как на агростанции боялись, что старик будет упорствовать до конца. — Ну и как? Годна эта штука на что-нибудь?

Лэй говорил так доброжелательно, что Сылавэньдуй сразу повеселел и стал доверчивее.

— Да ничего, удобно, — сказал он, — только если бы брал поглубже...

— Как, разве плохо захватывает? Сейчас посмотрим!

Лэй решительно направился к плугу. Сылавэньдуй с интересом следил за ним. Он и понятия не имел, что можно регулировать глубину па-

хоты, и был потрясен этим неожиданным открытием. Наладив собственноручно плуг, он уверенно двинулся вперед. Теперь ему показалось, что як идет слишком медленно. Лэй шел рядом, искренне восхищаясь той удивительной легкостью, с какой старик управлялся с плугом.

— Сылавэньдуй, приходи завтра на агростанцию, — сказал Лэй. — Зачем тебе у соседей побираться? Ты так управляешься с плугом, что и курсов никаких не надо... Без всяких курсов дадим тебе плуг, ручаюсь.

— А со скотиной как быть? У меня, видишь ли, корова должна со дня на день отелиться, а як слишком глуп и стар для плуга,— в голосе Сылавэньдуя звучала откровенная признательность. — Если бы можно еще одолжить скотину... Ненадолго, всего на несколько дней...

Мысленно прикинув что-то, Лэй ответил:

— Идет! Я поговорю с начальником агростанции, чтобы тебе лошадь выделили из табуна.

— Лошадь, говоришь? Я бы хотел яка. Лошадь нужна на войне... А впрочем, ладно, в плуг можно запрягать и лошадь...— Сылавэньдуй окончательно воодушевился, ему хотелось сделать что-нибудь приятное для людей с агростанции. — Да, к слову сказать, вам, кажется, нужен табунщик?

— Нужен, — подтвердил Лэй.

Сылавэньдуй просиял:

— Как, по-твоему, дочка моя подойдет? Если подойдет, то я завтра же утром пришлю ее. Все равно, дома от девчонок толку мало, так хоть вам от нее польза будет...

7

Табунщица Цючжи горячо взялась за работу. Каждый вечер она со своей «любимой сестрой» Ни отправлялась на конюшню готовить корм. Работа эта, как говорили, не входила в обязанности табунщика и зоотехника. Но конюхи днем были заняты на курсах, а ночью вставали по нескольку раз, чтобы задать корм, и девушки по собственному почину решили помогать им.

Все эти дни у Ни было очень тяжело на душе, и ей не хотелось оставаться наедине с самой собой. Она не отрывалась от работы, по опыту зная, что когда руки заняты, то и на сердце спокойнее.

Цючжи подсунула под резак охапку сена и, оторвавшись на минуту, спросила:

— Сестра Ни, как ты думаешь, действительно можно научиться?

— Смотри повнимательнее... Осторожно, не отруби себе пальцы! Чему научиться? — Ни с силой опустила резак, подняв столб сенной трухи. От резких движений пряди ее волос взлетели вверх. — А, ты это про трактор? Можно ли научиться водить «льва»? Конечно можно! Каждый может научиться!

Трактор подымал землю вдоль берега реки. Каждый день, на закате солнца, когда табун спускался из долины к реке на водопой, Цючжи спрыгивала с коня и бежала к «львам». Чжу резко тормозил, чтобы она могла взобраться к нему в кабину, и, стараясь перекричать шум двигателя, объяснял ей, как надо поворачивать, давать задний ход, как увеличивать скорость или тормозить.

Он уступал ей свое место — мягкое, легко пружинившее сиденье, и даже разрешал некоторое время самой вести машину, спокойно наблюдая за ней. Она крепко сжимала в руках дрожащий руль, и в эти минуты сердце ее трепетало от ликования и робости. Она была вне себя от радости, чувствуя, что «лев» покорен ее воле. Но в то же время в душу закрадывался страх: что, если «лев», почуяв отсутствие Чжу, вдруг откажется повиноваться и начнет бросаться из стороны в сторону?

Навестить трактористов в поле часто приходили и другие юноши и девушки. Все они в один голос требовали, чтобы Чжу научил их всему сразу. Это льстило Чжу, но работа была напряженной, и найти свободное время стало не так-то просто. Приходилось отделываться обещаниями: «...Вот наступит зима, будет посвободнее, тогда все ко мне приходите! Каждый, кто хочет, научится!» И все эти молодые люди так же, как Цючжи, с нетерпением ожидали наступления зимы.

— Говорят, что таких «львов» в Пекине больше нет, неужели это правда? — с тревогой спрашивала Цючжи.

— Ну, конечно, есть! — Ни не могла сдержать улыбки.— Есть завод, изготовляющий «львов»!

— Завод? А что такое завод?

— Будет время, обязательно сама увидишь. Завод — это штука не простая... — Ни уже готова была прочитать ей целую лекцию, как вдруг увидела спешившую к конюшне старушку.

— Посмотри, кто это идет? — спросила она Цючжи.

— Мама! Это моя мама! — Цючжи, заметно встревоженная поспешностью, с которой приближалась старушка, бросилась ей навстречу.

Сылавэньдуй, научившийся отлично обращаться с плугом, был назначен инструктором и вчера отправился в одну отдаленную горную деревню. Вернуться он должен был лишь через три дня. Перед уходом он наказывал своей старухе помнить, что корова должна отелиться самое позднее завтра в полдень и что от нее нельзя отходить ни на шаг. Действительно, сегодня корова не могла ни стоять, ни лежать спокойно и все время протяжно мычала. Но наступали сумерки, а она все еще не отелилась. Старуха заволновалась, заподозрив, что в животе у коровы вместо теленка — оборотень.

Поэтому, вопреки наставлениям мужа, она оставила корову и поспешила на агростанцию за помощью. Выслушав ее сбивчивую речь, Ни поняла, что нужна спешная помощь. Но она была еще очень неопытна в таких делах и лишь постаралась кое-как успокоить женщину:

— Ничего страшного, все обойдется. Ты подожди минутку. Я позову ветеринара.

— Кого позовешь?

— Ветеринара, мынба *, который лечит животных, — разъяснила Цючжи.

Сделав несколько шагов, Ни внезапно вернулась:

— Цючжи, сбегай-ка лучше ты! Только скажи, что дело срочное...

Цючжи помчалась, ни о чем не спрашивая,— она была очень встревожена рассказом матери. А Ни осталась поджидать ее и Мяо Кана. Она не могла сама пойти к нему — слишком усложнились за эти дни их отношения.

Все поведение Ни казалось Мяо Кану оскорбительным, и он решил: «Нечего отчаиваться, буду платить тем же!»

Он старался держаться с Ни как можно более холодно. Однако его притворство было заметно даже посторонним. В любую минуту он мог безошибочно определить, где Ни. Он постоянно думал о ней. Вот и сейчас Ни и Цючжи только отправились на конюшню, а Мяо Кан уже знал об этом: он ревниво следил за Ни из окна.

Вбежала Цючжи. Передай она просто слова матери, Мяо Кан тотчас согласился бы оказать помощь. Но Цючжи неосторожно прибавила в заключение:

— Сестра Ни просила вас придти к нам!

И Мяо Кан, который уже готов был идти, вдруг передумал.

* Специалист *(тиб.)*

Изобразительное искусство нового Китая

Китайская традиционная живопись «гохуа» пользуется популярностью не только у себя на родине, но и далеко за ее пределами.

За последние 30—50 лет живопись «гохуа» переживала сильный кризис, и только после освобождения она стала снова возрождаться. Коммунистическая партия Китая и народное правительство проявляют большую заботу о китайской традиционной живописи; так, в прошлом году указом Государственного Совета были созданы два института китайской традиционной живописи «гохуа» — один в Пекине, другой — в Шанхае. Ежегодные выставки произведений художников, работающих в стиле «гохуа», имеют большой успех как в Китае, так и за границей и способствуют широкой популяризации этого замечательного вида китайского искусства.

Мы уже знакомили нашего читателя с произведениями выдающихся мастеров стиля «гохуа» — Ци Бай-ши и Сюй Бэй-хуна. В этом номере мы даем репродукции произведений современных китайских художников, работающих в стиле «гохуа».

В прошлом году литературная общественность Китая отмечала двадцатилетие со дня смерти основоположника современной китайской литературы великого Лу Синя, который был большим знатоком и популяризатором современной гравюры. Это он, начиная с 1929 года, начал систематически знакомить китайскую общественность с произведениями В. Фаворского, М. Пикова, А. Кравченко и других советских граверов, а также с гравюрами К. Кольвиц и Ф. Мазереэля. Он устраивал выставки, издавал сборники гравюр, сплотил вокруг себя группу молодых граверов, которые потом стали большими художниками.

В прошлом году, к двадцатилетию со дня смерти Лу Синя, китайские художники создали много интересных произведений, посвященных жизни и деятельности Лу Синя или навеянных творчеством писателя. Мы воспроизводим две работы, которые демонстрировались на юбилейной выставке памяти Лу Синя.

Мы помещаем также несколько вырезок из бумаги. Это один из самых популярных видов китайского народного творчества. Вырезки могут быть одноцветные и многоцветные, но всегда они делаются из одного куска бумаги и не распадаются на составные части. Сюжеты вырезок самые разнообразные — птицы, рыбки, бабочки, домашние животные, овощи, цветы, жанровые сценки, орнаменты, театральные персонажи, сцены из спектаклей традиционного театра, знаменитые герои литературных произведений и так далее. Вырезки различных провинций и уездов имеют свои отличительные особенности: вырезки, выполненные шаньдунскими мастерами,— красные на белом фоне — резко отличаются от гуандунских, сверкающих и переливающихся золотом. Имена крупнейших мастеров этого вида искусства, таких как Ван Лао-шан или Жуй Цзинь-фу, широко известны в Китае.

ФУ БАО-ШИ. Пейзаж.

ЛИ КЭ-ЖАНЬ. Пейзаж.

ХЭ ХУАН. Пейзаж.

ГО ЧУАНЬ-ЧЖАН

Пик в горах Лущань.

(Картина была попорчена во время японской оккупации Китая).

ЦИ БАЙ-ШИ. Цветы.

ЦЗЯН ЧЖАО-ХЭ. Беженцы.

ЦИ БАЙ-ШИ. Цветы.

ЦЗЯН ЧЖАО-ХЭ.

Беженцы.

ЦЗЯН ЧЖАО-ХЭ.

Ребенок и голуби.

ВАН ЮЙ-ФУ.
Дикие утки
в лунную ночь.

ЧЖОУ ЧАН-ГУ.
На пути домой.

ХУАН ЮН-ЮЭ.
Иллюстрация к эпосу народности сани «Ашма». Гравюра.

— Видишь ли, я как раз занят, у меня тут неотложные дела. Пусть Ни сама пойдет! Не все ли равно?..

Он рассчитывал, что Ни, у которой не было опыта, не посмеет взяться одна за это дело и обязательно прибежит к нему за помощью. Таким образом, Ни, желает она того или не желает, вынуждена будет первой заговорить с ним. А уж дальше он сумеет воспользоваться этим, выведет их отношения из тупика, лишь бы все выглядело так, что инициатива исходит не от него.

Мяо Кан, очень довольный создавшимся положением, приводил в порядок инструменты и рабочую одежду, обдумывая, каким тоном он ответит Ни, когда она появится. Но Ни не появлялась. Прошло пять минут, десять, пятнадцать, и вдруг Мяо Кан увидел в окно, как Ни вместе с матерью Цючжи направляется к реке.

Его снова охватило беспокойство. Он решил, что Ни еще раз намеренно нанесла ему оскорбление. Возбуждение его все более возрастало. Он вышел из дому, еще не зная, куда направиться. Увидев в руке халат, он вспомнил, что нужно произвести осмотр копыт у лошадей. Ну, конечно, самое правильное пойти на работу! Но тут же он с горечью спросил себя: неужели ты ехал сюда, в это захолустье, чтобы барахтаться в мелочах повседневной жизни?

Размышляя над собственной судьбой, он не заметил, как свернул в противоположную от конюшни сторону, и вскоре вынужден был признаться самому себе, что ноги сами привели его к метеопункту.

Еще сегодня утром Мяо Кан раскаивался в том, что он скрывал от Линь Юань свои отношения с Ни. Он не должен был внушать девушке чрезмерные надежды. Но сейчас Мяо Кану казалось, что он напрасно терзался угрызениями совести и что во всем повинна сама Линь Юань.

А Линь Юань между тем наблюдала за положением крестообразного флюгера, укрепленного на высоком шесте. Ветер постоянно менял направление. Маленький флюгер так и вертелся из стороны в сторону.

С тех пор как Линь Юань стала метеорологом, она никогда не пропускала установленного времени для записи показаний приборов. Лишь один раз — всего один раз не сделала она записей и даже не явилась на метеопункт. Всю ночь бродила она под открытым небом, размышляя о том, что сказал ей Лэй у реки, и страшась посмотреть в глаза Ни. «Конечно, Ни считает,— думала Линь Юань,— что, воспользовавшись ее отсутствием, я ограбила и обманула ее. Но ведь я ни в чем не виновата! Виноват только Мяо Кан».

Чем больше раздумывала Линь Юань, тем больше сердилась и выходила из себя. Она даже подошла к дому Мяо Кана и, пренебрегая всякой осторожностью, забарабанила кулаком в дверь. Мяо Кан, лежавший в одежде на кровати, бросился открывать дверь. Линь Юань решительно вошла и остановилась перед ним, едва сдерживая свое возбуждение. От нее не укрылось, что он встревожен ее приходом.

— Что случилось? — спросил Мяо Кан.

Линь Юань стояла неподвижно, не произнося ни слова. При свете луны Мяо Кан увидел, как она пристально смотрит ему в лицо, и прочел в ее взгляде негодование.

— Зачем ты пришла? — повторил свой вопрос Мяо Кан, и голос его звучал уже несколько спокойнее.

У Линь Юань губы дрожали от волнения: посмотрите-ка на него! Он как будто ни о чем и не подозревает! Она чувствовала, что самые резкие слова готовы сорваться у нее с языка, и все же она молчала. Пауза длилась еще несколько мгновений, затем Линь Юань резко повернулась и, хлопнув дверью, выбежала на улицу.

Зачем она приходила? Что могла и должна была сказать? Мяо Кан никогда ни о чем ее не просил, никогда ничего ей не обещал. В чем же повинен Мяо Кан?

Выходит, ничего между ними не было? Все одна лишь игра воображения? Но ведь во время их частых встреч поведение Мяо Кана говорило о том, что он разделяет чувства Линь Юань. Больше того, он находил десятки способов дать ей понять, что его чувства к ней крепнут, что у них есть будущее. Значит, все-таки было что-то?

Как он унизил ее, как унизил! Теперь все на агростанции будут думать, что она бегала за ним!

С отчаянием и стыдом вспоминала она, что каждая встреча с ним приносила ей ощущение радости. Она так откровенно открыла ему свою душу! А чем он ей ответил? Он даже не лгал, но по существу это было гораздо хуже лжи.

В его предупредительности к ней, в поисках встреч, в мимолетных намеках — во всем этом она видела теперь один обман. Разве нет? Какой подлец! Какой мелкий, низкий человек! Да стоит ли о нем вообще думать? Но ведь, попросту говоря, она сама же и придумала его, сама наделила его высоким благородством. Такого человека просто нет. О ком же думать?

Линь Юань вдруг ощутила безразличие к Мяо Кану. Это чувство появилось неожиданно и мгновенно, точно так, как когда-то она неожиданно и мгновенно призналась себе в том, что любит его... Безразличие, и все. Больше Мяо Кана для нее не существует.

Сейчас, когда Мяо Кан неожиданно явился на метеопункт, Линь Юань захлопнула журнал, намереваясь скрыться в доме. Но Мяо Кан уже подошел и запросто, словно ничего не происходило, спросил:

— Линь Юань, ты здесь, кажется, долго занимаешься наблюдениями, скажи, какой сегодня ветер?

Ответ — насмешливый и обидный — напрашивался сам собой. И Линь Юань не отказала себе в этом маленьком удовольствии:

— Ветер? — сказала она. — Как всегда в твоем микроклимате, — переменный!

8

Уже и ночь наступила, а корова все еще не отелилась. Живот ее сводило конвульсиями, ноги дрожали, она беспрерывно била хвостом по вздувшимся бокам, хрипло и жалобно мычала. Ее налитые кровью глаза с испугом следили за суетившимися вокруг людьми. Мать Цючжи столь же испуганным взглядом следила за каждым движением Ни. Лицо старухи, побелевшее от волнения, как будто молило: «Спаси нашего теленка! Спаси нашу корову!» Это умоляющее лицо так повлияло на Ни, что она решилась, наконец, действовать. Но все-таки она старалась оттянуть главное. Поэтому сначала Ни потребовала, чтобы прибрали просторную кладовую, затем велела настелить там побольше свежего сена — чем больше, тем лучше! После этого корову, лежавшую в стойле, подняли и повели в бывшую кладовую. Ни распоряжалась уверенным тоном, но старуха понимала, что во всем этом нет особой необходимости, и повиновалась лишь из вежливости. Ни постригла ногти, сняла пальто и вязаную кофточку, высоко закатала рукава рубашки, тщательно протерла йодом руки до локтей и вымыла их потом горячей водой. Несмотря на все эти приготовления, она никак не могла побороть робости. Но в конце концов дело было не таким уж сложным, и природа всячески шла навстречу зоотехнику Ни. Крепкое и здоровое маленькое живое существо увидело свет!

Ни храбро перерезала пуповину продезинфицированными ножницами, смазала, как ее учили, место разреза йодом и, вытащив свой белоснежный шелковый носовой платок, вытерла уголки глаз у новорожденного. Теленок открыл глаза! С недоумением и любопытством стал он осматривать людей, корову, стены, сено, улицу, все, что было вокруг... Он же еще никогда ничего не видел! Сначала новорожденный не мог держаться на ногах. Было ясно заметно, что голова у него перевешивает, и слабые ноги не выдерживают веса тела. Тонкие дрожащие передние ножки его подогнулись, и он свалился в объятия Ни.

— Посмотри-ка! Стал на колени! Он стал на колени! — воскликнула растроганная до слез старуха, — он благодарит тебя! Посмотри! Он стал перед тобой на колени!

Цючжи вскрикнула от радости. Какой милый маленький бычок! Весь покрыт тонкой курчавой бурой шерсткой, с белым пятном на мордочке, с черными копытцами. Короткий тоненький хвостик так и вертится из стороны в сторону, маленькие настороженные ушки слабо пошевеливаются... Она наклонилась к нему, неумело взяла на руки и, заглянув в черные, как две стеклянные бусины, глаза, увидела в них отражение своего счастливого, радостно-взволнованного лица...

Уставшая, измученная корова негодующе замычала. Старуха крикнула дочке:

— Отдай ей, скорее отдай! Не слышишь разве?! Она тебе говорит!

Ни звонко расхохоталась. Шутливо подлаживаясь под тон старухи, она взяла теленка из рук Цючжи и понесла, чтобы впервые дать ему материнское вымя.

В то время как бычок сосал, беспорядочно тыкаясь носом в огромное вспученное вымя, корова, повернув голову, гладко вылизала своего первенца шершавым языком, выражая этим единственно доступным ей способом свою материнскую любовь. Только теперь все заметили, что уже за полночь, а Ни вдруг почувствовала запоздалое раскаяние: как она смела пускаться в эту авантюру? Вдруг что-нибудь случилось бы? По правилам, всем этим должен был заниматься Мяо Кан.

При мысли о Мяо Кане сердце у нее защемило. Как часто в техникуме рисовала она себе радужные картины их будущей жизни: вот Мяо Кан лечит, делает то и это, а она рядом помогает ему... А что получилось?

Ох, не думать об этом! Ни решила вымыть руки и возвращаться домой, но у нее вдруг сильно закружилась голова.

Никто не заметил этого приступа слабости. Цючжи, вскипятив воду в медном котелке, заснула у огня, а старуха суетливо занималась хозяйством: расстилала циновки, вытирала со стола, заваривала чай с молоком, подавала сахар... Превозмогая недомогание и усталость, Ни поднялась наверх. За чаем старуха уселась напротив Ни, поджав под себя ноги и безмолвно глядя на нее своими подслеповатыми глазами. Еще совсем недавно, когда отелилась корова, она наблюдала за Ни взволнованно и с благоговением, а сейчас во взгляде этой старой женщины светилась нежная материнская любовь.

— Тебе сколько лет? — спросила старуха таким тоном, будто обращалась к только что начавшему говорить ребенку.

— Двадцать один! — серьезно ответила Ни.

— Двадцать один?! А! Уже совсем взрослая. Вы с ней как раз ровесницы!

— С кем?

— С моей четвертой дочкой, с самой младшей. Ты с ней одних лет! Ей тоже было бы двадцать один год... если бы она была жива...

Ни нахмурилась, стараясь сообразить, о чем говорит старуха. Цючжи моложе ее на два года. Так почему же старуха говорит о какой-то

младшей дочери, которая была бы ровесницей Ни? Ни бросила быстрый взгляд в сторону очага. Старуха перехватила этот взгляд, поняв его смысл, и приложила палец к губам: «Молчи!» Затем она повернулась и тихонько позвала дочь. Цючжи не ответила, она крепко спала.

— Эта дочка,— шепнула старуха, показывая на Цючжи — не родная мне!

— Не родная?!

— Приемная. Подкидыш. Вот слушай! — понизив голос, старуха принялась рассказывать: — Однажды Сылавэньдуй пошел в горы собирать травы и издали заметил, что на развилке дорог лежит что-то. Подошел: ребенок, девочка! Он и подобрал ее. Так-то! Подобрал, значит! Для того и положили ее на дороге, чтобы люди подобрали!

Ни как-то особенно внимательно посмотрела на спящую Цючжи,— та свесила голову, и целый ручеек тоненьких и длинных косичек, струясь по ее плечам, падал на пол.

— Я баюкала ее на руках, согревала и кормила! — продолжала старуха, — и она так славно мне улыбалась! Я поговорила с Сылавэньдуем, и мы решили удочерить ее. Очень быстро она научилась звать «а-ма, а-ма!» Когда ей исполнилось пять лет, мы со стариком, посоветовавшись, решили дать ей ее теперешнее имя. Как, по-твоему, красивое имя?

— Но ведь ты сказала, что у тебя было четыре дочери? — спросила Ни.

В глубокой задумчивости старуха подтвердила:

— Да, четыре, четыре маленькие девочки. Но ни одной у меня не осталось! Они приходили и уходили. Одна за другой, и ни одной не осталось у меня. Не иначе — судьба, судьба!

Она понурила голову, и ее низкие худые плечи опустились еще больше. На некоторое время воцарилось молчание, затем старуха снова заговорила, и голос ее дрожал, выдавая ее обиду.

— Каждому известно, какой богатырь Сылавэньдуй, мой муж! Если он кого-нибудь сгребет в охапку, то у того только кости трещат. Я в молодости тоже была крепкого здоровья! У меня были большие упругие груди,— она в волнении ударила себя по впалой груди,— молока у меня было столько, что оно само выливалось, бывало всю одежду намочит. Но не пришлось мне своим молоком кормить родных дочерей! Почему? За что?

Было непонятно, к кому она обращала свои обиды и укоризненные вопросы.

— Возможно, я ошибаюсь, — начала Ни с сомнением, — но как принимали новорожденных при твоих родах? Ну, я имею в виду, кто заботился и ходил за тобой во время родов?

— А! Вот ты о чем! Родить детей считается несчастьем, кто же придет к тебе? Справляться со всем приходится одной. Когда я чувствовала, что становится невмоготу, я уходила на скотный двор. Рожала и сама зубами перегрызала пуповину...

— Что?! — Ни была поражена. — Уходила рожать на скотный двор?

— На скотный двор!

— Но почему же?

— Если ребенок родится на скотном дворе, то он обязательно будет здоров и крепок. Ты же знаешь, что мы — чаба, без силы нам никак не обойтись!

В группу, посланную на пастбища, входило пять человек: агротехник Лэй, зоотехник Ни, табунщица Цючжи и двое погонщиков. Задача Лэя и всех его спутников заключалась в том, чтобы собрать до миллиона цзиней

лошадиного навоза и проложить дорогу для обоза. Предполагалось, что как только на курсах по изучению плугов будет объявлен перерыв, все повозки и все яки горцев будут мобилизованы на вывозку навоза. Агростанция усердно и настойчиво агитировала за удобрения, но почти везде наталкивалась на сопротивление. Горцы считали это дело зазорным и нелепым. Как может навоз пойти на пользу посевам? Они брезгливо сторонились тех, кто все-таки собирал навоз. Существовал освященный вековыми традициями и единственно надежный в их представлении опыт: если земля перестает родить, то ей дают отдохнуть год, три, пять и даже десять лет, до тех пор, пока она не разрешит людям снова возделывать себя.

Места возле склонов гор и полей были усеяны костями животных. На агростанции решили, было, организовать сбор и пережог костей на удобрение. Однако горцы сразу же вспомнили о запретительных заповедях предков и заявили вежливый, но решительный протест. Они уверяли, что это приведет к массовому падежу скота. Пришлось отказаться.

Ни предстояло осмотреть и обследовать пастбища, чтобы в дальнейшем, когда будет осуществлен так называемый «контроль над степью», можно было бы установить севообороты пастбищных культур и поочередный перегон различных пород скота с одного пастбища на другое.

Ни слышала, что в этой полосе встречались густые поросли тонких вредных трав, и это надо было особо отметить в материалах обследования. Кроме того, Ни еще на студенческой скамье задумала скрестить местную породу овец с баранами цигейской породы и вывести овец, приспособленных к суровым условиям высокогорной местности. Должна была получиться крупная и красивая порода, но сейчас Ни еще не решалась делиться своими замыслами с товарищами.

Цючжи тоже поехала по предложению своей «любимой сестры». Ее взяли потому, что она отлично умела находить вредные травы и отбирать маток из овечьего стада. Кроме того, Ни еще плохо говорила по-тибетски, и Цючжи была для нее переводчицей.

Группа двинулась в путь, едва забрезжил рассвет. За снежными грядами гор стали пробиваться слабые блики зари, подул легкий ветерок, медленно проплывали молочно-белые, как тонкая хлопковая пряжа, утренние облака. Всадники въехали в прекрасную, продолговатую долину. На склонах гор тесно выстроились высокие молодые сосны.

Нескончаемо звенели переливчатые и мелодичные трели птичьих голосов, но птиц не было видно за тесно переплетенными ветвями деревьев.

У подножия горы тихо журчала маленькая речка, в водах которой отражались лазоревая синева неба и зелень деревьев. На противоположном берегу путники увидели несколько оленей, пришедших на водопой. Заслышав голоса людей, они пугливо вытянули свои стройные шеи и мгновенно скрылись в чаще. Встречный ветер растрепал коротко остриженные, слегка золотившиеся волосы Ни и сорвал с ее плеча голубую косынку. Она этого не заметила, целиком поглощенная пленившей ее природой. Особенно восхищали ее темно-красные цветы, сплошным ярким ковром устилавшие эту долину, где редко ступала нога человека.

Лэй, ехавший позади Ни, собрался было слезть с лошади и поднять косынку, но, уже вынув ногу из стремени, испугался столь чрезмерного проявления галантности и потому ограничился словами:

— Товарищ Ни, косынку потеряла!

Ни соскочила с лошади. Нагнувшись, чтобы подобрать косынку, она неожиданно обнаружила: понравившиеся ей цветы очень необычны, на каждом стебле росло по восемь листочков, из которых пять нижних были зеленого цвета, как самые настоящие листья, а три верхних — густо-

красные, растущие в разные стороны и похожие на цветки из трех лепестков. Сорвав два таких цветка, Ни окликнула Лэя:

— Посмотри, посмотри, как красиво, — она подбежала к Лэю, протягивая цветы, зажатые в мокрой от росы руке. Лэй не без интереса разглядывал цветки, но названия их он не знал.

Так, наслаждаясь ранней прохладой и окружающей природой, пятеро всадников добрались до намеченного места.

Скотоводы встречали всю группу, как самых дорогих гостей, и приняли ее с таким гостеприимством, на которое Лэй, Ни и Цючжи даже не рассчитывали. За четыре дня работа была закончена, а на пятый день группа выступила в обратный путь.

Неожиданно поднялся сильный ветер. Он налетел, как вихрь, и тотчас вокруг все неузнаваемо изменилось. Померкло солнце, травы в полях полегли, реки вспенились, леса тревожно зашумели. Над землей нависли низкие и тяжелые свинцовые тучи. Ураган надвигался неотвратимо.

Впереди виднелась небольшая горная деревушка. Пятеро всадников вовсю гнали коней, надеясь найти там убежище от дождя. Но тучные овцы, которые шли по их следам, не могли поспеть за лошадьми.

Дождь настиг путников, хлынув сразу вместе с крупным, как бобы, градом, который бил и хлестал в лицо и чуть не сбивал с ног. Испуганные лошади, ослепленные градом и дождем, бросались из стороны в сторону. Положение становилось трудным. Внезапно они увидели палатку, прижавшуюся к стволам деревьев у опушки леса. Неизвестно, кто первый заметил ее, но все, не сговариваясь, погнали лошадей в том направлении. Под напорами свирепого ветра палатка вздувалась и трепетала, как парус. Единственным ее обитателем оказался мальчик, которому на вид можно было дать лет двенадцать-тринадцать. Вначале он дичился и был явно напуган, но Цючжи быстро объяснила ему, кто они, и тогда, всё еще приглядываясь к взрослым, мальчик стал хлопотать, чтобы поудобнее разместить нежданных гостей — он уже чувствовал себя хозяином.

— Ты здесь один? — спросил Лэй, погладив мальчика по голове.

— Нет, я с отцом. Он ушел в деревню за солью...

Мальчик развел огонь и, подкинув в него побольше хворосту, предложил:

— Раздевайтесь скорее! Раздевайтесь и грейтесь!

Пробыли они под дождем недолго, но успели промокнуть до нитки, словно их вытащили из реки. Ни, которая никогда не бывала в таких переделках, тряслась, как в лихорадке, отжимая мокрые волосы. Одежда ее прилипла к телу, как холодный компресс. Предложение мальчика было очень кстати: не высушив одежды, нельзя было выступить утром в путь. Однако все пятеро, сбившись тесной кучкой у огня, стояли и не двигались.

— Послушайте, сделаем вот что, — решительным тоном сказал Лэй погонщикам. — Мы, трое мужчин, отправимся ночевать в ту деревню, которую видели по дороге, а девушки останутся тут. Завтра утром соберемся все вместе и тронемся дальше!

— Да мы все уместимся в этой палатке! — поспешно возразил мальчик,— подождите, я постелю циновки, у нас здесь есть войлочные циновки!

Цючжи тоже запротестовала:

— Тьма кромешная, куда же вы пойдете в такой ливень? Только заблудитесь...

— Конечно, оставайтесь, идите к огню! Дождь, может быть, скоро перестанет, — дрожа, уговаривала Ни.

Но Лэй повернулся к погонщикам, не высказывавшим особого желания уходить, и властно бросив им: «Едем!» — сам первый вылез из палатки. За ним последовали двое других мужчин. Снаружи устрашающе

завывал ветер. Наступила ночь. Дождь все усиливался. Под утро Ни проснулась и почувствовала, что в палатке очень душно. Стараясь не потревожить Цючжи, она осторожно откинула шерстяное одеяло, которым их покрыл мальчик, и тихо выскользнула наружу. У выхода она потянулась и глубоко вздохнула всей грудью. В этот предутренний час воздух в долине был удивительно прозрачен и безмятежно спокоен. Тишину нарушало лишь веселое потрескивание какого-то насекомого в густой траве. Звезды, как бы предвидя скорое наступление утра и спеша истратить последние запасы света, отчетливо мерцали в вышине. Утро наступало такое ясное, словно и не было накануне этого страшного ливня.

При воспоминании об урагане Ни как-то сразу почувствовала угрызения совести. Не следовало отпускать Лэя и погонщиков. Нашли ли они убежище? Впрочем, горцы никогда не откажут в приюте путникам, застигнутым непогодой. А вдруг заблудились и забрели в какое-нибудь пустынное ущелье? Невероятно! Отсюда так близко до деревеньки! Ни подошла к большому дереву. Овцы, с вечера оставленные там, одновременно вскинули головы; в их глазах Ни прочла скорбный упрек. Лошади встретили ее ржанием. Ни стало жаль их: бедняжки, потерпите еще немного, скоро вернемся на агростанцию...

Внезапно она услышала позади себя какое-то движение и, повернувшись, заметила, как несколько теней быстро скользнуло по направлению к палатке. В руках у каждого было что-то... Винтовки!

У входа в палатку пришельцы настороженно оглянулись. Трое протиснулись в палатку, а один остался у входа. И тотчас предутреннюю тишину нарушили пронзительный крик Цючжи и вопли мальчика. Что-то загремело, очевидно, в палатке шла борьба.

— Скорее! — раздался грубый голос человека, оставшегося у входа, — скорее вытаскивай! Тащи!

Бандиты, наверняка бандиты! Ни инстинктивно схватила с земли два камня, собираясь броситься на помощь, но вовремя остановилась. Одна она не могла, конечно, противостоять четырем вооруженным негодяям. Только сама попадет в плен, и все они будут убиты. Надо скакать в деревушку, звать на помощь Лэя и вообще всех, кто попадется. Ни отвязала лошадь от дерева, одним прыжком вскочила на нее и, хлопнув лошадь по крупу, помчалась к деревне.

Умный конь как будто тоже понимал, что надо торопиться, и помчался бешеным аллюром, только брызги и грязь фонтаном разлетались из-под копыт.

Но этот топот копыт сразу привлек внимание бандитов, и вслед скачущей Ни раздались выстрелы: один, другой, третий... Ни показалось, что ее кто-то резко толкнул сзади, и она едва не свалилась. Но еще сильнее сжав коленями бока лошади, она низко пригнулась к самой холке.

Около деревушки местность была очень неровной. Лошадь сбила ногу и стала спотыкаться. Ни бросало то назад, то вперед, но она изо всех сил старалась сохранить равновесие. Только сейчас она обнаружила, что скачет без седла. Лошадь снова споткнулась, нагнула голову, и Ни съехала к ней на шею, схватившись по счастью обеими руками за гриву. Тут лошадь сделала большой скачок и, вновь ничего не разбирая, ринулась вперед. Ни, как цирковой акробат, повисла у нее на шее, силясь не разжимать рук. Но через секунду, перескакивая через широкую рытвину, лошадь так мотнула головой, что Ни отлетела далеко в сторону. Ее оглушило, в глазах все померкло, наступил полный мрак. Лошадь, очевидно, почувствовав, что лишилась своей ноши, стала поворачивать и, описав большой круг, возвратилась к тому месту, где упала Ни.

Нагнув голову и обдав Ни своим жарким дыханием, лошадь тяжело вздохнула, как бы выражая сочувствие. Потом она тряхнула гривой и про-

тяжно заржала. Это ржание как бы пробудило Ни. Все тело у нее онемело, было больно пошевелиться, она потеряла способность управлять своей волей и впала в состояние странного забытья. Хотела подняться, но снова упала. Левая нога безжизненно подогнулась, отказываясь двигаться. Слабость и бессилие вызвали у Ни приступ отчаяния. Она почувствовала себя такой одинокой и беспомощной, что чуть не разрыдалась. Но перед глазами вновь всплыли четыре темные тени, и в ушах снова прозвучал отчаянный крик Цючжи.

Это придало ей силы. Надо действовать! Она обязана действовать. Ползти! Ползти в эту деревушку. Как при плавании, Ни взметнула обе руки вверх и протянула их вперед. Она хваталась за траву. Ползла на груди, на животе по грязной земле, волоча омертвевшую ногу и оставляя за собой широкий след. Она ползла, ползла вперед, напрягая все силы...

Лэй и погонщики, услышав выстрелы, встревожились. Схватив на ходу винтовки, они выбежали из дома, где заночевали, вскочили на коней и помчались к палатке. За ними последовали молодые горцы, захватившие с собой старые дедовские ружья.

Подняв голову, Ни увидела четырех всадников, стремительно несущихся из деревни.

Ни закричала изо всех сил, ей казалось, что кричит она очень громко. Но голос ее звучал слабо и приглушенно. Подскакав к Ни, Лэй сразу понял, что она ранена. Склонившись, чтобы поднять ее, он увидел кровь у нее на левом плече. Кровь пропитала весь рукав. Кровавые следы остались также и на земле, в тех местах, где она проползала.

Собственной рубашкой, разорванной на полосы, Лэй быстро перевязал рану, и только тут Ни поняла, что она ранена. Сразу же почувствовала нестерпимо острую боль. Закусив губу, чтобы превозмочь эту боль, Ни отстранила руки, старавшиеся ее поддержать, и повелительно сказала:

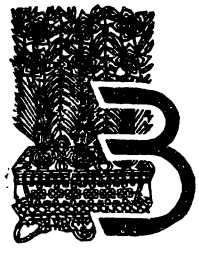
— Перестаньте возиться со мной! Цючжи похитили бандиты, догоняйте скорее... Лэй, слышишь? Надо спасать Цючжи!

Растроганный Лэй осторожно пожал раненую руку Ни. Девушку оставили на попечение горцев.

Вскочив на коней и хлестнув их плетьми, Лэй и погонщики галопом помчались по направлению к палатке.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1



За снежными вершинами, за обрывистыми кручами и стремительными потоками скрывался затерявшийся в горах маленький мирок, правил которым «князь» Бандацюедо.

Когда-то он был малозаметным человеком, но ему придали вес знатные родственники, и потому дом его не уступал по расточительной роскоши дому любого родоправителя. Однако беда, как говорится в тибетской пословице, любит вдруг навестить и дом счастливчика. Знатные родственники Бандацюедо погибли в кровавой резне; уцелела только Цимэйцзина, маленькая девочка, дочь сестры, гостившая у бабушки в доме Бандацюедо. По следу Цимэйцзины кровавая резня перекинулась в поместье Бандацюедо, и он сам чудом спасся с девочкой в седле от преследования врагов.

Так Бандацюедо стал бездомным, одиноким человеком, вынужденным скрываться и скрывать свое имя.

Он двинулся наугад по горным тропинкам, не зная, где осесть, а главное — где найти приют Цимэйцзине, которую он теперь назвал Чжумой. Но несчастья продолжали преследовать его. Однажды в глухом и безлюдном ущелье ему преградили дорогу пятеро паломников к святым местам. Они именовали себя «обратившимися к Будде» и были грязны, голодны и нищи, как последние бродяги. Отобрав у Бандацюедо последние ценности (деньги и всё, что нашлось у него съестного), паломники уже собрались продолжать свой путь, но Бандацюедо не стерпел насилия. В пустынном русле обмелевшего горного ручья разыгралось сражение не на жизнь, а на смерть. Решив, что его обидчики — обыкновенные грабители, Бандацюедо принялся колоть налево и направо и вышел из схватки победителем: двое рухнули под его ножом, а трое подняли руки и бросились на колени, прося пощады. Бандацюедо сжалился и не стал их убивать.

А вскоре по горам разнеслась слава о сверхчеловеческой отваге и безграничном великодушии пришельца. Теперь все паломники сворачивали с пути, делая порой огромный крюк, лишь бы повстречаться с ним. Постепенно Бандацюедо и сам стал собирать их вокруг себя, выбирая наиболее сильных и отважных. Так составилась сотня на все готовых головорезов.

Эти люди, лишенные крова, добывали пропитание грабежом встречных и набегами на окрестные селения. Бандацюедо они называли своим «князем» или «правителем гор», хотя правильнее было бы назвать его главарем шайки. Кстати, подлинным правителем этих мест был не он, «князь» Бандацюедо. Здесь правил малопонятный тибетцам «вездесущий господь», приглашенный в этот затерявшийся среди глухих гор и дремучих лесов мирок стараниями «святого отца» Ма Инь-шаня из Союза «Хуаньцю будао»*.

Ма Инь-шань был китайцем. В горах он появился недавно; никто, впрочем, не знал точно, откуда и когда. По мнению головорезов, Бандацюедо надо было со «святым отцом» сразу же покончить, тем более, что, кроме нескольких «верующих», с ним никого не было. Бандацюедо стоило лишь слегка прижать Ма Инь-шаня, и душа проповедника, о которой он столько говорил, оставила бы его щупленькое тело. А впрочем, этот сухонький старичок вел себя так, словно был уверен, что его голова неприкосновенна. И настал день, когда даже Бандацюедо почувствовал к нему благоговейное и боязливое почтение.

Ма Инь-шань устроил в честь «князя» пир. Бандацюедо принял приглашение с насмешливым любопытством и отправился в гости в сопровождении нескольких своих людей. «Князь» отдал должное богатому угощению, но к вину отнесся настороженно и пил лишь из кувшина самого Ма Инь-шаня. Молодцы Бандацюедо орали вокруг костра непристойные песни, грызли полусырую говяжью ногу и заливали жажду спиртом, разбавленным обыкновенной речной водой.

После пира Ма Инь-шань пригласил Бандацюедо в свою уединенную обитель. Бандацюедо добрался туда уже наполовину отрезвевшим и остановился потрясенный. Яркий, как полуденное солнце, свет заливал всё вокруг, хотя ни масляных ламп, ни свечей здесь не было и в помине. Хозяин понял немое изумление гостя, мгновенная хитрая усмешка приоткрыла его мелкие крысиные зубы. Затем он стал серьезным и даже торжественным:

— Видишь? — негромко спросил он. — Это — сам вездесущий господь.

---

* Контрреволюционная организация в провинциях Тибет и Сикан, связанная с реакционными религиозными кругами.

Только тогда Бандацюедо обратил внимание на одетое золотом изображение исхудалого лица в терновом венце. Изображение было невелико, написано темными красками на простой доске, но из-за этой доски разливался холодный и ослепительный свет.

Бандацюедо был смел и отважен, но в жизни своей не выезжал за пределы гор, ничему не учился и ничего не читал. Естественно, что он и понятия не имел об электричестве и электрических лампах. Свет, струившийся из-за незнакомого изображения и отраженный золотой ризой, показался ему чудом.

Ма Инь-шань зорко следил за выражением лица своего гостя.

— Слушай меня, Бандацюедо! — строго сказал он. — Ты не знаешь еще ничего о вездесущем господе, не знаешь даже о самом его существовании, не правда ли? А он знает тебя, давно знает тебя! — Голос проповедника стал ровным и бесстрастным. — Кто есть ты? Боюсь, что этого ты сам не понимаешь. Господь назвал тебя «князем»! Ты настоящий князь! Большие земли должны быть подвластны тебе, Бандацюедо!

Смутно взволнованный, но в душе все еще не доверяя Ма Инь-шаню, Бандацюедо молча и настороженно слушал его.

— Но иногда, — продолжал тот, — иногда и даже нередко ты и сам не знаешь, как следует поступать. Не годится это! Для того и послал меня сюда вездесущий господь. Правду говоря, мне не очень хотелось оставлять свой дом, родных и забираться в эту горную глушь. Но я слуга вездесущего господа, я должен был спешить, чтобы передать тебе его слово...

Ма Инь-шань сделал широкий жест в сторону темного изображения в золотой ризе. Сильный и холодный свет по-прежнему заливал помещение.

Бандацюедо не отрывал глаз от образа, силясь понять сказанное.

— Ты, может быть, думаешь,— снова заговорил Ма Инь-шань,— что я обманываю тебя? Нет, Бандацюедо! Господь вездесущ, и он не дал бы мне солгать! Спим мы или бодрствуем, днем или ночью — он всегда с нами. Вот мы пили вино — он тоже был рядом. Он слышал каждое слово живое! Он и сейчас здесь, с нами... И если хочешь, вездесущий господь повторит тебе все твои слова. Вот, слушай!

Ма Инь-шань на мгновение приблизился к образу, сделал легкое, неуловимое движение рукой, и Бандацюедо действительно услышал нечто поразившее его. Он услышал вдруг смех, плеск наполнявшихся кубков, кашель... И собственный голос. Голос был тонкий, далекий, но вместе с тем совершенно отчетливый. Он несся не то со стен, не то с потолка, а может быть, и с пола! Нет! Нельзя было сказать, откуда раздавался теперь его собственный голос. Вот тут Бандацюедо вконец растерялся: ведь каждый ребенок знает, что раз прозвучав, голос умолкает уже навсегда. Откуда же он, Бандацюедо, снова слышит свои слова? Здесь, в этом пустом и странном помещении, не было никого, кроме Ма Инь-шаня и самого Бандацюедо! Значит, это действительно голос «вездесущего господа»?! И не вспомни Бандацюедо о том, что он все-таки «князь», не призови он на помощь все свое самообладание, он бежал бы из этого помещения, из этого до ужаса таинственного прибежища, звучащего его собственным голосом.

2

Поздним вечером Бандацюедо, обеспокоенный тем, что Чжума долго не возвращается, послал за ней человека. Ее искали очень тщательно, но так и не нашли. Сказали, что видели, как она спускалась с гор вместе с «торговцами» лошадьми. Лошадей не хватало, и князь отправил десяток своих людей на плоскогорье раздобыть лошадей. Двинулись они рано

утром, значит Чжума была в пути уже целый день. Узнав об этом, Бандацюедо пришел в смятение. Он решил тотчас выслать погоню с приказом вернуть девушку во что бы то ни стало. Ма Инь-шань, сидевший тогда у князя, увидел его в таком необычном состоянии и заинтересовался, что случилось.

— Ушла! Ушла! — волновался Бандацюедо. — Я сам послал людей за лошадьми в Гэнду, а Чжума ушла с ними... Ушла в Гэнду! Ушла на погибель!..

Он выглядел таким жалким и растерянным, что Ма Инь-шань решил во что бы то ни стало выяснить причину тревоги бесстрашного князя. Вначале Бандацюедо отвечал неохотно, но в конце концов раскрыл перед посланцем «вездесущего господа» тайну, которую свято хранил многие годы. Он рассказал и о том, как десять лет назад вспыхнула между двумя родоправителями вражда, вызванная спорами о наследстве, как эта вражда обернулась гибелью всех членов рода Лунжэ и как случайно спаслась одна лишь его племянница Цимэйцзина, носящая теперь имя Чжума.

После всего ею перенесенного Цимэйцзина раньше времени стала взрослой. Редко видели ее играющей, редко кому приходилось слышать смех этой не по-детски серьезной и всегда задумчивой девочки. Ей часто снилась ее прежняя счастливая жизнь — яркие картины прошлого, запечатлевшиеся в ее памяти. Снились отцовская ласка, лица родных, снилось цветущее поместье ее отца в Лунжэ...

Просыпаясь, она заливалась горькими слезами и расспрашивала Бандацюедо о родоправительнице Гэнды, о Гэсанламе. Иногда ей снились и ее враги. Во сне она неизменно убивала их своими руками, под ударами ее меча падали их ненавистные головы. Мысль о безжалостной мести прочно утвердилась в сердце Цимэйцзины.

Она не мечтала о счастье и нисколько не дорожила собой. Отомстить — вот что стало целью ее жизни, и саму жизнь она сочла бы недорогой платой за сладкую месть. Иногда ей казалось, что и родилась она только для того, чтобы отомстить.

Узнав накануне, что люди собираются в Гэнду за лошадьми, Цимэйцзина принялась умолять дядю, чтобы он и ее отпустил с ними. Она уверяла, что хочет только взглянуть на поместье родоправительницы Гэнды и будет вести себя очень осмотрительно. Но Бандацюедо разрешения не дал, и вот она ушла тайком.

Бандацюедо не находил себе места. Последствия побега Чжумы трудно было предугадать. Она считает месть своим правом? Но месть не по плечу слабой девушке! Он, только он сам мог бы вырвать из рук врага земли Лунжэ и передать их законной владелице. Он ничего не предпринимал до сих пор из осторожности. Он хотел накопить и рассчитать силы, хотел бить наверняка. Он делал это ради Цимэйцзины, а она...

«Святой отец» слушал взволнованный рассказ Бандацюедо и молча покачивал головой, как будто слушал нечто давно известное. На самом же деле он был потрясен этим рассказом, этим нечаянным открытием первостепенной важности, открытием, сулившим неслыханные возможности...

До сих пор Ма Инь-шань не возлагал особых надежд на этого «князя» из захолустья. Правда, за ним шла сотня отчаянных головорезов, а с этим приходилось считаться. Но теперь Ма Инь-шань понял, что явно недооценивал Бандацюедо. Коль скоро у него такая племянница, коль скоро между ним и этой вдовой Сянцзэгунбу такая вражда... О, тут богатейшая почва, только надо хорошенько ее возделать!..

— Я думаю, не стоит посылать погоню, — предостерегающе подняв палец, начал Ма Инь-шань.— Разве прежде случалось что-нибудь с твоими людьми?! Ведь не первый раз они на «промысле»?

— Ах, ты не знаешь характера Чжумы,— в отчаянии воскликнул Бандацюедо.— Ее надо вернуть. Пусть хоть на веревке притащат, лишь бы она не ступала на земли Гэнды...

— Хорошо, — внезапно согласился священник, — сделаем так: пиши письмо твоим людям, чтобы в Гэнду, мол, не ходить и вообще возвращаться немедленно. Чжуме твоей не останется ничего другого, как вернуться со всеми. А гонца пошлю я. Лучше ничего не придумаешь, это уж самое верное.

Бандацюедо не стал спорить.

Гонец Ма Инь-шаня действительно отправился в Гэнду с письмом Бандацюедо. Но письма по назначению он не передал — таков был тайный приказ «святого отца». Зато в «собственные руки» другому лицу было вручено другое письмо — несколько слов, торопливо написанных самим Ма Инь-шанем. И это письмо достигло своей цели. Иначе зачем бы сянцзы Чакэдоцзи понадобилось так спешно покидать объятия Цыдунь-ичжен? Зачем бы искать ему помощи у бэньбу Цзы-хуана и Ми Фу-шена в минуту смертельной опасности, грозившей «женщине-черту»? И зачем, наконец, понадобилось бы ему потом скакать во весь опор за Цимэйцзиной-Чжумой по горной тропинке над самой пропастью?

Нет, письмо Ма Инь-шаня дошло и сделало свое дело.

3

В горах хорошо знали караван Чакэдоцзи. И знали, что Ма Инь-шань торгует с Чакэдоцзи. Вот, к примеру, Ма Инь-шань все хотел продать Чакэдоцзи закупленный им мускус, но уже второй раз ничего не получалось. И сегодня, встретившись у Ма Инь-шаня, они снова никак не могли сторговаться.

Жилище Ма Инь-шаня — одинокий мезонин под крышей двухэтажного дома — вполне отвечало одной странности «святого отца»: поднявшись к себе по единственной легонькой лестнице-стремянке, соединявшей его жилище с землей, он мог втащить стремянку за собой наверх, и этого он никогда не забывал сделать.

Он жил здесь один, высоко и обособленно, тихой и скрытой от других жизнью. Поэтому Чакэдоцзи, пришедшему, чтобы завершить сделку, пришлось ждать, пока Ма Инь-шань спустит ему лестницу.

Никаких видимых знаков внимания гостю оказано не было. «Святой отец» втащил лестницу и вернулся к прерванному делу. На полу были разложены детали какого-то аппарата. Ма Инь-шань собирал их. Но Чакэдоцзи и без всяких знаков внимания чувствовал себя здесь, как дома. Он придвинул к окну скамеечку, опустился на нее.

— Ну-с, что это вы устроили? — обрушился он на Ма Инь-шаня.— Зачем вам понадобилось похищать девчонку?

— О, какой горячий! — улыбнулся Ма Инь-шань и искоса, не отрываясь от дела, взглянул на Чакэдоцзи.— Уж не считаешь ли ты, что верующим не положено воровать девушек?

— Глупости! Кто увел ее с пастбища?

— Кто же, кроме молодчиков «князя», — Ма Инь-шань слегка пожал плечами. —'Услышали, будто на пастбище в горы пошла китаянка, ну и... А сколько хлопот было, пока привели ее! И вдруг оказалось, что это — чумазая тибетка. А злющая! Прямо волчонок — кусается, царапается...

Чакэдоцзи брезгливо скривил рот:

— Так вам и надо.

Ма Инь-шань невозмутимо продолжал:

— Утром я сам вызвал ее. Хотел порасспросить. Полдня я с ней про-

возился, и так и эдак — ни слова! Молчит, как немая. Уставилась на меня и молчит...

— Умники! — сянцзы насмешливо покачал головой.— Нашли кого допрашивать! Что она знает? Она им лошадей пасла, и все!

— Ну, в этом я еще не уверен, — Ма Инь-шань задумчиво помахал блестящими плоскогубцами и снова нагнулся над разобранным аппаратом. — Конечно, она пасет лошадей, но очень уж она несговорчива. Чем они ее так приворожили, не понимаю!

— Не понимаешь?! — Чакэдоцзи глубоко затянулся и, пустив дым почти в лицо Ма Инь-шаню, многозначительно усмехнулся. — А она понимает. Она понимает, что они могут ей дать... Как Бандацюедо собирается с ней поступить? — деловито спросил он после паузы.

— Спрятать ее хочет. А потом «ветерок» донесет до плоскогорья, что отец может за ней прийти с некоторым количеством юаней. И не меньше чем... — Ма Инь-шань начертил пальцем в воздухе какие-то цифры.

— Хорошо! Прекрасно! Ха-ха... — зло рассмеялся Чакэдоцзи. — Это ты вместе с ними надумал, святой отец? Правильно, папаша ее явится, только не один и не с серебряными юанями...

— Не надо волноваться, сянцзы! Как решил Бандацюедо — это одно, а как будет — это другое. Положись в этом деле на...— Ма Инь-шань воздел палец к небу.— И он ведь на что-нибудь годится!..

Вкрадчивый, многозначительный голос Ма Инь-шаня несколько успокоил Чакэдоцзи. И вообще, разозлившись, он позволил себе разговаривать с Ма Инь-шанем чересчур повелительно. Им незачем ссориться!

Поднявшись со скамеечки, Чакэдоцзи заглянул через плечо Ма Инь-шаня.

— Ну, как? Может, помочь?.. Я разбирался когда-то в приемниках.

— Неважно разбирался, — усмехнулся Ма Инь-шань. — Не отличаешь магнитофона от приемника!..

— Магнитофон? — присвистнул Чакэдоцзи.— Как же это вы его испортили?

— Ничего, исправим. Не впервые! — Ма Инь-шань ловко завинчивал какие-то крохотные гаечки.

— Чини, чини!.. Говоришь, тяжело работать без техники, — Чакэдоцзи весело подмигнул священнику.

Без магнитофона Ма Инь-шаню действительно пришлось бы туговато, поскольку он приучил «князя» к голосу «вездесущего господа»: магнитофон, установленный в перекрытиях потолка, доносил до сразу терявшего самообладание Бандацюедо любое пожелание Ма Инь-шаня.

— В технике все дело! — в тон гостю согласился Ма Инь-шань, но тут же не без лукавства спросил: — А что нового у тебя, сянцзы? Как преуспеваешь в доме Эмадэндэна?

Этот вопрос сразу же нагнал на Чакэдоцзи тоску. Он в раздражении бросился на диван.

— Вот уж, если судьба повернется к тебе спиной, то...— в голосе его звучала злоба, — то мотайся до смерти... Помню, когда представительство* эвакуировалось из Лхассы, я радовался: «Ну и хорошо! Вернусь по крайней мере в Нанкин». Кто знал, что надумают оставить здесь своего человека? Конечно, нужен здесь человек. Но почему именно я? — и он, швырнув на пол потухшую сигарету, зло растер окурок ногой. — Неужели, кроме меня, не нашлось специалистов на эту деликатную должность?!

— Спокойней, спокойней! — остановил его Ма Инь-шань. — А я вот не верю ни в какую судьбу. Жизнь человеческая — это всего лишь неболь-

* Имеется в виду так называемое «Тибетское представительство комитета по делам Монголии и Тибета», учрежденное реакционным гоминдановским правительством в 1939 году и разогнанное местными тибетскими властями в 1949 году.

шое путешествие. У каждого свой путь, и никто не знает, что его ждет на этом пути. Если у тебя слишком много камней под ногами, не завидуй другим. Камни ведь не везде навалены — будет и у тебя впереди широкая гладкая дорога. И тогда ты, может быть, скажешь: «А хорошо, что я именно этим путем пошел...»

— Ладно,— прервал его Чакэдоцзи,— можешь меня не утешать. Давай раз и навсегда оставим этот разговор.

— Хорошо, оставим.— Ма Инь-шань держался серьезно.— Как все-таки твои дела?

— В общем, ничего. Но ты немного опоздал с письмом. Они уже давали представление у плотины в Гэнде. Я пошел, но случая познакомиться не представилось... Потом они взяли несколько лошадей у Гэсанламы. А девчонка хотела поджечь владения Гэсанламы. Ну, схватили ее... Спасибо парню с агростанции. Я тебе писал: если б не он, не быть Цимэйцзине в живых...

— Где она сейчас? — слишком поспешно спросил Ма Инь-шань.

Чакэдоцзи прищурился.

— А ты как думаешь?

— Я думаю... уж ты-то найдешь подходящее местечко, — хихикнул Ма Инь-шань, обнажая свои крысиные зубы.

— Я тоже так думаю! — надменно ответил Чакэдоцзи. — Но за «князем» придется присмотреть... На случай, если ему опять вздумается разыскивать...

— «Князя» мы приберем к рукам, — Ма Инь-шань оторвался от почти собранного аппарата и повернулся к гостю.— Это мы возьмем на себя, — и он указал на магнитофон.

4

Ночной ветер безжалостно рвал волосы Цючжи, трепал ее платье, вернее, остатки платья, едва прикрывавшие ее тело. Она шла босая по горной тропинке и не замечала острых камней, врезавшихся в ноги. Лицо пылало, она шла, как во сне, не в состоянии даже сообразить — куда идет, зачем. Но вот в непроглядную тьму заглянула луна и вскоре спряталась в тучи. В лунном свете Цючжи увидела сбоку, немного впереди себя, огромную человеческую тень, и сразу же холодная дрожь пронизала ее. Она опомнилась.— Цючжи! Ты идешь к реке. Ты идешь умереть, слышишь, Цючжи?

Несколько минут назад Бандацюедо таким голосом, словно речь шла о какой-то мелочи, приказал предать ее смерти.

— Надо отвести к реке эту девчонку с агростанции и там выстрелить ей в спину, — сказал он, чавкая и высасывая мозг из говяжьей кости. — И — в реку! Ясно? Кто пойдет?

Сидевший рядом с Бандацюедо тщедушный китаец, которого называли «святым отцом», зашептал ему что-то на ухо. «Князь» кивнул и добавил:

— Веревку возьмите. Привяжете камень, и тогда — в воду. А то всплывет!

Из толпы вышел какой-то верзила и сказал, что пойдет он. «Князь» оглядел его:

— Иди! Ты парень сильный, не струсишь. Потяжелее камень выбери!

Цючжи дорожила жизнью и очень хорошо понимала, как страшна смерть. Поэтому мысль о том, что каждый ее шаг вперед, к реке, — это шаг к смерти, приносила ей нестерпимые страдания.

Короткая вспышка молнии озарила горы, и в ее ослепительно белом свете отчетливо выделялся каждый камешек, каждая травинка. Примерно то же самое творилось сейчас и в сердце Цючжи. Какими-то вспышками мелькали бессвязные обрывки воспоминаний и сразу же исчезали, с лихорадочной быстротой уступая место другим.

То вдруг она видела мать. Мама смотрела на нее откуда-то издалека. Так она, бывало, часами могла смотреть на Цючжи, заплетая ей косички, легонько и ласково поглаживая голову дочери. Кажется, сейчас она слышит, как мать звала ее вечерами: «Цючжи, Цю-ч-жи! Домой пора, спать!»... И отец тут же. Жесткая у него бородка, колется, как соломинки... и щекотно...— Цючжи стерла со щеки пробежавшую слезинку...— А лицо у него сердитое, будто он очень злой человек. Но он добрый. Однажды она поймала воробья и привязала его ниткой к изгороди. А отец отвязал и отпустил на волю:

— Его дети в гнезде ждут. Умрут без него с голоду! — Цючжи разозлилась тогда, разревелась и нарочно не пошла пасти корову...

Что ты сейчас делаешь, папа? Никогда мы больше не увидимся...

В воду, и камень велел привязать... Ни, сестра моя, сестра... Неужели они убили тебя? Нет! Нет же! Не попали они! Я знаю, не попали... Помнишь, ты говорила про завод? Сказала, что я сама увижу!.. Я ведь могла бы увидеть, и не только завод... Ничего теперь не увидишь на дне реки с камнем на шее...

Цючжи вспомнила Чжу, Е Хая и их трактор. Чжу говорил: «Научишься и ты, Цючжи, вот зимой посвободнее будем, я научу тебя, станешь трактористкой!» И научилась бы... Мало ли чему можно было бы научиться?.. Она вспомнила, как Чжу и Е Хай пришли к ним в гости, вспомнила...

И вдруг она увидела реку. Река извивалась между гор, как огромная змея, готовая проглотить ее... Вот здесь и умрет Цючжи. Образы прошлого исчезли. Сознание стало ясным, и только в висках стучало: «Смерть, смерть»...

«Но почему я должна умирать?! Что я сделала? Вы умрите!..»

Цючжи рванулась назад и бросилась на конвоира. Она вцепилась в винтовку, потянула ее на себя, но тут же отлетела и упала головой к реке, подкошенная сильным ударом. Течение подхватило косы Цючжи и потянуло их за собой...

Эхо повторило выстрел и понесло его в глубь гор.

«...Но почему же я вижу звезды на небе? Я дышу, и сердце у меня бьется... Значит я жива?!» Она шевельнулась, затем резко встала, почти вскочила...

— А ты не вырывай винтовку. Я и не думал в тебя стрелять... — миролюбиво заговорил конвоир. — Иди. Беги! — он показал рукой в сторону плоскогорья.— Туда. Видишь, вот там проход?.. Свернешь на восток и через ту большую гору... А потом вдоль реки, вниз спускайся... прямо в Гэнду придешь. Слышишь? Иди, я отпускаю тебя!

Но Цючжи ничего не понимала и не двигалась с места.

— Ну, что ты уставилась?! Запомнить хочешь? Запоминай! Зовут меня Ланцзя. Вернешься, расскажи бэньбу с агростанции, что если б не я, ты не вернулась бы. А если б не он, я не в воздух стрелял бы сейчас...— Он задумался. — Запомнишь? Бэньбу схватил меня тогда, — медленно, с трудом отрываясь от воспоминаний, говорил конвоир, — он мог убить меня за то, что я сделал, но не убил. Я помню это. Скажи ему, помню! Скажи, Ланцзя умеет быть благодарным, у него есть совесть!

ГЛАВА ПЯТАЯ

1

Пастбище, с которого похитили Цючжи, находилось в непосредственной близости от Гэнды, и так как отряды общественной безопасности часто патрулировали в этом районе, то никто не ожидал здесь подобного случая. Теперь на поиски Цючжи отправили специальный вооруженный отряд, и вся округа волновалась, ожидая его возвращения.

Мать Цючжи в эти дни совсем забросила хозяйство — и чай не заваривала, и корову забывала доить. Сидя на крыше, она воспаленными глазами вглядывалась вдаль: не покажется ли кто-нибудь на горной дороге.

На агростанции настроение было подавленное, а помощник тракториста Е Хай требовал, чтобы его включили в вооруженный отряд; Цзы-хуан с трудом уговорил Е Хая, что особой пользы отряду он не принесет, а прямое его дело пострадает. Е Хай остался на агростанции, но все замечали, что он исхудал и совершенно извелся.

Обозы начали вывозку удобрений на пастбища, и Цзы-хуан каждый раз сам сопровождал их, считая, что его боевой опыт и находчивость смогут выручить при любых обстоятельствах.

Вот и сегодня было еще совсем темно, когда Цзы-хуан поднялся, ощупью нашел одежду и осторожно, чтобы не разбудить Юэ-сян, накрыл ее ватным одеялом. Однако Юэ-сян все же проснулась и вынула из-под подушки выглаженную белую рубашку.

— Надевай чистую, а то людям на тебя смотреть тошно! — строго сказала она.

До сих пор Цзы-хуан менял рубашки без ее напоминания, но положение изменилось с того дня, как Юэ-сян стала кладовщицей. Произошло это на прошлой неделе, когда секретарь Су И приезжал на агростанцию. Цзы-хуан пожаловался ему, что на складе мыши прогрызли мешки с зерном, а бочки, оставленные на солнцепеке, рассохлись и стали никуда не годными... И некому поручить склад — рабочих рук не хватает!

— А по-моему, заведующего складом нетрудно найти,— возразил Су И.— Я ручаюсь, что у вас есть человек для этой работы — и трудолюбивый, и надежный...

Су И лукаво кивнул на сидевшую у огня Юэ-сян.

— Я? — Юэ-сян даже смутилась, — не шути, секретарь, что́ я умею делать?!

Но разговор происходил всерьез, и на следующее утро Юэ-сян была действительно назначена заведующей складом агростанции. Дело оказалось сложным и хлопотливым, и Юэ-сян работала без устали, стараясь ни в чем не оплошать, а настроение у нее было бодрое и хорошее, как никогда прежде. Бывало она даже завидовала Ни и Линь Юань, которым Цзы-хуан оказывал доверие и с которыми он всегда серьезно обсуждал различные дела. С нею, со своей женой, он разговаривал совсем по-другому. А сейчас? У нее, как и у других, появились свои деловые заботы, она как бы нашла свое место на агростанции.

Сначала Цзы-хуану не верилось, что Юэ-сян действительно подходит на должность заведующей складом. В душе он решил, что это назначение временное. Но Юэ-сян не проработала и пяти дней, а на складе обнаружились большие перемены. Протекавшую крышу ловкие руки Юэ-сян покрыли свежей соломой и обмазали глиной; заштопанные мешки с зерном не валялись больше в куче на сыром полу, а были подвешены на перекла-

дине, чтобы мыши до них не добрались. Все имущество — плуги, бороны, котлы для варки пищи, плетеные корзины, лопаты, мотыги были рассортированы и стояли в строгом порядке, словно солдаты в строю. А в бригадах начали поговаривать, что новая заведующая складом поблажки не дает: «Придешь к ней одолжить коромысло, а она требует, чтобы точно сказали, когда вернут, да еще записывает фамилию в книгу!» Услышав такой разговор, Цзы-хуан вспомнил, что жена сшила из старых газет аккуратную тетрадь, — должно быть именно для этих записей. Ему вдруг подумалось, что нелегко было бы найти другого такого прилежного и старательного заведующего складом, как Юэ-сян! И он стал совсем по-новому смотреть на жену. Во всяком случае, он уже не позволял себе менять рубашки, едва они становились несвежими. Когда ей еще стирать, бедняге Юэ-сян, загруженной массой дел на складе? Вот и сегодня, не объясняя причин, он упрямо отказался от чистой рубашки.

— Я днем буду на реке и сам сполосну эту — в момент высохнет!

Юэ-сян рассердилась:

— Ты что, осрамить меня хочешь перед людьми?

Но у Цзы-хуана была одна идея, которой он, наконец, поделился с женой. Дело в том, что после своего спасения от Эмадэндэна Чжума, не зная куда деваться, пришла на агростанцию, и те люди, кому она была обязана спасением жизни, конечно не отказали ей в помощи. Ей разрешили поселиться в старой землянке возле конюшни, и она жила там в уединении, добывая себе пропитание стиркой. Вот Цзы-хуан и решил отдавать свои рубашки в стирку Чжуме — и жене будет легче, и этой одинокой девушке как-никак — помощь.

Юэ-сян не возражала. Быстро причесавшись,— она была очень опрятна и не любила неряшливых женщин — Юэ-сян пошла за хворостом, но, открыв дверь, обнаружила недалеко от входа какую-то бесформенную груду, запорошенную снегом. Она подошла поближе и вскрикнула от страха, невольно попятившись обратно. То, что ей показалось грудой, было на первый взгляд трупом замерзшего человека. На крик Юэ-сян сбежались соседи, из дому выскочил Цзы-хуан. Они подняли тело дряхлого старика. Густая борода его обледенела, скуластое, испещренное морщинами лицо было землистого цвета. Весь облик старца был дик, суров и страшен. Под пастушеским тулупом торчал ржавый обломок тибетского кинжала, заткнутый за пояс промасленных и грязных брюк военного образца.

Положив руку на сердце старика, Цзы-хуан ощутил слабое, но все же отчетливое биение. Не успел он сказать вслух «Жив», как несколько человек в один голос закричали:

— Смотрите, смотрите! Он открыл глаза!

Старик действительно с трудом, медленно открыл глаза. Как человек, находившийся в глубоком забытье и внезапно очнувшийся, он через силу поднял отяжелевшие веки и мутным взглядом окинул окружавших его людей. Подбородок его задрожал так, что с заиндевевшей бороды посыпался снег; он силился что-то сказать. Все напряженно молчали.

— Я слышал... здесь... собираются сеять? Дайте... дайте мне горстку зерен! — он протягивал к людям худые, высохшие руки: — Мне хотя бы горстку, чуть-чуть! Много не надо.

Эти слова могли показаться бредом, но каждый из присутствовавших понял их горький смысл.

2

Цзы-хуан сказал жене, чтобы она побыстрее разогрела для старика оставшийся с вечера рис и отыскала бы ему какую-нибудь обувь, а сам отправился на конюшню. Пора было выезжать с обозом.

Обоз выступил в путь на рассвете. Все погонщики были вооружены, как будто ехали не на пастбище, а на фронт. Не доезжая до реки, Цзы-хуан

увидел на противоположном берегу Лэя, обмерявшего что-то с помощью длинной бечевки. Лицо Лэя было озабоченное и строгое.

Собственно, эти измерения он предполагал производить вместе с Ни, после того как познакомился с ее проектом строительства дамбы. Однако Ни, получив ранение, попала в больницу, и Лэй решил приготовить ей сюрприз к выздоровлению. Он надеялся не только закончить все измерения, но и приступить к возведению плотины до того, как Ни выйдет из больницы. Не трудно понять, как это обрадует ее!

Вот почему последние дни Лэй занимался этой не совсем знакомой ему работой. Он собрал некоторые данные и считал, что, опираясь на них, можно немедленно приступить к работе.

Обоз приблизился. Подобрав свои бечевки, Лэй приветствовал прибывших:

— Начальник, ты действительно собираешься сам ехать на пастбище?

— Конечно! — сказал Цзы-хуан. — Я же старый погонщик! А вот тебе ехать не обязательно...

— Хорошо, подожди, начальник! — Лэй подошел к нему вплотную.— Нужно поговорить об одном срочном деле. Мы с Ни собирались написать докладную; вообще же это — целиком ее идея. Но она сейчас в больнице, и уж раз ты так кстати сюда попал, я покажу тебе все на месте!

— Что покажешь? — Цзы-хуан отъехал к обочине дороги и, натянув вожжи, остановил повозку, пропуская двигавшиеся сзади повозки и яков.

Лэй торопливо, но вместе с тем торжественно начал излагать свой довольно фантастический план. Меньше всего в этом плане говорилось о строительстве. Зато, слушая Лэя, можно было как бы воочию увидеть и грандиозную каменную плотину, протянувшуюся до подножия гор, и преображенный песчаный плес — второе по величине поле агростанции. Его плодородная почва засеяна, как это предусмотрено планом, различными видами кормовых трав. Здесь же поднимутся корпуса животноводческой фермы и мельницы. Чуть дальше, у изгиба реки,— шлюз. От него серебристой лентой тянется канал, при впадении которого в реку, как раз напротив агростанции, находится гидроэлектростанция. Хотя она и небольшая, но дает достаточно энергии для снабжения машинно-тракторной станции, агростанции и всех крестьянских домов в округе. Разумеется, по мере надобности, здесь появятся и другие объекты, простора много, склоны соседних гор поросли густым лесом, следовательно, материал для строительства есть прямо на месте...

Лэй говорил так уверенно, будто речь шла о самом простом деле. Цзы-хуан как начальник агростанции, казалось, должен был проявить особый интерес к этому великолепному плану. Но, как ни странно, великолепие плана совсем не увлекло начальника. Он слушал рассеянно, с безразличным видом, словно речь шла о чем-то совсем неинтересном. Лэй, почувствовав это, смутился и под конец вовсе увял.

— Так, значит, вы собрались плотину строить? — после паузы проговорил Цзы-хуан.

Лэй обиделся.

— Почему мы? Агростанция! И надо учитывать, что если—плотина будет построена...

Цзы-хуан зевнул:

— Знаю, знаю! Пастбища, животноводческое хозяйство, мельница... шлюзы разные, электростанция. Ничего не скажешь, полезная идея. Я и сам бы не против, чтоб все это появилось у нас. Но, к сожалению, сегодня разговора об этом быть не может! — Цзы-хуан дернул вожжи, повозка тронулась.

Лэй ухватился за ее край и пошел рядом.

— Почему быть не может? — сердито спросил он.

— Потому что сейчас со всем этим не справимся! — ответ прозвучал очень просто.

Повозка катилась все быстрее, Лэй едва поспевал за ней. Пробежав несколько шагов, он вдруг подпрыгнул и уселся рядом с Цзы-хуаном.

— Не управимся, говоришь? А давай попробуем!

Цзы-хуан неожиданно легко согласился:

— Хорошо, попробуем! Что, по-твоему, нужно для этого?

Удивленный Лэй ответил наобум:

— Ну... люди!

— Люди? — Цзы-хуан усмехнулся. — Пожалуйста, если найдешь на агростанции хоть одного свободного человека — забирай.

— Почему только на агростанции? Можно нанять рабочих,— солидно сказал Лэй.

— А деньги? — Цзы-хуан говорил так, словно советовался с Лэем.

— Деньги? — Лэй пожал плечами. — Обратись в управление или куда-нибудь...

Наступило молчание. Лошадь бежала быстро, и Цзы-хуан подумал, что этот упрямец Лэй способен так, молча, доехать до пастбища.

— Ладно, я подумаю,— Цзы-хуан не нашел других, более подходящих слов.— Потом поговорим!

Но на Лэя эти слова не оказали должного воздействия.

— Потом, потом, вечно ты так. Представят тебе хорошее предложение, а ты наложишь резолюцию: «Исполнение отложить». И сколько к тебе ни обращайся, кроме «Потом поговорим» ничего не услышишь. А не скажешь ли, когда это твое «потом» превратится в «сейчас»? — Лэй был рассержен не на шутку и не желал скрывать свое возмущение.

— Все сказал? — Цзы-хуан тоже начал выходить из себя, — ты вот что-то придумал, а я должен сию же минуту побросать все дела и заняться выполнением твоих планов, так? А кто поручится, что эти планы осуществимы? Плотина, плотина! А ты инженер? А эта самая Ни что-нибудь смыслит в плотинах? Да, может быть, тут и почва не подходящая... или еще что-нибудь...

Внезапная вспышка раздражения у Цзы-хуана подлила масла в огонь. Лэй окончательно разозлился.

— Ну, хорошо. Раз так... — Он спрыгнул с повозки и холодно объявил: — Предупреждаю, я пойду к товарищу Су И.

— Жаловаться хочешь? — у начальника агростанции от обиды задрожал голос.

Лэй презрительно поглядел на него:

— Жаловаться не привык, но считаю нужным представить этот план непосредственно партийному комитету.

— Делай, как знаешь! — Цзы-хуан взмахнул кнутом, и лошадь рванулась вперед, словно стараясь убежать от удара.

3

Секретаря Су И беспокоили школьные дела. В уезде Гэнда никогда не существовало школ для маленьких детей, и местные жители относились к этой затее очень равнодушно. Правда, несколько дней назад правительство цзуна объявило Воплощенного Будду Сяса, признанного при жизни святым, почетным директором будущей начальной школы в Гэнде, и это придало вес всему делу. Но все-таки очень многие еще считали, что, сидя в классах, дети только теряют время, а ведь семи-восьмилетний ребенок мог выполнять уже столько домашней работы. И почти никто по собственному почину не записывал детей в школу.

Линь Юань пришлось стучаться в каждый дом, чтобы зарегистриро-

вать ребятишек школьного возраста, и многие старались утаить своих детей от регистрации, словно речь шла о налоговой переписи.

Линь Юань пробовала спрашивать у будущих своих учеников, хотят ли они идти в школу, и с огорчением слышала откровенное: «Не хочу!» А между тем правительство цзуна решило до окончания постройки школьного здания временно разместить школу на сеновале.

Сеновал вычистили, вымыли, привезли туда парты, и занятия начались.

Су И пришел в школу, когда там начался урок китайского языка. Тихо, никем не замеченный, присел он у входа и окинул взглядом этот странный класс. Некоторые ученики сидели прямо, заложив руки за спину. Другие, наоборот, беспрестанно вертелись на своих маленьких шатких партах. Впрочем, на первый взгляд ничто как будто не нарушало чинной обстановки в классе. Но стоило только заглянуть под парты! Там все было в движении, ученики старались наступить друг другу на ноги, толкались. Это напоминало плывущих утят, которые, если глядеть сверху, кажутся степенными до неподвижности, а под водой отчаянно работают лапками.

Линь Юань старательно писала на доске иероглифы. Сейчас она казалась настоящей учительницей.

Внезапно за ее спиной раздался громкий возглас: «Цзянмагусю»,* и все, как по команде, повернулись к толстому, заплывшему жиром мальчику, поднявшемуся из-за парты. Круглое и чумазое лицо его выражало обиду.

Линь Юань тоже обернулась и посмотрела на мальчика. Вздохнув, она направилась к нему. Дети напряженно следили за ними.

Казалось, учительница собирается сделать строгое внушение, но, подойдя к мальчику, она заговорила мягко и ласково:

— Ты что крикнул, Цзянга? А ну-ка повтори!

Мальчик покосился на своих товарищей. Только теперь он вспомнил, как учительница предупреждала, что ее нельзя называть «цзянмагусю». Просто удивительно, ведь это самое вежливое обращение! А она почему-то сердится и как-то сказала:

— Лучше бы этого слова вовсе не было!

Шмыгнув носом, мальчик торопливо поправился:

— Учительница!..

Над партами вспорхнул приглушенный смешок.

— Хорошо, теперь правильно! — Линь Юань кивнула головой, — но что это с тобой?

У мальчика оказалась ладонь в крови. Показывая на свою соседку по парте, он обиженно сказал:

— Она порезала мне палец!

Линь Юань отвела его к небольшому столику за классной доской и там ловко смазала ранку йодом, а затем забинтовала. Су И, наблюдавший за этим, подумал про себя: «Ей приходится куда труднее, чем мне. Когда я раньше был преподавателем, я всего лишь учил детей, а она сейчас и педагог, и нянька, и даже медсестра».

У Линь Юань в самом деле много времени уходило на всякие перевязки; с ее учениками постоянно случались разные несчастья: то кровь пойдет носом, то кто-нибудь упадет и сильно расшибется, то ребята подерутся — и снова кровь, синяки, слезы...

Окончив перевязку, Линь Юань приступила к допросу девочки. На вид ей можно было дать лет восемь-девять, из всех детей Линь Юань больше всех нравилась именно эта девочка.

---

*- Госпожа *(тиб.)*

Начав учиться, она с первого же дня, следуя наставлению учительницы, являлась в школу всегда чисто умытая и опрятно одетая. Почти каждый день приходила в школу первой и, пока Линь Юань бегала по деревне, созывая запоздавших, она уже сидела на своем месте в классе.

И вдруг сейчас именно она оказалась главной виновницей происшедшего. Линь Юань поневоле пришлось говорить с ней очень строго:

— Зачем ты порезала ему руку?

— Я не виновата! — девочка встала, не забыв о том, что разговаривать с учителем нужно стоя. Моргая длинными ресницами, она объяснила: — Ножик лежал у меня в кармане, а он хотел его вытащить. Я не позволила, но он стал вырывать. Мы оба тянули ножик каждый себе, я — за ручку, он — за лезвие. Вот и порезался.

Стало ясно, что девочка права.

— Так все это было? — спросила Линь Юань.

По классу пронесся легкий ропот. С передней скамьи поднялся совсем крошечный мальчуган и громко заявил:

— Конечно так, учительница! Он всегда таскает чужие вещи!

Линь Юань захотелось презрительно крикнуть: «Оказывается, ты воришка!», но она сдержалась. Наверное здесь есть дети, которые еще никогда не слышали этого слова.

Нагнувшись к мальчику, Линь Юань мягко и настойчиво сказала:

— Никогда не поступай таким образом! Очень стыдно брать чужое без спроса. Лучше попроси хорошенько и тебе дадут... Одолжат. Ты одолжила бы ему ненадолго свой ножик? — неожиданно обратилась она снова к девочке.

— На время? — серьезно спросила та. — Конечно, дала бы.

— Вот видишь! — с облегчением сказала Линь Юань. — Конечно, дала бы... А вы, дети?

Все хором повторили ответ девочки. Линь Юань казалось, что она очень ловко приблизилась к цели. Еще один наводящий вопрос, и все будет в порядке.

— Слышал? — Линь Юань взяла мальчика за подбородок. — А теперь посмотри мне в глаза и скажи, что ты никогда не будешь брать чужие вещи без спроса! Хорошо? Ну, повторяй: я больше не буду брать чужие вещи без спроса! Даже самой маленькой вещички не возьму... Говори же, Цзянга!

Цзянга молчал.

Он прекрасно понимал, что обещание надо дать, но дать такое обещание не мог. Слишком уж ему нравились чужие вещи. Он боялся, что не сумеет сдержать слова, и не знал, как быть.

Неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы на пороге сеновала не появилось новое лицо — мать Цзянги. Она была полной противоположностью сыну — высокая и худощавая. Еще с порога загремел ее зычный голос:

— Чтоб ты провалился, окаянный! Искать тебя повсюду. Марш домой!

Цзянга виновато посмотрел на учительницу и, спрятав порезанную руку, медленно поплелся за матерью.

— Подождите, тетушка! — Линь Юань поспешила за ними. — Цзянга пришел учиться. Вы посмотрите, сколько детей, и все они пришли учиться.

— Учиться? Ну и пусть! А мой не будет! — Мать дернула Цзянгу за руку: — Муж больше двух недель болен, с постели не поднимается, надо за ним ухаживать, надо воду носить, надо кизяк замешивать, надо яков пасти! Что ж, он будет тут книжки читать, а я все одна?

— Немного погодя он вернется домой, а сейчас,— Линь Юань показала на классную доску, — идет урок!..

Но мать Цзянги не поняла, что значит «урок», и, по-видимому, вообще ничего не поняла из слов Линь Юань. Подтолкнув сына к выходу, она и сама хотела выйти, но Линь Юань, возмутившись, преградила ей дорогу:

— Я же сказала, что ему нельзя уходить!

— То есть как это нельзя? — вспылила женщина. — Это чей ребенок? Мой! Это мой ребенок. Я не позволю, чтобы какая-то девчонка...

— А я говорю, подождите!

— Пусть он идет, — Су И внезапно поднялся со своего места, — пусть идет домой!

Линь Юань опустила руку, которой она загораживала выход, и женщина, пылая негодованием, проследовала мимо учительницы. Воспользовавшись всем этим шумом, несколько учеников незаметно улизнули из класса...

4

Как добиться того, чтобы взрослые не забирали своих детей из школы? Даже Су И не мог ответить на этот вопрос. Он договорился сегодня же вечером тщательно обсудить положение с расстроенной до слез Линь Юань, а пока отправился посмотреть, как подвигается строительство школы. Школа строилась на старом фундаменте бывшего военного форта, воздвигнутого еще цинскими войсками*. Позже здесь была казарма гоминдановского гарнизона. Теперь полуразрушенные стены этого здания снова использовались при постройке школы. Школу было намечено построить в два этажа: нижний этаж — старый, потемневший от времени, и верхний — новехонький. Строители трудились дружно, под песню — тибетцы всегда поют, когда строят. Среди рабочих выделялся один старик; он сильно горбился, ходил медленно, с трудом переставляя ноги, но руки его двигались не менее проворно, чем у многих молодых... Это был тот самый нищий, которого совсем недавно подобрали у дверей дома Цзыхуана.

Су И пришел сюда главным образом для того, чтобы поговорить с ним. Секретарь поздоровался с горцами по-тибетски. Потом, подтянув рукава, встал в один ряд с каменщиками и принялся укладывать кирпичи. Горцы немало удивились, что такой большой бэньбу работает наравне со всеми.

Не отрываясь от работы, Су И заговорил со стариком. Тот надрывисто кашлял, напрягаясь при этом всем телом, тяжело дышал, но слух у него был еще хороший. К тому же он оказался интересным рассказчиком.

— С англичанами воевал?

— А как же, и с ними. Мне было лет девять, когда мой отец дрался с англичанами. Когда мне было 26 лет, англичане вновь пришли к нам**. С винтовками, с пушками. Ворвались, словно стадо диких кабанов, а хотели, чтобы тибетцы с почетом встречали их! Ну что же? Мы оказали им почет. Стреляли по ним из густых лесных зарослей, обрушивали на головы громадные камни в узких горных теснинах, а на равнинах рыли глубокие западни...

Он был тогда молод и силен, этот старик, и его знали не только в своем дайбэне***; слава о воине Лочжу облетела весь Западный Тибет. С ружьем в руках, верхом на быстром коне, он стремительно налетал на бивуаки английских войск.

---

* Цинская (маньчжурская) династия правила в Китае с 1644 по 1911 год.

** Английские империалисты дважды вторгались в Тибет: в первый раз — в 1887 г. и во второй — в 1904 г.

*** Воинская единица в тибетской армии, соответствующая полку.

Тибетцы — опытные, отважные воины и охотники; но перед чужеземными захватчиками, вооруженными до зубов новейшей техникой, они были совершенно бессильны, и победа осталась на стороне их врагов. За армией последовали своры коммерсантов и различных «исследователей», развернувших кипучую деятельность во всех захваченных районах. Рассказывая, старик как бы заново переживал события тех лет. Англичане объявили Лочжу «опасным преступником», и он, спасаясь от преследований, был вынужден бежать в далекий Сикан, где скрывался в одном из храмов под видом ламы. Но вскоре Лочжу, которому в храме обрили голову, вновь пришлось взяться за оружие.

— Может, думаете, мне нравилось убивать? Конечно, нет! Но что оставалось делать? На второй год войны с англичанами цинский император послал в Лхассу своего наместника Фэн Цюаня*. Тот был убит скотоводами возле Батана**. Император сразу же послал другого. Имени этого бэньбу мы, тибетцы, никогда не забудем. У нас, если ребенок расплачется и ему скажешь: «Не плачь, а то Чжао Эр-фын*** придет!» — он сразу же замолкает.

О том, как Чжао Эр-фын пришел с войсками в Тибет и с неслыханной жестокостью издевался над местными жителями, Су И знал из истории. Теперь Лочжу рассказывал о том, что видел и пережил сам. Два с половиной месяца длилась осада храма, в котором он укрывался вместе со всем населением округа, и только когда иссякли источники питьевой воды, храм был взят...

Лочжу был ранен и долгое время пролежал без сознания. Когда же пришел в себя, кругом, кроме вороньего карканья, ничего не было слышно. Земля была мокрой от крови! Он полз по этой мокрой от крови земле, перебирался через горы трупов и, наконец, приполз в одну деревушку. Там его лечили, прикладывая к ранам мускус. Через полгода он выздоровел и хотя был таким же крепким, как и раньше, но остался навсегда хромым. Чтобы прокормиться, он брался за любую работу. Наконец, устроился в один торговый караван погонщиком верблюдов, изъездил весь Тибет и побывал даже в Индии. Потом бродяжил по Сикану, и тут ему, наконец, повезло: встретил одну вдову, владевшую большой отарой овец и стадом в несколько десятков голов. Хотя он тогда был уже немолодым, да к тому же хромал, он приглянулся этой одинокой женщине. Сначала она наняла его батраком, но не прошло и нескольких дней, как он переселился жить к ней в дом. Через три года, когда ему минуло уже сорок четыре года, у них родился сын, крепыш — весь в отца.

— А что же сталось с твоим сыном? — спросил Су И.

Упоминание о сыне тяжело подействовало на старика. Его лицо омрачилось, к горлу подступили слезы, и он надолго закашлялся. Наконец он снова заговорил:

— В конце позапрошлого года отсюда отступала гоминдановская армия, — старик оторвался от работы и бросил старый кирпич, который держал в руке, — если бы мне не было семьдесят лет, я бы дрался с ними так же, как с англичанами и с Чжао Эр-фыном! И те, и эти — мародеры! Только одни грабят в открытую, а другие придумывают предлоги! Гоминдановцы, видите ли, собирали задолженность по налогам... Ну и обобрали всех до нитки! Одни бежали, другие стали просить милостыню. И я

---

* Фэн Цюань — министр императорского двора — был назначен наместником в Тибет. На пути в Лхассу он был убит тибетцами.

** Батан — пункт на юге провинции Сикан.

*** Чжао Эр-фын вначале занимал пост даотая (начальника округа), затем был назначен министром-наместником Чуандяньбяня (территория провинций Сычуань — Сикан, Юньнань), а также Тибета. В 1905 г. он с войсками вторгся в Тибет. Когда он возвратился в Китай, там вспыхнула синьхайская революция (1911), и он был казнен военным губернатором Сычуани И Чан-хэном.

не избежал этой участи. А молодежь ушла в горы, попряталась по пещерам. Но разве все могли укрыться? Вот они и схватили моего сына... С тех пор прошло уже два года, один месяц и девять дней, а я все ищу его. Только бы мне увидеть его хоть раз! Но... Нет, вы меня не утешайте... Мне это не нужно, ни к чему. Его, конечно, уже нет в живых. Он, как и его мать, ушли от меня навсегда.

5

По предложению Су И старика Лочжу оставили на агростанции. Если бы он ничего не делал, никто бы и слова ему не сказал. Но старик Лочжу не привык есть чужой хлеб даром. Он не мог сидеть сложа руки: подметал, поил лошадей, пас овец, кормил уток, носил работникам в поле пищу и воду, помогал чинить инвентарь на складе... Ничто без него не обходилось. Наконец, он взял на себя обязанности ночного сторожа. Никто ему этого не поручал, он сам взялся за караульную службу. К этому он был привычен: с малых лет ходил в ночной дозор с отцом, охраняя военный лагерь. После смерти отца по обычаю, принятому в тибетских войсках, он получил его оружие и занял его место в строю. И уже как настоящий воин ходил в ночные дозоры. Потом, когда странствовал с торговым караваном, охранял по ночам сон людей, спавших в палатках на бивуаке. И еще совсем недавно вместе с сыном сторожил своих овец на пастбищах.

Начинало смеркаться, когда Лочжу ушел в свой первый сторожевой обход. Он был вооружен обломком старого тибетского клинка, с которым сражался еще против англичан, и хотя уже не мог держаться прямо, все же старался придать себе бравый вид.

Но скоро Лочжу почувствовал усталость и уже хотел присесть, чтобы немножко отдохнуть, как вдруг заметил какую-то фигуру на тропинке, ведущей в деревню. Наверно, другой на его месте сразу разглядел бы, кто идет, но зрение старика уже притупилось. Все же он заметил, что человек, выйдя на открытое место, остановился. «Кто-то чужой»,— решил старик и поспешил незаметно укрыться. Оглядевшись, пришелец направился к конюшне. Он остановился у входа и долго заглядывал внутрь, не решаясь войти, потом повернулся и пошел к загонам для овец. Там он нагнулся и стал рассматривать животных. Затем обогнул метеопункт, прошел мимо склада и повернул к птичнику. Лочжу окончательно утвердился в своих опасениях — это грабитель! Хочет высмотреть, что и как тут... Да и кто другой стал бы тайком пробираться в такую позднюю пору на агростанцию? А если пришел по делу, то почему держится так странно, почему не зашел ни в один дом? Для чего шатается возле таких мест, как конюшня, овчарня, склад?!

Тут старик увидел, что человек подошел к землянке, где жили Чжу и Е Хай. Постояв под окнами, человек обошел несколько раз вокруг «льва» и начал возиться в моторе. Лочжу понял, что медлить больше нельзя. Он неслышно подкрался и бросился сзади на грабителя. Но справиться с ним оказалось не так-то легко; тот вывернулся и с силой толкнул старика в грудь. Лочжу не устоял и упал навзничь. Но тут же поспешно приподнялся и вытащил свой сломанный клинок. Его противник тоже схватил попавшуюся ему под руку палку и приготовился защищаться. Старик был уже готов снова напасть на своего врага, как вдруг разглядел, что это девушка, очень молодая и, должно быть, слабая. Он остолбенел от изумления.

— Попробуй подойди! Только посмей меня тронуть! Я не боюсь тебя! — голос девушки звучал уверенно и гневно. Она по-прежнему стояла в оборонительной позе.

— Да кто ты такая? — спросил старик.

— А тебе какое дело?

Чжу и Е Хай уже ложились спать, когда услышали крики под окном. Выскочив на улицу, они увидели, что Лочжу приготовился сражаться с какой-то девушкой. Едва девушка обернулась, как оба друга вскрикнули в изумлении:

— Цючжи!

Конечно, они уже давно знали, что Цючжи чудом спаслась из лап Бандацюедо, они примерно даже знали, как это произошло, но видеть ее никому еще не удавалось.

На полпути к дому Цючжи была встречена брошенным на ее поиски отрядом. Узнав своих и сообщив в нескольких словах о том, что с ней произошло, Цючжи впала в беспамятство. Ее отправили в больницу, и там, очнувшись, она зарыдала. Цючжи проплакала долго. Сказалось все пережитое. Она была не только больна, но и душевно измучена. Температура у нее была очень высокая, девушку мучили кошмары, она часто бредила. Внезапно пробудившись от глубокого забытья, она то и дело вскакивала с диким криком... Врачи говорили, что ей необходим полный покой. К ней никого не пускали, кроме отца, и люди, приходившие с агростанции, чтобы проведать обеих больных — зоотехника и табунщицу, встречались лишь с одной из них — с Ни.

Чжу и Е Хай тоже приходили навестить больных и долго просили, чтобы им разрешили взглянуть на Цючжи хотя бы когда она спит, но дежурная сестра вежливо отказала и в этом.

Сейчас Цючжи почти совсем поправилась, и врачи разрешили ей ненадолго выходить на улицу. Но, выйдя из больницы, она, несмотря на то, что была очень слаба, сразу отправилась на агростанцию.

Еще когда у нее был сильный жар, она видела страшный сон: будто шайка бандитов проникла каким-то образом на агростанцию; но теперь бандиты уже схватили Чжу, Е Хая и других, связали и, повесив каждому на шею по большому камню, бросили в реку.

Потом, снилось Цючжи, бандиты зарезали весь скот и птицу, разбили вдребезги «льва», подожгли амбары и склад. «Князь» зажарил на огне телячью ногу и принялся алчно и поспешно грызть ее, а тощий «святой отец» стоял рядом и хохотал, скаля мелкие крысиные зубы...

Проснувшись, Цючжи поняла, что это кошмар, спутник ее болезни, но не могла побороть в себе оставленного этим сном чувства жгучей тревоги. Вот почему она сразу же после того, как ей удалось выйти, направилась на агростанцию. Дойдя до деревенской площади, она жадно осмотрелась, и у нее сразу же отлегло от сердца. Повсюду царило спокойствие, все вокруг было так же спокойно, как и прежде. Она заглянула в конюшню, пошла к загонам для овец, осмотрела склад и, наконец, приблизилась к дому, где жили Чжу и Е Хай. В одном из окон слабо мерцал свет. Ей захотелось тихонько постучать. Она знала, что стоит ей сделать это, и дверь откроется.

Но Цючжи не сделала этого, словно боясь, что, постучав, рассердит хозяев; она лишь долго стояла и смотрела на это светящееся окно. Возле дома она увидела «льва»; с благоговением и восхищением подошла она к трактору и стала гладить его рукой. Радиатор, гусеничная цепь, руль, колеса — все было на месте, в целости и сохранности...

Вдруг сзади ее схватили чьи-то руки; резко повернувшись, Цючжи увидела незнакомца, перед глазами мелькнуло его суровое, изрезанное глубокими складками лицо. Он пытался схватить ее. Цючжи показалось, что она видит наяву свой страшный сон. Она сделала отчаянное усилие, стремясь освободиться от его цепких рук; затем схватила толстую палку и приготовилась защищаться. Но выскочившие из землянки Чжу и Е Хай,

узнав Цючжи, радостно закричали. Глядя на их изумленные, счастливые лица, можно было подумать, что Цючжи воскресла из мертвых. Не сказав ей самой ни слова, Е Хай повернулся и бросился бежать вдоль деревни. Он забегал в каждый двор и, громко стуча в двери, кричал, будто оповещал о победе:

— Эй, Цючжи вернулась, Цючжи вернулась!

Вся агростанция пришла в движение. Люди, уже улегшиеся спать, поспешно одевались и быстро направлялись туда, где располагалась бригада механизаторов. Иные на ходу обменивались новостями: «Разве ты не знаешь, наша Цючжи вернулась!», «Идите быстрее, Цючжи вернулась!», «Говорят, наша Цючжи вернулась, где же она?».

Цючжи окружили плотным кольцом. Она застенчиво и смущенно принимала поздравления и слушала слова сочувствия. Не всех присутствующих она знала хорошо, с некоторыми раньше и вовсе не была знакома. Но растроганная до слез, она благодарно смотрела на них и от волнения не могла ничего сказать.

Они еще не успели как следует поговорить, а уже появились две запыхавшиеся от быстрой ходьбы медицинские сестры. Обе возмущенно потребовали, чтобы Цючжи немедленно вернулась в больницу.

Поднялся шум. Все возбужденно доказывали, что раз она не хочет возвращаться в больницу, пусть остается здесь.

— Мы о ней сами позаботимся! — убеждали горцы. — Или дайте ей, по крайней мере, возможность побыть здесь подольше.

Но сестры были неумолимы — им и так уже сильно попало от дежурного врача за то, что они не сумели присмотреть как следует за больной. Ей разрешили только чуть-чуть прогуляться возле больницы, как же она посмела уйти на агростанцию? Она ведь еще очень слаба, и нервы у нее, строго говоря, не совсем в порядке...

(Окончание следует.)

Китайские пословицы и поговорки

Без иглы не продернешь нитки.
Любящий богатство, не заботится о чести.
В бумагу огонь не завернешь.
Большой кусок застревает в горле.
Не бойся продвигаться медленно, бойся стоять на месте.
Умный человек не тратит много слов.
Берегущий лепешку всегда хочет есть.
У хвастливого врача нет хорошего лекарства.
Когда бьют осла, лошадь тоже боится.
Гора, на которую взобрался, кажется выше других.

ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ

Ша Оу

НА БЕРЕГУ РЕКИ ЦЗЯЛИН

Нежный свет луна на землю шлет —
Луч скользит по тихой глади вод.
Спит Чунцин. Огней сверкает рой
По соседству с яркою луной.
Набираю пригоршню воды,
На ладонях лунные следы.
Десять лет остались позади,
А река журчит в моей груди.

Гун Лю

В НЕБЕ МНОГО ЗВЕЗД

В небе много звезд, моя — одна,
Где-то вдалеке она видна.
Так свети, небесное светило,
Раз уж мне себя ты посвятило.
Бережно возьму тебя в ладони,
Чтоб тебе паденье не грозило.

ТОЛЬКО ОДИН ЧЕЛОВЕК МОЖЕТ ЕЕ РАЗБУДИТЬ

В комнатушке моей души
Задремала любовь в тиши.
Разбудить ее сможет только одна —
Я не знаю пока, кто она.

Перевод с китайского Л. Черкасского

«ГАВАНЬ» *Гравюра китайского художника Лян Юн-тая.*

Цзан Кэ-цзя

СТИХИ С ПОБЕРЕЖЬЯ

Перевод с китайского С. Северцева

МОРЕ

С высокой кручи поглядел —
Твой прихотливый цвет увидел,
Летучий ветерок вдохнул —
Соленый запах твой услышал,
Ладони погрузил в волну —
С живым теплом твоим сроднился,
Проснулся ночью — услыхал
Твое могучее дыханье.

ВСТРЕЧА

Из гулкой дали возникает вечерний прибой,
Из ясной лазури спускается алое солнце,
Из красной беседки приходит испытанный друг.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Из-за моря восходит пунцовое солнце.
Направляются к берегу лодки рыбачьи,
Серебристой, трепещущей рыбы полны.

СЫНОК

Мальчик маленький резвится на песке прибрежном,
Шум прибоя заглушает радостные крики.

БЕСЦЕННЫЕ ДАРЫ

Море шлет дары свои бесценные,
Белый пляж — в бесчисленных следах,
Руки забавляются ракушками,
Лица улыбаются вокруг.
Все мы здесь — и старые, и малые —
Словно дети матери одной.

ПОСЛАНЕЦ МОРЯ

Над гребнем кровель черепичных,
Над волнами густой листвы
С утра летит посланец моря —
Прохладный, легкий ветерок.
С одежды пыль сметает он,
С души печаль сметает он...
О берег солнечный — Циндао!
Для нас, издалека прибывших,
Ты — море зелени живой!

СБЛИЖЕНИЕ

Каждый раз на рассвете у моря встречались мы,
Совсем незнакомые,
Совсем незнакомые.
Каждый раз на закате у моря встречались мы,
И море сближало нас,
И море сближало нас...
И стали здороваться мы,
Как будто знакомыми были давным-давно.

НА СТАРЫХ МЕСТАХ*

Я двадцать лет не бывал в Циндао,
И вот я здесь — через двадцать лет.
На старую башню один взобрался,
Глянул кругом — в голубую даль.
Море смеется, в море не видно
Железных цепей чужих кораблей,
«Та-та-та-та» — деревянных сандалий
Не слышится больше противный стук.
Свободно дышу! На улицах больше
Не встретишь непрошеных хищных птиц —
Тех, чья «культурная плеть» гуляла
По нашим спинам и головам.
Ходят в порту, смуглы и красивы,
Наши военные моряки.
Как ты сурово, как неприступно,
Море свободной моей страны!

ВОЕННЫЕ МОРЯКИ

Ранним утром на плацу — учеба:
Ровным строем моряки проходят,
И дрожит от их шагов земля.
А под вечер за листвой мелькают
Легкие, плечистые фигуры,
На лету звенит упругий мяч.
И в окне, где мягко лампа светит,
Слышен мерный и негромкий голос:
Кто-то вслух читает допоздна.

СЫН И МОРЕ

После весенней страды приехал
Крестьянин сюда — повидаться с сыном.
Сын у него — моряк.
Свободен старик был с утра до заката
И молча бродил по широким пляжам
Вдоль беспокойных волн.

---

* В этом стихотворении поэт вспоминает прежние годы, проведенные в Циндао, когда каждое лето туда приходили американские военные корабли. Пьяные американские матросы не раз избивали китайских жителей. Свое возмущение поэт выразил тогда в стихотворении «Плеть культуры», напечатанном в журнале «Дунфан цзачжи».

А когда вернулся домой,
Стало все чаще сниться ему:
Синие волны мчатся
Стаями диких птиц,
И ветер, стремительный ветер вьет
Черные матросские ленты.

ВЗГЛЯНИ

Голубое море, голубое небо —
Все горит сплошной голубизною,
Только алый галстук пионерки
Ярче летней радуги сверкает.

ОНА И ОН

Отец отправился рыбачить в море,
А дочь одну оставил — дом стеречь.
Она уселась с книгой под навесом,
Но разве до ученья ей сейчас?
Там, на прибрежье, молодой рыбак
Никак не может сеть свою расправить.
Две пары глаз как встретятся, так вспыхнут...
Ну разве до сетей ему сейчас?

МОРЕ ЗОВЕТ

После полуденного сна
Проснулся я, и вновь
Прилива беспокойный шум
Врывается в окно.

О, этих волн немолчный хор,
Незаглушимый зов!
Он, как невидимый канат,
Влечет в морскую даль.

РАЗДЕЛСЯ

Разделся, разделся!
С тела и сердца
Сорвал наскучившие покровы.
О море!
О мир зеленый!
Радостным, легким телом
Кидаюсь в твои объятья!

ГОРА ЧЖАНЬШАНЬ

Гора Чжаньшань. Зеленые деревья
Прохладу расстелили вдоль дороги.
И кажется: вовеки с этих кряжей
Не сходят груды облаков пушистых.
Взгляни отсюда, ласковое море
Нас обняло обеими руками.
Гора Чжаньшань! Твои густые пряди
Красиво вьются на висках Циндао.
А ведь недавно — до освобожденья —
Запретным местом ты для нас считалась.
И были эти реки, эти горы
Замызганы чиновничьею знатью.
Теперь гуляют по тенистым тропам
Рабочие, ученые, поэты.
Из года в год за много тысяч ли
Они сюда стекаются, в Циндао!

ПОСЛЕ КУПАНЬЯ

Песок горячий жжет мои ступни,
В обратный путь иду — совсем один.
Лишь круглая соломенная шляпа
Мое лицо от зноя заслоняет,
Да, как живая, тень бежит у ног.

МОРЕ, ПРОЩАЙ!

Утром я с морем проститься шел.
Еще предрассветный туман лежал
На сонном его просторе.
Грустно песок под ногой шуршал.
«Море, прощай!» — и в последний раз
Я взглядом окинул море.

Китайские пословицы и поговорки

Когда пьешь воду, не забывай тех, кто вырыл колодец.

Даже высокая гора не заслонит солнца.

Голодному и мякина — мед, а сытому и мед не сладок.

Хворост, заготовленный в один день, в один день и сожжешь.

Зло делает один человек, а гибнут — тысячи.

Лао Шэ

ЧАЙНАЯ

ПЬЕСА

Перевод с китайского Е. Рождественской

В моей пьесе «Чайная» всего три действия, первое из которых печатается в этом номере журнала. Они не связаны какой-либо единой сюжетной линией, в них показана жизнь общества в три различных исторических периода. Что касается первого действия, то в нем описываются события 1898 года. Он вошел в историю как год «событий у-сюй» («сто дней реформ»*). Я не писал о конкретных исторических фактах, относящихся к этому периоду, а лишь хотел на отдельных судьбах посетителей одной чайной показать, насколько тяжелой была жизнь народа в те времена, и подчеркнуть, что движение «ста дней реформ» было обречено на провал. Это действие — погребальный звон над «ста днями реформ», картина заката маньчжурской династии.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Время действия: 1898 год, начало осени, движение за реформы потерпело крах. Утро.
Место действия: Пекин, чайная Юйтай.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Ван Ли-фа (сокращенно — Ван) — двадцати лет, хозяин чайной, Неглуп, себе на уме, но добр.

Тан Те-цзуй (сокращенно — Тан) — здоровяк, лет тридцати, курит опиум.

Сун Эр-е (сокращенно — Сун) — за тридцать, труслив, болтлив.

Чан Сы-е (сокращенно — Чан) — за тридцать, хорошо сложен, прямодушен, приятель Сун Эр-е; оба — завсегдатаи чайной.

Ли Сань (сокращенно — Ли) — слуга в чайной, лет за тридцать. Услужлив.

Эр Дэ-цзы (сокращенно — Дэ) — лет за двадцать, мелкий чиновник.

Ма У-е (сокращенно — Ма) — мелкий помещик, за тридцать, учился за границей.

* «Сто дней реформ» — события 11 июня — 21 сентября 1898 года, когда Кан Ю-вэй, идеолог растущей китайской буржуазии, допущенный императором к управлению государством, пытался провести ряд реформ, способствующих развитию Китая по капиталистическому пути. Реформаторы были арестованы сторонниками реакционно-монархической группировки императрицы Цыси и казнены.

Лю Ма-цзы (сокращенно — Лю)	— мужчина лет тридцати, занимается сводничеством, злой и вредный человек.
Кан Лю (сокращенно — Кан)	— бедный крестьянин из пригорода Пекина, сорока лет.
Хуан Пань-цзы (сокращенно — Хуан)	— лет за сорок, бродяга, босяк.
Тай Чжун-и (сокращенно — Тай)	— лет за двадцать. Недалекий человек. Владелец дома, где находится чайная, впоследствии ставший капиталистом.
Старик	— лет восьмидесяти, бездомный.
Женщина	— лет за тридцать, очень бедная, продает дочь.
Её дочь	— лет десяти.
Пан Тай-цзянь (сокращенно — Пан)	— лет сорока, разбогател, хочет жениться.
Сяо Ню-эр (сокращенно — Сяо)	— мальчик лет одиннадцати, бой Пан Тай-цзяня.
Сунь Энь-цзы (сокращенно—Сунь)	— лет двадцати, шпик.
У Сян-цзы (сокращенно — У)	— лет двадцати, тоже шпик.
Кан Шунь-цзы (сокращенно — Шунь)	— дочь Кан Лю, пятнадцати лет, впоследствии жена Пан Тай-цзяня.
Посетители чайной: первый, второй, третий...	
Слуги чайной.	

В настоящее время такие чайные встречаются редко, а несколько десятков лет назад в каждом городе по меньшей мере была хоть одна. Здесь можно было выпить чая, купить каких-нибудь сладостей, съесть чашку вареного риса. Дрессировщики птиц, находившись за день, заглядывали сюда отдохнуть, выпить чашку крепкого чая, ублажая посетителей пением своих птиц; сюда приходили и посоветоваться, и поболтать, и посплетничать. В те времена часты были потасовки. Но всегда находился человек, выступающий в качестве третейского судьи и улаживающий спор; враждующие стороны кончали дело миром, пили чай, бульон и расходились добрыми друзьями. Словом, чайная в те времена была очень популярным заведением, где собирались люди и по делу и без дела, проводя свой досуг.

Здесь можно было услышать самые невероятные измышления: где-то огромнейший паук превратился в человека, но был убит молнией; самые необычайные умозаключения о необходимости соорудить вдоль берега моря высокий вал и преградить путь иноземным войскам; здесь же можно было услышать рассказ о новом амплуа того или иного артиста пекинской оперы и о новом способе приготовления опиума. Здесь можно было также увидеть поразительную драгоценность, полученную кем-ни-

будь из посетителей. Чайные и в самом деле были очень важным местом, там люди обменивались своими мыслями, взглядами.

Действие данной пьесы происходит как раз в одной из таких чайных. При входе в нее мы видим стойку и плиту. Комната большая и высокая, в ней расставлены столы, скамейки, табуретки. Из окна виден двор, во дворе навес, под которым также могут разместиться посетители. В комнате и летней пристройке развешаны клетки с птицами. Повсюду надписи: «Говорить о государственных делах запрещается!»

В чайной два каких-то посетителя; прикрыв глаза и покачивая головами, они тихо напевают мелодию. Еще несколько неизвестных посетителей наслаждаются пением сверчков в баночке. Среди посетителей — Сунь Энь-цзы и У Сян-цзы, одетые в длинные серые халаты, они тихо о чем-то беседуют. По виду они похожи на сыщиков.

Сегодня тоже чуть было не вспыхнула потасовка, говорят, из-за голубя; если бы это случилось, в ход наверняка было бы пущено оружие, так как столкновение произошло между гвардейцами императора и солдатами арсенала, а и те и другие — мастера подраться. Хорошо, что все кончилось миром — нашелся человек, который предотвратил драку. Сейчас обе стороны встретились в чайной. Недавние соперники, еще возбужденные, группами по два-три человека входят в чайную и проходят во двор, обмениваясь хмурыми взглядами.

Ма У-е в дальнем углу пьет чай.
Ван Ли-фа возвышается над прилавком.
Шлепая сандалиями, входит Тан Те-цзуй — в длинном, грязном халате, взлохмаченный.

Ван: А-а, Тан Те-цзуй! Давненько не видел тебя!

Тан *(насмешливо)*: Вот и принимай Тан Те-цзуя, хозяин! Пожертвуй чашечку чая — дам на себя посмотреть. Я же за это денег не беру! *(Фамильярно пожимает ему руку)*. Как здоровье?

Ван: Ну-ну, хватит! Чашкой чая я тебя угощу, только твои разглагольствования ни к чему. Любоваться мне твоей личностью не имеет смысла — мы с тобой недалеко ушли друг от друга. *(Выходит из-за прилавка)*. Садись-ка сюда! Слушай,— когда же ты опиум курить бросишь? Это добром не кончится! Посмотри на себя и подумай: на кого ты похож?

Входят Сун Эр-е и Чан Сы-е. У обоих в руках клетки с птицами. Ван здоровается с ними. Повесив клетки на стену, ищут место, чтобы присесть. Сун хмурится — видно, чем-то озабочен, Чан — в хорошем настроении. Ли Сань быстро подходит к ним, заваривает чай, который они принесли с собой. Сун и Чан подходят к одному из столиков, садятся, угощают друг друга, затем выглядывают во двор.

Сун: Видно, опять что-то тут случилось?

Чан: До драки дело не дошло. Шли бы себе на улицу, если уж такая охота подраться. К чему в чайной ссоры заводить?

Входит Эр Дэ-цзы, один из драчунов. Он слышит последние слова Чан Сы-е.

Дэ *(подходя)*: Ты это на чей счет прохаживаешься?

Чан *(вежливо, но без робости)*: Вы меня спрашиваете? А кому понадобилось знать, что я в чайной делаю?

Сун *(оглядывая Эр Дэ-цзы)*: Я вижу, вы не из простого люда? Давайте к нам, мы ведь тоже не какая-нибудь голытьба. Сумеем договориться.

Дэ: А что тебе, собственно, за дело, кто я такой?

Чан: Хотите свою силу показать? Так показали бы ее на иностранцах! Там есть где развернуться! Они императорский дворец сожгли. Вы

живете на деньги императора, а я что-то не видел, чтобы вы с иностранцами схватились!

Дэ: Ладно, об иностранцах потом. А пока не мешает тебя проучить!

Пытается пустить в ход кулаки. Остальные посетители, занятые своими делами, ничего не замечают. Только Ван Ли-фа увидел, что назревает потасовка.

Ван *(быстро подбегая)*: Друзья, друзья! К чему это? Разве приятели с одной улицы не смогут договориться? Дэ, дружище, шел бы ты во двор.

Дэ, не слушая его, смахивает со столика чашку, которая разлетается вдребезги, пытается схватить Чан Сы-е за горло.

Чан: Ты чего?

Дэ: Да ничего! С иностранцами схватиться не довелось, но ты от меня не уйдешь!

Ма *(из своего угла, не поднимаясь)*: А, Эр Дэ-цзы! Опять раскипятился?

Дэ *(оглядывается, замечает Ма У-е)*: Ха, Ма У-е, ты здесь? Я полгорода обегал, тебя искал. *(Подходит, здоровается)*.

Ма: Все можно уладить добром. К чему это: чуть что — сразу кулаки в ход?

Дэ: Гм, а ты, пожалуй, прав. Пойду во двор. *(Указывая на осколки чашки)* Ли Сань, это за мой счет! *(Выходит во двор)*.

Чан *(подходит к Ма, пытаясь завязать разговор)*: Не скажете, что это за человек?

Ма *(встает)*: У меня и без вас дел хватает. Пока! *(Выходит)*.

Чан *(обращаясь к Ван Ли-фа)*: Чудак какой-то!

Ван: Ты что же, Ма У-е не знаешь? Вот видите, он обиделся.

Чан: Обиделся? На меня? Не везет мне сегодня!

Ван *(тихо)*: Что ты тут сейчас насчет иностранцев говорил? Он ведь за границей учился, их религию исповедует, по-английски говорит. Чуть что — может сразу начальнику уезда нажаловаться. С ним даже чиновники связываться не решаются!

Чан *(возвращается на свое место)*: Что ни говори, а не уважаю я таких людей, которые перед иностранцами преклоняются!

Ван *(кивает головой в сторону двух людей в сером, тихо)*: Осторожнее! *(Громко)* Ли Сань, еще чашку чая сюда! *(Подбирает осколки)*.

Сун: Сколько за разбитую чашку? Я плачу! Для настоящих людей— это пустяк!

Ван: Подожди! Рассчитаемся потом. *(Отходит)*.

Появляется сводник Лю Ма-цзы, он ведет Кан Лю.

Лю *(обращаясь к Чан Сы-е и Сун Эр-е)*: Рановато вы сегодня. *(Достает трубку, набивает табаком)*. Попробуйте-ка! Свеженький табачок, настоящий английский! Чистый, ароматный!

Чан: Да, даже табак и то иностранный. Сколько же наших денег за границу уплывает!

Лю: Ничего! В Китае денег хватит! Никогда не истратишь. *(К Кан Лю)* Садись здесь, потолкуем.

Усаживает его. Ли Сань приносит чай ему и Чан Сы-е.

Лю: Ну, говори, за десять лянов серебра согласен? Только прямо говори! Мне ведь некогда тебя обхаживать.

Кан: Господин Лю! Десять лянов за пятнадцатилетнюю девушку?

Лю: Ну, продай в публичный дом, может там прибавят пару лянов. Так на это ведь ты и сам не пойдешь!

Кан: Да она же родная мне дочь! Разве я могу...

Л ю: Дочь-то дочь, но что делать, если кормить нечем, кого потом винить будешь?

К а н: Кого, кого? Все потому, что нам, деревенским, теперь хоть в петлю лезь! А продать дочь только за то, чтобы семья один день сыта была... Разве я буду человеком после этого?

Л ю: Ну, меня ваши деревенские дела не интересуют. Я в твое же положение вхожу, тебе помочь хочу. Да и дочь твоя при месте будет: сыта, одета, мало тебе?

К а н: А кому?

Л ю: Да у тебя глаза на лоб от удивления полезут, если я скажу — кому. Чиновнику в императорском дворце!

К а н: Зачем же чиновнику деревенская девчонка?

Л ю: А ей от этого хуже будет, что ли?

К а н: Кому же все-таки?

Л ю: Пан Тай-цзяню. Слыхал о таком? Прислуживает самой императрице, богат — ух как! У него вся посуда в доме из серебра!

К а н: Но как же я людям в глаза смотреть буду, если моя дочь станет женой такого жестокого чиновника?

Л ю: Как в глаза смотреть? А не все ли равно, кому продавать — ведь продаешь же! Дурак ты! Только подумай: дочь из дома уйдет, жить станет что надо, как сыр в масле кататься, в шелках ходить будет. Разве ей когда-нибудь еще выпадет такое счастье? Ну ладно, хватит. Нечего головой качать! Говори прямо — согласен или нет?

К а н: Где же такое видано? И за десять лянов?!

Л ю: Да в вашей деревне десять лянов днем с огнем не сыщешь! Ты не знаешь, что в деревнях ребят на пять фунтов муки меняют?

К а н: Эх... Я... пойду с дочкой посоветуюсь.

Л ю: Слушай: другого такого места не найдешь. Прозеваешь — пеняй на себя! Решай быстрей.

Кан: Да я быстро!

Л ю: Ну ладно. Буду здесь ждать.

К а н: Эх! *(Медленно выходит).*

Л ю *(подходит к Чан Сы-е и Сун Эр-е):* Ох, и трудно же с этой деревенщиной дело иметь! Измотаешься!

С у н: Видно, дельце-то выгодное?

Л ю: Да недурное. Улажу — кое-что и мне перепадет.

Ч а н: А каково в деревне-то! Дошли до того, что детей продают!

Л ю: Подумаешь! А не то и вовсе пришлось бы, как бездомной собаке, на улице подыхать.

Ч а н: Все-таки довольно это жестоко, господин Лю, заниматься таким делом.

Л ю: Ну, они еще благодарить меня должны. Кабы не я — где им найти покупателя. *(Меняя тему разговора)* Сун Эр-е, взгляни-ка! *(Достает и показывает часы).*

С у н *(берет часы):* Хороши!

Л ю: Как идут, послушайте!

С у н *(слушает):* Сколько же они стоят?

Л ю: Нравятся? Уступлю за пять лянов. Поносите — разонравятся, вернете за те же деньги. Вещь стóящая, фамильная ценность!

Ч а н: Ох, тошнит меня от всего этого! И сколько человек может навешать на себя всего заграничного! Лю, взгляните на себя: трубка заграничная, часы — тоже, халат из заграничной материи, штаны — и те...

Л ю: А что? Заграничные вещи — красивые. Одевайся я во все китайское — на кого был бы похож? На деревенщину! Кто со мной захотел бы дело иметь?

Ч а н: А по-моему, наши шелка все же лучше!

Лю *(к Сун Эр-е)*: Ну, оставляете у себя? В наше время люди на вас вообще по-другому смотреть начнут, если у вас будут заграничные часы. Скажете, не так?

Сун *(часы ему нравятся, но кажутся чересчур дорогими)*: Да я бы...

Лю: Берите, а деньги как-нибудь получу с вас.

Появляется Хуан Пань-цзы.

Хуан *(сначала не различает посетителей, кричит)*: Эй, братишки! Смотри сюда! Это я, Хуан Пань-цзы, с вами здороваюсь. Свои люди — ссориться не будем!

Ван: Твоих приятелей здесь нет, они все во дворике.

Хуан: А черт, сразу и не разглядел. Хозяин, сообрази-ка мне похлебочки. Раз я здесь — драки не будет.

Дэ *(входит со двора)*: Да и без тебя уже наступило примирение. Давай к нам! *(Оба уходят во двор)*.

Слуги чайной то и дело проносят во двор чай. Входит дряхлый старик с зубочистками, расческами, мухобойками и тому подобной мелочью. Он медленно, с низко опущенной головой проходит мимо посетителей, — никто ничего не покупает. Он направляется во двор, Ли Сань его останавливает.

Ли: Сиди здесь, папаша. Там люди мирятся — им не до тебя. Покупателей не найдешь. *(Дает ему чашку чая)*.

Сун *(тихо)*: Ли Сань! *(Указывая во двор)* Из-за чего это они чуть было не схватились?

Ли *(так же тихо)*: Вроде как из-за голубя. Чей-то голубь к кому-то улетел, тот не вернул, ну и пошло. Э, да что толковать об этом. *(Обращаясь к старику)* Папаша, сколько тебе лет?

Старик *(возвращая пустую чашку)*: Спасибо за чай! Восемьдесят два минуло. И присмотреть за мной некому. Времена сейчас такие, что о человеке думают меньше, чем о голубе. Эх! *(Медленно выходит)*.

Входит Тай Чжун-и, модно одет, лицо пышет довольством.

Ван: А, господин Тай! Выбрали времечко посидеть у меня? Что же вы один?

Тай: Посмотрим, посмотрим, умеет ли молодой хозяин вести дела.

Ван: Учимся, господин Тай, учимся! Тем и живем. Кто же знал, что отец так рано умрет! Приходится самому дела вести. Хорошо еще, что все клиенты — старые друзья отца. Если что не так сделаю — всегда в положение войти могут, особенно не придираются. Ведь на улице торговать — там к людям особый подход нужен. А я дела веду, как отец в свое время,— разговорами посетителей занимаю, обходителен с ними, каждому угодить умею. Вот и обходится без происшествий. Садитесь! Чайку заварить?

Тай: Нет, не надо. И сидеть не буду.

Ван: Посидите, пожалуйста. Это же для моей чайной хорошая реклама.

Тай: Ну так и быть. *(Садится)*. Только ты не очень-то меня обхаживай.

Ван: Ли Сань! Завари-ка покрепче. Как, господин Тай, дома все в порядке? Дела хороши?

Тай: Да не так уж чтоб очень.

Ван: Неужели? Такая большая торговля! Разве можно сравнить с моей чайной?!

Тан *(приблизившись)*: Это что еще за персона? Сразу видно, на дворцовых хлебах разжирел! Чуть ли не премьер-министр!

Тай: Чего тебе надо? Убирайся!

Ван: Тан Те-цзуй! Чаю напился, ну и ступай себе на улицу. Можешь там свою силу показывать. *(Подталкивает его к двери)*.

Т а н: Ну-ну-ну! *(Уходит).*

Т а й: Слушай, Ван. А не повысить ли мне немного арендную плату, а? Ведь того, что мне твой отец платил, теперь даже на чай не хватает.

В а н: Это верно, господин Тай, совершенно верно. Только не стоит вам лично утруждать себя, пришлите управляющего, мы уж с ним договоримся. Если надо побольше платить, что ж, я не против. Да! Вот так!

Т а й: Я вижу ты молодец и похитрее отца будешь. Ну ладно, подождем. Рано или поздно, а я этот дом верну себе.

В а н: Зачем так пугать человека? Я же знаю, как вы обо мне заботитесь, как близко к сердцу дела мои принимаете. Не вышвырнете же вы меня с моими чайниками на улицу торговать!

Т а й: Там видно будет.

Входит ж е н щ и н а, по внешнему виду крестьянка, и ведет за руку д о ч ь лет десяти. У девочки в волосах пучок соломы — знак того, что она продается. Ли Сань сначала не хочет впускать их, потом сжалился. Мать и дочь медленно идут к стойке. Посетители чайной разом замолкают, смотрят на вошедших.

Д е в о ч к а *(останавливаясь в центре чайной):* Мама, я есть хочу.

Женщина тупо смотрит на дочь, потом, ослабев, вдруг неожиданно опускается на пол и тихо плачет, закрыв лицо руками.

Т а й *(Вану)*: Вышвырни их!

В а н: Сейчас. Эй вы, убирайтесь, нечего здесь рассиживаться!

Ч а н: Ли Сань! Две миски похлебки за мой счет! Пусть у дверей поедят.

Л и: Слушаюсь. *(Подходит к женщине):* Вставай, подождешь у дверей. Сейчас я вам похлебки дам.

Женщина встает, вытирая слезы, направляется к выходу, словно забыв о дочери. Делает два-три шага, вдруг поворачивается, прижимает к себе дочь, целует ее: «Бедняжка ты моя, бедняжка!»

В а н: Побыстрее!

Мать и дочь выходят. Затем Ли Сань выносит им две миски.

В а н *(подходит к Чан Сы-е):* Добрая у вас душа, господин Чан, не пожалели денег для них. Только послушайте меня: всем ведь не поможешь. Уж слишком много таких теперь, слишком много! *(Обращается к Тай Чжун-и)* Правильно, господин Тай?

Ч а н *(к Сун Эр-е):* Эр-е, видно, конец Китаю приходит!

Т а й *(все еще раздраженно):* Конец или не конец — это еще вопрос. А вот если каждого нищего миской похлебки одаривать, тогда... Слушай, Ван, я ведь действительно намерен отобрать у тебя помещение.

В а н: Не делайте этого, господин Тай!

Т а й: Не только чайную заберу. Землю в деревне, магазины в городе — все продам!

В а н: Для чего же это?

Т а й: Подсоберу капиталец, открою фабрику.

В а н: Фабрику?

Т а й: Ну да. Самую большую... Вот тогда и беднякам можно будет помочь, и иностранным товарам дорогу перерезать, и государство поддержать! *(Обращается к Вану, но сам смотрит в сторону Чан Сы-е)* Э, да что с тобой толковать! Ты же этого не понимаешь!

В а н: Что вы все о других заботитесь? Так ведь все имущество из рук уйти может. О себе подумайте!

Т а й: Ничего ты не понимаешь! Таким путем только и удастся сделать нашу страну богатой и сильной. Ну, хватит. Мне пора. Я убедился, что дела у тебя идут неплохо. Если и впредь глупцом не будешь, аренду не повышу.

В а н: Подождите, сейчас я рикшу позову.

Т а й: Не стоит. Что-то пешком пройтись захотелось. *(Направляется к двери в сопровождении Вана).*

Входит П а н Т а й - ц з я н ь, поддерживаемый б о е м. У боя в руках чубук.

П а н: Э, господин Тай!

Т а й: Здравствуйте, господин Пан. Ну как, успокоились?

П а н: Еще бы! Теперь все в порядке: пришел императорский указ: Тань Сы-тун приговорен к смертной казни. Ты же знаешь: не сносить тому головы, кто осмеливается идти против тех порядков, какие установлены предками.

Т а й: Я этого давно ожидал!

В чайной наступает тишина; посетители, затаив дыхание, прислушиваются.

П а н: Вы человек умный, господин Тай. Иначе вам не удалось бы так разбогатеть.

Т а й: Что это за богатство! И разговаривать не о чем.

П а н: Ну-ну, к чему излишняя скромность? Кто в Пекине не знает Тай Чжун-и! Вы посильнее кое-кого из чиновников. А ведь носятся слухи, что даже некоторые состоятельные люди поговаривают о реформах, верно это?

Т а й: Ну, разве я известнее вас? Вот уж не сказал бы. Где мне с вами равняться?!

П а н: Хорошо сказано. Только еще вернее — каждый из нас в своей области мастер. Не так ли? *(Смеются).*

Т а й: На днях зайду к вам, потолкуем. Всего хорошего! *(Уходит).*

П а н *(сам с собой):* Гм, судя по тому, что этот богатей скоро тоже рискнет со мной схватиться, времена действительно изменились. *(К Ване)* Лю Ма-цзы здесь?

В а н: Присядьте, господин. Сейчас он придет.

Лю Ма-цзы давно уже заметил Пан Тай-цзяня, но не решался подойти, боясь помешать его беседе с Тай Чжун-и. Теперь подходит.

Л ю: А-а! Здравствуйте, здравствуйте. Я уж тут давно.

Проводит Пан Тай-цзяня к столику. Когда они проходят мимо двух сыщиков, Пан что-то шепотом говорит им. В чайной снова начинаются разговоры и споры, затихнувшие во время беседы Пан Тай-цзяня и Тай Чжун-и.

П е р в ы й п о с е т и т е л ь: Кто это — Тань Сы-тун?

В т о р о й: Что-то я мельком слыхал это имя. В общем, совершил какое-то большое преступление. А-то за что же приговаривать его к смерти?

Т р е т и й: За последние два-три месяца разные чиновники и ученые что-то там замышляли. Где нам понять их выкрутасы?!

Ч е т в е р т ы й: Этот, как его там, Тань, да еще какой-то Кан Ю-вэй, кажется, хотели, чтобы императорская гвардия была распущена и чтобы денег на нее больше не тратили. Пусть, мол, сами трудятся. Где же такое видано!

Т р е т и й: Да нам-то мало толку от этих денег, если начальство добрую половину само загребает.

Ч е т в е р т ы й: Лучше все же, чем если бы ничего платить не стали. Так мы хоть кое-как перебиваемся. Самим работать — быстро ноги протянешь.

В а н: Господа, господа! Давайте не будем говорить о государственных делах!

Общий разговор прекращается.

П а н *(усаживается за столик)*: Что? Двести лянов за деревенскую девчонку?

Л ю *(стоит рядом):* А зато какая девчонка! Ее принарядить да манерам немножко обучить — и не стыдно будет в городе с ней появиться. Красавица! И послушна. Поверьте, я для вас больше, чем для отца родного, стараюсь. Не подведу!

Снова появляется Т а н Т е-ц з у й.

В а н: Те-цзуй, ты чего опять здесь?

Т а н: На улицах черт знает что творится: солдат полно.

П а н: Уж не единомышленников ли Тань Сы-туна ищут? Ты-то, Тан Те-цзуй, можешь быть спокоен — кому ты нужен!

Т а н *(издевательски):* А, управляющий Пан! Продали бы мне еще опиуму, я бы еще краше выглядел.

Кое-кто из посетителей, почуяв, что обстановка накаляется, потихоньку выскальзывает из чайной.

С у н: Пошли и мы, Чан. Время уже не раннее.

Ч а н: Что ж, пошли.

Шпики С у н ь Э н ь-ц з ы и У С я н-ц з ы подходят к ним.

С у н ь: Обождите-ка!

Ч а н: В чем дело?

С у н ь: Что это ты сейчас насчет конца Китая болтал?

Ч а н: Я? Я Китай люблю. Зачем мне ему конца желать?

У *(к Суну):* Ты слыхал? Он говорил это?

С у н: Слушайте, приятели, мы здесь каждый день бываем. И хозяин Ван подтвердить может: мы люди надежные.

У: Отвечай: слыхал или нет, что он сказал?

С у н: Эх, неужели нельзя по-хорошему договориться? Присаживайтесь к нам!

С у н ь: Попридержи язык, а-то и сам в наручниках отсюда выйдешь. Если он говорил, что Китаю скоро конец придет, значит он из одной шайки с Тань Сы-туном.

С у н: Я... я слыхал... Он... сказал...

С у н ь *(Чану):* Пойдем с нами.

Ч а н: Куда? Надо же разобраться!

С у н ь: Что это, сопротивление власти? Ну, у меня кое-что поубедительнее с собой есть. *(Вытаскивает наручники).*

Ч а н: Ну-ну, поосторожнее. Я — маньчжур.

У: Маньчжур — и предатель? Значит, совершенное тобой преступление еще тяжелее. *(Одевает ему наручники).*

Ч а н: Не надо! Я и без этого не убегу.

С у н ь: Так вернее. *(Суну):* И ты пройди с нами, расскажешь, как все было, после чего освободим тебя.

Со двора входят Х у а н П а н ь-ц з ы и еще трое-четверо.

Х у а н: Ну вот, все и уладили. Недаром я сюда притащился.

С у н: Господин Хуан, господин Хуан!

Х у а н *(щурится, протирает глаза):* Кто это?

С у н: Я, Сун Эр-е. Будьте добры, подойдите сюда, замолвите за нас словечко!

Х у а н *(разглядел):* А! Сунь Энь-цзы и У Сян-цзы здесь? Работаете? Давайте, давайте.

С у н: Господин Хуан, помогите! Замолвите за нас словечко.

Х у а н: Я вмешиваюсь тогда, когда власти ничего не в состоянии сделать. А если они сами справляются — лучше мне не лезть. *(Обращается к сопровождающим его посетителям)* Так?

В с е: Так! Верно!

Сунь и У уводят Чан Сы-е и Сун Эр-е.

Сун *(уходя, к Вану)*: Присмотри за нашими клетками.

Ван: Будьте спокойны. Пришлю домой.

Шпики и задержанные уходят.

Хуан *(заметил Пан Тай-цзяня)*. А, старина, и ты здесь? Говорят, собираешься жениться? Мои самые горячие поздравления!

Пан: Надеешься выпить на свадьбе?

Хуан: Если пригласишь! *(Уходит)*.

Входит женщина с пустыми мисками, ставит их на стойку. Девочка идет сзади.

Девочка: Мама, я не наелась!

Ван: Пошли, пошли!

Женщина: Пойдем, доченька!

Девочка: Мама, ты ведь меня не продашь? Мама, не продашь?

Женщина: Дочка! *(Плачет, уводит девочку)*.

Возвращается Кан Лю. Он ведет дочь — Кан Шунь-цзы. Останавливается у стойки.

Кан: Дочка! Шунь-цзы! Нет у тебя отца! Зверь я, а не отец. А что делать? Не пристрою тебя — умрешь голодной смертью. И всей семье помирать придется, если не раздобуду несколько лянов серебра. Прости меня, Шунь-цзы!

Шунь: Я... Я... *(не может говорить)*.

Лю *(подбегая)*: Вернулись? Хорошо. Подойди к господину управляющему.

Шунь: Не хочу! Не хочу, не хочу! *(Теряет сознание)*.

Кан *(поддерживает ее)*: Шунь-цзы! Шунь-цзы!

Лю: Что еще такое?

Кан: Голодна она, да и расстроилась. Вот голова и закружилась. Шунь-цзы! Шунь-цзы!

Пан: Мне надо живую. Дохлятину мне не нужно. *(Зло смеется)*.

Занавес.

Китайские пословицы и поговорки

Нет забора, который не продувался бы ветром.

Отпустишь тигра в горы — потом будешь каяться.

На сколько прольешь пота — на столько съешь каши.

Уходишь на десять дней — думай о дожде и ветре; уходишь на сто дней — думай о холоде и жаре; уходишь на тысячу дней — думай о жизни и смерти.

Ожиревшая курица не несет яиц.

Стихи

Жаоцзебасан

ВИДЕТЬ ЕЩЕ ОСТРЕЙ

Неслышно льет темноту река.
Дням я теряю счет.
Над острием моего штыка
Беззвучно время течет.

Но помни, солдат: в темноте ночной
Надо видеть еще острей —
Мглисто, истоптан берег чужой
Не следами диких зверей...

Видишь: этот берег отлог,
А на другом — гора.
А над горой курится дымок
Не охотничьего костра...

Перевод с китайского Владимира Львова

Фэн Чжи

ПЕСНЬ ОБ УЩЕЛЬЕ ЛЮЦЗЯ

Вверх по течению — ширь,
вниз по течению — ширь,
а здесь,
между двух
гор,
река Хуанхэ,
как богатырь,
выходит
на простор!..
Тысячелетья томясь

в плену
гранитных стен,
она —
как узник-великан,
что жаждет перемен.
Она не знала
высоты,
одетой синевой,
и не видала
широты
полей земли родной!
Теперь могучая река
свободу обретет,
свою гранитную тюрьму
волнами захлестнет;
впервые щедро напоив
хлеба необозримых нив,
она покатится вперед,
в глубоких водах отразив
бездонный, синий небосвод.
И электрический поток
она пошлет по проводам,
и дивный солнечный цветок
отныне загорится там —
на высоте горы Цилянь,
над быстрой влагой младших рек,
в пустыне Гоби
и везде,
где пожелает человек!

Перевод с китайского Ю. Александрова

Китайские пословицы и поговорки

Одна собака залает на тень, сто собак лают на ее лай.

Есть лишь столетние крестьяне, столетних чиновников нет.

Каждое зернышко риса омыто каплей пота.

Предки сажают деревья, потомки наслаждаются прохладой.

Человек питает землю, земля питает человека.

Человек — живое сокровище, богатство — мертвое.

Хороший сосед — золото.

Ван Юань-цзянь

Партийный взнос

РАССКАЗ

Перевод с китайского И. Малаховой

Всякий раз, когда мне приходится платить членские взносы и видеть, как секретарь против моей фамилии отмечает их сумму, я невольно вспоминаю осень 1934 года, и сердце начинает учащенно биться.

Дело происходило в пограничном районе Фуцзянь-Гуандун-Цзянси. Крупные силы Красной Армии, сосредоточенные в этом районе, разделились: одни части, в составе «Передовой антияпонской колонны», двинулись к северу, другие, слившись с Центральным корпусом Красной Армии, готовились к Великому походу и в апреле тоже выступили из района. Только наш маленький отряд остался в тылу у противника. Против нас белобандиты организовали жестокий «карательный поход». Силы были неравны, и мы ушли в горы. Но и в горах наш отряд оставался не только центром подпольной борьбы в этом районе,— мы использовали каждый удобный случай и наносили чувствительные удары противнику.

Враги наши, конечно, догадывались, что мы пользуемся поддержкой крестьян окрестных деревень и что нас не удастся покорить до тех пор, пока наша связь с населением не будет прервана. Стремясь добиться этого, они предприняли операцию «перемещения населения и объединения деревень».

Всех жителей маленьких деревень, расположенных у подножья гор, переселили в большие деревни на равнину.

Замысел противника удался вполне — наша связь с населением была прервана. Чтобы продолжать борьбу, надо было все налаживать заново.

Настроение в отряде было подавленным. Не потому, что жить стало тяжелее, — мучила оторванность от масс и вынужденное бездействие. Мне приходилось особенно трудно, потому что я, как разведчик, часто отправлялся в тыл врага и был счастлив, когда удавалось устроить ему хорошую «баню». В какой бы деревне я ни был, везде получал пищу, кров и встречал горячую поддержку друзей. А сейчас, когда я был полон сил и желания бороться, вынужденное бездействие становилось для меня мучительным. И вот в такой момент меня вызвал к себе наш комиссар, товарищ Вэй Цзэ.

* * *

Комиссар сказал: «Нужно спуститься в долину, наладить связь с партийными организациями «объединенных деревень». Ты отправишься в Бацзяояо и разыщешь там женщину по имени Хуан Синь. Она член партии с 1931 года, верный и надежный товарищ. Муж ее с 1932 года в Красной Армии, принимал участие в Великом походе вместе с Мао Цзэдуном. Ее деревню сожгли, и она сейчас живет в Бацзяояо. Ты пойдешь к ней и передашь директиву уездного комитета о необходимости начинать действовать. Запомни,— сказал на прощание комиссар,— у нее на ухе родинка!»

Нетрудно представить мою радость, когда я получил это задание. Я быстро собрался, переоделся в штатское и под покровом вечерних сумерек спустился с гор. Мне предстояло пройти тридцать ли по узкой извилистой тропинке, но я не замечал расстояния, меня окрыляла радость того, что я снова иду на задание.

В Бацзяояо я пришел только к полуночи. Деревни, подобные этой, раньше служили нам опорными базами. Жизнь в них била ключом. По вечерам после работы проводились собрания, шли занятия в вечерней школе, раздавались громкие удары гонгов и барабанов, допоздна звенели песни молодежи.

Сейчас деревня была погружена в кромешный мрак. Угрюмое безмолвие ночи лишь изредка нарушали громкие возгласы гоминдановских солдат. Враги были уверены, что после «объединения» деревень им удалось покорить народ и заставить его отказаться от борьбы. Но я-то хорошо знал, что в этой как будто вымершей деревне глубоко сокрыты тлеющие искры, они все больше и больше будут разгораться, чтобы однажды вспыхнуть ослепительным пламенем.

Поминутно останавливаясь и прислушиваясь, я пробирался по улицам деревни, занятой вражескими солдатами. Вот я, наконец, отсчитал семнадцатый дом с востока и, крадучись, подошел к двери. К моему удивлению, несмотря на поздний час, в доме не спали. Из-под двери выбивалась тоненькая, слабая полоска света. Лампа была, по-видимому, чем-то прикрыта, потому что свет можно было различить, только подойдя к двери вплотную. И вдруг я услышал пение. Знакомая мелодия заставила бешено заколотиться сердце. Это была самая популярная песня среди крестьян во время массового вступления добровольцев в Красную Армию:

Я провожу своего мужа в Красную Армию,
Пусть в атаках на позиции врага он будет первым.
А если он погибнет за дело Революции,
То я продолжу его великое дело.
Я провожу мужа в Красную Армию.

И слова, сказанные при расставании,
Навсегда останутся в моем сердце.
Когда мой муж станет бойцом Красной Армии,
Мое сердце преисполнится радостью,
А я останусь работать в деревне.

Давно я не слыхал таких песен, и как же мне было радостно именно сейчас услышать родную мелодию. Да, сердце народа принадлежит красным, народ думает о своей армии и никогда не забудет тех пламенных дней, когда взвилось Красное знамя Революции.

А может быть, эту песню поет Хуан Синь — женщина, которую я должен найти?! Конечно она, кто же иной мог петь так проникновенно, всеми мыслями и чувствами устремляясь к мужу, который ушел в Вели-

кий поход? Я стоял и слушал, не решаясь прервать мысли женщины о любимом, но делать было нечего, скоро рассвет, надо торопиться. Я постучал, как было условлено, сначала два, затем один, а потом еще три раза. Песня оборвалась, я постучал снова. Послышались шаги, и дверь отворилась. Я не видел, кто открыл мне дверь, а когда вошел в хижину, невольно вздрогнул: там было трое людей — две женщины и один старик. Они держали себя так, будто в хижину никто не входил, и продолжали перебирать овощи, низко склонившись над корзиной.

Кто же из этих двух женщин Хуан Синь? Положение становилось рискованным — ошибка ставила под угрозу не только мою жизнь, но и всю организацию. На миг я растерялся, но затем воскликнул:

— Ах, я, кажется, не туда попал!

Маневр оказался удачным: все подняли головы, и я увидел у одной из женщин на ухе маленькую темную родинку.

— Тетушка Хуан, — воскликнул я обрадованно, — вы не узнаете меня? Старший брат Лу поручил передать вам письмо!

Женщина немедленно откликнулась на условную фразу:

— Мой муж Лу Цзинь-юн уехал на заработки.

Она оказалась удивительно находчивой, эта Хуан Синь! Широко улыбаясь мне, как старому знакомому, она подвинула деревянную скамейку и, обернувшись к старику и женщине, сказала:

— Ну, ладно, забирайте каждый свои овощи, а соль потом разделим!

Глядя на меня с нескрываемой радостью, оба потихоньку вышли, захватив свою долю овощей. Хуан Синь пошла проводить их: скорее всего, она вышла посмотреть, что делается вокруг. Пока ее не было, я привычным взглядом разведчика оглядел жилище. В углу хижины, построенной из бамбука и глины, на трех камнях стоял закопченный глиняный горшок для варки пищи; наверху, под потолком, из нескольких планок была сооружена полка, на которой лежала какая-то убогая утварь и пучки сахарного тростника. У стены, на лежанке из старой рисовой соломы, посапывая носиком, безмятежно спал ребенок, видимо, дочурка Хуан Синь.

Едва я успел все это оглядеть, как вернулась Хуан Синь. Она заперла двери, тщательно прикрыла лампу и села напротив меня.

— Не беспокойся: люди, которые были здесь,— наши, мы совсем недавно с ними установили связь.— И, вспомнив, очевидно, обстоятельства моего появления, указала на угол хижины.— Там есть отверстие, когда придешь в следующий раз, сначала погляди через него, чтобы избежать всяких неожиданностей.

Она, несомненно, производила впечатление очень опытного товарища, привыкшего к конспирации и к трудностям подпольной борьбы. Сейчас я хорошо разглядел Хуан Синь. Ей было за тридцать. Волосы, забранные вверх и закрученные узлом, были, пожалуй, коротковаты и напоминали о том славном времени, когда девушки и женщины стригли волосы и шли в Красную Армию. Худощавое лицо украшали живые, смелые глаза. Сейчас от сильного волнения они были влажны, и Хуан Синь украдкой вытирала их краем одежды.

— Знаешь,— сказала Хуан Синь,— человек, потерявший связь с партией, подобен воздушному змею с оборванной нитью. Это большое несчастье! Думаешь, мы не видели, как трудно приходится нашему народу, нашей Красной Армии? Мы знали, что надо бороться, но не знали как, ведь у нас не было связи с вами! Теперь все пойдет по-другому, мы все вместе сумеем снова поднять Красное знамя!

Комиссар, отправляя меня на задание, поручил мне подбодрить Хуан Синь, и я даже обдумал, какие слова ей скажу. Но, встретившись с ней, я понял, что эту женщину не испугают никакие трудности. Слова утеше-

ния ей были не нужны, и потому самым лучшим было просто перейти к делу.

Но едва только я начал передавать ей указания уездного комитета, как она вдруг спохватилась:

— Что же это я на радостях и покормить тебя забыла!

Сняв крышку с глиняного горшка, она вынула оттуда два хлебца из батата, смешанного с листьями овощей, потом достала разбитый кувшин и, пошарив в нем, вытащила кусок соленой редьки.

— С тех пор как эти белые дьяволы переселили нас сюда, мы ничего не можем вам посылать, — сказала она с гневом и горечью.— Я представляю, как вам трудно в горах! Не могу тебя хорошо угостить, но подкрепись хотя бы тем, что у меня есть.

Я шел целую ночь, устал, был голоден и не заставил себя упрашивать. В горах мы давно уже забыли вкус соли, и при виде соленых овощей я еще сильнее почувствовал голод. Овощи были слегка прокисшие, в них тоже чувствовался недостаток соли, но мне они казались необычайно вкусными. Я начал есть — и сразу же невольно вспомнил изможденные, похудевшие лица своих товарищей там, в горах.

Во время еды я передал Хуан Синь указания комиссара Вэя об организации сопротивления врагу. Слушая меня, Хуан Синь кивала головой и время от времени задавала вопросы, а когда я кончил, сказала:

— Комиссар Вэй прав, нас ждут большие испытания, но мы готовы ко всему. Ведь у нас за плечами годы борьбы, которую мы начали в 1929 году.

Хуан Синь говорила с такой горячностью, что я понял — любое задание ей будет по плечу.

Не успели мы кончить разговор, как прокричал петух. Пора было уходить, пока не рассеялся утренний туман. У двери Хуан Синь остановила меня. Быстро наклонившись, она разорвала подкладку своей одежды, вытащила оттуда небольшой бумажный сверток и развернула его. Я увидел партийный билет. Он был старый, истрепанный, но серп и молот, оттиснутые на нем, были видны ясно. Хуан Синь раскрыла партбилет, внутри лежали две монеты.

— Это оставил отец моей дочери, уходя в поход. Уже много месяцев прошло после «объединения деревень», а я до сих пор не смогла уплатить членских взносов. Передай это комиссару, ведь большое складывается из мелочей.

Что было делать? Я не получал по этому поводу никаких указаний, а кроме того видел, что женщина очень нуждается.

— Насчет партийных взносов я не имею указаний, — ответил я мягко,— оставь деньги пока у себя.

Но мой отказ она поняла по-своему:

— Пожалуй, верно, вместо денег сейчас нужно дать что-нибудь другое, более полезное.

Хуан Синь все понимала, и кто знал, что все выйдет именно так, как она думала.

* * *

Прошло более полумесяца после моего возвращения в горы. До нас дошли слухи, что белобандиты всерьез озабочены нарастающей борьбой народных масс. Они стали засылать в партийные организации предателей, которые вели подрывную работу. В некоторых деревнях партийные организации понесли тяжелый урон. Я опять получил задание отправиться в Бацзяояо.

На этот раз я не сразу постучал в дверь хижины Хуан Синь, а пред-

варительно заглянул в щель стены. Хуан Синь была занята работой. Перед ней на полу лежали горки соленых овощей: капуста, редька, горох. Там же стоял и разбитый кувшин, из которого в прошлый раз она доставала редьку. Хуан Синь сортировала овощи и складывала их в большую корзину. При этом она уговаривала свою девочку: «Твоя мама продаст эти овощи и купит тебе большую лепешку, всего тебе купит... а сейчас у мамы ничего не проси, слышишь!»

Голодные глаза девочки жадно перебегали с одной кучки овощей на другую, она не слушала уговоров матери и, ухватившись за ее платье, настойчиво просила есть. Потом быстро обмакнула худенькую руку в кувшин с рассолом и жадно стала сосать палец. Но голод терзал девочку, она схватила зеленый бобовый стручок и отправила его в рот. Мать вырвала стручок у ребенка из рук и бросила обратно в корзину. Девочка заплакала так громко и безутешно, что я почувствовал, как к горлу подступает комок. Я вбежал в хижину и спросил:

— Тетушка Хуан, зачем ты обижаешь ребенка? Зачем продавать овощи, пусть лучше девочка съест их!

Хуан Синь подняла на меня измученные глаза и тяжело вздохнула:

— А, старина Чен, ты и впрямь думаешь, что я их собираюсь продавать? Сейчас соль дороже золота, кто же будет продавать соленые овощи? Мы их приготовили для вас — и это будут наши партийные взносы, мы знаем, как трудно вам в горах без соли, и ждали тебя.

Я вспомнил, как в прошлый раз здесь сортировались свежие овощи, и понял, что именно их наши товарищи засолили и сохранили для нас.

Хуан Синь посмотрела на меня, потом на девочку и, как бы размышляя вслух, сказала:

— Главное, чтобы существовала наша Партия, наша Красная Армия, тогда нашим детям будет обеспечено счастливое будущее!

Я взглянул на девочку: она уже не плакала, но все еще с надеждой смотрела на корзину. Схватив наугад бобовый стручок, я сунул его ей в руку.

— Лучше самому не есть десять дней, чем допустить, чтобы голодал ребенок!

Не успел я закончить фразу, как за дверью послышались торопливые шаги, кто-то подбежал к двери и быстро проговорил:

— Тетушка, скорей, скорей отопри!

В вошедшей я узнал женщину, которую видел здесь в прошлый раз.

— Кто-то донес, — сказала она задыхаясь, — что с гор в деревню прибыл человек, сейчас начнется облава, скорее решайте, что делать, а я побегу предупредить остальных. — С этими словами женщина исчезла за дверью.

Я бросился к двери:

— Прощай, Хуан Синь!

Но она схватила меня за руку:

— Куда ты пойдешь? Разве ты сумеешь пробиться через вражеское кольцо, ведь через него не проскользнет и ветер! Я спрячу тебя здесь!

— Не хочу подвергать тебя риску, тетушка Хуан! Пройду!

Лицо Хуан Синь стало вдруг решительным и суровым, в голосе зазвучали металлические нотки.

— В порядке партийной дисциплины здесь ты подчиняешься мне и обязан действовать так, как требует Партия. — Потом указала на чердак: — Спрячься там и не двигайся, что бы ни случилось — я все беру на себя. — Я молча подчинился.

А на улице уже началась суматоха, послышался топот солдатских ног, крики раздавались все ближе и ближе. Притаившись на чердаке, я смотрел вниз сквозь щели в досках. Я видел, как Хуан Синь поспешно

прикрыла соломой корзину с овощами, крепко обняла и поцеловала девочку, потом обернулась в мою сторону.

— Товарищ Чен, — произнесла она торопливо, — может быть, нам не удастся уйти от врага, но что бы ни случилось, запомни — партийная организация в Бацзяояо остается и будет продолжать борьбу. Свяжись с Ху Мэй-ин, это она только что была здесь, а живет она в западной части деревни, четвертый дом с севера, у порога растет большая смоковница... Овощи попытайся отнести в горы, это наш общий партийный взнос!

И вдруг ее голос стал мягким и теплым:

— Девочку не оставляй здесь, если сможешь, возьми ее в горы или отправь куда-нибудь, а когда вернется наша Красная Армия, передай ее товарищу Лу Цзинь-юну.— Волнение перехватило ей горло, но она продолжала: — Мой партийный билет возьми с собой и монету тоже, другую я истратила на соль. Все лежит в глиняном горшке, обязательно возьми, не забудь!

У входа в дом раздался топот сапог и грубая брань. Хуан Синь повернулась лицом к двери и еще крепче прижала к себе ребенка. Я знал, какие муки она переживает, но лицо ее оставалось спокойным.

Дверь затряслась под ударами прикладов. Хуан Синь медленно подошла и открыла ее. Четверо белобандитов ворвались в комнату и набросились на женщину:

— Где человек с гор?

— Не знаю,— покачала она головой.

Тогда солдаты начали обыск, который продолжался очень недолго. Они уже начали сомневаться в успехе, как вдруг один из них обратил внимание на корзину с овощами и ударом ноги опрокинул ее. Овощи рассыпались по полу. Бандиты стали ворошить их штыками, как будто могли в них что-нибудь отыскать. Один из бандитов, видимо старший, стал допрашивать Хуан Синь.

— Откуда овощи?

— Мои собственные!

— Собственные? А почему так много? Не в горы ли ты намерена их отправить, отвечай!

Хуан Синь молчала.

— Обыскать чердак! — приказал старший.

Тогда Хуан Синь бросилась к двери и отчаянно закричала:

— Товарищ Чен, беги на запад!

Двое бандитов выскочили из хижины, было слышно, как они пронеслись в направлении, указанном Хуан Синь.

Двое других бандитов схватили Хуан Синь и повели к выходу. Мог ли я спокойно смотреть на то, как эта замечательная женщина ради меня жертвует своей жизнью? Но только я хотел спрыгнуть вниз, как внезапно увидел, что она обернулась и, глядя широко раскрытыми глазами на застывшую в страхе девочку, медленно и раздельно проговорила:

— Доченька, ты должна слушаться свою маму!

Особое ударение она сделала на словах «слушаться маму». Я понял, что это относилось ко мне, слова «слушайся мать» означали «подчиняйся партийной организации».

Это было последнее, что я услышал. Бандиты увели Хуан Синь.

Когда все стихло, я успокоил плачущую девочку, собрал соленые овощи, нашел в глиняном горшке под хлебцами партийный билет товарища Хуан Синь, монету... С наступлением вечера в одну корзину я посадил девочку, в другую сложил овощи и отправился в горы. Там я передал девочку комиссару Вэю и рассказал обо всем случившемся.

Комиссар Вэй открыл тетрадку, где регистрировались партийные взносы, и четким почерком записал: «21 октября 1934 года товарищ Хуан Синь внесла членский взнос...» Он не докончил, кисточка застыла в его руке, лицо стало суровым. Он долго смотрел на партийный билет, лежащий перед ним, и долго гладил по головке стоящую рядом девочку. Потом вынул носовой платок, смочил его росой и осторожно вытер следы слез на лице ребенка.

Рядом с именем Хуан Синь комиссар не поставил сумму партвзноса. Ее нельзя было выразить цифрами. Чем можно измерить любовь коммуниста к своей Партии? Чем можно выразить его полную готовность жертвовать собой ради общего дела?

Китайские пословицы и поговорки

Недочитанная книга — не до конца пройденный путь.

Волосатый повар боится сильного огня.

Цветок не распустится — плод не завяжется.

Собака, которая кусает, не скалит зубы.

Хорошие всходы — хороший рис, хорошая мать — хорошая дочь.

Кошка плачет, мыши притворяются сочувствующими.

Где один человек погибнет, двое выживут.

Цюй Цю-бо

НЕСКОНЧАЕМЫЕ "ПРОТИВОРЕЧИЯ"

РАССКАЗ

Перевод с китайского М. Шнейдера

Пламенный революционер и один из руководителей КПК, выдающийся публицист, литературовед и литературный критик, переводчик и пропагандист русской классической и советской литературы, один из первых корреспондентов китайской прессы в Москве в 1921—22 годах — таков был Цюй Цю-бо, проживший недолгую, но поистине яркую жизнь.

Дошедшее до нас литературно-критическое его наследие, значительная часть которого уцелела только благодаря усилиям Лу Синя, сумевшего сохранить много рукописей после трагической гибели Цюй Цю-бо в гоминдановском застенке в 1935 году,— и составило четырехтомник его произведений, вышедший три года назад в Пекине.

Наши читатели уже имели возможность ознакомиться с очерками Цюй Цю-бо, посвященными встречам с В. И. Лениным, с его статьями о М. Горьком, о русской и советской литературе (см. «Иностранную литературу» № 5, 1955 г. и № 11, 1956 г.).

Публикуемый ниже сатирический рассказ Цюй Цю-бо «Нескончаемые «противоречия» по своим художественным достоинствам и, в частности, по мастерству типического обобщения занимает особое место среди оригинальных произведений этого писателя.

Янь Цяо — мелкий, никчемный, трусливый человечек с подленькой душонкой — типичный представитель мелкобуржуазной интеллигенции гоминдановского Китая. Он кичится якобы присущим ему чувством «национальной гордости», но, став благодаря каким-то махинациям профсоюзным «деятелем», без зазрения совести предает интересы своих соотечественников — китайских рабочих, всячески выслуживается перед своими хозяевами и иностранными капиталистами, грабящими Китай.

Таким образом, тема рассказа — разоблачение жепатриотизма и предательства — всем своим острием направлена против старого, гоминдановского Китая. Тем не менее, рассказ Цюй Цю-бо не потерял и сейчас своей актуальности. Весь его гневный пафос направлен и в наши дни против тех элементов, которые разглагольствуют о борьбе за «национальные интересы», а на деле готовы рабски служить врагам китайского народа.

В этой злободневности и остроте — разоблачительная сила рассказа Цюй Цю-бо.

пускаясь, словно во сне, по темной лестнице, он плакал!

Когда он вошел в канцелярию, сослуживцы, увидев его покрасневшие от слез глаза, громко рассмеялись.

Стенные часы пробили восемь, и он подумал о том, что вот-вот снова появится этот человек, похожий на свинью.

И он действительно явился. Неторопливо вошел, важно переваливаясь с боку на бок, и, казалось, первым, на кого он посмотрел, был Янь Цяо. «Он прежде всего посмотрел на меня! — подумал тот.— Какой невыносимый взгляд! Как будто... но не стоит сравнивать! Пусть его! Так или иначе получу с тебя 36 долларов за месяц. Китайских долларов, а не каких-то там американских! В последний раз, в самый последний!»

Стоило только Янь Цяо подумать об этом, и у него сразу же стало значительно легче и спокойней на душе. Он снова вспомнил, о чем говорил компрадор накануне.

«Ишь ты! Хочет посягнуть на нашу свободу собраний и организаций... Вот напишу-ка я прошение об отставке и... А куда же потом, где найти место, чтобы заработать на хлеб? Ну ничего, выход, пожалуй, всегда найдется!»

После того как Янь Цяо утвердился в таком «смелом» решении, на душе у него стало легко и весело. Из раба он превратился вдруг в человека, из раболепствующего перед иностранщиной, из раба иностранца он стал китайцем высшего сорта. Потянувшись украдкой, он привычным жестом взял несколько канцелярских книг и документов и, как обычно, принялся за свою повседневную работу. Тут он почувствовал, что его слегка лихорадит. Подняв голову, он стал смотреть в окно.

Вчерашняя буря утихла, однако небо нахмурилось еще сильней; как видно, на улице все еще чертовски холодно, а может, и снег идет: вон ведь на той крыше напротив — похоже, малюсенькие снежинки скачут.

Но вот его по-настоящему бросило в жар. «Отчего это со мной каждый день?» — подумал он. И тут же вспомнил темную, мрачную лестницу у себя дома, свою холодную комнату-каморку, расположенную в боковой пристройке, с окнами, выходящими на запад; изо всех щелей в окнах и деревянных перегородках — отовсюду задувает ветер, а особенно сильно через заднюю стенку, имеющую вид решетки, сколоченной крест-накрест из узких планок, промежутки между которыми составляют половину всей поверхности перегородки. Там жалкое убожество, мрачная могила, и нет ничего удивительного в том, что в обычной своей одежде он так сильно чувствует дома холод. От печки тоже никакого толку: через решетчатую заднюю перегородку все тепло уходит наружу, прямо к черепахам, которыми разрисованы все стены в переулке *. Вдобавок еще и уголь в нынешнем году так дорог. Каждый день поутру, — а в фирму нужно приходить к восьми часам, — до чего бы хорошо понежиться под ватным одеялом и до чего не хочется вставать с постели, особенно когда в комнате стоит такой собачий холод! И только по приходе в фирму, в конторе с паровым отоплением, от которого пышет жаром, у него руки и ноги начинают постепенно отходить. Но поскольку на тебе китайское платье, очень быстро становится нестерпимо жарко.

То ли дело одеваться по-европейски: входишь в помещение — сни-

* Рисунок черепахи означает в Китае нецензурное ругательство.

маешь пальто. До чего ж удобно! Похожий на свинью компрадор — так тот нашел выход из положения: под халат на лисьем меху надевает шелковую рубашку, сбросил халат — и блаженствует.

Только мы, несчастные, страдаем. Легко оденешься — мерзнешь в своем китайском домишке, потеплее оденешься — опять нехорошо: пропадаешь от жары в конторе, расположенной в здании, построенном на заграничный манер.

Погруженный в такие мысли, Янь Цяо продолжал работать, а на сердце у него кошки скребли. Он все посматривал, не пора ли идти за жалованием.

— Бухгалтер говорил мне, — хихикая, обратился к нему один из его сослуживцев, — что со следующего месяца прибавят по два доллара.

«Странно, — удивился Янь Цяо, — почему же он мне ничего не сказал?»

Янь Цяо невольно поднял глаза, чтобы взглянуть на компрадора, который как раз в это время, не отрываясь ни на мгновение, одну за другой накладывал резолюции на различные документы и так плотно сужал веки, что казалось, между ними не оставалось даже щелочек. Внезапно и компрадор оторвался от бумаг, взглянул по сторонам, словно услышав, что кто-то шепчется, и кашлянул. Янь Цяо поспешно опустил голову, к счастью не встретившись взглядом с его превосходительством господином компрадором!

«По справедливости, — продолжал рассуждать Янь Цяо, — мне бы тоже должны увеличить жалование. Так почему же бухгалтер не уведомил меня? Если это дойдет до моей жены, она будет страшно расстроена. Ведь уже несколько месяцев назад она наметила, на что израсходовать эти несчастные два доллара. Неужели же меня лишили надбавки за то, что я однажды присутствовал на собрании? Разве возможно, чтобы китайцы на китайской земле были лишены свободы собраний, чтобы нашу судьбу решали иностранные хозяева?! Безобразие!»

В тот же день вечером, при выходе из лифта, сослуживец Янь Цяо предложил ему отужинать в небольшом ресторанчике, сказав при этом, что пригласил также господина Вана — работника городского комитета гоминдана. Янь Цяо страшно возмутился, но не более того. Поблагодарив, он отказался от предложения разделить столь «славную» компанию, но про себя подумал, что сослуживец намного «активнее» его самого, если он запросто приглашает на ужин господина Вана.

На трамвае он вернулся домой и, проходя по переулку, снова увидел черепах, нарисованных на стенах. «Китайцы только и умеют, что рисовать черепах!» — пронеслось у него в голове. Еще поднимаясь по лестнице, он услышал голос жены, «приветствовавшей» его:

— Явился, наконец! А ежемесячник «Авангард» ты мне купил? Ты ведь сегодня с получкой!

— Ничего я не купил! Взяла бы ты лучше 20 фэней *, купила бы угля да и протопила бы печь.

— Опять не купил! Печь протопить! Да если ее каждый день топить, разве хватит твоих денег? Как служанка, с утра до ночи прислуживаешь тебе. Ни одного нового романа не прочитаешь, а о кино и думать не приходится. Человеку всегда необходимо хоть какое-нибудь возвышенное наслаждение. Что с тобой?..

— Со мной? Ничего, только голова немного кружится... — ответил Янь Цяо, сунув в руки жене свое жалование — тридцать шесть китайских долларов — и продолжая обдумывать текст прошения об отставке, которое надо написать в фирму.

Кое-как поужинав, Янь Цяо поставил перед собой чернильницу, по-

* Фэнь — одна сотая китайского доллара.

ложил бумагу и вооружился кистью. Прошение? Писать его он все не начинал. «Чувство национальной гордости» требовало сопротивления, сопротивления и еще раз сопротивления. Но прошение в тот вечер так и не было написано.

Жена снова завела разговор о своем халате, до того истрепанном, что в нем и выйти невозможно...

«Завтра написать тоже не поздно», — решил Янь Цяо.

С тех пор прошло очень много «завтра». И пока не разрешились «противоречия», ничего другого не оставалось, как приглашать в качестве временного утешителя все того же господина «завтра».

Янь Цяо часто доводилось читать сборники докладов вождя гоминдана Сунь Ят-сена. Теперь же ему более чем когда-либо необходимо было читать о первом из трех народных принципов Сунь Ят-сена — принципе национализма. Казалось, будто Сунь Ят-сен учит его тому, «как жить на свете», «умению различать» подлинно китайские, отечественные товары, учит его морали. Правда, наиболее трогательны притчи, которые рассказывает вождь гоминдана. Вот одна из них. Жил в Гонконге китайский кули, зарабатывая себе на пропитание переноской различных грузов на бамбуковом коромысле. Поднакопив немного денег, он купил лотерейный билет и спрятал его в свое коромысло. Страстно желая разбогатеть, кули бесчисленное множество раз смотрел на номер своего билета и выучил его наизусть. В день розыгрыша приходит он и видит: номер, на который выпал главный выигрыш в сто тысяч даянов, как раз и есть его номер! Невероятно! Сто тысяч! Теперь больше незачем быть ему кули. И, схватив коромысло, он швырнул его в реку. Ай-ай! Что же он наделал: ведь в коромысле лежал его лотерейный билет! Как же можно выбрасывать коромысло, если оно кормит и поит тебя! Да! То, что кормит тебя, дело нешуточное!

После того как Янь Цяо прочитал притчу — это наставление о «морали, присущей нации», — хозяин-иностранец и компрадор словно переменились в его глазах к лучшему, даже погода как будто улучшилась и не была уже столь удручающей.

Время летит быстро. Промчался месяц. Прошение об отставке все еще написано не было. Однако и надбавки к жалованию не последовало. И с н о в а в его душе началась схватка между «моралью, присущей нации» и «чувством национальной гордости».

Но вот жена заставляет его прийти в себя и посылает одолжить ежемесячник и еженедельник «Авангард». Он вспоминает о господине Е и господине Чэне из городского комитета гоминдана. Что же касается такой важной персоны, как господин Ван, то с ним он еще не завязал знакомства. Постоянно общаясь с господами Е и Чэнем, он сам почувствовал, что сделал значительный шаг вперед и, прежде всего, что стал несколько «активнее». Слово, невзначай оброненное однажды господином Е, вызвало к жизни в душе Янь Цяо совсем маленький план. И с тех пор он то и дело вспоминал об этом слове, настойчиво храня его в тайниках своего сердца...

«Вождь партии — поистине великий человек! — вдруг осенило Янь Цяо, словно он только сейчас «уразумел самую суть».— С н а ч а л а нужно было вытащить лотерейный билет, получить главный выигрыш в сто тысяч даянов, тщательно пересчитать денежки, а уж п о т о м выбросить коромысло — ведь и тогда сделать это было бы не поздно!»

Навеселе вышли они из одного гуандунского ресторанчика. У ч т и в ы е приятели ушли вперед, и остались только они вдвоем: господин Е до он. Господин Е прошептал несколько слов на ухо Янь Цяо.

— Конечно, конечно! — поспешно согласился тот. — Но я должен просить вашей помощи, руководства и указаний...

Он проводил господина Е до переулка, а потом, усевшись на рикшу, поехал к себе домой.

«Жить дольше в таком черепашьем переулке немыслимо... В самом деле, халат жены так износился, что в нем и выйти на люди невозможно... Этот компрадор, пожалуй, скоро сядет мне на голову. Ну тридцать шесть даянов, ну сорок даянов. Но кроме тех, кто получает сорок, есть ведь еще... есть ведь еще и такие, кто получает и больше сорока...» Он действительно немного опьянел.

— Ну-ка, живей, живей. Покупай побольше угля и топи печь. Больше покупай, больше!

— Да сегодня не так уж холодно, зачем же топить печь?

— Ты, женщина, что ты понимаешь? Что? Где уж тебе понять принцип национализма? Разве ты знаешь заветы вождя?

— Что? Что такое ты говоришь?

. . . . . .

За круглым столом сидело несколько человек: двое — на диване, а Янь Цяо — на стуле. Перед каждым стоял стакан с вином.

— Ну, уж на этот раз японец, надо полагать, заговорит по-иному.

— Вряд ли! Все дело в том, что он скуп, этот японский дьявол. Сам всему счет ведет. Вот в прошлый раз английские и американские табачные...

— Тебе, Янь Цяо, всего второй раз приходится сталкиваться с подобной работой. А руководить профсоюзными делами — одно беспокойство. Ты должен подробно рассказать ему обо всем, что произошло до этого, и совершенно незачем зря тратить время на пустые разговоры о всяких там англичанах и американцах, о каком-то там Южно-Китайском море.

— Ладно, ладно!

На следующий день, сменив изысканный галстук на простой френч а-ля Сунь Ят-сен, Янь Цяо отправился на японскую прядильную фабрику. У ворот фабрики собралось несколько сот рабочих. Подойдя поближе, Янь Цяо выбрал двух хорошо известных ему мастеров и, отведя их в сторонку, перебросился с ними несколькими словами. Затем, взобравшись на высокий столб, обратился к рабочим с речью:

— Профсоюз уже все уладил, и вы завтра же должны приступить к работе. Хозяин дал согласие обсудить после этого все ваши требования. Что же касается двух уволенных рабочих, то в результате проверки, проведенной партийным комитетом, установлено, что они действительно являются красными бандитами и на работе восстановлены быть не могут. А вы не давайте себя обманывать...

В толпе раздался выкрик, но Янь Цяо не расслышал его. Однако он увидел, как полицейский схватил двух рабочих и потащил их куда-то. Появился отряд индийской конной полиции *. В толпе взад и вперед шныряло несколько человек в черных халатах и в подвязанных у щиколотки брюках; они на ходу улыбались Янь Цяо. Он закивал им в ответ. Тем временем большинство рабочих разошлось, и Янь Цяо не стал продолжать свою речь. Обращаясь только к своим знакомым мастерам, он проговорил:

— Ведь все они китайцы, вы должны убедить их. Нужно же знать меру...

Уходя, он почувствовал, как спину его пронзил взгляд нескольких пар глаз. И взгляд этих глаз был для него гораздо непонятнее, чем взгляд

* В международных сеттльментах в Китае полицейскую службу несли, как правило, иностранные наемные части.

свиных глазок компрадора. Эти глаза были совсем иными: казалось, они налиты кровью.

Однако рабочие все же «утихомирились», и забастовки прекратились. Подобных заслуг у Янь Цяо день ото дня становилось все больше, за ним даже утвердился почетный титул «крупного деятеля рабочего движения», и громкая слава пошла гулять о нем среди его старых и новых друзей. Он сильно раздобрел, ежедневно за завтраком выпивал стакан молока, а после ужина обязательно укладывался вздремнуть на новом диване. Он постоянно читал и перечитывал «литературу, посвященную принципу национализма», изучал китайскую историю за последние сто лет, вел разговоры о развертывании движения за отечественные товары, но больше всего любил читать «Полную историю династии Цин». По его мнению, территорию и суверенные права, потерянные Китаем за последние несколько десятков лет, необходимо было вернуть путем развертывания движения за товары отечественного производства. А от всех этих голословных лозунгов, вроде «Долой империализм», нет ровным счетом никакого толку, да и звучат они явно в стиле красных!

Несколько дней назад Янь Цяо сделал жене два — целых два! — модных халата из тканей отечественного производства для того, чтобы она смогла принять участие в выставке отечественных товаров и мод.

«Вот только фигурой жена моя явно не вышла. Где уж ей до «товарищей женщин», обладающих прелестными округлостями, которые вызывают столь плотоядные чувства. В ней, пожалуй, чересчур много китайского. И, по-видимому, будь у нее поменьше «прекрасных качеств, присущих китайской нации», а побольше иностранной пикантности, делу бы это нисколько не повредило»,— думал Янь Цяо.

Да, конечно! Ведь теперь Янь Цяо больше не раболепствует перед иностранщиной, он — китаец высшего сорта, низменные интересы постепенно угасли в нем, и «возвышенные наслаждения» стали теперь для него повседневной необходимостью. Тем более, что по «работе» он не слишком загружен. Нынешнее его положение ни в какое сравнение не идет с тем временем, когда приходилось работать в иностранной фирме. Теперь он не должен сразу же после работы бежать сломя голову домой. Сейчас он обычно занят повседневной «кипучей деятельностью», видится с друзьями, разумеется с теми из них, кто придерживается принципа национализма. И уж конечно, когда представляется случай, он может встречаться с «товарищами женщинами».

По правде говоря, утверждать, что он перегружен профсоюзной «работой», было бы не совсем верно: утруждать себя сбором членских взносов не приходится, их могут вычесть прямо из жалования в фабричной конторе и передать ему по назначению, а с членами профсоюза дело обстоит и того проще: возьмешь фабричные списки, пересчитаешь все фамилии — вот тебе налицо и все члены профсоюза.

Утверждать, что профсоюзных дел мало, тоже нельзя: нужно ежедневно что-то согласовывать, увязывать и действовать, действовать без конца. А эти рабочие — вот уж, право, невоспитанная публика, человечности у них никакой, не говоря уже о морали, присущей китайской нации. Вечно бы им только скандалить из-за каких-то «мелочей».

Принцип национализма им совершенно чужд, не понимают они даже и самых элементарных истин, связанных с развертыванием движения за товары отечественного производства. Что касается нескольких мастеров из тех молодчиков, которые связаны с полицией, так у этих хоть есть какой-то кругозор, какие-то способности!..

В стачке работниц шелкоткацких фабрик участвует десять с лишним тысяч человек. Вы бы только посмотрели вчера, что за девчонки есть среди них! Полиция арестовала двух работниц, подстрекавших к заба-

стовке. С криками и шумом сбежалось их несколько тысяч, и все они бросились в драку с полицейскими, стараясь отбить своих товарок, и отбили! К счастью, из участка подоспело подкрепление, и китайские полицейские тоже помогли — вот и задержали снова тех двух. Сегодня на нескольких десятках фабрик все еще никто не вышел на работу... Требуют восстановить прежнюю зарплату.

— Черт знает что такое! — в бешенстве затопал ногами Янь Цяо.— Немедленно направить людей и заставить их приступить к работе! Здесь наверняка не обошлось без хозней красных. Да, обратитесь-ка «туда», попросите «их» как следует помочь нам. Я сам подойду попозже.

Целое море голов. Разъяренные женщины смолкли при виде представителей профсоюза. Прибыло несколько отрядов полиции. Янь Цяо видел, как избили нескольких «представителей профсоюза», призывавших немедленно приступить к работе. Янь Цяо рассердился, но пока он приближался к толпе, обстановка изменилась: работницы стали намного спокойнее. Зелень, которой была покрыта лужайка, напоминала им о наступлении весны, а лучи ласкового, теплого солнца, засверкавшие на блестящих штыках, показавшихся из-за ветвей ив, уведомили ткачих о прибытии важной персоны «из профсоюза». Вот все кругом и стали намного спокойнее.

— Друзья-работницы, все ваши условия мы должным образом обсудим, но прежде всего вам следует приступить к работе. Ведь шелкоткацкая промышленность — важнейшая отрасль производства Китая. Без высокоразвитой шелкоткацкой промышленности Китай не мог бы конкурировать с заграницей... с заграницей... то-есть с империализмом. Для того чтобы страна стала свободной, каждому необходимо жертвовать свободой! Рабочие должны уметь жертвовать своей свободой, выступать за подъем производства отечественных товаров. В Китае — жалкие шелкоткацкие фабрики, торговля находится в запущенном состоянии, и только сотрудничество рабочих и капиталистов в состоянии выправить создавшееся положение. Снижение зарплаты утверждено патриотическим национальным правительством*. Все мы — граждане... граждане...— откашлявшись, Янь Цяо продолжал дальше,— подданные нашей страны. И женщины — тоже граждане. А все граждане обязаны подчиняться национальному правительству. В настоящее время национальное правительство опубликовало закон, по которому устанавливается всего лишь десятичасовой рабочий день, и работницам будут предоставляться отпуска по беременности...

В глубоком молчании долго слушали Янь Цяо работницы, высоко подняв головы и не сводя с него глаз. Глаза эти выражали и покорность, и ненависть, но ни разу в них не вспыхнуло ни одной искорки национализма!

«Вот скоты! Стараешься привлечь их внимание, а они хоть бы что! Да по их тупым глазам видно, что они скоты, настоящие скоты! Внешне они как будто спокойно слушают тебя, а какие дьявольские мысли рождаются у них в мозгу, — это тебе неизвестно», — так думал Янь Цяо, продолжая говорить.

Вдруг ему послышалось, как кто-то в толпе злобно прошипел сквозь зубы:

— Десятичасовой рабочий день! Да мы сейчас работаем больше чем по двенадцать часов!

— Экая невидаль ваши десять часов! В Китае есть уже места, где работают только по восемь!

— Там нет ваших «профсоюзов», там н а ш и профсоюзы.

— Слыхали, отпуска по беременности! А оплата?!

* Имеется в виду гоминдановское правительство (1926—1949 гг).

Все это произносилось шепотом, но отчетливо, а Янь Цяо продолжал свое:

— Приступайте к работе, не слушайте агитации красных!

— А что делать, если есть нечего?! — раздался из толпы совершенно неожиданно для него громкий выкрик.

Янь Цяо, повинуясь инстинкту приверженца принципа национализма, сразу же обернулся и бросил взгляд в сторону тех, кто стоял здесь в одежде серо-пепельного цвета, в сторону их блестящих штыков.

— Не слушайте агитации красных, — повторил он с особым ударением, боясь, как бы ход его мыслей не был снова нарушен выкриками из толпы. — Не существует никаких Советов — ни больших, ни малых; не существует никакого парламента рабочих, крестьянских и солдатских депутатов; нет никакого коммунизма. Они всего-навсего бандиты — убийцы и поджигатели. Нет у вас с ними ничего общего. Немедленно приступайте к работе! Национальное правительство скоро сотрет с лица земли этих бандитов, в ближайшее время будет созван национальный парламент. Немедленно приступайте к работе! В национальном парламенте все требования рабочих будут обсуждены.

— А говорят, что национальный парламент — это парламент помещиков и капиталистов? — прозвучал вопрос из толпы.

— Вранье! Красные бандиты, убийцы и поджигатели врут! — привычно отпарировал Янь Цяо, то и дело поглядывая в «ту сторону».

— Врут?! А ты? — совершенно неожиданно кто-то в толпе осмелился задать вопрос. Совершенно неожиданно!

— Сволочь!! Ты что это спрашиваешь?! Что? Что?..

Когда Янь Цяо возвращался домой, заходящее весеннее солнце еще больше опьянило его. А вид рикши, который так жалобно просил прибавить немного денег, окончательно привел его в доброе расположение духа.

«Эти люди совершенно лишены сознательности: только за то, что иностранец платит на несколько медяков больше, рикша предпочитает подлизываться к иностранцу; ради какой-то чепуховой надбавки к жалованию рабочие готовы разрушить национальную промышленность Китая. В Китае миллионы, сотни миллионов людей, которые рады быть рабами иностранцев. Как же тут не погибнуть стране! Вот если бы каждый был таким патриотом, как я, тогда все сложилось бы иначе. А эти бесстыжие девки вдруг ни с того ни с сего обозвали меня лгуном. Безобразие! Рабы иностранцев, рабы иностранцев! Станешь вспоминать и рассердишься по-настоящему, а я тоже предпочитаю...» — и с этими мыслями, сильно покачиваясь, Янь Цяо ощупью вошел в дом.

— Что случилось? Опять ты так поздно и опять пьян?

Он не проронил в ответ ни звука. Не прошло и нескольких минут, как полную тишину, только что царившую в комнате, нарушил его храп. Все вокруг было залито зеленым светом: на столе стояла изящная настольная лампа под зеленым абажуром. Рядом варились зерна лотоса, и постепенно бульканье закипающей воды, словно эхо, стало откликаться на храп Янь Цяо. На столе, в кружкѐ света под лампой, лежал раскрытый том «Полной истории династии Цин», и в глаза невольно бросались несколько слов: «Предпочитаю дарить дружественным державам, чем давать своим рабам...»

Вдруг жена Янь Цяо услышала, как он застонал, а потом забормотал, скрежеща зубами:

— А ты? А ты? А ты?

ИЗ КИТАЙСКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ

Перевод с китайского и вступление Л. Эйдлина

Китайская классическая поэзия развивалась на протяжении многих веков. Мэн Хао-жань (689—740) жил через триста лет после Тао Юань-мина (365—427), целое столетие отделяет Бо Цзюй-и (772—846) от Мэн Хао-жаня. С именем Тао Юань-мина связаны огромные новшества в содержании и форме китайской поэзии, сближение ее с повседневной жизнью. Поэт ушел с обязательной для человека его происхождения чиновничьей службы, резко порвал с кругом придворных карьеристов и стал проповедовать преимущества крестьянской жизни на земле. Этот уход от «жизненной суеты», воспевание природы, радостей труда и общения с друзьями, мыслящими так же, как и сам поэт, были своеобразной формой политического протеста, какая только и возможна была в то время для человека, подобного Тао Юань-мину. Во всяком случае, именно как протест воспринималась поэзия Тао Юань-мина уже его современниками.

Мэн Хао-жань и Бо Цзюй-и жили в пору расцвета китайской поэзии в феодальном танском государстве. Танские поэты испытали влияние Тао Юань-мина и сознательно подражали ему и в творчестве и в жизни. Мэн Хао-жань демонстративно не служил, а сановника Бо Цзюй-и тяготила его чиновничья карьера, доставлявшая ему немало огорчений и даже страданий: за справедливость суждений, за резкое слово поэта не раз высылали на окраины громадной страны.

Лишь один из представленных здесь трех поэтов, Бо Цзюй-и (он жил позднее всех и уже больше знал), возвысил свой голос против угнетения народа феодальной верхушкой, прямо, без обиняков сказал об этом в своих стихах и поплатился за это. Но и то множество стихов Бо Цзюй-и, в которых он, как Мэн Хао-жань или как общий их учитель Тао Юань-мин, наслаждается покоем на лоне природы, тоскует по другу, рад встрече с другом, размышляет о поэзии, — все эти стихи, подобно стихам Тао Юань-мина, надо понимать как протест против феодального общества, против паразитической жизни той правящей группы, к которой по рождению принадлежали упомянутые поэты.

И тогда перед нами раскроется вся глубина прекрасной лирики тех далеких времен, наполненность ее гражданской скорбью, общественная ее значительность.

← «БЕРЕГ РЕКИ». *Вырезка из бумаги.*

Тао Юань-мин

ИЗ СТИХОВ „ЗА ВИНОМ“

Я поставил свой дом
В самой гуще людских жилищ,
Но минует его
Шум телеги и стук копыт.
Каждый спросит у вас:
Как же может такое быть?
Вдаль умчишься душой —
И земля отойдет сама.
Хризантему сорву
У восточной стены в саду,
И порадую взор:
Южных гор предо мной гряда.
Как дыханье горы
Благодатно на склоне дня,
Когда птицы над ней
Чередою летят домой!
В этом, самом простом,
Я нашел настоящий смысл.
И хочу рассказать —
И уже я забыл слова.

ИЗ СТИХОВ „В ПОДРАЖАНИЕ ДРЕВНЕМУ“

Далеко на востоке
Живет неизвестный ученый,
И одет он всегда
В неприглядное бедное платье,
И из дней тридцати
Только девять он сытым бывает,
И лет десять, не меньше,
Он носит бессменную шапку.
Горше этой нужды
И не встретишь, наверно, на свете,
А ему хоть бы что —
Всем доволен ученый и весел.
Как же мне не хотеть
Повидать человека такого!
И пошел я с утра
Через реки и через заставы.
Вижу, темные сосны,
Сжимая дорогу, теснятся.
Вижу, белые тучи
Над самою кровлей ночуют.

А ученому ясно,
Зачем я его навещаю.
Сразу лютню берет,
Для меня вдохновенно играет.
Тронул верхние струны —
С подругой прощается аист.
Тронул нижние струны —
Луань[1] там поет одинокий...
Я хотел бы остаться
Пожить в вашем доме, мне милом,
Прямо с этого дня
И пока нас зима не застигнет.

Мэн Хао-жань

НОЧУЮ НА РЕКЕ ТУНЛУЦЗЯН. ПОСЫЛАЮ СТАРОМУ ДРУГУ.

сумраке гор
Где-то слышится плач обезьян.
Волны реки
Мчатся мимо в ночной темноте.
Ветер поет
Среди листьев на двух берегах.
Светит луна
Над одним сиротливым челном.
Место Цзяньдэ —
Не родная моя сторона.
Здесь я Вэйян
Вспоминаю, где друг мой живет.
Вот соберу
Два потока мной пролитых слез,
Их отошлю
Вдаль на западный берег морской.

Бо Цзюй-и

НОЧЬЮ В ДОМЕ НАД РЕКОЙ ЧИТАЮ СТИХИ ЮАНЯ ДЕВЯТОГО[2]

рошедшею ночью
В том доме над самой рекою
Я пел до рассвета,
Так было стихов твоих много.
Слова разлетались
Под красной резною решеткой,

И падали рифмы
Пред быстро бегущей рекою.

И чисты и четки
В гармонию звуки сливались,

Возвышенно-тонки
Вошли в совершенное мысли.

Ты взял в свои песни
Сияние белого снега,

Для них захватил ты
Лазурного облака прелесть.

В них каждый отрезок —
Литая из золота строчка,

Узоры двойные —
Нефритом скрепленные пары.

Ветро́в сразу восемь
Возникло в холодной пустыне,

В пять радужных красок
Зажженный пожар полыхает.

Петлей ледяною
Свиваясь, звук стынет за звуком,

Жемчужною низью
Круглятся за знаками знаки.

В поэмах созвучья
Сплетаются, вышивки тоньше,

Их кости и мышцы
Нежнее и мягче, чем хлопок.

Бурлят и клокочут,
Вздымаясь кипящей волною,

Поют, разливаясь,
Звучней, чем свирели и струны.

Медовый источник
Забил, из земли вырываясь,

Напев величавый
Нисходит с высокого неба.

И духи и бесы,
Внимая, как будто рыдают,

И рыбы-драконы,
Услыша, застыли в молитве.

В кругу своем звезды
Смятенно сбиваются в толпы,

Луна, опускаясь,
На время осталась послушать.

Растрогались гуси —
Они тишины не нарушат,

Грустят обезьяны —
И те погрузились в молчанье.

И льются ручьями
У ссыльного странника слезы,

Свой путь прерывает
Торговца проезжего лодка...

О песнях украдкой
Певицы тебя умоляют,

Мы внемлем неслышно
Тоскующих жен перепевам.

Косыми рядами
Стих пишут на стенах белёных,

Короткие строфы
На красной бумаге выводят.

Вкус мяса забудешь
В часы наслажденья стихами,

Болезни проходят,
Как только за песни возьмешься.

Чжан Цзи [3] их узнает —
И падает ниц от восторга,

Ли Шэнь [4] их услышит —
И просто рыдает от счастья.

Путь-дао [5] извилист,
Но гений на нем лишь воспрянет,

В свободе от службы
Поэзия станет призваньем.

Велением неба
Твой голос величия полон,

По правилам жизни
Влачишь свои дни в неудачах.

Я вижу, как слабы
Стихи, что написаны мною,

Я знаю всю силу
Души и талантов другого.

В старанье, в работе
Хоть мы и добились того же,

Но тонкость и грубость
Все с разных сторон повисают.

Мы каждый имеем
По тысяче созданных песен,

Заброшены оба
На берег далекого моря.

И пряди седые
От песен все больше белеют,

И взглядом любовным
Мы оба сквозь даль проникаем.

Нам письма поэтам
Мешают трапезовать утром,

И в поисках слова
Мы глаз по ночам не смыкаем.

На старости платим
Долгов поэтических бремя,

Навечно связали
Мы судьбы свои с письменами.

Мы часто вздыхаем
О Чэне [6] — философе мудром,

Всегда мы тоскуем
О Ли [7] — небожителе павшем.

Их громкая слава
Лишила успехов житейских,

И горечь раздумий
Небесный им век сократила.

Им не было счастья
В их пору найти пониманье,

Что́ им после смерти
Любовь или жалость потомков!

Скорбим друг о друге
Сегодня и мы точно так же.

В Пэньпу я в изгнанье,
Ты в ссылке своей в Тунчуани.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Луань — мифическая птица редкой красоты.

2. Юань Девятый — поэт Юань Чжэнь (779—831) — друг и единомышленник Бо Цзюй-и.

3. Чжан Цзи — поэт. Род. в 765 г., умер в 830 г.

4. Ли Шэнь — поэт. Умер в 846 г.

5. Дао — путь, в данном случае закон изменения и развития всех вещей, закон жизни.

6. Чэнь — поэт Чэнь Цзы-ан (656—698).

7. Ли — поэт Ли Бо (701—762). Столь гениальными, необычными были стихи этого великого поэта, что старший современник Ли Бо — поэт Хэ Чжи-чжан — назвал его небожителем, сошедшим к людям.

Торговец маслом и Фея цветов

Повесть XIV века; автор неизвестен.

Перевод с китайского А. Тишкова

Молодые люди склонны поболтать о «ветре и лунном свете»,
О своих победах над стихиями.
Деньги без красоты не могут внушить искреннее чувство,
Красота без денег ничто.

А если есть деньги и красота,
То ты не должен снисходить до сочувствия.
Кто может соревноваться на поприще любви
С тем, кто заботится о своей прекрасной возлюбленной?

Эти стихи написаны на мотив «Луна над Западной рекой», и в них выражено все, о чем толкуют в веселых домах. Говорят: «Веселые девицы любят красивых, а их хозяйки — богатых». Поэтому посетитель, обладающий красотой Пань Аня * и богатством Дэн Туна **, мог рассчитывать на самый радушный прием, мог стать владыкой в этом пристанище любви и предводителем любовных бдений.

Хоть так и повелось, но все же есть еще нечто более важное, чем красота и богатство, и смысл его заключается в словах: «бан чэнь». Эти два иероглифа, взятые вместе, означают просто «помогать», однако смысл каждого из них в отдельности гораздо любопытнее: «бан» — это верхняя часть туфли, «чэнь» — подкладка. Девушка, обладающая лишь одним достоинством, должна для достижения успеха держаться так, словно обладает десятью, скрывая при этом свои недостатки. Умение принимать покорный вид, давать прохладу летом и оберегать зимой от холода, делать только приятное, избегая того, что не нравится, не упускать ни одной мелочи — разве все это не сулит успеха? Это и называется «бан чэнь» — «помогать».

Лишь тот, кто в совершенстве изучил все эти уловки, преуспевает на любовном поприще; уловки эти делают некрасивого красивым, бедного — богатым.

---

* Пань Ань — знаменитый красавец древнего Китая.

** Дэн Тун — богатейший чиновник во времена династии Хань.

Так, например, во времена династии Тан нищего и отчаявшегося Чжэн Юань-хэ встретила снежным днем Ли Я-сянь; она пожалела его, привела в свой дом, дала ему шелковые одежды, угощала тонкими яствами и стала его женой. Разве он завоевал любовь деньгами, которых у него не было, или красотой, которой не могло скрыть рубище? Чжэн Юань-хэ завладел сердцем Ли Я-сянь благодаря тому, что в совершенстве изучил «бан чэнь». Помните, когда во время болезни Ли Я-сянь захотела супа из конских внутренностей, Чжэн Юань-хэ убил своего любимого коня и сварил суп для больной. Разве могла Ли Я-сянь забыть об этом? Позже Чжэн Юань-хэ был первым на императорских экзаменах и получил звание «чжуаньюань» *, а его жена Ли Я-сянь удостоилась звания владелицы удела Цяньго. Верно говорится:

Когда счастье отворачивается, и золото теряет свой блеск,
Когда счастье улыбается, и железо ярко сияет.

В годы правления первых семи императоров великой династии Сун Тай-цзу и Тай-цзуна, а потом Чжэнь-цзуна, Жэнь-цзуна, Ин-цзуна, Шэнь-цзуна и Чжэ-цзуна военными делами пренебрегали, зато развивалась литература, народ благоденствовал, в стране царил мир. Однако в годы правления восьмого императора — Хуэй-цзуна, который подпал под дурное влияние таких бесчестных министров, как Цай Цзин, Гао Цю, Ян Цзянь, Чжу Мянь, и отличался чрезмерной склонностью к распутству, государственные дела были заброшены, и это вызвало недовольство народа. Улучив момент, чжурчжени ** повергли цветущую и счастливую страну в смятение, а император Хуэй-цзун и Цинь-цзун (в пользу которого первый отрекся от престола) попали в руки захватчиков. Сын Хуэй-цзуна принц Кан спасся от преследования, переправившись через реку на глиняном коне ***, обосновался в Ханчжоу и положил начало разделу страны между Северной и Южной династиями — только таким образом был восстановлен мир. А до этого в течение нескольких десятилетий народ переносил неисчислимые тяготы. Воистину:

Мужали на конях,
Семьей становилось войско.
Убийство превратилось в забаву,
Грабежи стали обычным делом.

Одним из страдальцев был Синь Шань, живший в деревне Аньлао близ столицы Бяньлян ****. Жену его звали Юань-ши. Супруги держали продовольственную лавку и жили скромно. Прошло целых четыре года, и наконец у них родилась девочка, которую назвали Яо-цинь. С детства она была красива и умна; когда ей исполнилось семь лет, родители стали посылать девочку в деревенскую школу, за день она могла выучить тысячу слов и к десяти годам умела читать нараспев и сочинять стихи; чаще всего она читала вслух стихотворение, в котором говорится:

Алый полог повис на золотых кольцах,
Смотрю, одинокая, из беседки на резвящихся уток — и словно веет прохладой,
Принести бы подушку, но боюсь спугнуть неразлучников в гнезде,
Снимаю нагар с фитиля и завидую — даже в нем две нити сплелись.

В двенадцать лет она умела играть на лютне и в шахматы, с успехом занималась живописью и каллиграфией. Она чудесно шила — игла так и летала у нее в пальцах. Девочка была способной от природы и многому научилась сама.

---

* Чжуаньюань — чиновник, выдержавший экзамены в столице.

** Кочевые племена, вторгшиеся в Китай в XI веке.

*** «Глиняный конь переносит через реку принца Кана» — широко распространенная в то время легенда. Принц Кан — девятый сын императора Хуэй цзуна. Спасаясь от чжурчженей, захвативших его отца, принц Кан вскочил на коня, который и перенес его через Янцзы, и лишь на другом берегу беглец обнаружил, что конь глиняный.

**** Нынешний Кайфын; столица во времена династии Северная Сун.

Синь Шань не имел сына, и ему хотелось обзавестись зятем, чтобы получить опору в старости. Но дочь была очень красива и образованна, поэтому Синь Шань ни на ком из вздыхателей не мог остановить свой выбор.

В это время кочевники Цзинь * вторглись в страну и осадили столицу Бяньлян; у императора было много верных ему войск в разных концах государства, но первый министр заключил мир с захватчиками, и потому войска не могли выступить против варваров. В результате кочевники обнаглели еще больше, они разрушили столицу и захватили в плен обоих императоров — Хуэй-цзуна и Цинь-цзуна. Окрестные жители, потеряв голову от страха, в смятении бросали насиженные места и вместе со стариками и детьми уходили куда глаза глядят. Среди беженцев был и Синь Шань; с узлами на плечах плелись он, жена его Юань-ши и двенадцатилетняя дочь. Как бездомные псы, брели они по дороге, как пойманные рыбы, старались выпрыгнуть из сети. Куда стремятся они, терпя голод, холод и трудности? Они возносят мольбы небу, предкам, у них единственное желание — не попасть в руки варварам. Воистину:

Лучше быть собакой в мирные дни,
Чем человеком во время войны.

Варваров беженцы не встретили, но натолкнулись на отряд разбитых императорских войск. Увидев толпу беженцев, многие из которых несли на себе свое имущество, солдаты закричали: «Варвары идут!», у обочины дороги мелькнуло пламя. Смеркалось, обезумевшие от страха люди бросились врассыпную, не обращая внимания друг на друга; солдаты начали грабить беженцев, а сопротивлявшихся убивали на месте. Верно, что одна беда влечет за собой другую, вслед за одним горем приходит другое.

В сумятице девочку Яо-цинь сбили с ног, а когда через некоторое время она поднялась, то не увидела ни отца, ни матери. Не осмеливаясь позвать на помощь, девочка спряталась среди древних могил на кладбище и там провела ночь. Когда рассвело, она увидела лишь тучи пыли, поднятой ветром, и мертвые тела около дороги. Неизвестно куда исчезли люди, вместе с которыми она шла только вчера. Думая об отце и матери, Яо-цинь горько плакала. Куда идти? Дорога незнакома, и девочка, вся в слезах, отправилась на юг. Пройдя около двух ли, она почувствовала усталость и голод. Вдруг впереди она заметила хижину. Надеясь найти там людей, утолить голод и жажду, девочка ускорила шаг и вскоре очутилась перед полуразрушенным пустым домом, хозяева которого бежали. Присев около глинобитной стены, Яо-цинь горько заплакала.

В старину говорили: «Без случайных совпадений не может быть рассказа». Так вот именно в этот момент мимо проходил человек. Звали его Бу Цяо, и был он соседом Синь Шаня. Бездельник и бродяга, он всегда норовил поживиться за чужой счет. Все его звали не иначе как Бу-Бродяга. Он тоже отбился от группы беженцев, разогнанных солдатами, и шел теперь один. Услышав плач, он поспешно приблизился, чтобы узнать, в чем дело.

Яо-цинь, увидев в столь несчастливый день соседа, обрадовалась ему, как родному. Девочка вытерла слезы, поднялась и спросила: «Дядюшка Бу, вы не встречали моих родителей?».

Бу Цяо подумал, замышляя недоброе: «Вчера солдаты обобрали меня до нитки, и вот небо посылает мне это сокровище». И солгал девочке так:

— Отец и мать искали тебя, но не нашли и очень горевали. Теперь

* Династия одного из кочевых племен чжурчженей (1115—1234 г.г.)

они двинулись дальше, наказав мне: «Если увидишь нашу дочь, приведи ее к нам». И обещали щедро наградить.

Яо-цинь была умная девочка, но иной раз и мудрец попадает впросак. Ни о чем не подозревая, Яо-цинь пошла вместе с соседом.

Бу Цяо накормил девочку — у него была с собой еда — и сказал при этом:

— Твои родители идут даже по ночам, и если мы их не догоним, то встретим только в Цзянькане — на том берегу Янцзы. А в пути разреши мне называть тебя дочерью, ты же зови меня отцом — и все обойдется.

Яо-цинь согласилась, и с этого часа, вместе передвигаясь по суше и по воде, они называли друг друга отцом и дочерью. По прибытии в Цзянькан они узнали, что У Шу — четвертый сын повелителя кочевников — переправляется со своими войсками через Янцзы и намерен захватить Цзянькан; они услышали также, что в Ханчжоу провозгласил себя императором Кан Ван, а город переименован им в Линьань. Прибыв сюда, Бу Цяо и Яо-цинь остановились в гостинице.

Проделав путь в три тысячи ли да еще с девушкой, Бу Цяо истратил то немногое, что у него было, пришлось даже расстаться с халатом, чтобы расплатиться с хозяином гостиницы. Приспело время продать живую вещь — Яо-цинь. Он разузнал, что одной из содержательниц веселых домов на озере Сиху, некой Ван Цзю-ма, нужны девушки. Он привел Цзю-ма в гостиницу поглядеть товар и договориться о цене. Красота Яо-цинь произвела на содержательницу веселого дома большое впечатление, и она согласилась дать за девушку пятьдесят лян серебра. Бу Цяо, получив серебро, отвел Яо-цинь в дом Ван Цзю-ма.

Бу Цяо был человек умный. Хозяйке веселого дома Ван Цзю-ма он говорил:

— Яо-цинь — моя родная дочь, я вынужден оставить ее в вашей семье, достойно воспитайте ее, она послушна, обращаться с ней надо мягко.

А Яо-цинь он говорил:

— Цзю-ма — моя ближайшая родственница, поживешь пока у нее в семье. А я найду твоих родителей и сразу же вернусь за тобой.

Яо-цинь радостно вошла в дом к Цзю-ма.

Сожаления достойно, когда умнейшие девушки
Попадают в сети хозяек веселых домов.

Ван Цзю-ма, заполучив к себе Яо-цинь, переодела ее во все новое, поселила в дальней комнате своего дома, вкусно кормила, поила, утешала ласковыми словами.

Поначалу жизнь Яо-цинь спокойно текла в этом доме; но прошло несколько дней, от Бу Цяо не было никаких известий, девушка вспомнила о своих родителях и, плача, спросила у Цзю-ма:

— Почему дядюшка Бу не приходит проведать меня?

— Какой такой дядюшка Бу? — ответила Цзю-ма.

— Дядюшка Бу, который привел меня сюда, к вам.

— А он же говорил, что он твой отец.

— Его фамилия Бу, а моя — Синь.

И девушка подробно рассказала о бегстве из города Бяньлян, о том, как она потеряла родителей и встретила Бу Цяо и как добрались они до Линьани.

— Вон оно что, — сказала Цзю-ма, выслушав рассказ девушки, — ты сирота, беспомощная, как краб без лапок, и я скажу тебе всю правду. Этот Бу продал тебя мне за пятьдесят лян серебра. Ты попала в такой дом, где зарабатывают на жизнь, торгуя своим телом. У меня есть еще несколько девушек, но они не такие красивые, как ты, я буду обращаться

с тобой, как с родной дочерью, буду следить, чтобы у тебя всегда были вкусная еда и красивые одежды.

Громко зарыдала Яо-цинь, узнав, как обманул ее Бу Цяо.

После этого хозяйка дала девушке другое имя — Мэй-нян, стала учить ее пению и танцам и учила до тех пор, пока девушка не достигла в этих искусствах совершенства. К четырнадцати годам она стала необычайно красивой, и богатые городские бездельники всячески ее домогались. Они подносили ей щедрые подарки: одни,— чтобы насладиться созерцанием ее красоты, другие, — чтобы получить от нее стихотворение или надпись, начертанную ее рукой. Вскоре слава о ней прошла по всей стране, и ее стали называть не иначе, как «Фея цветов».

На берегах Сиху даже сложили песню, в которой говорится о достоинствах Феи цветов:

Кто из девушек сравнится с нею красотой?
И рисовать умеет, и писать стихи, и петь, и танцевать.
Часто сравнивают озеро Сиху с красавицей Си Ши*,
А Си Ши далеко до Феи цветов.
За то, чтобы насладиться ею,
Каждый без раздумья пойдет на смерть.

Слава Мэй-нян была столь велика, что в свои четырнадцать лет она получила уже несколько предложений «расчесать волосы»**. Но девушка отказывалась, и Цзю-ма не решалась принуждать ее, ведь Мэй-нян — драгоценное сокровище.

Прошел еще год, и Мэй-нян исполнилось пятнадцать лет. Цзю-ма стала убеждать девушку принять гостя. Мэй-нян отказалась наотрез:

— Я буду принимать гостей только в том случае, если повидаю своих родителей и они прикажут мне делать это, — сказала она.

Цзю-ма сдержала гнев, неволить девушку не стала, решила некоторое время выждать.

Однажды к Цзю-ма явился человек по фамилии Цзинь, из очень богатой семьи, и предложил ей триста лян серебра за то, чтобы Мэй-нян «расчесала волосы». Получив такое огромное богатство, Цзю-ма решила пойти на хитрость и сказала щедрому гостю, как тот должен действовать, если хочет добиться успеха. Цзинь согласился.

На другой день, пятнадцатого августа, он пригласил Мэй-нян на озеро полюбоваться игрой волн. Вместе с ними в лодку село несколько прихлебателей Цзиня, все они знали о том, что готовится. Играли в застольные игры, проигравший выпивал чарку вина, и Мэй-нян мало-помалу сильно охмелела. Ее принесли домой, уложили в постель, девушка потеряла сознание.

В пятую стражу *** Мэй-нян очнулась и поняла, что ее обесчестили, хитростью превратили в продажную женщину. Сетуя на свою несчастную судьбу, она поднялась с постели, оделась, легла на стоявшее рядом бамбуковое ложе, повернулась лицом к стене и начала тихонько плакать. Вошел Цзинь и попытался успокоить ее, но девушка исцарапала ему лицо. Цзинь помрачнел, дождался рассвета и, сказав хозяйке «я пошел», удалился. Цзю-ма хотела остановить его, но Цзинь уже был за воротами.

По установившейся традиции гость, ради которого девушка «расчесывала волосы», с самого утра принимал сначала поздравления хозяйки дома, а потом — всех живущих в этом доме девиц и устраивал для них пир, продолжавшийся несколько дней. Большинство гостей в таких случаях оставалось со своей возлюбленной на один-два месяца, некоторые —

* Знаменитая красавица древнего Китая.

** Девственницы в веселых домах заплетали волосы в косы; лишь приняв первого гостя, они расчесывали волосы.

*** В Китае часть суток, с семи часов вечера до пяти утра, делилась на пять двухчасовых отрезков времени — страж.

по крайней мере на две-три недели, но сразу покинуть дом, как это сделал Цзинь, — такого никогда еще не бывало. Удивленная этим Цзю-ма наскоро оделась, поднялась к Мэй-нян и увидела, что она лежит вся в слезах. Цзю-ма пыталась утешить девушку, но та продолжала плакать и ничего не отвечала; хозяйке пришлось уйти ни с чем.

Мэй-нян проплакала весь день и не притронулась к еде. Сказавшись больной, девушка не захотела выходить из своей комнаты и принимать гостей. Цзю-ма начала терять терпение. Надо бы с девушкой обходиться построже, но она натура своенравная, не подчинится, станет еще строптивее; хозяйка хотела на девушке заработать, но если Мэй-нян не будет принимать гостей, то какой от нее прок...

Несколько дней хозяйка пребывала в нерешительности — не знала, что бы ей предпринять. И вдруг она вспомнила о своей названной сестре Лю Сы-ма, женщине с хорошо подвешенным языком; она часто бывала в доме Цзю-ма, и Мэй-нян относилась к ней с доверием. Почему бы не пригласить ее? А если сестре удастся уговорить непокорную девушку, то придется не поскупиться на жертвоприношения богу удачи. И хозяйка послала одного из слуг, Бао Эра, к сестре, а когда та пришла, рассказала ей о своих затруднениях.

— Я — Суй Хэ и Лу Цзя * среди женщин, — сказала гостья, — захочу — Ло Хань ** влюбится, захочу — Чан Э *** выйдет замуж. Я помогу тебе в этом деле.

— Если ты все уладишь, то я буду тебе так благодарна, — говорила хозяйка. — А сейчас попей-ка чаю, чтобы во время беседы у тебя не пересохло во рту.

— Я могу говорить хоть до утра — во рту у меня никогда не пересохнет.

Гостья выпила несколько чашек чая и поднялась наверх. Дверь в комнату Мэй-нян была заперта. Лю Сы-ма легонько постучала и позвала: «Племянница!» Мэй-нян, узнав голос Сы-ма, отворила дверь. Сы-ма вошла, села, поглядывая на стол. Мэй-нян расположилась рядом с гостьей.

На столе был разостлан кусок шелка, на котором девушка, видимо, только что нарисовала фигуру красавицы, но не успела еще пройтись по ней цветной тушью.

— Ах, как замечательно нарисовано! — воскликнула гостья.— Да ты же прямо мастерица! Сестре просто повезло, что к ней попала такая красавица, такая искусница. Вторую такую, как ты, не сыщешь в Линьани и за груду золота!

— Не смейтесь надо мной, тетушка, — отвечала Мэй-нян. — Каким ветром вас сегодня сюда занесло?

— Я давно собиралась проведать тебя, да все — дела, дела, нет времени, — болтала гостья. — Услышав, что ты «расчесала волосы», я поспешила прийти поздравить тебя и свою сестру.

Мэй-нян, услышав слова «расчесала волосы», вспыхнула и безмолвно склонила голову. Сы-ма, понимая смущение девушки, пододвинула свой стул поближе, взяла ее руки в свои и заговорила:

— Дитя мое, девушке в таком доме, как этот, нельзя быть недотрогой. Если ты будешь такой пугливой, то никогда не заработаешь много серебра.

— А зачем мне серебро? — отвечала Мэй-нян.

— Дитя мое, если тебе не нужны деньги, то разве они не пригодятся

---

* Суй Хэ и Лу Цзя — государственные мужи начала династии Хань, мудрость и красноречие которых вошли в поговорку.

** Ло Хань — буддийский святой.

*** Чан Э — жена мифического стрелка И, бежавшая на луну.

той, которая воспитывает тебя и ухаживает за тобой? Еще в старину говорилось: «Живущих у гор — кормят горы, живущих у воды — кормит вода». У сестрицы есть другие девушки, но кто из них может сравниться с тобой? У нее в огороде ты — единственная тыква, которая может ей дать семена. Сестра и содержит тебя не так, как других девушек. Ты — умница и все должна понять. Я слышала, что ты, «расчесав волосы», не желаешь принимать никого из гостей, но какой в этом смысл? Если все будут поступать так же, то на что все вы будете жить? Сестра всегда была так добра по отношению к тебе, и ты должна чем-то отплатить ей за это, ведь иначе ты восстановишь против себя остальных девушек.

— Ну и пусть! Чего мне бояться! — отвечала Мэй-нян.

— Это пустяки! А знаешь ли ты, что тебя ждет, если ты перестанешь упрямиться? — сказала Лю Сы-ма.

— А что? — спросила Мэй-нян.

— Мы, хозяйки веселых домов, во всем зависим от наших девушек, и если нам, по счастью, удается заполучить девушку, подобную тебе, то это все равно, как если бы большая семья приобрела тучное поле. Мы растим ее, пестуем. И вот наступает время «расчесывать волосы», для нас это — время сбора урожая, мы надеемся вернуть затраченное. Нам хочется, чтобы девушка радушно встречала нового гостя у главного входа, выпустив прежнего через другую дверь. Один из гостей пришлет рис, другой — дрова; веселье, всевозможные развлечения — вот какая уготована тебе жизнь.

— Нет, не буду я этим заниматься, — отвечала Мэй-нян.

Лю Сы-ма, прикрыв рот рукой, рассмеялась:

— А что же ты будешь делать? В этом доме хозяйка — моя сестра. Если какая-нибудь из девушек ее не слушается, непокорную беспощадно наказывают кнутом, и гордячка делает все, что положено. Сестра никогда не подвергала тебя такому унижению и щадила, потому что ты умна и красива. Вот и сейчас она мне много говорила о тебе, о том, что ты очень упряма и не хочешь понять: гусиное перо легче жернова; это ее сильно огорчает, и она просила меня попытаться тебя уговорить. Если ты будешь продолжать упорствовать, то рискуешь вывести ее из терпения, и она отругает тебя или даже побьет, что ты тогда будешь делать? А стоит лишь начать — потом конца не будет колотушкам, и тебе все равно придется покориться, но при этом ты лишишься всех преимуществ и станешь мишенью для насмешек своих подруг. Мой совет тебе: не спорь с моей сестрой, во всем ей доверься и будь счастлива.

— Я из порядочной семьи, — отвечала Мэй-нян, — и завлекли меня сюда обманом; вам, тетенька, будет легче воздвигнуть пагоду в девять этажей, чем уговорить меня. Я лучше умру, чем стану торговать собой!

— Дитя мое, тебе надо выйти замуж — это твой долг, почему ты не хочешь его исполнить? Правда, выйти замуж можно по-разному.

— Как это так по-разному? — спросила Мэй-нян.

— Замуж можно выйти искренне, а можно и притворно, — отвечала Сы-ма. — Можно с горестью, а можно и с радостью; на путь супружества можно вступить благодаря счастливому случаю, а можно попасть на этот путь из-за безвыходного положения; можно завершить этот путь, а можно и не завершать. Запасись терпением, дитя мое, и слушай, я тебе сейчас все это растолкую. Что значит выйти замуж искренне? У каждого талантливого человека должна быть красивая жена, а муж каждой красавицы должен быть талантливым человеком — только так составляются примерные пары. Однако как часто хорошее бывает недосягаемо! Быть исполненным любви и не совершать зла; тот хочет жениться, эта хочет выйти замуж — всем им надо брать пример с бабочек-шелкопрядов, которые до самой смерти не покидают друг друга. Вот это и значит искренне

выйти замуж. Что значит притворно выйти замуж? Какой-нибудь гость полюбил девушку, но он ей не нравится, и она не хочет выходить за него замуж; тогда ей следует разговорами о свадьбе распалить влюбленного, заставить его истратить как можно больше денег. И в самый последний момент под каким-нибудь предлогом уклониться от его нежностей. Если, скажем, важный гость влюбится до безумия в девушку и, хоть сердце ее к нему не лежит, он хочет взять ее в жены и предлагает огромные деньги. Хозяйка, воодушевленная таким предложением, не должна опасаться, что девушка будет отказываться. Ее, паче чаяния, насильно отвезут в дом гостя, а она не захочет повиноваться, не будет соблюдать домашних правил, станет капризничать, скандалить или даже открыто заведет себе любовника; тогда, по установившемуся обычаю, ей придется расстаться с хорошим местом и в течение года или полугода принимать всех подряд, за любые деньги. Вот это значит притворно выйти замуж.

Что значит выйти замуж с горестью? Гость любит девушку, а девушка этого гостя не любит, он донимает ее ухаживаниями. Хозяйка, боясь неприятностей, отдает девушку. А девушка себе не хозяйка, глотай слезы, но иди. А переступила порог — словно в омут, порядки домашние строги, голову без спроса и поднять не смей. Не то наложница, не то рабыня, живи и все время терпи. Вот это значит с горестью выйти замуж.

Что значит выйти замуж с радостью? Девушка, когда уже настала пора выбирать повелителя, случайно сходится с гостем. Видит, что характер у него мягкий, семья порядочная и с достатком, старшая жена добрая, бездетная — девушке хочется стать его женой, рожать ему детей и обрести права хозяйки. И девушка становится женой такого гостя, рассчитывая на благополучие и с течением времени — на определенное положение в доме. Вот это значит выйти замуж с радостью.

Что значит, воспользовавшись случаем, встать на путь супружества? Девушка, уже достаточно пожившая в шумном веселье, в подходящий момент сама выбирает из толпы своих поклонников человека, который ей более всего подходит в мужья, быстро и своевременно выходит из игры и, вовремя образумившись, становится внимательной к избраннику. Это называется, воспользовавшись случаем, встать на путь супружества.

Что значит встать на путь супружества из-за безвыходного положения? Девушка, не имевшая вообще охоты обзавестись повелителем из-за судебного преследования, или из-за самодурства и обмана, или из-за множества долгов, которые невозможно целиком возместить, выходит замуж за кого угодно, лишь бы обрести покой и избавиться от преследователей. Это означает встать на путь супружества из-за безвыходного положения.

Что означает пройти путь супружества? Девица не первой свежести, многоопытная, встретив добропорядочного постоянного поклонника, находит с ним общий язык и привязывается к нему, не разлучаясь с ним до самой старости. Это и означает пройти путь супружества.

Что означает не завершить путь супружества? Скажем, ты влюбилась и хочешь жить вместе с возлюбленным, хочешь пусть ненадолго, но вкусить счастье. Но либо старший в семье не позволяет, либо старшая жена приревнует, и после нескольких скандалов тебя возвращают хозяйке, требуя обратно уплаченные деньги. А в захудалом доме хлебнешь горя — пошлют тебя торговать собой по кабакам. Это означает не завершить путь супружества.

— Если я захочу обзавестить покровителем, то как это сделать лучше? — спросила Мэй-нян.

— Дитя мое, я научу тебя, как надо поступать, чтобы все было хорошо, — отвечала гостья.

— За ваши наставления я вам буду вечно благодарна! — воскликнула девушка.

— Главное во всем этом — войти в дом покровителя, — продолжала гостья. — К тому же ты теперь уже не девственница. Но несмотря ни на что, ты не должна остаться здесь. Именно это должно стать главным в твоей жизни. Но хозяйка на тебя поиздержалась, и если ты не будешь в течение нескольких лет помогать ей и не вернешь с лихвой затраченного, то кто же тебя отпустит? И ты сама, наверно, захочешь выйти замуж за достойного человека, а не за первого попавшегося невежду. А как же ты узнаешь, за кого стоит выходить замуж и за кого не стоит, если ты вообще никого не принимаешь? Если ты будешь продолжать упорствовать и отказываться принимать гостей, то хозяйке не останется ничего другого, как подыскать покупателя и продать тебя ему в наложницы. А если он окажется стариком, или уродом, или невежественным, как буйвол, разве ты не будешь маяться всю жизнь? Уж лучше сразу в воду, тогда хоть посторонние пожалеют. По-моему, тебе следует покориться и делать то, что велит хозяйка. С твоими талантами и красотой ты будешь принимать только богатых и достойных гостей. Ты будешь наслаждаться жизнью, пока молода, дашь возможность своей хозяйке разбогатеть, кое-чего и сама накопишь, чтобы не зависеть от других. А лет через пять-шесть я сосватаю тебе подходящего мужа, и ты выйдешь замуж, как полагается, и хозяйка тебя отпустит.

Мэй-нян слушала, улыбаясь, но молчала. Лю Сы-ма поняла, что ей удалось уговорить девушку.

— Все это я говорила, заботясь только о тебе, ты потом еще благодарить меня будешь, — сказала гостья и поднялась.

Хозяйка Цзю-ма, стоя за дверью, слышала весь этот разговор. Мэй-нян, провожая гостью, увидела Цзю-ма, вспыхнула и отпрянула назад в комнату. А хозяйка снова пригласила Лю Сы-ма посидеть у нее.

— Племянница упряма и неподатлива, словно железо, — говорила гостья, — уж я и так, и этак с ней, пока она не растаяла. Теперь ищи-ка ей побыстрее второго гостя — примет.

Хозяйка благодарила ее, упросила остаться отобедать, они долго ели и пили, и лишь после этого гостья удалилась.

Позднее завсегдатаи веселых домов сочинили про Лю Сы-ма песенку:

Лю Сы-ма, ну и язык у тебя!
Прямо — Суй Хэ или Лу Цзя среди женщин,
В болтовне ты не знаешь поражений.
От твоих речей проснется мертвецки пьяный,
А умный обалдеет.
Даже строптивую девицу тебе удалось уговорить!

После разговора с Лю Сы-ма, Мэй-нян с радостью стала принимать гостей. Стоило ей принять своего второго гостя, и дом стал похож на рынок — столько собиралось в нем посетителей. Молва о девушке ширилась, и каждый вечер посетители добивались ее благосклонности и платили за это даже по десять лян серебра. Хозяйка радовалась доходам. Мэй-нян осмотрительно выбирала себе будущего мужа, но все ее усилия оказывалить тщетными. Воистину:

Легче добыть бесценное сокровище,
Чем найти человека, достойного любви.

А теперь рассказ пойдет о другом. В Линьане, за воротами Цинбо, человек по имени Чжу Ши-лао держал лавку, в которой вел торговлю маслом. Три года назад он усыновил одного мальчика по имени Цинь Чун, бежавшего из Бяньляна. Мать его умерла рано, а когда мальчику исполнилось тринадцать лет, его отец, Цинь Лян, продал мальчика, а сам стал прислужником в буддийском храме. Чжу Ши-лао был стар и не имел наследника, да к тому же недавно овдовел, на Цинь Чуна он смотрел, как на родного сына, дал ему новое имя Чжу Чун — и стал его обу-

чать своему ремеслу. Поначалу дела у них шли хорошо, но потом Ши-лао одряхлел, одолели болезни, и пришлось нанять приказчика, которого звали Син Цюань.

Время летит стрелой, и четыре с лишним года минули незаметно. Чжу Чун превратился в красивого семнадцатилетнего юношу и хотя носил уже шапку совершеннолетнего *, но жены у него еще не было. А в доме у Чжу Ши-лао была служанка по имени Лань-хуа, двадцати с лишним лет. Она стала засматриваться на юношу и несколько раз пыталась «подцепить его на крючок». Но Чжу Чун оказался юношей скромным. К тому же Лань-хуа, неряха и тупица, была ему противна. Увядающим цветам нужно сострадание, но безжалостный поток уносит их безвозвратно.

Потерпев неудачу с юношей, служанка Лань-хуа стала заигрывать с приказчиком Син Цюанем. Приказчику было около сорока, жены он не имел, и служанка без особого труда добилась желаемого. Затем любовники, боясь, что юноша может помешать их встречам, стали думать, как бы выжить юношу из дома. И, наконец, вдвоем придумали. Лань-хуа пошла к хозяину и с притворно добродетельным видом сказала:

— Чжу Чун несколько раз приставал ко мне, он человек безнравственный.

Так как Лань-хуа была для старика более чем служанка, то в нем зародилась ревность. Затем Син Цюань, припрятывавший часть выручен-ных денег, пришел к хозяину и сказал:

— Чжу Чун на дурном пути, он играет на стороне, я несколько раз обнаруживал недостачу денег — это он их берет тайком.

Сначала старик не верил, но они несколько раз повторяли свою подлую ложь и заморочили старику голову. Он велел позвать Чжу Чуна и обругал его.

Чжу Чун был юноша умный и догадался о наветах приказчика и служанки, но уличать их теперь он не хотел — приемный отец мог не поверить, и любовники в этом случае не преминули бы оболгать его еще больше. Он пошел на хитрость и сказал старику:

— В лавке работы немного, двоим там делать нечего. Пусть приказчик Син сидит в лавке, а я пойду с коромыслом торговать на улицах. Выручку буду отдавать каждый день. Таким образом, доходы наши удвоятся.

Старик хотел было уже согласиться, но приказчик снова начал наушничать:

— Не будет он таскаться с коромыслом, за эти несколько лет он прикарманил достаточно денег, он опасается, что вы не дадите согласия на помолвку, и ненавидит вас, он не желает больше оставаться здесь, он хочет жениться и обзавестись своим домом.

Чжу Ши-лао с глубоким вздохом молвил:

— Я-то смотрел на него, как на родного сына, а он мне за добро платит злом. О небо, в немилости я у тебя! Да, да... ведь он — не моя плоть и кровь; делать нечего, надо его отпустить!

Старик дал Чжу Чуну три ляна серебра, летнюю и зимнюю одежду, постель и отпустил его. Добр был Чжу Ши-лао. Юноша не смел медлить, он четырежды поклонился и, громко плача, ушел. Воистину:

Из-за клеветы наложил на себя руки Сяо И,
Из-за наветов покончил с собой Шэнь Шэн**.
Если жертвою клеветы становятся родные сыновья,
То что же удивительного, когда такая участь постигает приемных?

---

* В Китае, достигнув совершеннолетия, юноша надевал головной убор мужчины.

** Сяо И, Шэнь Шэн — сыновья древнейших императоров Китая, оклеветанные недругами и покончившие с собой.

С тех пор как Цинь Лян стал прислужником в буддийском храме, он ничего не слышал о своем сыне.

Чжу Чун, покинув дом Чжу Ши-лао, нанял себе каморку, оставил в ней все свои пожитки, купил замок, запер дверь и отправился бродить по улицам в поисках своего отца. Так безрезультатно прошло несколько дней, и вот что неожиданно случилось с юношей.

За все четыре года, проведенные у Чжу Ши-лао, юноша, отличавшийся примерной честностью, ничего не скопил. Все, что у него было,— это три ляна серебра, которые ему дал Чжу Ши-лао. Для начала их могло хватить, но чем ему в дальнейшем заняться? Поразмыслив, он остановился на торговле маслом, дело это для него привычное, да и во многих лавках его самого давно знали. Он купил себе коромысло для разноски масла, а остальные деньги отдал хозяину одной лавки, заплатив вперед за масло, которое будет брать.

Хозяин этой лавки знал, что Чжу Чун — человек честный. Ему также было хорошо известно, почему, как и когда юноша ушел из дома Чжу Ши-лао. Он считал, что с ним обошлись крайне несправедливо, и решил поддержать его. Он дал юноше по самой низкой цене самого хорошего масла, чистого и светлого, которое выдерживается в сосудах, закапываемых в землю. Торгуя таким хорошим и дешевым маслом, Чжу Чун расширил круг своих покупателей, поэтому сбывать свой товар ему было легче, чем другим торговцам маслом. Жил он очень скромно и на оставшиеся деньги купил необходимые для дома вещи и кое-что из одежды.

Только мысль о том, что он никак не может разыскать отца, не давала ему покоя. «Меня зовут Чжу Чун, и никому не известно, что моя настоящая фамилия Цинь,— думал он,— если отец станет меня разыскивать, то не найдет». И он решил снова взять себе фамилию Цинь.

Когда человек именитый хочет вернуть свою прежнюю фамилию, то подает бумагу в соответствующее учреждение специальному чиновнику, и об этом потом объявляется публично. А как торговцу маслом уведомить людей о том, что он возвращает себе прежнюю фамилию? Чжу Чун и здесь нашелся. На одной стороне бочонка, в котором он разносил масло, юноша крупно вывел иероглиф «Цинь», а на другой стороне — название родного города: «Бяньлян», благодаря этому люди его сразу узнавали. И вскоре в городе Линьань всем стала известна его настоящая фамилия, для всех он был торговец маслом Цинь.

Во втором месяце * в этих местах не очень холодно, но и не тепло. Узнав, что монахи буддийского храма Шаоцин готовятся к девятидневному празднику**, и полагая, что им понадобится много масла, Цинь Чун со своим коромыслом направился к этому храму. Монахи слышали, что у торговца Циня масло лучше и дешевле, чем у других, и все стали покупать масло у него. Поэтому в течение всех десяти дней Цинь Чун снабжал маслом только храм Шаоцин. Воистину:

Скупой никогда не разбогатеет,
Добрый никогда не разорится.

На девятый день, продав масло, Цинь Чун с пустым бочонком на коромысле вышел из храма. Погода в тот день была ясная, и гуляющие сновали, словно муравьи. Цинь Чун направился окольным путем, вдоль озера, любуясь дамбой, розовыми цветами персиковых деревьев, зелеными ивами и словно нарисованными на глади озера лодками, с которых доносились звуки свирелей. Утомившись, он вернулся обратно к храму

---

* Второй месяц — февраль по лунному календарю.

** Наряду с общими буддийскими праздниками, которые отмечаются повсеместно, у каждого храма бывают и свои праздники, продолжающиеся иногда несколько дней.

Шаоцин, снял свое коромысло и сел на камень, вытянув ноги. Неподалеку он заметил дом, огороженный забором из бамбука, за которым сквозь бамбуковые заросли виднелись красные колонны. Он не знал, что это за дом, лишь заметил, что из дверей вышло несколько мужчин в богатых одеждах, их провожала девушка. Стоя на пороге, она попрощалась с мужчинами и вернулась обратно.

Цинь Чун неотрывно смотрел на эту девушку, он еще никогда не видел такого красивого лица, такого гибкого тела. Юношу ошеломила эта красота; будучи добродетельным, он совсем не знал о существовании женщин, которые торгуют собой, и раздумывал над тем, кто же она, эта девушка. В то время как Цинь Чун предавался размышлениям, из дома вышла женщина средних лет с молоденькой служанкой. Увидев бочонок и коромысло, женщина сказала:

— Мы только что собирались идти за маслом, а торговец тут как тут, может, купим у него?

Девушка вернулась за бутылкой, потом подошла к Цинь Чуну и окликнула его. Только теперь юноша очнулся и пришел в себя.

— Сегодня у меня уже нет масла, — ответил он, — я принесу завтра.

Девушка умела немного читать и, увидев написанные на бочонке иероглифы, сказала старшей:

— Фамилия этого торговца Цинь.

Женщине уже было известно о честнейшем торговце маслом по фамилии Цинь, и она сказала юноше:

— Нам каждый день нужно масло; если ты будешь приносить, то я стану твоей постоянной покупательницей.

— Благодарю вас, — отвечал юноша, — я буду приносить масло каждый день и не подведу вас.

Женщина и девушка удалились.

Цинь Чун снова погрузился в размышления. «Кем эта женщина приходится той, которую я только что видел? — думал юноша. — Я каждый день буду приносить масло и рано или поздно увижу ее, а заработаю или не заработаю на масле, неважно».

Только он собрался уходить, как увидел паланкин с пологом из голубого шелка, который несли два носильщика, за паланкином следовало двое молодых слуг, процессия быстро приближалась. У ворот паланкин остановился, а слуги вошли во двор. «Интересно, за кем же это?» — подумал юноша.

Через некоторое время показались две служанки, одна несла ярко-красную подушку, другая — узорчатую шкатулку, сплетенную из пятнистого бамбука, они передали все это носильщикам, а те положили в паланкин под сиденье. Затем вышла сопровождаемая двумя слугами та самая девушка, которую недавно видел торговец маслом, один слуга нес футляр с лютней, другой — несколько свитков и нефритовую свирель. Девушка села в паланкин, носильщики подняли его и двинулись. За паланкином пошли служанки и слуги.

Юноша был удивлен сильнее прежнего. С коромыслом на плече он медленно побрел прочь. Пройдя несколько шагов, он увидел кабачок, стоявший на берегу озера. Обычно Цинь Чун не пил вина; но сегодня после того, как он увидел такую красивую девушку, на душе у него было и радостно и тоскливо, он оставил у входа свое коромысло, вошел в кабачок и сел за маленький стол.

— Вы один или позднее придут ваши друзья? — спросил слуга.

— Один, — отвечал юноша, — принеси мне три чарки самого лучшего вина, какое здесь есть, немного фруктов, а мяса не надо.

Когда слуга наливал гостю вино, Цинь Чун спросил:

— Чей это дом за бамбуковым забором?

— Это дом сына одного богача по фамилии Ци, — отвечал слуга,— а сейчас там живет Ван Цзю-ма.

— А кто та молодая девушка, которую только что унесли в паланкине? — спросил Цинь Чун.

— Это знаменитая красотка, зовут ее Ван Мэй-нян, но все ее называют Фея цветов. Она из Бяньляна, но обосновалась здесь. Она не только мастерица петь и танцевать, она умеет играть на разных музыкальных инструментах, хорошо рисует и пишет, играет в шахматы. К ней ходят только самые богатые и знатные люди и платят по десять лян, чтобы провести с ней одну ночь. А люди помельче и приблизиться к ней не смеют. Сначала она жила за воротами Юнцзинь, но там было тесно, и ее близкий друг Ци вот уже с полгода как уступил ей этот дом,— рассказывал слуга.

Когда Цинь Чун узнал, что девушка, как и он, из Бяньляна, он вспомнил родные места, и его еще сильнее потянуло к ней. Выпив свое вино, Цинь Чун расплатился, взял коромысло и пошел, так рассуждая на ходу с самим собой: «Как жалко, что такая красивая девушка очутилась в публичном доме!» Потом рассмеялся: «А не попади она в этот дом, разве я, бедный торговец маслом, смог бы ее увидеть?» Чем больше он думал, тем смелее становились его мысли. «Человеку дано прожить одну жизнь, травам — одну осень, — размышлял юноша. — Если бы я мог обнимать такую красивую женщину в течение одной ночи, то отдал бы за это жизнь без сожаления!» Но придя в себя, снова думал: «Эх! Таскаюсь я со своим коромыслом и в день зарабатываю несколько мелких монет,— как же могу я мечтать о несбыточном? Совсем как жаба, мечтающая полакомиться мясом лебедя. Никогда мои желания не исполнятся!» И опять его мысли возвращались на землю: «Она ублажает только богатых и знатных, а меня, простого торговца маслом, не пожелает принять, даже если у меня будут деньги». Но тут на ум приходило другое: «Я слышал, что содержательницы публичных домов жадны до денег и готовы принять оборванца, если он заплатит сколько полагается, а тем более меня, у которого достойное занятие. Были бы деньги — она и меня примет! Но где взять столько серебра?» С такими думами торговец маслом возвращался домой.

Вы знаете, какой глупец появился на земле? Мелкий торговец, у которого за душой всего-то три ляна, хочет за десять лян провести ночь со знаменитой красоткой, разве это не безумие? Однако испокон веков говорится: «Тот, кто желает, добьется своего».

После долгих раздумий он, наконец, наметил план действий. «Начиная с завтрашнего дня, — рассуждал он, — я каждый день буду откладывать хоть немного денег. Если я буду ежедневно откладывать один фэнь, то в течение года наберется три ляна и шесть цяней *, через три года у меня будет достаточно денег. А если я каждый день буду откладывать по два фэня, то нужную сумму я накоплю за полтора года; если же откладывать еще больше, то хватит и года». Занятый своими думами, он не заметил, как очутился около своего дома, отомкнул замок и вошел. Все в комнате находилось на своих местах, но после его мечтаний все ему здесь показалось каким-то печальным и унылым. Даже не поужинав, он лег на кровать и всю ночь ворочался с боку на бок, мечтая о виденной им красавице. Воистину:

Только лунноликая красавица
Приносит такие треволнения.

На другой день он поднялся на заре, налил в бочонок масла, приготовил завтрак, поел, закрыл двери и, подхватив коромысло, отправился к дому Ван Цзю-ма.

* Фэнь — одна сотая ляна; цянь — одна десятая ляна.

Пройдя ворота, он не осмелился следовать дальше, а лишь старался изо всех сил заглянуть внутрь дома. Ван Цзю-ма, только что поднявшаяся с постели, с растрепанными волосами, распоряжалась по хозяйству. Цинь Чун, узнав ее по голосу, позвал: «Хозяйка!» Цзю-ма выглянула и, увидев торговца маслом, произнесла с улыбкой:

— Ты и впрямь честный малый! Слову своему верен!

Женщина предложила, чтобы он зашел в дом, принесла бутыль, в которую вошло более пяти цзиней масла; цена оказалась сходной, и довольная хозяйка сказала:

— Этого масла мне хватит лишь на два дня, если ты будешь приходить через день, то я буду покупать только у тебя.

Цинь Чун согласился и ушел со своим коромыслом. Он горевал лишь о том, что не удалось увидеть Фею цветов. «Еще один постоянный покупатель,— рассуждал про себя торговец, — значит, рано или поздно я ее увижу. Только вот в чем дело: тащиться в этакую даль ради Ван Цзю-ма не с руки. Правда, по пути находится храм Шаоцин, и хоть сегодня не праздничный, а обычный день, но разве в обычные дни монахам не нужно масло? Если каждый из них станет моим покупателем, то я здесь смогу сбывать весь мой товар».

Когда Цинь Чун пришел в храм, все монахи захотели покупать у него. Очень быстро масло было распродано, и Цинь Чун договорился с монахами о том, что он будет приходить к ним по четным дням. С тех пор по нечетным дням он торговал в других местах, а по четным — относил масло сначала в дом Ван Цзю-ма, где ему иной раз удавалось увидеть Фею цветов. Если он не видел ее, то грустил и приходил в уныние, зато когда ему удавалось ее увидеть, надежды и желания вспыхивали в нем с новой силой. Воистину:

Небо и земля когда-нибудь придут к своему концу,
А такая любовь и печаль никогда не исчерпают себя.

Уже много раз побывал Цинь Чун в доме Ван Цзю-ма, и все от мала до велика знали торговца маслом Циня.

Время летит стрелой, и год с лишним прошел незаметно. И не было дня, когда бы Цинь Чун сколько-нибудь не отложил — иногда три фэня, иногда — два, но ни разу менее одного. Накопив несколько цяней, он обменивал их на большую серебряную монету. Так шли дни и месяцы, и серебра накопилось много, сколько — даже сам Цинь Чун не знал в точности.

Однажды, в нечетный день, когда шел сильный дождь, Цинь Чун не пошел торговать маслом, он достал мешочек с серебром, и сердце его наполнилось радостью. «Коль сегодня выдался свободный день, надо бы взвесить серебро, узнать, сколько же у меня накопилось»,— подумал юноша. Он взял зонт из промасленной ткани и пошел к серебряных дел мастеру, лавочка которого помещалась напротив. Хозяин пренебрежительно посмотрел на торговца маслом — сколько, мол, у него серебра, что ему понадобилось его взвешивать,— и достал маленькие весы, полагая, что и они окажутся чересчур большими. Цинь Чун развязал мешок, наполненный серебром. Крупных слитков было немного, все больше — мелкий лом. Хозяин лавки, увидев столько серебра, изменился в лице и подумал про себя: «Нельзя судить о человеке по его внешности, нельзя вычерпать море ковшом». Он поспешно достал подходящие весы, принес набор гирь. Серебра у Цинь Чуна оказалось ни мало, ни много — ровно шестнадцать лян.

Цинь Чун подумал: «Не считая тех трех лян, что у меня были, этого достаточно, чтобы расплатиться за ночь с Феей цветов, да еще кое-что останется. Но расплачиваться такой мелочью неудобно, — думал он, — пускай мне здесь эту мелочь переплавят». Он попросил серебряных дел

мастера сделать ему один кусок в десять лян, а другой — в один лян восемь цяней. Из оставшихся четырех лян и двух цяней он заплатил мастеру за труды и купил себе расшитые туфли, новые носки и платок на голову, какие носят образованные люди. Вернувшись домой, он выстирал белье и обкурил его, сжигая веточки ароматичного дерева, купленные заранее. В первый же ясный день от нарядился:

Хотя и не из знатных бездельников,
Но похож на юношу-гуляку.

Цинь Чун оделся очень тщательно, спрятал в рукав серебро, запер комнату и отправился к дому Ван Цзю-ма в наилучшем расположении духа. Но когда он подошел к знакомым дверям, робость овладела им. «Обычно я приходил сюда с коромыслом, продавал масло, — думал он,— а сегодня являюсь как гость, да и как я начну разговор?»

Переминаясь в нерешительности с ноги на ногу, он вдруг услышал женский голос, и из ворот вышла Ван Цзю-ма. Увидев юношу, она сказала: «Ты сегодня не торгуешь, молодой человек, и по какому случаю ты так вырядился? Куда это ты собрался?»

Отступать было некуда: Цинь Чун, набравшись храбрости, склонился в приветственном поклоне.

— Я пришел только затем, чтобы выразить вам свое почтение.

Но у хозяйки веселого дома глаз был наметанный: по выражению лица молодого человека, по его одежде, по его приветствию она догадалась, в чем дело. «Не иначе как влюбился в какую-нибудь из девчонок,— думала она, — и хочет провести с ней ночь. Хотя он и не из высокопоставленных гостей, но чем он ни торгуй — овощами или крабами,— его деньги так же хороши, как и деньги тех, кто покупает его товар». Она расплылась в улыбке и сказала:

— Это похвально, что ты пришел проведать меня, но у тебя, наверно, есть ко мне какое-нибудь дело?

— Да, конечно, но я не знаю, с чего мне начать,— отвечал Цинь Чун.

— А ты не смущайся, — сказала хозяйка, — пойдем в дом, там обо всем и поговорим.

Цинь Чун хотя и бывал в доме Ван Цзю-ма раз сто, но в гостиную его ни разу не приглашали, сегодня он попал туда впервые. Ван Цзю-ма, войдя в комнату, села и крикнула, чтобы принесли чай.

Девушка принесла чай; увидев торговца маслом, она наклонила голову, не сумев удержаться от смеха по поводу того, что его принимает хозяйка.

— Чего смеешься! — оборвала ее Ван Цзю-ма. — Не умеешь вести себя при гостях!

Девушка перестала смеяться, подала чай и удалилась. Только тогда хозяйка спросила:

— О чем ты хотел говорить со мной?

— Я хотел бы с одной из ваших девушек выпить вина — вот и все.

— Только и всего? Выпить вина и ничего более? Ты всегда был такой скромный, с каких пор ты стал думать о девицах?

— Уже в течение долгого времени.

— Ты знаешь всех моих девушек, кто же из них тебе по душе?

— Никто мне не нужен, кроме Феи цветов, я хотел бы провести с нею ночь.

Улыбка сошла с лица Цзю-ма, и она сказала с раздражением:

— Ты что это? Издеваешься надо мной?

— Я человек прямой, — отвечал Цинь Чун, — и всегда говорю только правду.

— У вонючего ушата тоже два уха; разве ты не знаешь, какую

плату я беру за Мэй-нян? Даже если ты продашь весь свой скарб, то не сможешь оплатить и полночи! Выбирай какую-нибудь другую девушку.

— Я никогда не думал, что плата будет настолько велика, — притворно ужасаясь, сказал юноша, — осмелюсь спросить, сколько же тысяч лян надо заплатить за одну ночь с Феей цветов?

Цзю-ма поняла, что торговец насмехается над ней, и уже спокойно, с улыбкой, сказала:

— Ну не столько — всего лишь десять лян, а за угощение плата отдельная.

— Только и всего! Пустяки! — отвечал Цинь Чун, доставая из рукава большой блестящий слиток серебра и передавая его хозяйке.— В этом куске ровно десять лян, возьмите, пожалуйста. — Достав маленький слиток и тоже передавая его хозяйке, продолжал: — В этом слитке почти два ляна, это на угощение. Помогите мне, и я до гроба буду помнить вашу доброту.

Заполучив большой слиток серебра, Цзю-ма уже не хотела выпускать его из рук; но она боялась, что, когда торговец останется без денег, он будет сожалеть о совершенном, и, чтобы обрести твердую уверенность, Цзю-ма сказала:

— Такому человеку, как ты, наверное, не легко накопить столько серебра, так что хорошенько подумай.

— Мое решение непоколебимо, вы обо мне не беспокойтесь,— отвечал Цинь Чун.

— Ну что же. Но впереди много трудностей,— сказала Цзю-ма.

— Вы здесь — хозяйка, какие же могут быть трудности?

— Мэй-нян имеет дело только со знатными и богатыми, а простые люди, как ты, к ней не ходят. Захочет ли она принять тебя, зная, что ты мелкий торговец?

— Тут все будет зависеть от вас, а я век не забуду вашей доброты.

Убедившись, что юноша полон решимости, Цзю-ма нахмурила брови, что-то обдумывая, а затем с улыбкой сказала:

— Я уже кое-что придумала, чтобы помочь тебе, но добьешься ты желаемого или нет, это будет зависеть от тебя самого. Мэй-нян еще не вернулась после вчерашнего пира в доме почтенного Ли. На сегодня она уже приглашена Хуан Я-нэем кататься на озере. Завтра Чжан Шаньжэнь устраивает поэтический вечер с ее участием. Послезавтра сын достопочтенного Ханя будет пировать у меня — об этом уже договорено несколько дней назад. А ты приходи на другой день после этого пира — может, что-нибудь и получится. Но вот что я тебе скажу: в эти дни ты уже не появляйся здесь с маслом, так будет лучше. И еще — такую одежду из простой ткани, как у тебя, знатные люди не носят, ты купи себе одежду из шелка, тогда мои девицы не узнают в тебе торговца маслом Циня, да и мне будет легче действовать.

— Все так и будет,— отвечал юноша и, простившись, удалился.

В течение трех дней он не торговал маслом, а, нарядившись в шелковый, немного поношенный халат, купленный им в закладной лавке, ходил по улицам, подражая манерам знатных и образованных людей. Воистину:

Раз незнакомы обычаи веселых домов,
То изучи сначала их порядки.

Так прошли три дня. Поднявшись на рассвете четвертого дня, Цинь Чун отправился к дому Цзю-ма, но пришел слишком рано, ворота еще были закрыты. Решив прогуляться, он в таком наряде не осмелился пойти к храму Шаоцин, боясь насмешек со стороны монахов. Он погулял по дамбе, с которой открывались красивые виды, и затем вернулся к дому Цзю-ма. Ворота уже были распахнуты, перед ними он заметил паланкин и лошадей, а во дворе — нескольких слуг, сидевших без всякого

дела. Будучи человеком честным, Цинь Чун к тому же обладал осторожностью, поэтому он не вошел в ворота, а молча поманил одного из конюхов и спросил:

— Чьи это паланкин и лошади?

— Присланы за сыном достопочтенного Ханя,— был ответ.

Цинь Чун понял, что юный Хань, остававшийся здесь на ночь, еще не уехал, и отправился в харчевню. Чтобы убить время, он медленно ел, пил чай, потом просто сидел и, наконец, снова вернулся к дому Цзю-ма. Паланкина и лошадей уже не было. Когда он входил в ворота, его встретила хозяйка.

— Ты уж меня извини, но Мэй-нян и сегодня занята. Только что ее увез к себе молодой Хань любоваться первыми цветами сливы. Он мой постоянный гость, и я не могла ему отказать. Я слышала, что они еще хотели ехать в кумирню у Линьинь поиграть в шахматы с известным игроком. Кроме того, два или три раза было обещано свидание Ци Я-нэю. Мы живем в его доме, и отказать ему невозможно. Он же остается дня на три, а то и на пять, если не больше. Если ты хочешь встретиться с Мэй-нян, то тебе придется запастись терпением и ждать. А не хочешь, мне придется вернуть обратно твой щедрый подарок.

— У меня одна печаль: может быть, вы просто не хотите мне помочь, а ждать я могу хоть десять тысяч лет, — отвечал Цинь Чун.

— В таком случае я тебе непременно помогу,— сказала хозяйка.

Цинь Чун стал было прощаться, но Цзю-ма его остановила.

— В следующий раз, — сказала она, — не приходи так рано. Лучше всего приходи к вечеру, я тогда точно буду знать, свободна ли она или нет, и скажу об этом тебе. Я все устрою, ты ни о чем не беспокойся.

— Благодарю вас, благодарю вас, — отвечал юноша.

В этот день Цинь Чун уже не торговал. А на другой день привел в порядок коромысло, вскинул его на плечо и отправился торговать в сторону, противоположную той, где находился дом Ван Цзю-ма. Каждый день, закончив работу и дождавшись вечера, он переодевался и шел к дому Ван Цзю-ма. Так ему пришлось ходить — и все зря! — более месяца.

В пятнадцатый день двенадцатого месяца после сильного снегопада и западного ветра у берегов озера образовался ледок. Закончив свои торговые дела, на которые ушла добрая половина дня, Цинь Чун, как обычно, переоделся и отправился к дому Ван Цзю-ма. Хозяйка встретила его с улыбкой.

— Сегодня тебе повезло, — сказала она, — видно, счастье тебе улыбнулось.

— Какое счастье? — спросил юноша.

— Какое счастье? — передразнила хозяйка. — Ее еще нет дома.

— Но она вернется?

— Сегодня она у Юй Тай-вэя, пируют на лодках, любуясь выпавшим снегом. Но Юй Тай-вэй — семидесятилетний старик, ему уже надо немного, он сказал, что пришлет Мэй-нян дотемна. А ты теперь пройди в комнату для новобрачных, жди ее, пей вино.

— Следую за вами, — отвечал юноша.

Ван Цзю-ма вела Цинь Чуна, сворачивая то вправо, то влево, мимо нескольких строений, и, наконец, ввела его в одноэтажный дом, высокий и светлый. Левая из трех имевшихся в доме комнат была предназначена для служанок, в средней стояли столы, стулья, диваны для приема гостей, а в правой комнате помещалась спальня Феи цветов, пока еще запертая. Обе крайние комнаты имели пристройки. В комнате для гостей висела большая картина знаменитого художника, в древних бронзовых сосудах курились дорогие благовония, на столах были расставлены старинные безделушки, на стенах висело много свитков со стихами. Эти свитки

Цинь Чун особенно не разглядывал, так как многого в них не понимал. «Если здесь так, то как должна быть прекрасна ее спальня,— думал Цинь Чун,— десять лян — не так уж много за ночь, проведенную в этом доме». Цзю-ма пригласила гостя сесть, а сама заняла место хозяйки.

Вскоре служанки принесли светильники, приготовили квадратный стол на восемь человек, на котором тотчас же появились фрукты, большая коробка со сластями, редкие ароматные вина, каких Цинь Чун в жизни не пробовал. Цзю-ма, занимавшая гостя, сказала:

— Сегодня у меня все девушки заняты, мне самой приходится угощать тебя. Отведай вот этого вина.

Цинь Чун, вообще-то пивший немного, теперь, занятый своими мыслями, выпил немного вина и отодвинул от себя бокал.

— Ты что это, хочешь уморить себя голодом, — сказала Цзю-ма, — закуси, выпей еще.

Служанка принесла рис, рассыпчатый и белый как снег, поставила перед Цинь Чуном блюдо с приправами. Хозяйка ничего не ела, только пила вино. Цинь Чун съел чашку риса и отложил палочки.

— Ночь длинна,— сказала Цзю-ма,— поешь еще.

Цинь Чун положил себе полчашки рису. Вошла девушка со светильником в руке и сказала:

— Вода нагрелась, гость может идти мыться.

Перед тем как идти сюда, Цинь Чун уже умывался, но тем не менее отказаться не посмел. Помывшись душистым мылом, он оделся и снова занял свое место за столом. Цзю-ма приказала убрать со стола закуски и подать теплое вино. Уже стемнело, в храме Шаоцин пробили в колокол, а Мэй-нян все еще не возвращалась.

Где веселится красавица?
Возлюбленный ждет ее, не дождется.

Часто говорят: «Кто ждет — тому не терпится». Видя, что Мэй-нян не возвращается, Цинь Чун впал в уныние. Хозяйка, болтая без умолку, угощала Цинь Чуна вином. Так незаметно прошла первая стража. И вот снаружи послышался шум — это вернулась Фея цветов. Вошла служанка и доложила, что Мэй-нян вернулась, Цзю-ма поспешно встала и пошла ее встречать; Цинь Чун тоже встал из-за стола. Служанки под руки ввели сильно опьяневшую Мэй-нян. Переступив порог, она уставилась мутными глазами на ярко горящие светильники, накрытый стол, остановилась и спросила:

— Кто это здесь пьянствует?

— Здесь гость по фамилии Цинь, о котором я тебе говорила, — отвечала хозяйка, — он давно уже относится к тебе с почтением, прислал подарки, но у тебя не было свободного времени, и он ждал более месяца. Сегодня ты свободна, и я пригласила его сюда.

— Ни о каком Цине из этого города я ничего не слышала и не желаю принимать его, — сказала Фея цветов и повернулась, чтобы уйти.

— Он вполне порядочный человек, я же не обманываю тебя, — говорила хозяйка, преграждая дорогу Фее цветов и удерживая ее обеими руками.

Мэй-нян ничего не оставалось как войти в комнату, она подняла голову и увидела знакомое лицо, но кто это — не могла сразу вспомнить, потому что была пьяна.

— Я знаю этого человека, — говорила она, — но он не из знатных гостей, если я его приму, то меня засмеют.

— Дитя мое, это Цинь, который торгует шелком около ворот Юнцзинь,— говорила Цзю-ма, — когда мы там жили, ты ходила к нему, по-

тому он и кажется тебе знакомым. Разве ты его не узнала? Я ему уже обещала, и отказать теперь неудобно, ты уж проведи с ним ночь... Моя оплошность, что так получилось, впредь я всегда буду советоваться с тобой.

Уговаривая так Фею цветов, хозяйка подталкивала ее вперед. Красавице волей-неволей пришлось войти в комнату для гостей.

Цинь Чун слышал весь этот разговор, но сделал вид, будто ничего не слышал. Мэй-нян вошла с поклоном, села сбоку. Она внимательно всматривалась в гостя и никак не могла припомнить, где она его видела, на душе было невесело, сидели молча. Мэй-нян крикнула служанке, чтобы та принесла горячего вина, налила себе в большой бокал. Хозяйка заметила, что следует угощать гостя, а не наливать только себе.

— Дитя мое, ты охмелела, — добавила Цзю-ма, — поменьше пей.

— Я не охмелела,— отвечала Мэй-нян и пила один бокал за другим.

В конце концов она опьянела так сильно, что не могла подняться со своего места. Позвали служанку, чтобы она открыла спальню и зажгла серебряную лампу. Сбросив расшитые туфли, но так и не сняв одежды, не разобрав прически и даже не распустив пояса, Мэй-нян рухнула на постель.

— Избаловала я ее, — говорила Цинь Чуну хозяйка, недовольная поведением Мэй-нян, — не знаю, почему она сегодня такая невеселая, ты уж не сердись на нее.

— Как можно, — отвечал Цинь Чун.

Хозяйка еще несколько раз предлагала гостю вина, но Цинь Чун отказывался. Тогда хозяйка провела Цинь Чуна в спальню и шепнула ему на ухо: — Она пьяна, будь с нею поласковей.— И уже громко позвала: — Дитя мое, встань, сними одежду и спи себе на здоровье.

Мэй-нян ничего не ответила — она уже заснула. Хозяйка вышла. Служанка убрала посуду, вытерла стол и пожелала Цинь Чуну покойной ночи.

— Принеси мне горячего чаю в чайнике,— сказал Цинь Чун.

Служанка заварила крепкий чай, принесла чайник в спальню, прикрыла за собой дверь и ушла отдыхать.

Цинь Чун смотрел на Мэй-нян. Повернувшись лицом к стене, она лежала на парчовом одеяле и крепко спала. Цинь Чун думал, что ей наверно холодно, но не решался разбудить ее. Тут он увидел второе покрывало — красное, перекинутое через спинку кровати. Цинь Чун его тихонько снял и укрыл Мэй-нян, потом прибавил огонь в лампе, взял чайник и, сбросив туфли, лег рядом с Мэй-нян. Прижимая к себе левой рукой чайник, он лежал рядом с Мэй-нян, не смея сомкнуть глаз. Воистину:

Не плясал с дождем, не летал с облаками,
И все же приник к яшме и наслаждается ароматом...

Около полуночи Мэй-нян проснулась, хмель еще не прошел, мутило. Она села на постели, стонала, сжимая голову руками, старалась подавить приступ тошноты. Цинь Чун тоже быстро сел, отставил чайник и, понимая, что Мэй-нян нехорошо, принялся тереть ей спину. Мэй-нян долго крепилась, но ничего с собой не могла поделать, началась рвота. Боясь, что она испачкает покрывало, Цинь Чун расправил рукав своего халата, поднес его к лицу девушки, она ничего не соображала, ее рвало. Рвота кончилась, и она все еще с закрытыми глазами попросила пить. Цинь Чун соскочил с постели, осторожно снял халат и положил его на пол, потрогал чайник и убедился — еще горячий; в чашку со звоном ударила ароматная струя, Цинь Чун поднес Мэй-нян чашку крепкого чаю. Мэй-

нян выпила две чашки, ей стало легче, но, чувствуя сильную усталость, она снова упала на постель и, повернувшись лицом к стене, заснула. Цинь Чун старательно очистил рукав халата, повесил его на спинку кровати, потом лег на постель, обнял девушку.

Мэй-нян проснулась, когда уже рассвело, она повернулась и, увидев рядом с собой мужчину, спросила:

— Кто ты, как тебя зовут?

— Меня зовут Цинь, — отвечал юноша.

Мэй-нян пыталась восстановить в памяти, что произошло ночью; какие-то смутные воспоминания, но ничего определенного.

— Я была очень пьяна? — спросила Мэй-нян.

— Нет, не очень, — отвечал Цинь Чун.

— Меня, наверно, тошнило?

— Нет.

— Это хорошо, — задумавшись, сказала Мэй-нян и добавила. — Я помню, что меня тошнило. Помню, что пила чай. Или это мне приснилось?

— Правда, тошнило, — только теперь признался Цинь Чун. — Заметив, что вы пьете много вина, и зная, что вам будет нехорошо, я приготовил горячий чайник, держа его под халатом. И верно: после того как вас стошнило, вы попросили пить. Я налил чай, и вы выпили две чашки.

— А где же все омерзительные следы случившегося? — спросила Мэй-нян.

— Опасаясь, что вы перепачкаете покрывало, я подставил свой рукав.

— А где все это теперь?

— Вот там, в рубашке.

— Жалко, что испорчена рубашка.

— Моей рубашке посчастливилось, она увлажнилась тем, что находилось в вас.

Мэй-нян слушала и думала про себя: «Какой чуткий, внимательный человек». Она уже прониклась к юноше признательностью.

Совсем рассвело, Мэй-нян встала с кровати, чтобы привести себя в порядок. Разглядывая Цинь Чуна, она вдруг узнала в нем торговца маслом Циня.

— Скажи мне правду, что ты за человек и как ты здесь очутился прошлой ночью? — спросила Мэй-нян.

— Как я осмелюсь говорить неправду, если меня спрашивает Фея цветов, — отвечал юноша. — Я тот самый торговец Цинь, который постоянно доставляет в этот дом масло.

И Цинь Чун подробно рассказал обо всем — о том, как он впервые увидел Мэй-нян, провожавшую гостей, как он затем видел ее садящейся в паланкин, он рассказал о том, как мечтал встретиться с ней и как копил деньги, чтобы осуществить эту мечту.

— Я бесконечно счастлив, что мне удалось провести эту ночь с вами, — закончил свой рассказ юноша.

Мэй-нян выслушала его и с глубоким сожалением сказала:

— Вчера вечером я была пьяна и не приняла тебя как положено. Ты не сожалеешь, что зря потратил так много денег?

— Что вы! — воскликнул юноша. — Вы явились с небес, и я боюсь лишь того, что плохо служил вам.

— Ты бы оставил накопленные деньги для семьи, а не тратил их здесь.

— Я одинок, у меня нет ни жены, ни детей.

— А еще раз ты придешь? — помолчав, спросила Мэй-нян.

— Счастья, которое я обрел прошлой ночью, хватит мне на всю жизнь. Дерзну ли я мечтать о большем? — отвечал юноша.

А Мэй-нян про себя думала: «Редко встретишь такого хорошего человека. Искренний и честный... Заботливый и добрый... Среди тысяч людей не найти подобного человека. Жаль, что он без роду, без племени, будь он из благородных, я стала бы его женой».

Раздумье Мэй-нян нарушила служанка, принесшая воду для умывания и две чашки с имбирной водой. Цинь Чун ополоснул лицо, головную повязку он на ночь не снимал, поэтому не стал причесывать волосы, отпил несколько глотков имбирной воды и собрался прощаться.

— Останься, мы еще не обо всем поговорили, — сказала Мэй-нян.

— Я счастлив тем, что в течение всего этого времени смотрел на Фею цветов, — отвечал юноша, — но каждый человек должен знать свое место. Я и так был чересчур смел, когда пришел вчера сюда. Если об этом станет известно, то о вас будут дурно говорить, поэтому чем скорее я уйду, тем будет лучше.

Мэй-нян задумчиво кивала головой; потом, решившись, выслала из комнаты служанку, торопливо открыла шкатулку, вынула двадцать лян серебра и протянула их юноше со словами:

— Ты столько перенес за эту ночь, возьми серебро и никому не говори об этом.

Цинь Чун отказался. Тогда Мэй-нян продолжала:

— Это серебро досталось мне легко. В эту ночь ты заслужил награду, поэтому не вправе отказаться. Если этого окажется мало, я дам еще в другой раз. А твою испачканную рубашку я прикажу служанке выстирать и пришлю тебе.

— Не беспокойтесь о таких пустяках, я и сам ее постираю. А подарка я не заслуживаю, — отвечал юноша.

— Молчи! — Мэй-нян насильно сунула серебро ему в рукав и подтолкнула его к двери.

Цинь Чун отвесил глубокий поклон и вышел, взяв с собой свою испачканную рубаху и насильно навязанный ему подарок. Когда он проходил мимо помещения хозяйки, его увидела служанка и воскликнула:

— Поглядите-ка — Цинь уже уходит!

Ван Цзю-ма, уже вставшая к тому времени с постели, крикнула:

— Почему так рано уходишь?

— Дела торопят, на днях приду специально поблагодарить вас, — отвечал Цинь Чун.

Он ушел. А Мэй-нян, вспоминая о его доброте, ругала себя за то, что не отдалась юноше. В этот день, сказавшись больной после вчерашнего пира, Мэй-нян отказалась принимать гостей и решила отдохнуть дома. Не вспоминала ни о ком из многочисленных прежних любовников, думала только о Цинь Чуне, весь день только о нем. В народной песне ведь говорится:

Милый, без которого скучаю,
Ты — не завсегдатай веселых домов.
Твой удел — скромное твое ремесло.
Все думаю о тебе —
Ласковом, нежном и заботливом.
Ты никогда не сердишься,
Не бываешь безразличным,
Сколько раз старалась перестать думать о тебе,
Но мысли незаметно снова возвращались к тебе.

А теперь рассказ пойдет о другом.

Приказчик Син Цюань и служанка Лань-хуа предавались любви в доме Чжу Ши-лао, а когда старик заболел и слег в постель, то и вовсе перестали обращать на него внимание. Ши-лао корил их. Тогда любов-

ники сговорились и однажды глубокой ночью прихватили все деньги из лавки и, как говорится в «Книге песен» *, «унеслись беззаботно и весело», неизвестно куда.

Узнав на другой день о случившемся, Чжу Ши-лао попросил соседа найти беглецов. Несколько дней разыскивал их сосед, но поиски ни к чему не привели. Горько раскаивался Чжу Ши-лао в том, что поверил клевете приказчика Сина и выпроводил Чжу Чуна.

— Давно не видел Чжу Чуна, говорят, он поселился около моста Чжунань, торгует маслом вразнос, — говорил он соседу, — лучше бы ему вернуться назад ко мне, умру, так он обо всем позаботится. Боюсь вот только, что он не забыл обиды. Ты уж хорошенько его попроси, пусть помнит только хорошее, а о дурном позабудет.

Узнав обо всем этом, Цинь Чун в тот же день собрал свое имущество и перебрался в дом Ши-лао. При встрече оба они всплакнули. А потом Ши-лао отдал Цинь Чуну все деньги, какие у него оставались. Юноша добавил к ним свои двадцать с лишним лян серебра, снова открыл лавку и стал в ней торговать маслом. Поселившись в доме Чжу Ши-лао, он снова взял себе имя Чжу Чун.

Не прошло и месяца, как Ши-лао стало хуже, ничего ему не помогало, и он — о, горе! — скончался. Чжу Чун, охваченный глубокой скорбью, бил себя кулаками в грудь и, как родного отца, оплакивал Чжу Ши-лао, совершая в течение сорока девяти дней положенные обряды. Родовое кладбище семьи Чжу находилось за воротами Цинбо. Чжу Чун похоронил умершего по всем правилам. Соседи единодушно отметили почтительность и благородство Чжу Чуна. После похорон он снова открыл лавку. В былые времена дела в лавке шли хорошо, но с приходом приказчика Сина торговля пришла в упадок, число покупателей уменьшилось. Сейчас, увидев в лавке молодого Чжу, покупатели стали возвращаться, и торговля пошла лучше прежнего.

Одному Чжу Чуну стало трудно управляться в лавке, и он начал искать себе помощника. Однажды посредник по имени Цзинь привел к нему человека лет пятидесяти. Это был Синь Шань, живший в деревне Аньлао, что около города Бяньлян; в тот год, когда многие в панике бежали на юг, во время нападения солдат, он потерял свою дочь Яо-цинь. В течение нескольких лет Синь Шань с женой скитался по стране, испытывая нужду и страх. Недавно он прослышал, что многие из тогдашних беженцев поселились в этих местах, тогда он специально приехал сюда, надеясь, что и его дочь находится где-нибудь поблизости, но пока поиски были безуспешны. Все, что у него было, он прожил, а без денег его не стали кормить в харчевнях, он оказался в безвыходном положении. Случайно он услышал, как посредник Цзинь говорил, что в лавку к торговцу маслом Чжу нужен помощник; в лучшие времена у него самого была своя лавка, в которой он торговал продовольствием; торговлю маслом он тоже знал, к тому же молодой Чжу родом также из Бяньляна — как-никак земляк, потому он и попросил посредника Цзиня отвести его в лавку Чжу.

Как и бывает при встрече земляков, начались расспросы, и, в конце концов, оба расчувствовались.

— Раз вам с женой негде преклонить голову, живите у меня, — предложил Чжу Чун, — начнем разыскивать вашу дочь, а потом еще что-нибудь придумаем.

Затем Чжу Чун дал Синь Шаню две связки монет, чтобы тот расплатился с долгами, прибрал пустовавшую в доме комнату и поселил там

* «Книга песен» — первый литературный памятник Китая, по преданию составленный Конфуцием.

Синь Шаня и его жену. Супруги старались помогать ему во всем. Чжу Чун был по-настоящему счастлив.

Время летит стрелой, и год с лишним прошел незаметно. Многие, видя, что Чжу Чун еще не женат и что человек он добропорядочный, желали бы отдать ему в жены своих дочерей, но напрасно. Чжу Чун, видевший красоту Феи цветов, не засматривался на обычных женщин, он решил взять в жены только замечательную красавицу. Шли дни за днями, а он поэтому все медлил. Воистину:

Человеку, видевшему море, не толкуйте о воде,
А видевшему гору Ушань не толкуйте про облака.

Тем временем слава о Ван Мэй-нян росла, она была занята с утра до вечера, и, верно, уста ее изнемогали от мяса и сластей, а тело — от шелка и парчи. Но несмотря на это, доля ее не стала легче — то раздражали ревнивые гости, заставлявшие ее исполнять все их любовные причуды, то приходилось страдать от выпитого вина. Иной раз, очнувшись в полночь, когда не от кого ждать утешения, она вспоминала доброту молодого Циня и тосковала о том, что нет возможности снова увидеть его. И в распутной жизни могут произойти перемены. Это случилось через год.

А теперь расскажем о молодом У, появившемся в Линьани, чей отец был губернатором в Фучжоу. Этот молодой У недавно вернулся из Фучжоу и привез с собой много золота и серебра. Он проводил дни в азартных играх и кутежах, охотно посещал театральные представления в веселых домах. Узнав о Фее цветов, с которой он еще не был знаком, молодой У захотел увидеть эту красавицу. Мэй-нян, прослышав о его беспутной жизни, не пожелала принимать его и всякий раз отвечала отказом. Молодой У в сопровождении толпы бездельников несколько раз приходил в дом Ван Цзю-ма, но все напрасно.

В праздник цинмин люди приводят в порядок могилы родственников и отправляются гулять в поля. Мэй-нян устала от прогулок, к тому же накопилось много невыполненных обещаний переписать стихи, нарисовать картины. Приказав никого не принимать, она закрылась в своей комнате, зажгла курильницу с благовониями, разложила «четыре драгоценности» — бумагу, тушь, кисти и тушечницу — и едва только взялась за кисть, как услышала грохот, доносившийся снаружи. Это молодой У с десятком своих слуг явился пригласить Мэй-нян совершить прогулку по озеру. После очередного отказа хозяйки молодой У разгневался и начал ломать мебель и бить посуду. Прорвавшись к дверям комнаты Мэй-нян, он обнаружил, что они заперты изнутри.

В веселых домах практиковался следующий прием: желая избавиться от неугодного посетителя, девушка пряталась в своей комнате и запирала дверь изнутри, а гость безуспешно стучался в запертую дверь и, посрамленный, убирался восвояси. Все эти уловки были хорошо известны молодому У, поэтому он просто приказал слугам сломать замок, а потом распахнул двери ударом ноги. Прежде чем Мэй-нян успела куда-нибудь спрятаться, двое слуг подхватили ее и вытащили наружу. Ван Цзю-ма, хотевшая было заикнуться о положенных подарках, сообразила, что момент для этого совсем неподходящий, и поспешно скрылась. Все домашние — от мала до велика — попрятались так, что и полтени их нигде не было видно. Дюжие слуги молодого У выволокли Мэй-нян за ворота и, не обращая внимания на ее маленькие в узких туфельках ноги, не приспособленные для такого рода прогулок, поволокли Мэй-нян по улице. За ними с довольным видом следовал молодой У. Мэй-нян отпустили лишь после того, как насильно усадили в лодку.

С тех пор как двенадцатилетняя Мэй-нян появилась в доме Ван Цзю-ма, ее холили и нежили, никто не смел с ней обходиться так грубо. Очутившись в лодке, она забилась в уголок, закрыла лицо и громко зары-

дала. Молодой У, все еще разгневанный, без посторонней помощи вскочил в лодку и, глядя в сторону, сел в кресло, а слуги вытянулись вдоль бортов. Приказав отчаливать, молодой У не смог сдержаться и крикнул:

— Подлая! Продажная! Смеет не принимать порядочных людей! Молчи, а не то расправлюсь!

Несмотря на угрозу, Мэй-нян продолжала плакать. Лодка подошла к беседке, У приказал отнести туда ларцы, первый соскочил на землю и крикнул слугам:

— Эй, тащите сюда и эту потаскушку для компании!

Мэй-нян ухватилась за перила, продолжая плакать. Молодой У без всякого удовольствия выпил несколько бокалов слабого вина, сам вернулся на лодку, чтобы сломить упрямство Мэй-нян. Девушка, отбиваясь обеими ногами, заплакала пуще прежнего. Молодой У рассвирепел, крикнул своим молодцам, чтобы они выдернули у девушки шпильки и серьги. Мэй-нян с распущенными волосами взбежала на нос лодки и хотела броситься в воду, но слуги и тут ее схватили.

— Вздумала нас попугать, а мы не из робких! — сказал молодой У. — Подумаешь, утонула бы, для меня это безделица — потеря нескольких лян серебра и только! Не стоило бы тебя и удерживать. Да не реви ты! Отпущу тебя и пальцем не трону.

Поверив, что ее отпустят, Мэй-нян перестала плакать. Молодой У приказал плыть к пустынному берегу, что за воротами Цинбо. Когда подъехали, он сорвал с Мэй-нян расшитые туфли, бинты, стягивавшие ноги девушки,— показались два «золотых лотоса», два нефритовых побега. Приказав слугам, высадить девушку на берег, молодой У крикнул:

— Коли сможешь, потаскуха, добирайся домой сама! У меня нет для тебя провожатых!

И, подталкиваемая шестами, лодка отплыла от берега. Воистину:

Обидеть грубостью женщину легко,
А многим ли известно, как надо ее беречь!

Босой ногой не сделаешь и шага. Мэй-нян, сидя на земле, думала: «Я ведь и красива, и одарена, а из-за того, что я торгую собой, приходится переносить такие унижения. Сколько у меня в прошлом было знатных любовников, теперь я им не нужна после такого позора. Ну вернусь домой, а что дальше? Лучше уж умереть. А умрешь — никто и не вспомнит, хотя имя мое сейчас знаменито. Любая крестьянка лучше меня в десять раз. Это все сладкоречивая Лю Сы-ма уговорила меня, и я попала в это болото, и наконец — сегодняшний день! Издавна у всех красивых женщин несчастная судьба, а у меня — горше всех!» Чем дольше Мэй-нян думала, тем тяжелее становилось на душе, и она снова громко заплакала.

Бывают же случайности! Как раз в этот день Чжу Чун отправился на кладбище за ворота Цинбо, чтобы принести жертвы на могиле Чжу Ши-лао, потом всю утварь отправил на лодке, а сам пошел домой по берегу и вдруг услышал плач. Он глянул вперед — и разве может быть другая такая женщина, разве можно ее не узнать, хоть лицо и закрыто растрепанными волосами!

— Фея цветов, почему у вас такой вид? — спросил он в изумлении.

Горько плакала Мэй-нян, когда вдруг услышала знакомый голос: то был внимательный и заботливый Цинь Чун. Она перестала плакать, взглянула на него, обрадовалась словно родному, и откровенно рассказала о своей беде. Юноша был опечален ее рассказом и тоже заплакал. Потом он достал из рукава кусок белого шелка длиной более пяти чи, которым он вытирал лицо, разорвал пополам и отдал Мэй-нян для бинтования ног. Своими руками отер ее слезы, привел в порядок черные шелковистые волосы, утешал ласковыми словами. Когда Мэй-нян успо-

коилась, юноша попросил ее подождать, пока он сходит за крытым паланкином, и обещал проводить Мэй-нян до самого дома.

Цзю-ма, не зная, что случилось с Мэй-нян, и ничего не разведав, несмотря на все старания, была в ужасном смятении, когда вдруг увидела Цинь Чуна, доставившего Мэй-нян домой. Хозяйка обрадовалась так, словно ей преподнесли драгоценнейшую жемчужину! С тех самых пор она не видела торговца маслом Циня, но слыхала от людей, что он наследовал лавку Чжу, успешно торговал и пользовался у людей куда большим уважением, чем раньше, поэтому она и взирала на молодого человека с должным почтением. Обратив внимание на странный вид Мэй-нян, она осведомилась, что с ней произошло; девушка рассказала о своем горе и о том, как ее спас Цинь Чун. Сердечно поблагодарив юношу, хозяйка пригласила его к столу.

День уже клонился к вечеру, когда Цинь Чун, выпив изрядное количество вина, встал, чтобы проститься. Но разве могла Мэй-нян отпустить его?

— Я с тех пор часто вспоминала о тебе и сожалела, что не могу увидеть тебя, — сказала она, — и сегодня ни за что не отпущу.

Хозяйка тоже стала уговаривать его остаться.

Радость Цинь Чуна была безмерна. В этот вечер Мэй-нян пела и танцевала, как никогда — только для Цинь Чуна. Юноша чувствовал себя, словно во сне, на пиру у небожительницы, душа его трепетала от счастья. Стояла уже глубокая ночь, когда они, взявшись за руки, перешли в спальню...

— У меня есть одна просьба, не откажи мне в ней, — сказала Мэй-нян.

— Если надо, я пойду для вас в огонь и кипящую воду,— ответил Цинь Чун, — разве я могу вам в чем-нибудь отказать?

— Хочу, чтобы ты женился на мне.

— Не смейтесь надо мной, если вы будете выходить замуж даже десять тысяч раз, то и тогда не придет мой черед — я недостоин вас, — отвечал с улыбкой юноша.

— Мои слова идут от чистого сердца, как же можно говорить, что я смеюсь над тобой? С пятнадцати лет, с тех пор, как хозяйка, подпоив меня, «расчесала мне волосы», я стремилась к замужеству. Пока я не общалась с мужчинами, я остерегалась сделать этот решительный шаг. Потом я узнала многих мужчин, но все они были гуляками, пьяницами и развратниками, искавшими удовольствий, — разве среди них можно найти достойного, преданного друга? Единственный честный человек из всех тех, кого мне довелось видеть, это ты. Я слышала, что ты еще не женился. Если тебя не смущает мое прошлое, то я буду верно и преданно служить тебе до самой смерти. А если ты не захочешь взять меня в жены, то я выну кусок белого шелка длиной в три чи и удавлюсь у тебя на глазах, чтобы доказать тебе свою искренность. Это лучше, чем погибнуть в лапах какого-нибудь грубияна, как это чуть не произошло вчера; люди только посмеются над этим и забудут, — закончила Мэй-нян и разрыдалась.

— Не горюйте, — отвечал Цинь Чун, — о вашей любви я не мог мечтать даже во сне, разве я осмелюсь оттолкнуть вас? Но вы женщина знаменитая, а я человек маленький, без имени, смогу ли я должным образом содержать наш дом?

— Это не помеха, — сказала Мэй-нян, — я уже давно начала кое-что откладывать для моего будущего замужества. О моем выкупе тебе тоже не придется беспокоиться.

— Вы купите себе свободу, но как вы будете жить в моем бедном доме, вы, привыкшая к роскоши, к одежде из парчи, к изысканной еде?

— Я готова до самой смерти безропотно носить одежду из простой ткани и есть грубую пищу.

— Хорошо, а если хозяйка не согласится?

— Это я беру на себя.

Так они беседовали до самого рассвета.

И действительно, у Мэй-нян было несколько коробочек и шкатулок с драгоценностями, которые в свое время ей дарили богатые покровители. Под тем предлогом, что они ей нужны, Мэй-нян постепенно доставала их из укромных мест и отдавала Цинь Чуну, чтобы он унес их к себе домой. Затем она села в паланкин и отправилась в дом к Лю Сы-ма просить ее уладить дело с замужеством.

— Об этом мы уже в свое время толковали, — сказала Лю Сы-ма,— но ты еще очень молода, и я не знаю, за кого ты собираешься выходить замуж.

— Об этом человеке вы не беспокойтесь, тетушка, — ответила Мэй-нян, — согласно вашим наставлениям, я собираюсь встать на путь замужества искренне, с радостью и пройти его до конца, а не притворно, с горестями, не завершив его. Я хотела, чтобы вы поговорили с хозяйкой, она вам не откажет. В знак моей почтительности примите, тетушка, вот эти десять лян золота на шпильки. Это за вашу помощь в беседе с хозяйкой. А когда дело будет улажено, будут еще подарки и за сватовство.

Увидя золото, Лю Сы-ма улыбнулась, глаза ее сузились и превратились в щелки.

— Все это похвально, — начала она, — но я не могу взять твое золото, я лишь буду его хранить для тебя. В такого рода делах на меня можно положиться. Твоя хозяйка смотрит на тебя как на денежное дерево и, наверно, не захочет отпустить тебя; а что, если она потребует за это тысячу лян серебра? У твоего возлюбленного найдется столько денег? Хорошо бы с ним встретиться, все обговорить.

— Вы об этом, тетушка, не беспокойтесь, — отвечала Мэй-нян, — о выкупе я уж сама позабочусь.

— Хозяйка знает, что ты отправилась ко мне? — спросила Лю Сы-ма.

— Не знает, — отвечала Мэй-нян.

— Тогда оставайся здесь, поешь чего-нибудь и жди меня. А я пойду, поговорю с твой хозяйкой, вернусь и все расскажу тебе.

Лю Сы-ма наняла паланкин и отправилась к Ван Цзю-ма. Та встретила гостью и провела к себе. Лю Сы-ма спросила о скандале, учиненном молодым У. Хозяйка рассказала все, как было. Затем гостья сказала:

— Для нас, содержательниц таких домов, лучше всего держать девушек средней красоты, доходы все равно будут, а к тому же и покой: принимай, кого хочешь, и девушки всегда будут заняты. А слишком красивая девушка — все равно, что кусок вяленой рыбы, брошенный на землю: каждый муравей норовит вцепиться в него. Сначала может показаться, что это прибыльное дело, но на самом деле — один лишь убыток. А десять лян серебра за одну ночь с такой красавицей — тоже только пустой звук. Знатный гость сплошь и рядом является с несколькими прихлебателями, которые торчат всю ночь до рассвета, а ведь это накладно. С ними нагрянет целая орава слуг, им тоже угождай. Чуть что не так — ругаются, бьют посуду, ломают мебель. И вдобавок еще корят, если после всего этого хозяйка ходит невеселая. А разные вечера со стихами и шахматной игрой, — сколько все это зря отнимает времени, да еще изволь тратиться на угощение! Богатые гости соперничают между собой из-за красавицы, принимаешь одного — другому приходится отказывать, один доволен — другой обижен. Вспомни о скандале с молодым У, вот к чему все это может привести. Тебе еще повезет, если не случится ни-

чего худшего, кроме того, что ты потеряешь красавицу и все вложенные в нее деньги. Ты же знаешь, что судиться с этими людьми у тебя нет возможности. Я слышала, что молодой У все еще зол и что-то против тебя замышляет. А при таком характере, как у нашей красавицы, только и жди беды.

— Да, с красавицей я натерпелась страха, — согласилась Цзю-ма, — взять хотя бы молодого У. Человек он знатный, богатый — не какой-нибудь проходимец, а она ни за что не хотела принимать его, вот и нарвалась на скандал, ей же самой хуже. Когда она была еще совсем молоденькая, то слушалась меня, а сейчас стала знаменитой красавицей, богатые гости хвалят ее на все лады, вот и стала она строптивой да гордой, никакие уговоры на нее не действуют, все делает, как ей вздумается. Приходит, скажем, гость, так она, если захочет, принимает его, а не захочет, ничего с ней не поделаешь, заупрямится — девятью буйволами не сдвинешь.

— Все девицы становятся такими, стоит им только начать пользоваться успехом, — вставила Лю Сы-ма.

— Я вот что хочу тебе сказать, — продолжала хозяйка, — если бы нашелся человек с хорошими деньгами, я бы продала ее и избавилась навсегда от всех этих забот.

— Ты хорошо придумала, — сказала гостья, — ее продашь и вместо нее купишь пять или шесть девушек, а если повезет, то и десять, от такого выгодного дела нельзя отказываться.

— Я уже все хорошенько обдумала, — говорила хозяйка, — власть имущие никогда не дадут настоящую цену; пользуясь своим положением, они всегда норовят купить подешевле. Каков бы ни был покупатель, она все равно отыщет в нем всяческие недостатки и с презрением откажется. Будь, сестра, свахой, найди хорошего покупателя и доведи дело до конца. Если же наша красавица не согласится, то уламывать ее придется опять-таки тебе. Меня она не слушает, только ты одна в состоянии ее уговорить.

— А я как раз пришла к тебе именно по этому делу,— похохатывая, отвечала гостья,— за сколько ты ее отпустишь?

— Сестра, ты женщина умная, тебе хорошо известно, что мы, содержательницы веселых домов, дешево только покупаем, а продаем дорого. Кроме того, Мэй-нян девушка знаменитая, кому в городе не известна Фея цветов? Разве я ее отпущу за три-четыре сотни? За нее я хочу взять по крайней мере тысячу.

— Я пойду поговорю, если покупатель согласится заплатить столько денег, то я вернусь, а не согласится, тогда не жди, не приду, — сказала гостья. И, собираясь уходить, как бы невзначай спросила: — А где сегодня Мэй-нян?

— Лучше и не спрашивай,— отвечала хозяйка,— после скандала с молодым У она боится, что он еще чего-нибудь выкинет, и почти не бывает дома, целыми днями разъезжает по своим покровителям, жалуется на свою беду. Позавчера ездила к одному, вчера — к другому и сегодня, наверно, куда-нибудь уехала.

— Раз для тебя, хозяйка, это дело решенное, то надо, чтобы и Мэй-нян уступила. А если она, чего доброго, будет отказываться, то я ее уговорю. Но только, сестра, если найду покупателя, ты уж тогда не виляй.

— Слово мое крепкое, — сказала хозяйка.

Она проводила гостью до ворот, Лю Сы-ма подозвала паланкин и уехала. Верно говорится:

За словом в карман не лезет — прямо Лу Цзя среди баб,
Болтунья — словно Суй Хэ в юбке.
Если бы у всех был так подвешен язык,
То в луже глубиной в чи вздымались бы волны на высоту в десять тысяч чжан.

Вернувшись к себе домой, Лю Сы-ма рассказывала Мэй-нян:

— Ну, обо всем я договорилась с твоей хозяйкой, и она согласна. Как только деньги будут у нее в руках, считай, что дело сделано.

— Серебро уже приготовлено, — отвечала Мэй-нян, — а вы, тетушка, завтра непременно к нам приходите, доведите уж это дело до конца, не надо допускать, чтобы оно замерзло, иначе придется начинать все сначала.

— Обязательно приду, как договорились, — отвечала Лю Сы-ма.

Мэй-нян простилась с нею и вернулась домой, где ни слова не сказала об этих переговорах.

Само собой разумеется, что на другой день, около полудня, Лю Сы-ма явилась на дом к Ван Цзю-ма.

— Ну как дела? — спросила хозяйка.

— На девять десятых сделано, — отвечала гостья, — теперь надо бы поговорить с Мэй-нян.

Лю Сы-ма прошла в комнату Мэй-нян и после взаимных приветствий спросила:

— Ну как? Виделась со своим возлюбленным? А где же серебро?

— Там, в кожаных шкатулках, — отвечала Мэй-нян, показывая на изголовье кровати.

Мэй-нян открыла одну за другой пять или шесть шкатулок и вынула тринадцать или четырнадцать свертков с серебром по пятьдесят лян в каждом, потом — разных драгоценностей, всего — более чем на тысячу лян. При виде этого богатства глаза Лю Сы-ма заблестели, у нее потекли слюни. «У такой молодой такое богатство, — думала она, — как же ей удалось столько накопить? Мои девицы тоже принимают гостей, но куда им! Какие у них сокровища — несколько монеток в поясе, на которые они купят в свободное время семячек или сластей, а истреплются бинты для ног — так мне самой приходится покупать новые. Вот действительно сестрице неожиданно счастье привалило — уже немало на Мэй-нян заработала, да еще сейчас столько получит. И все это в своем гнезде, без особых трудов». Размышляя обо всем этом, она вслух не произнесла ни слова.

Мэй-нян, заметив, что Лю Сы-ма задумалась, и полагая, что всего этого, по мнению тетушки, недостаточно, поспешно достала еще четыре куска лучшего шелка, две драгоценные булавки и еще две из нефрита, положила все это на стол со словами:

— А эти вещицы, тетушка, примите в подарок за вашу заботу обо мне.

Лю Сы-ма несказанно обрадовалась и, вернувшись к Ван Цзю-ма, сказала:

— Мэй-нян решила сама себя выкупить и готова заплатить, сколько надо. И это лучше, чем продать ее кому бы то ни было. По крайней мере, не придется тратиться на угощение для бездельников, которые не преминут явиться.

Ван Цзю-ма, узнав, что у Мэй-нян в шкатулках столько драгоценностей, помрачнела. И знаете почему? Ведь содержательницы веселых домов — самые алчные из людей, они лишь тогда спят спокойно, когда все подарки, предназначенные для девиц, попадают к ним в руки. А если хозяйка пронюхает, что у какой-нибудь из девиц, что-то завелось в шкатулке, то нарочно спровадит ее куда-нибудь, подберет ключ и все выгребет. Лишь с Мэй-нян она не могла этого себе позволить — ведь она известная красавица, ее посещали только именитые гости, хозяйка на ней и так зарабатывала много, да к тому же и характер у Мэй-нян вздорный. По всем этим причинам хозяйка не осмеливалась вторгаться в спальню к Мэй-нян. Да и кто знал, что у нее столько денег!

Лю Сы-ма, заметив, как Ван Цзю-ма изменилась в лице, и догадавшись, в чем дело, поторопилась продолжить разговор:

— Ты что-то колеблешься, сестрица. Ведь не за твой же счет Мэй-нян все это накопила. Сколько она хотела, столько и тратила. Или разве она давала деньги любовникам, оказавшимся на мели, что, конечно, было бы предосудительным? Ее в этом не обвинишь. А не будь у нее денег, так сейчас, когда появилась возможность выйти замуж, ей пришлось бы, чего доброго, от тебя нагишом уходить? Как бы не так: ты должна была бы одеть ее с головы до ног во все новое. Но сейчас, когда у нее самой столько денег, тебе обо всем этом беспокоиться нечего. И вдобавок ты еще получишь целую кучу серебра. Боишься, что, отпустив Мэй-нян, ты навсегда ее потеряешь? Боишься, что она забудет о тебе, если заживет хорошо? Ну, выйдет она замуж, а ведь у нее нет ни отца, ни матери, ты для нее вроде бабки, так что в накладе ты не останешься.

После этих слов Ван Цзю-ма, скрыв свое разочарование, дала, наконец, согласие. Лю Сы-ма принесла из комнаты Мэй-нян серебро и передала его хозяйке сверток за свертком, потом передала остальные вещи, оценивая вслух каждую из них. При этом она сказала:

— Здесь, сестрица, пожалуй, наберется больше, чем ты запросила.

Лю Сы-ма, видя, что хозяйка забрала выкуп, позвала служителя, тот составил брачный контракт, который она и передала Мэй-нян.

— Раз уж тетушка здесь, то мне хотелось бы сейчас распроститься с этим кровом и дни, оставшиеся до свадьбы, провести у нее. Вы разрешите, тетушка? — спросила Мэй-нян.

Лю Сы-ма, получившая от Мэй-нян так много подарков, все еще опасалась, что хозяйка вдруг возьмет и передумает, поэтому она решила: лучше Мэй-нян сразу взять с собой — и делу конец.

— Ну конечно, поедем ко мне,— сказала она поспешно.

Мэй-нян собралась, уложила все свои вещи, ничего не тронув из имущества хозяйки. Когда все было уложено, Мэй-нян вслед за Лю Сы-ма вышла из комнаты, простясь с хозяйкой и с остальными девушками; Ван Цзю-ма всплакнула. Мэй-нян позвала людей, чтобы они взяли поклажу, радостно уселась в паланкин и вместе с Лю Сы-ма отправилась в путь. Тетушка отвела Мэй-нян тихую комнату, велела перенести туда вещи племянницы. Все ее девицы сбежались приветствовать Мэй-нян.

В тот же вечер Чжу Чун послал к Лю Сы-ма Синь Шаня и узнал, что Мэй-нян уже свободна. Был назначен день свадьбы, жених в сопровождении музыкантов приветствовал невесту в ее доме. В дом жениха ее сопровождала главная сваха — Лю Сы-ма. Новобрачные Чжу Чун и Фея цветов были беспредельно счастливы.

Хоть и было распутное прошлое,
Свадьбы оно не омрачило.

На другой день Синь Шань и его жена захотели посмотреть на новобрачную; они увидели ее и к великому изумлению узнали в ней свою дочь, а невеста — своих родителей. Узнали, и все трое расплакались. Только теперь Чжу Чун догадался, что перед ним — тесть и теща. Усадил их, приветствовал с женой, как положено. Потом созвал друзей и соседей, и все диву давались, узнав об этом. По случаю этой двойной радости Чжу Чун немедля устроил пир.

На третий день Мэй-нян позвала мужа и показала богатые подарки, которые она решила послать своим былым покровителям с сообщением о состоявшейся свадьбе. И через некоторое время каждый из гостей, бывавших в домах Ван Цзю-ма и Лю Сы-ма, прислал ответные подарки.

Спустя месяц Мэй-нян открыла все свои ящички и шкатулки, в которых находились и золото, и серебро, и сучжоуские шелка, и сычуаньская

парча — всего более, чем на три тысячи лян, все это и ключи от шкатулок она отдала мужу, который стал постепенно приобретать дома и другое имущество, приводя в порядок все это хозяйство. Торговлей в лавке теперь занимался тесть Синь. Не прошло и года, как в доме Чжу Чуна появились дорогая мебель, много слуг.

Чтобы отблагодарить богов за их доброту к нему, Чжу Чун дал обет пожертвовать во все храмы округи ароматные свечи и трехмесячный запас масла для неугасимых светильников и, дав обет поститься, отправился в путь. Начал он с храма Шаоцин.

В некоторые буддийские храмы можно было пройти только по горным тропам, а в лодке до них не доберешься. Послав вперед людей с благовониями и маслом, Чжу Чун сел в паланкин и отправился по дороге в храм Тяньчжу. Монах приветствовал его, пригласил в храм. Служитель по имени Цинь зажег курильницу и свечи.

От хорошей и сытной жизни Чжу Чун очень изменился, и поэтому служитель Цинь не мог узнать в нем своего сына. Лишь большие иероглифы «Цинь» и «Бяньлян», написанные на бочонке для масла, привлекли его внимание.

И опять счастливое совпадение. Чжу Чун прибыл в храм именно с этими бочонками для масла. Чжу Чун уже передал свечи, когда служитель Цинь принес ему чай.

— Осмелюсь спросить вашу милость, — обратился он к Чжу Чуну,— что означают эти иероглифы на бочонках с маслом?

Чжу Чун, услышав знакомый говор жителей его родного города, поспешно спросил:

— А почему вас это интересует? Вы тоже из Бяньляна?

— Совершенно верно, — отвечал служитель.

— А как вас зовут и как давно вы переехали в эти места? — осведомился Чжу Чун.

Служитель Цинь подробно рассказал, кто он и откуда родом, сообщив, что в таком-то году, спасаясь от солдат, он добрался до этих мест, из-за сильной нужды ему пришлось отдать своего тринадцатилетнего сына Цинь Чуна в семью Чжу, и вот прошло уже восемь лет, а он из-за своей немощи не спускался с гор, чтобы узнать о судьбе сына.

Чжу Чун обнял его и громко зарыдал.

— Значит, сын по имени Цинь Чун был продан торговцу маслом Чжу,— говорил он сквозь рыдания,— я, для того чтобы разыскать своего отца, написал на бочонках для масла иероглифы «Цинь» и «Бяньлян». Кто знал, что встретимся здесь! Воистину, это благословение неба!

Сбежавшиеся монахи удивленно наблюдали за встречей отца и сына после восьмилетней разлуки.

Чжу Чун в течение всего дня отдыхал в храме Тяньчжу, и долго они с отцом обо всем говорили. На другой день Чжу Чун посетил еще два буддийских храма, расположенных неподалеку в горах, и, вознеся в каждом из них молитвы, снова взял свою настоящую фамилию Цинь. Воскурив в этих двух храмах благовонные свечи и принеся жертвы, он вернулся в храм Тяньчжу и предложил отцу переехать к нему и жить в свое удовольствие. Но служитель Цинь давно уже от всего отрешился, привык к посту и не захотел возвращаться в дом к сыну.

— Отец, мы восемь лет не видели друг друга, — настаивал Цинь Чун, — и я не мог выказать тебе своего почтения. К тому же сын твой женился, и жена должна почтить отца своего мужа.

Отцу ничего не оставалось, как согласиться. Цинь Чун уступил ему свой паланкин, а сам добирался домой пешком. Он дал отцу новую оде-

жду, велел накрыть стол в зале, где отца по заведенному обычаю приветствовали жена и ее родители, принесшие, как положено, подарки.

В этот день был большой пир. Старший Цинь мяса не ел, пил только легкое вино и закусывал его овощами. На другой день собрались соседи. Им было что отпраздновать: во-первых, недавнюю свадьбу, во-вторых, то, что невеста нашла своих родителей, в-третьих, то, что нашли друг друга отец и сын, в-четвертых, то, что молодой муж вернул себе фамилию своих предков. Эти четыре радостных события отмечали в течение нескольких дней.

Старший Цинь не захотел все-же оставаться у сына, он решил уединиться в тиши храма Тяньчжу. Цинь Чун не смел противиться родительской воле. За двести лян серебра он построил для отца небольшой дом вблизи храма Тяньчжу. Раз в десять дней являлся он навестить отца, а раз в четыре месяца приезжал с женой. Старик Цинь прожил более восьмидесяти лет и тихо отошел в мир иной. Похоронили его на горе, где стоял храм.

Цинь Чун и его жена прожили до старости, а два их сына преуспевали в науках. И до сих пор, на языке влюбленных, тех, кто освоил искусство «помогать», называют «юный Цинь» и еще «торговец маслом». Есть и стихи, подтверждающие это:

С приходом весны повсюду распускаются цветы,
Пчелы и бабочки спорят из-за них между собой;
Хоть и было много знатных любовников,
Но куда им до торговца маслом!

Китайские пословицы и поговорки

На устах — мед, а в душе — меч.
От сверкающего копья легко защититься, от тайной стрелы трудно укрыться.
Если срезая сорняк, не выдернешь корень,— оставишь корень беды.
Не убьешь змею сразу — потом раскаешься.
Много волков — мало мяса.
Поспешность таит ошибку.
У большого дерева — большая тень.
Простой человек — святой человек.
Привычка становится натурой.

«МАЙОР ВАТРЕН» *Рис. П. Караченцова*

Арман Лану

МАЙОР ВАТРЕН

РОМАН

Перевод с французского Р. Ралова и Н. Столяровой

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

НОЧЬ В ВЕСЕЛОМ ЛЕСУ

I

Субейрак чиркнул зажигалкой, фитилек загорелся, мерцая в темноте. Разнесся едкий запах. Он напомнил Субейраку полузабытый аромат опавших листьев, которые бабушка жгла осенью в велейском саду, где прошли детские годы Франсуа. Из дому давно не было вестей. В январе, когда он приезжал в отпуск, бабушка показалась ему очень одряхлевшей. «Боже мой, может быть, я больше ее не увижу!» Он вдруг отчетливо представил ее себе: вот она с красной косынкой на плечах, полные румяные щеки — точно спелые яблоки. Бабушка сует ему в руку три новенькие тысячефранковые бумажки — шла сентябрьская мобилизация. Этот жест многое объяснил Субейраку. Она могла бы сообразить, что эти деньги ему не понадобятся, что даже жалованье он будет отсылать домой, оставляя себе лишь на самое необходимое; но память старой женщины начала уже заволакиваться туманом. Субейраку была нестерпимо тяжела мысль, что она, быть может, стоит уже на пороге смерти.

Франсуа поднес зажигалку к часам: без пяти два.

Он зашагал дальше по плохо вымощенной дороге, которая вела от кирпичного завода к шоссе Ретель-Реймс. Ночь была безлунная, но звездная. Прошло уже двенадцать суток со дня вольмеранжской драмы.

Субейрак еще не вполне пришел в себя: только что его крепкий молодой сон был прерван грубым окриком майора Ватрена.

— Эй вы, поднимайтесь! Все бы вам спать да спать!

Можно подумать, что он хоть раз выспался! Не поймешь, как сам-то майор держится на ногах! Он только что проделал девятикилометровый обход своих рот и еще работал над картами, когда Субейраку пришлось покинуть обжигательную печь кирпичного завода, где расположился КП батальона. На их участке уже становилось туго, и эта печь представляла собой превосходное, надежное убежище.

Первая — майская — волна вражеского наступления остановилась в горах к северу от Ретеля. Франсуа не понимал, что заставило ее остановиться: ведь ее напору нечего было противопоставить! С тех пор,

---

Продолжение. Начало см. в № 8 за 1957 год.

правда, им прислали кое-какое подкрепление, но линия фронта бравого батальона самым дурацким образом растянулась на пять километров.

Франсуа отлично разбирался в обстановке, так как на нем лежало теперь составление позиционных карт и планов расположения огневых точек. Это был очередной трюк полковника Розэ. Неделю назад он ни с того ни с сего вздумал перевернуть вверх дном расстановку офицеров: направил взводного командовать ротой в незнакомый батальон, а двух нестроевых офицеров, которые только и умели, что играть в бридж, перевел в строй. В довершение всего он назначил Субейрака адъютантом при майоре Ватрене. Это уж слишком! Ведь Субейрак хорошо и добросовестно исполнял обязанности командира третьей роты, замещая Леонара, пока того неизвестно зачем держали в гарнизоне. И вот теперь он должен сидеть на КП батальона, ведать его охраной и связью. А он не умеет даже соединить как следует концы телефонного провода, и строптивая рация ER 17 с возмущением отвергает все его попытки к сближению. «Я — Жанина. Перехожу на прием. Перехожу на прием». Переходишь на прием, и прямо в уши лезет лай бошей. Майор от ярости вернулся к гонцам времен войны 1870 года. Почему не к почтовым голубям? Да просто потому, что хотя они и предусмотрены специальной инструкцией 1939 года, но до распределения их по батальонам дело так и не дошло!

Слабый свет скользнул по руке Субейрака и по часам, циферблат на мгновение сверкнул. Франсуа ненавидел этот полковой хронометр с шагомером — олицетворение его нового подневольного положения.

Стало еще темнее. Субейрак неуверенно искал место, где следовало свернуть с шоссе и идти дальше уже полем к Арденнскому каналу. Предполагалось, что вдоль всего пути существует ход сообщения, по которому доставляются продовольствие и боеприпасы. Однако на всем своем протяжении траншея нигде не достигала глубины больше тридцати сантиметров. Такова была дурацкая система, принятая этой осенью на Севере. Высшее командование стремилось разветвленной сетью коммуникаций усилить оборону Эско, где тогда стояла их часть. В штабе разработа́ли прекрасную сеть ходов сообщения на многие километры и отдали приказ выкопать сначала неглубокие траншеи по всей длине коммуникаций с тем, чтобы впоследствии прорыть их на большую глубину. Все это очень мило выглядело на аэрофотосъемке, но укрытием могло служить лишь теоретически, поскольку траншеи были прорыты не больше, чем на глубину лопаты. Так обстояло дело и сейчас. Словом, с самого начала эта война была сплошным балаганом.

Субейрак услышал шум, увидел огоньки, похожие на светляков, и наткнулся на солдат, которые рыли окопы.

— Вы какого взвода?

— Пофиле.

— Он спит?

— Сейчас посмотрим.

— Нет, не будите его.

— Господин лейтенант, не желаете ли землянички?

— Да не откажусь,— сказал Субейрак.— Вот уж никогда не доводилось есть землянику в два часа ночи!

Ретельская ночь благоухала земляникой. Аромат ягод смешивался с испарениями свежевскопанной земли. Невозможно разобрать, что происходит на холме, где окопались боши. Ничего не видно, ни звука не слышно. Только сильно пахнет земляникой. Какая она крупная — словно яблоки — эта ретельская земляника.

Субейрак задумчиво посмотрел на север. Он чувствовал за своей спиной Францию — огромное засеянное поле, пораженное спорыньей и

уже изуродованное вражеским нашествием. Где-то там живет Анни, скорей всего она сейчас в Бордо со своей конторой. Анни... он ничего не знает о ней после письма, полученного в Вольмеранже. Где-то там же и бабушка, которая все забывает про войну и спрашивает у его матери, отчего военная служба Франсуа так затянулась в этом году.

Во тьме задвигались тени. Субейрак узнал голос Пофиле. Они поздоровались, не видя друг друга.

— Сдерут с тебя немцы шкуру, Пофиле,— сказал Субейрак: надо же было продолжать балагурить.

— Сало, а не шкуру,— ответил, как обычно, Пофиле.

Но от прежнего добродушного зубоскальства этого офицера-крестьянина не осталось и следа. Пофиле изменился после Вольмеранжа. Несмотря на всеобщее расположение к нему, теперь особенно усилившееся, и несмотря на свою крестьянскую скрытность, Пофиле заметно помрачнел, и эту перемену нельзя было не связать со смертью *«человека»*.

— Кстати, Субейрак,— сказал Пофиле.— Поздравляю! Я ведь тебя не видал с тех пор, как ты заделался штабным!

— Заткнись,— сказал ласково Субейрак.

— Что ни говори, это — повышение. Ты теперь на коне! Надо бы спрыснуть!

— «На коне». Болван! Тут не только коней, тут и клячи-то ни одной не осталось!

— Ну, а как ты ладишь с Ватреном?

— Плохо. Он меня не выносит.

— Да что ты!

— Но ведь наверно они спрашивали его мнение, прежде чем сунуть меня адъютантом в штаб батальона! По-моему...

— Что?

— Ничего.

— Нет, скажи!

Франсуа затруднялся объяснить свою мысль и уже пожалел, что начал этот разговор: продолжать его было невозможно, не упоминая о событии, происшедшем в Вольмеранже.

— По-моему... Ватрен хотел держать меня поближе к себе, чтобы... чтобы следить за мной.

— Зачем?

Субейрак подумал о своей встрече с майором в «Плодах Прованса» и заметил вскользь:

— Не знаю. Он никогда не упускал случая ко мне придраться. Помнишь историю с самовольной отлучкой в Валансьенне? Я тогда отсидел как миленький пятнадцать суток, а тебе — я это не в упрек говорю — все сошло с рук.

— Но ведь у нас было разное положение,— сказал Пофиле.

— В каком же смысле?

— Я женат, а ты — нет.

Субейрак свистнул от удивления. Этот увалень — неплохой психолог.

— Пожалуй, ты прав. Жандарм тебе все спустил только потому, что ты женат, а ко мне он прицепился: ведь я удрал к любовнице!

Со дня мобилизации до январского отпуска это была его единственная встреча с Анни.

— Дай-ка мне сигарету,— сказал Пофиле,— у меня тут осталась только дрянь.

Табачный дым смешивался с испарениями свежей земли. Улыбка погасла на лице Субейрака: местность напомнила ему кладбище над Мозелем.

— Ватрен меня терпеть не может,— проговорил он.— Вот и сейчас он напустился на меня за то, что я сплю!

— Это верно, но все-таки он уже два раза отметил тебя в приказах,— возразил Пофиле.— А я по-прежнему топчусь на месте. Знаешь, кто такой Ватрен? Он крестьянин. Как я. Вот и всё.

— Что «всё»?

— Всё. Он крестьянин.

В спокойном, уверенном голосе Пофиле звучала гордость. Сказать о Ватрене, что он крестьянин,— это, по мнению Пофиле, объясняло все.

— Ты зачем пришел? — спросил Пофиле, шумно, с жадностью затягиваясь.

— Хочу проведать своих старых зебр. Вечно это начальство суется с разными дурацкими затеями. Сперва искалечили мне взвод своими особыми заданиями, а потом и вовсе его у меня отобрали и на мое место поставили моего бывшего помощника.

— Я его знаю, Бушё,— проговорил Пофиле.— Он из Сент-Андре. Болтун и подхалим.

— Кадровый унтер-офицер, любитель пофасонить. Все у него с головы до ног — и обмотки, и штаны, и кепи — не как у людей. Как он трясся, когда нас бомбили на передовых! Сегодня майор приказал ему переправиться со взводом — *с моим* взводом — через канал. Ладно. Этот негодяй доложился капитану, новому человеку, присланному взамен Леонара, маслоторговцу с Уазы. Ну, новичок и сообщает майору: выполнить приказ невозможно, *так как мешает неприятель.* Подумай только: немцы, видите ли, стреляют, когда ему надо перебираться через канал. В результате я сам должен повести своих зебр! Если услышишь перестрелку, тебе придется поддержать нас.

— Идет,— сказал Пофиле.— У меня на канале стоит для прикрытия отделение пулеметчиков. Новости есть? По радио...

— Ничего определенного. Испания заявила, что она будет придерживаться нейтралитета, если Италия начнет воевать. Большая часть армии во Фландрии спасена. Дюнкерк крепко бомбили, когда наши части отплывали в Англию.

— В Англию!

— Да.

— В Англию,— повторил задумчиво Пофиле.— Но ведь...

— И кроме того по последним сообщениям, вчерашним и позавчерашним, враг перешел в наступление между морем и Ланским шоссе в районе Суассона. Немцы пустили в ход две тысячи танков, но наши войска противопоставляют им новую тактику...

В голосе Субейрака звучала горечь. Оба долго молчали, потом Пофиле сказал неожиданно:

— Я хотел бы знать, где сейчас моя жена!

И в самом деле! Его родная деревня — Абанкур, близ Камбре, вероятно, оккупирована! Субейрак был взволнован. Не столько судьбой жены и детей Пофиле, о которых бедняга не имел известий, сколько его подавленностью и мрачностью. Обычно Пофиле вполне владел собой и сдерживал свои чувства, но стоило ему заговорить о своем разоренном гнезде, как в его голосе появлялось ожесточение.

В сущности, майор Ватрен, вероятно, был прав, высказав столь различное отношение к Субейраку и Пофиле в злосчастный день самовольной отлучки в Валансьенне.

— Ну, пока,— сказал Субейрак.— Сдерут с тебя немцы шкуру, Пофиле.

— Сало,— ответил Пофиле.

Но он не смеялся.

Субейрак пошел вниз по склону к Арденнскому каналу. Он плутал в низком кустарнике среди заброшенных карьеров, перепрыгивая через ямы. Ночь окрашивала весь этот мрачный пейзаж двумя тонами: синим — небо и бурым — землю.

В молодом офицере развивались и обострялись чувства, давно утраченные родом Субейраков и лишь ненадолго проснувшиеся в отце Франсуа, пехотном сержанте, во время первой мировой войны. В Субейраке возрождалось умение ориентироваться, появлялось чутье, предупреждавшее его об опасности, о таящихся в ночном мраке людях, кустах, деревьях. Пробуждение этих исконных человеческих свойств наполняло офицера-горожанина чувством странного удовлетворения, гармонировавшим с неясными звуками, доносившимися с полей, где располагались невидимые в темноте солдаты. Всем своим существом он воспринимал полноту жизни. Когда-нибудь он ужаснется при воспоминании об этом, но никогда не сможет ни забыть, ни обрести вновь это ощущение предельного приближения к тому, что называют счастьем.

II

Субейрак различил на фоне звездного неба огромные веретена тополей, окаймлявших канал. Где-то тут, справа, должен находиться его взвод. Он нащупал ногой каменистую дорогу, по которой когда-то шли рабочие, тянувшие канатом баржи. До него донеслись голоса. Он свистнул: «Английские мальчики наставили рога парням с севера». Субейрак больше доверял пиратским привычкам зебр, чем требованиям инструкций. Однако на традиционный окрик «кто идет?», прозвучавший у часового-северянина хриплым невнятным лаем, он ответил: «Пикардия».

— Осторожнее, господин лейтенант, здесь проволока.

Раздались звуки, которые Субейрак распознал бы среди тысячи других: дребезжание пустых консервных банок. Ему захотелось расцеловать своих зебр. Они ничего не забыли, уйдя с передовых. Придя на новое место, они тотчас растянули колючую проволоку и нацепили на нее кастрюли и жестянки из-под мясных консервов, громыхавшие при первом прикосновении.

— Кто там? — окликнул в нескольких шагах звонкий голос.

— Потише, ты! Это лейтенант,— ответил сержант Бодуэн.

Солдатам не пришлось объяснять, какой именно лейтенант. Словно играя в жмурки, Бодуэн водил Субейрака среди запутанных проволочных заграждений, затем оба спрыгнули в кювет, тянувшийся вдоль каменистой дороги. Участок береговой обороны находился здесь у самой дороги и был хорошо замаскирован густой пахучей листвой. Субейрак не сразу вспомнил этот знакомый с детства, резкий гнилостный запах. Это... это была бузина.

— Раз уж вы к нам пришли, господин лейтенант, мы вас больше не отпустим.

— Где Бушё? — спросил Франсуа.

— Дрыхнет,— ответил кто-то презрительно, с парижским акцентом.

— Это ты, Сербрюэн?

— Он самый,— радостно отозвался парень из Гренеля.

— А где Пуавр?

— В отделении Шеваля,— ответил Бодуэн.— Бушё приставил его к ВБ *. Пуавр вне себя от злости!

ВБ — гранатомет, который прикрепляется к стволу винтовки устаревшего образца. С его помощью можно было метать гранаты по глазомеру больше чем на сто метров. Разрыв гранаты соответствовал разрыву снаряда 75-миллиметрового орудия. Гранатомет и гранаты много весили, утяжеляя обычное воинское снаряжение; Бушё, вероятно, нарочно выбрал Пуавру такую нагрузку, в отместку за прежние милости, которые ему оказывал лейтенант! Субейрак сжал кулаки.

— Как прошла попытка переправиться через канал? — спросил он у сержанта.

Чья-то рука протянула ему кружку с дымящейся жидкостью.

— Пейте, господин лейтенант. Это кофе с настойкой.

Бодуэн не торопился с ответом. Субейрак перекладывал из одной руки в другую дурацкую овальную кружку, обжигавшую ему руки. Эта кружка — тоже одна из блестящих идей интендантства! Никогда солдат не мог выпить напиток горячим. Металл обжигал губы, а когда края кружки остывали, напиток был уже чуть теплый! Бодуэн невозмутимо заговорил:

— Осторожнее с огнем, ребята. Это спиртовка, господин лейтенант. Она хорошо замаскирована.

— Я ничего не видел,— сказал Субейрак.— Ну, так как же, Бодуэн?

— Да переправы, собственно, и не было, господин лейтенант. Приказ о ней получило только отделение Шеваля.

Карта боя встала перед глазами Франсуа. Опорный пункт занимал бывший взвод Субейрака, состоявший из трех отделений. При каждом имелся ручной пулемет. Одно из них, во главе с Бодуэном, располагалось слева на каменистой дороге, по которой только что пришел Субейрак. Вторым отделением, стоявшим на триста метров правее, командовал Шеваль, а третье с капралом Лушё находилось позади. Разумеется, Бушё пристроился со своим КП к третьему отделению, позади всех!

— Отделение попыталось переправиться два часа тому назад,— продолжал Бодуэн.— Мы стянули в одно место все лодки. В нас бросили дюжину гранат, но они не долетели и разорвались в воде. А потом стали стрелять справа.

— Фрицы?

— Да нет, наша береговая охрана. Огонь открыл взвод Ватру. Ему ответил немецкий пулемет. Мы слышали, как свистели пули. Вот и всё.

— Как так, всё?

— Да так. Бушё заявил, что двигаться дальше слишком опасно и что он идет доложить обо всем начальству.

— Ну да, в них бросали гранаты,— сказал Субейрак, стараясь быть объективным.

— Господин лейтенант, гранаты бросают каждую ночь. Боши переплывают Эн, прощупывают полосу земли между рекой и каналом и уходят. Днем никого нет. Матиас решил во что бы то ни стало перед вылазкой пробраться туда, и сам все осмотрел. Немцев там нет.

— Матиас. Ладно, я это запомню,— сказал Субейрак.— А пока что ведите меня на КП старшего сержанта Бушё.

Они молча прошли несколько сот шагов по пустырям, оврагам и лугу и остановились перед небольшим сараем. Субейрак толкнул дверь и зажег свой электрический фонарь. Это была садовая сторожка, откуда выбросили все инструменты. Старший сержант Бушё лежал на спине, без куртки, и спал с ангельской улыбкой на лице. Он любил комфорт

* ВБ — оружие системы Виван-Бесьера.

и устроил себе ложе из двух тюфяков и огромной пронзительно-желтой перины, добытых в соседних домах. Он утопал в пуху, старший сержант Бушё!

Субейрак направил луч фонаря прямо в безусое лицо своего бывшего помощника. Бушё заворочался, прячась от света. Лейтенант осветил постель, ящик, служивший столом, запыленную нераспечатанную бутылку бургундского и большую открытую коробку сардин, где жидким золотом блестело масло. Луч снова скользнул по лицу Бушё. Субейрак переложил фонарь в левую руку и поднял правую, сжав ее в кулак. Но тут Бушё с ворчанием повернулся на бок. Взору лейтенанта предстал его профиль, который казался еще женственнее, чем фас, и не гармонировал с ним, словно фас и профиль сержанта принадлежали двум разным людям. Хотя Субейрак замечал это и раньше, но сейчас его поразило, насколько этот человек походил в профиль на Анни! Франсуа медленно опустил руку. Он схватил старшего сержанта за плечо и тряхнул.

Унтер-офицер неуклюже скатился с перины и тюфяков, рубаха его смешно пузырилась над рыжими галифе. Растрепанный, обалдевший, он вытянулся перед офицером, моргая от света.

— Слушаю, господин майор...

— Твое счастье, что это не майор,— сказал лейтенант Субейрак, который вообще редко к кому обращался на «ты».— Одеться, да поживее!

— Господин лейтенант, мне стало нехорошо после стычки. Я почувствовал, что мне необходимо набраться сил. Ведь во взводе все в порядке, и...

— Какой стычки?

— Ну как же, у нас недавно произошла стычка, господин лейтенант! Мы сделали все возможное, чтобы переправиться на ту сторону, но между каналом и рекой засела, по крайней мере, рота.

Бодуэн спокойно курил, пока Бушё застегивал штаны, время от времени отбрасывая рукой со лба спутанные волосы.

— Где третье отделение?

— В конце огорода, господин лейтенант. Нужно идти вдоль стены. Я сейчас отведу вас, господин лейтенант...

— Нет, предупредите капрала Луше, который командует третьим отделением, чтобы он нашел сержанта Шеваля и явился ко мне вместе с ним. Мы будем переправляться через канал, Бушё.

— Слушаю, господин лейтенант,— ответил тот с виноватым видом.

Вот теперь он совсем проснулся! Указав на сардины, хлеб и вино, он спросил:

— Не хотите ли закусить, господин лейтенант?

— Нет.

— Ну, а я голоден,— сказал Бодуэн.— Вы разрешите, господин лейтенант?

Бодуэн сделал себе бутерброд с сардинами и вышел. Приторный запах, шедший от слишком кокетливого унтера, сразу вызвал у Франсуа отвращение, и он оставил дверь открытой. Звезды бледнели, и ночное небо покрывалось кое-где аспидно-серыми пятнами. На руке Субейрака ненавистные часы офицера разведывательной службы показывали два часа пятьдесят минут. Через час начнет светать.

Полчаса спустя Франсуа уже отдал все распоряжения. Отделения Бодуэна и Шеваля должны переправиться через канал на имеющихся у них лодках и окопаться на той полосе земли, разбитой на мелкие ого-

роды, которая лежала между кривой линией канала и излучиной реки. Тактически эта вылазка была лишена смысла, потому что хотя солдаты могли найти хорошие укрытия на этой неровной, бугристой и лесистой местности, но зато у них не будет поля обстрела. *«Держаться на южном берегу Эна, как можно ближе к реке, передовые оборонительные сооружения расположить у самой воды»*. Третье отделение под командой капрала Луше будет прикрывать канал в том месте, где сейчас стоит отделение Бодуэна. Ему предстоит подбирать раненых и охранять средства переправы. Всю операцию нужно проделать с помощью тех четырех или пяти лодок, которые боши не успели еще пустить ко дну.

Когда они выходили из сторожки, мягкая, как шкурка крота, серость все больше вытесняла ночную синеву. Они сверили часы. Операция начнется через пятнадцать минут. Три командира отделений разошлись по своим местам. Из ближайшего отделения доносилось недовольное ворчание разбуженных солдат.

— А я что должен делать? — спросил Бушё.

— Ты? — ответил Субейрак.— Ты пойдешь за мной. Я иду на ту сторону с отделением Бодуэна и укажу вам там место. КП будет теперь на том берегу, а не здесь. Понятно?

— Понятно, господин лейтенант,— сказал старший сержант.

— Кстати, сударь,— сказал Субейрак,— вы ведь кадровый военный?

— Да, господин лейтенант. Я из полка 15-1.

— Вы никогда не думали о том, что война — это ваше ремесло? И надо сказать, сударь, что для профессионала вы воюете из рук вон плохо! Кроме того, вы лгун. Насчет гранат вы сказали правду. Но ведь вам известно, что немцы не могут взять канал с помощью продольного огня, пока шлюзы в наших руках. А мы их держим до сих пор в Со-ле-Ретель и в Бьерме. Почему вы солгали?

— Я... я не знаю... господин лейтенант. Эта полоска земли со своими ивами, окруженная водой, похожа... похожа на западню. Нас там переловят, как крыс, господин лейтенант.

— Спокойнее, Бушё. Сколько вам лет?

— Двадцать семь, господин лейтенант.

— Мы с вами ровесники! Ну ладно! Пошли, друг мой, будьте веселее, подтянитесь! Знаете ли вы, куда мы идем в самом деле? Не знаете? Ну так я вам сейчас скажу. Мы идем открывать Остров сокровищ. Вот он здесь перед нами, Остров сокровищ!

Унтер-офицер Бушё не ответил и последовал за лейтенантом. Они подошли к отделению, которым командовал Бодуэн. Он не обнаружил на острове присутствия неприятеля.

— Господин лейтенант, одумайтесь пока не поздно,—-сказал контрабандист Матиас, уже обследовавший самостоятельно и по своей инициативе участок, который они собирались занять.

Далеко на холмах, у самого горизонта, поднялись несколько красных ракет. Они долго висели в небе, словно из вежливости к Субейраку не желая опускаться на землю. Кругом царила тишина; только изредка громыхали солдатские котелки и консервные банки, да время от времени с плеском падал в воду камень. «Если бы этот болван Бушё не помешал немецкому патрулю сделать свое дело и уйти, взвод был бы уже на той стороне, а я бы мог спокойно спать!» Субейрак вздохнул. Он вспомнил лицо спящего Бушё и профиль Анни. Сам Бушё зевал, прикрывая рот рукой. По-видимому, мамочка хорошо воспитала Бушё, этого убийцу на жаловании!

Франсуа сел на краю откоса. За густыми зарослями ириса Матиас обматывал тряпками весла. Должно быть, мысленно он вновь пережи-

вал какой-нибудь довоенный эпизод своей жизни контрабандиста-северянина. Бодуэн обошел свое отделение, желая убедиться, что солдаты ничего не упустили, и уселся рядом с лейтенантом, внимательно разглядывая коренастую и хищную фигуру Матиаса. Миролюбивый Бодуэн прежде служил таможенником; случайности войны соединили в одном отделении этих двух людей, которые, возможно, годами безуспешно выслеживали друг друга. Они были ровесниками, и оба «работали» в пограничном районе Себура и Онель.

— Этого фокуса я не знал,— громким шепотом сказал Бодуэн, прикрывая рот рукой, как будто он хотел, чтобы контрабандист его не слышал.— Но я буду иметь его в виду, когда демобилизуюсь!

— Тише ты там,— откликнулся Матиас,— а то еще таможенник услышит!

Обстановка делала эту реплику особенно смешной. Именно этот грубоватый, непринужденный юмор Франсуа так любил в них.

Остальные расхохотались. Смех был разрядкой после возбужденного напряжения. Солдаты увлеклись задачей перейти этот чертов канал. Нелепость приказания никого не возмущала. В них даже пробудилось желание во что бы то ни стало выполнить эту операцию, и казалось, что все их страхи перешли в душу унтер-офицера. Бушё вдруг удалился, держась за живот. Быть может, таинственное назначение унтер-офицера Бушё и состояло в том, чтобы впитывать в себя страх, возникавший у других?

Первая лодка, большая плоскодонка, нагруженная несколькими солдатами и ручным пулеметом, бесшумно заскользила по реке. Бодуэн вскочил в нее в последний момент. Весла еле слышно рассекали воду. Все сидели не переводя дыхания, и в напряженной тишине стало отчетливо слышно бульканье воды у плотины Со-ле-Ретель, на расстоянии полукилометра. Вдоль южного берега Арденнского канала ровными геометрическими линиями тянулась усыпанная гравием дорога. Заросший кустарником извилистый северный берег спускался к воде крутым обрывом.

Появился солдат из отделения Шеваля. Это оказался Пуавр. Узнав лейтенанта, он радостно ухмыльнулся.

— Никаких происшествий, господин лейтенант, только вот этот жирный кабан Верлом свалился в воду!

Субейрак неслышно рассмеялся. Верлому нельзя было помочь, придется ждать солнца, чтобы обсохнуть! Субейрак дружески похлопал по плечу сияющего Пуавра, вооруженного огромной винтовкой и гранатометом ВБ у пояса.

— Все в порядке, Пуавр?

— Все в порядке, господин лейтенант, кроме того, что вас нет с нами! Новый капитан как будто славный, но он ни в чем не разбирается! Оставайтесь здесь, господин лейтенант! Я так думаю — пока вы с нами, ничего плохого не случится. С тех пор как вы ушли, все уже не то, не то... Все уже идет так... будто в самом деле война!

— Ну, а бомбежка на передовой, Пуавр, ведь это было всерьез. А в Киршвейлере, помнишь?

— Все равно, это было не то, господин лейтенант.

Старший сержант Бушё приближался к ним, и Пуавр демонстративно сплюнул.

Неожиданно донесся приглушенный окрик. Отсюда ответили, в воздухе просвистел канат. Солдаты наладили переправу, закрепив веревку на деревьях. Субейрак вошел в лодку, Пуавр и Бушё сопровождали его.

С того берега от промоин и камышей, от корней и веток засохших ив тянулся гнилостный, болотный запах. Франсуа задумался. Он должен

был оставить здесь своих зебр и возвратиться на КП батальона на кирпичном заводе. Но его тронули слова Пуавра и его наивная вера в то, что со взводом ничего не случится, пока Франсуа с ними.

Местность представляла собой полуостров, тянувшийся узкой воронкой между рекой Эн и каналом от моста Со. По самой середине его, на несколько метров выше уровня воды, шла дорога, являвшаяся как бы спинным хребтом полуострова. С наступлением рассвета с него можно было видеть за двадцать метров, что происходит в прибрежных камышах. «Передовые оборонительные сооружения расположить у самой воды». Ну что ж, задача была выполнена! Напротив, на северном берегу реки Эн, высились цементные строения муниципальной купальни. Должно быть, в мирное время это было нечто вроде ретельского Довиля *. Сержант Бодуэн был подавлен, солдаты молчали. Крепкое чувство сплоченности объединяло зебр и их бывшего начальника против тех, кто решает их судьбы росчерком пера. Это была исконная вражда людей, вынужденных воевать, не понимая целей войны, против тех, кто якобы разбирается в общих планах и не желает ничего знать о деталях.

Почва на южном берегу была ноздреватой, и Субейрак временами вязнул в ней по щиколотку, как когда-то в Вороньем лесу.

После долгих поисков он нашел заброшенный осушительный канал и отыскал углубление, где можно было установить пулемет. Он отметил себе место его расположения и вдвоем с Пуавром присоединился к отделению Шеваля. Пуавр кратко выразил их общее чувство:

— Вечно достается одним и тем же, господин лейтенант!

Это была правда. В словах Пуавра звучало чувство обиды и возмущения солдата-северянина против такой несправедливости. Они перекликались с известной поговоркой первой мировой войны: «Умирать идут всегда одни и те же».

Шеваль поставил у ивы наблюдателя. Больше он ничего не мог сделать.

Приближался рассвет, зебры торопились. Боши, по-видимому, спали, и день обещал быть спокойным. Субейрак собирался идти в отделение Бодуэна и затем переправиться через канал. Пуавр спросил его:

— Я должен остаться с моим отделением, господин лейтенант?

Франсуа уступил:

— Ладно, проводи меня до КП. Ты вернешься с продовольствием и сухим спиртом.

Бушё с недовольным видом стоял около переправы.

— Ну вот,— сказал Субейрак.— Как видите, не так уж страшно. Бушё, я оставляю вас здесь.

Сумерки рассеивались. Половина четвертого утра. Напрягая зрение, Франсуа уже мог разобрать время на своих ручных часах.

Франсуа с Пуавром и Матиасом собирался уже перейти канал у переправы, установленной солдатами, когда послышался свист пуль. Они бросились на землю. Пулеметная очередь пронзала берег канала продольным огнем, делая переправу невозможной. Кто же стрелял? Ведь все шлюзы были заняты своими! Осветительные ракеты поднялись в небо и медленно спускались на своих парашютах над берегом. Прижавшись лицом к земле, Субейрак спрашивал себя, чувствуя, что он попал в западню, как быть дальше? Его охватило отчаяние. Этот трус Бушё оказался прав. Боши пропустили их и не давали им вернуться! Франсуа овладел собой. Невероятно! Шлюзы! Может быть, в то время

* Довиль — известный курорт во Франции.

как Субейрак со своим бывшим взводом переправлялся через канал, боши перешли его в обратном направлении и засели между Со и Бьермом. А пока что непрерывно свистели пули!

— Пуавр,— сказал Субейрак,— раздевайся.

— Все снимать с себя, господин лейтенант?

Пули летели сплошной завесой на высоте одного метра над уровнем воды. По водной глади плыли срезанные ими листья и ветки. Судя по изгибу канала, можно было заключить, что автоматы били где-то с французского берега и довольно близко, должно быть между взводом Ватру и прежним расположением взвода Субейрака. Раздались ответные пулеметные очереди. Видимо, за бошей принялся старший сержант Ватру. Между тем, Субейраку необходимо было срочно перейти канал и отчитаться перед майором. Укрывшись за толстой ивой, дрожа от предрассветной прохлады, он быстро разделся и остался в одних трусах. Он связал одежду ремнем, Пуавр последовал его примеру. Франсуа прикрепил сверток к металлической лодке и скользнул в воду. Серо-зеленая, илистая, покрытая ряской, она показалась ему ледяной и зловонной.

— Но я-то не умею плавать! — сказал Пуавр.

— Уцепись за лодку и не шевелись.

Пуавр скользнул в воду и зафыркал, ухватившись руками за борт. Под их тяжестью корма накренилась, а нос высоко поднялся. Канат Матиаса натянулся, и лодка, прикрывая собой Пуавра и офицера, стала быстро двигаться к берегу, который они покинули три четверти часа тому назад. Несколько пуль щелкнули точно бичом по металлическому борту. Два голых человека быстро вскарабкались на берег и бросились в канаву.

— Черт возьми, здесь крапива! — сказал Пуавр.

И они расхохотались под непрекращающийся визг немецких пуль. Над их головами и позади них раздался более ровный треск пулеметов. Это отвечал Пофиле. Автоматы взвода Ватру затрещали еще чаще, и вскоре немецкие пулеметы замолкли. Франсуа и Пуавр бегом пустились к сторожке Бушё.

Пуавр продолжал смеяться. Искупались, можно сказать, на славу. Затем они вышли и прислушались. Кругом снова стало тихо. Отдаленный неумолчный плеск воды у плотины еще явственнее усиливал голоса животных, звук их мягкой предрассветной поступи и трели просыпающихся птиц. Скоро станет совсем светло.

После холодного купания наступила реакция. Субейрак весь горел, в нем проснулся волчий аппетит. Он представлял себе состояние майора после этой перестрелки. Однако у лейтенанта Субейрака не было ни малейшего желания возвращаться на КП. Ему, наоборот, хотелось остаться здесь с Пуавром и другими, с контрабандистом Матиасом и его личным врагом — таможенником Бодуэном. «Черт возьми,— подумал он,— я начинаю чуть ли не любить все это!»

— Да, вот что, Пуавр! — сказал Субейрак,— я попросил, чтобы тебя перевели во взвод управления. Майор рассердился, но не отказал. Я думаю, он это сделает. Нужно, чтобы об этом объявили во время вечерней переклички.

— Вот будет здорово, господин лейтенант.

И Пуавр добавил как всегда лукаво, указывая на канал, а мысленно на весь участок:

— Хорошее здесь местечко, господин лейтенант, нужно бы его сохранить за нами!

— А ты прав, дурья голова,— ответил офицер.— И кроме того, сегодня день у вас не будет жарким. Ладно. Иди со мной. Матиас, ты можешь вернуться к переправе. Мы пойдем на КП к капитану. Надо же все-таки ввести его в курс дела!

Налево уже виднелись очертания Ретеля. Какая-то зловещая тишина нависла над ним.

Субейрак поднялся на прибрежную дорогу и побежал по ней. Он не сделал и двадцати шагов, как ему пришлось броситься на землю и, подпрыгнув, скатиться в канаву. Горизонт как будто разорвался. Снаряды свистели, пролетая во все стороны. Неожиданно разразился ураган железа и огня. Небо неистовствовало, низвергая грозные смерчи, непрерывно гудели чудовищные сирены, грохотали моторы. Офицеру понадобилось некоторое время, чтобы сообразить: над самым каналом пикировали немецкие самолеты, сбрасывая бомбы одну за другой и обстреливая местность из пулеметов. Все вокруг покрылось неопределенно-голубоватым туманом, который все время сгущался и окутывал Франсуа Субейрака. Лейтенант стал глохнуть. Ему показалось, что он слепнет; он лихорадочно рванул сумку противогаза. Газы это или дым от рвущихся снарядов? Или, может быть, известковая пыль Шампани? Франсуа машинально взглянул на часы. Три часа сорок пять минут. Прижатый к земле, он постарался осмотреться: весь мир сократился до размеров узкой поляны, поросшей пыреем, клевером и лютиками. Он перевернулся на спину, стараясь занимать как можно меньше места. Небо охватывал мутный, зеленоватый туман. Над головой оставался прозрачным только совсем маленький, голубой купол.

III

Франсуа изо всех сил прижимался к земле. «Вот дурак, забыл лопату»,— подумал он. Лишь недавно раздобыл он саперную лопату, которой очень дорожил, хотя она не входила в обычное снаряжение офицера. Субейрак обзавелся ею, последовав совету старого приятеля отца, ветерана войны 14-го года. И вот он забыл взять с собой лопату. Он не предусмотрел, что судьба готовила ему свидание с войной 9 июня в три часа сорок минут.

Немцы громили передовые позиции на всем протяжении участка их дивизии. Им с грохотом отвечали французские орудия калибра 75 и 105. Земля дрожала после каждого удара, казалось, будто она вот-вот разорвется, и небо содрогалось ей в ответ. Три часа сорок восемь минут. Эти восемь адских минут тянулись нескончаемо. В интервалах между взрывами Субейрак тревожно принюхивался, как собака. Дым был необычным. Газы? Нет, он ошибался тогда. И подумать только, что он, «специалист» по химической обороне и борьбе с газами, не может даже в них разобраться! Нет, он не ощущал ничего, кроме пульсации крови в ушах.

Один за другим самолеты снижались и выпускали пулеметные очереди. Пронзительный вой сирен пикирующих самолетов сотрясал воздух, и это было хуже всего: о такой психической атаке тогда еще не знали, и казалось, что сирены настигают человека на земле и сдирают с него всю кожу.

Между тем, Франсуа заметил, что кулаки его разжались. Он постепенно приходил в себя. Прежде всего нужно было осмотреться, невзирая на это мерзкое ощущение, будто при малейшем движении упираешься теменем в раскаленное железо. Он пополз вверх по откосу. Где канал? Он угадал его по сочным мясистым листьям, желтым мечеобразным ирисам, по водяным лилиям и по внезапно появившейся странно подвижной мордочке водяной крысы.

Вдруг чудовищный взрыв всколыхнул землю, и огромная волна водопадом обрушилась на Франсуа, отскочившего назад. За ней последовал град комьев сухой земли. Насыпь защищала Субейрака от встречных осколков, но не от тех, которые настигали его сзади. Ничего не оставалось делать, как припасть к земле и выжидать.

Когда враг перестанет бомбить передовые, он, вероятно, окружит взвод Субейрака, перерезанный надвое каналом. Внезапно один за другим стали взрываться тяжелые снаряды, раздирая в клочья молочно-белый туман. Пофиле, вероятно, крепко достается! Немецкий пулеметчик находился за скатом. Франсуа рассчитал, что земляная насыпь дает ему маленький шанс на спасение. Ноги его онемели. Воздух наполнялся удушливым и отнюдь не опьяняющим запахом пороха. «Опять никуда не годная фраза, общее место»,— подумал он. Франсуа томился. Ему казалось, что бомбежка длится уже целую вечность. Однако часы показывали четыре часа пятьдесят минут. Это замедление времени, уже испытанное им при бомбардировках в Лотарингии, вновь поразило Субейрака. Рассчитанными, гибкими движениями он пополз к отделению капрала Луше. Ему сразу стало лучше, как только он начал действовать. Уже совсем рассвело, но все кругом тонуло в серой мгле. Белые призраки медленно кружились и таяли. Утренний туман должен был разогнать дым от немецких снарядов. Дым! Ну да, это были всего-навсего дымовые снаряды!

В нескольких шагах он вдруг увидел колеблющуюся тень. Он завопил: «Это я, Субейрак, лейтенант Субейрак!» Это был Пуавр. Франсуа подошел и остановился как вкопанный: Пуавр спокойно курил, вглядываясь в то, что заменяло небо.

— Я все жду, когда это кончится, господин лейтенант,— невозмутимо сказал вестовой, не трогаясь с места.

Им пришлось тут же броситься на глинистое дно канавы: загрохотали снаряды.

— Они не скупятся,— сказал Субейрак,— но...

Ему показалось, что в трех шагах от него какая-то большая собака роет когтями землю. Пуавр помотал головой: он уже увидел и узнал, кто это. Субейрак подтянулся на локтях. Это Матиас, контрабандист, встав на четвереньки, царапал землю передними лапами. Он уже выкопал яму сантиметров в двадцать глубиной. Субейрак прикоснулся к его плечу. Лицо Матиаса казалось одичавшим, глаза вылезали из орбит.

— До чего напуган,— промолвил Пуавр.

— Двинулись,— сказал офицер.— Нужно добраться к посту Луше.

Они продолжали свой путь ползком, как ужи. На расстоянии нескольких метров Франсуа обернулся. Он различал уже только неясный, суетливо мелькавший силуэт. Матиас! Матиас, который по собственному почину в одиночку отправился в разведку, Матиас, который ни разу не струсил на передовой, продолжал царапать землю...

— Мужчины превратятся во львов, а женщины в пантер,— сказал Пуавр.— Так было написано у меня в учебнике, когда я кончал начальную школу...

На откосе в отделении Луше, за проволокой с консервными банками, натянутой солдатами Бодуэна, стоял ручной пулемет. Он был установлен для стрельбы фланкирующим огнем в направлении Бьерма, чтобы прикрывать тыл обоих отделений, окопавшихся на острове. Наводчик сидел в канаве на корточках. Солдаты с винтовками в руках выбрали места поглубже и уселись. Еще недавно они переговаривались

шепотом, но теперь, чтобы услышать друг друга, им приходилось кричать во все горло. Франсуа вдруг заметил рыжие штаны.

— Бушё! — крикнул он.

Да, это был унтер-офицер! Несколько минут назад Субейрак видел контрабандиста Матиаса, багрового, с глазами, озаренными пожаром. Бушё был бледен до зелени и весь дрожал! И тогда Франсуа понял, как заразителен страх. От Матиаса и Бушё он передавался ему. Губы у него пересохли, колени тряслись, спина покрылась холодным потом. Он почувствовал зависть к зебрам, которые находились в безопасности на острове и избежали бомбардировки. Зубы у него стучали. Субейрак пожалел, что увидел унтера Бушё, ему захотелось зарыться головой в траву и не думать ни о чем. Он попытался преодолеть страх, но не мог овладеть собой. Тогда лейтенант нарочно встал во весь рост. Он несколько раз ровно и глубоко вдохнул воздух и сосчитал до десяти. Дрожь не унималась. В два прыжка он оказался около старшего сержанта и схватил его за шиворот, чуть не задушив.

— Откуда ты взялся? Почему ты бросил взвод? Как ты перебрался через канал, а? Ты за это ответишь!

Бушё весь осел и съежился, чтобы предоставить осколкам как можно меньше места для поражения.

— Я перебрался на лодке... Во время бомбежки,— ответил Бушё.

Это уж был предел! Этот трус нашел в себе мужество переправиться через канал в лодке, под градом пуль!

— Но зачем же, болван!

В голосе унтера слышались слезы.

— Чтобы доложиться, господин лейтенант,— вымолвил он наконец.

Франсуа почувствовал во рту горечь. Он разжал разом обе руки, и старший сержант распластался на земле, точно он был из воска. Дрожь унялась. Франсуа машинально взглянул на часы: семь часов двадцать минут. Уши болели, но он начал уже привыкать к этому. Раздался треск, словно какой-то великан ломал сучья в лесу. Возвращались пикирующие бомбардировщики.

Когда смерч прошел, Субейраку показалось, что на этот раз попаданий было меньше. Эта мысль успокаивала его. Рядом с ним кто-то повалился на землю. То был Матиас, сумевший вырваться из-под власти безумия.

Капрал Луше приподнялся и сказал тоном крестьянина, наблюдающего за грозой: «Дело идет к концу». Да, дело шло к концу, но Субейрак знал, что затишье обязательно будет чем-нибудь нарушено.

— Пулемет работает? — спросил он.— А ну-ка попробуй не давать им спуска.

Наводчик Манье, батрак из Жанлена, нажал на гашетку. Пулеметная очередь прозвучала среди всего этого грохота, как взрыв детской хлопушки.

— Осторожнее, ребята, опять...

Субейрак не успел договорить. Сплошная завеса тяжелых снарядов поднялась и пронеслась в тыл. Снова начался оглушительный гул, еще более яростный, чем прежде. Станковые и ручные немецкие пулеметы стреляли без передышки, им отвечали ручные пулеметы французов.

— Стреляют прямо перед нами,— крикнул Луше.

Два других отделения усилили огонь до предела.

На расстоянии нескольких метров по-прежнему ничего нельзя было различить.

— Можно подумать, что ребятишки снежками кидаются,— сказал Пуавр.

Внезапно он вскрикнул. Перед ними за непрочным проволочным заграждением вдруг выросла странная на вид, долговязая, нелепая фигура человека, державшего что-то в руках. Франсуа услышал: «Ach, so!», и вслед за тем предмет в руках незнакомца стал извергать огненные языки, двигаясь слева направо, точно коса. Наводчик Манье, раненный в левую руку и в плечо, закричал. Пуавр в бешенстве сорвал с себя каску и, швырнув ее в лицо немцу, заорал:

— Ну подожди же, проклятый бош!

Немец с изумлением увидел, как еще несколько французов с воплем вскочили на ноги. Он повернулся и пустился со всех ног вдоль канала. Пуавр, одним махом перескочив через проволочное заграждение, схватил ружье и бросился вслед за немцем, продолжая поносить его:

— Сволочь! Кретин! Болван! А ну-ка подожди немного, свинья этакая! Я тебя проучу! Собака! Собака! Собака!

Оба гомеровских воина исчезли в тумане. Сколько Франсуа ни звал Пуавра назад, вестовой не слышал его. Субейрак делал перевязку Манье, как вдруг рядом с ними загрохотали взрывы. Взрывная волна обрушилась на остров. Лейтенант не позволил солдатам оставить боевые позиции и броситься на помощь Пуавру. Он поднял голову, стараясь проникнуть взглядом в зловещую белую мглу. Прошло несколько долгих минут, и они услышали рев Пуавра, увидели его самого. Вестовой возвращался, потрясая, как дикарь, пулеметом боша.

Пуавр перебрался через заграждение и свалился на траву. Ему пришлось догонять немца. Пробежав метров двести до места, где прежде располагалось отделение Шеваля, бош заметил на откосе французского солдата, сидевшего на корточках спиной к нему. Француз обернулся. Бош выстрелил в него и, услышав позади топот бегущего Пуавра, повернул оружие против своего преследователя. Но пулемет вдруг заело.

— Я выстрелил вот так, прямо ему под руку,— показывал Пуавр,— и фриц сразу повалился на землю. Он убит, это точно. Надо пойти посмотреть, господин лейтенант.

Пуавр надел через плечо портупею немца.

— Позже,— задумчиво ответил Франсуа,— потом, когда затихнет. Кто из наших убит?

— Я его не знаю,— сказал Пуавр.— Никогда не видел его в батальоне.

— Но он из нашего полка?

— Да, из нашего. Так мне показалось.

Но офицеру больше не пришлось раздумывать над этим. Немцы снова начали простреливать канал продольным огнем. Они перешли Эн и канал, вероятно, одновременно с сумасбродным болваном, которого прикончил Пуавр, и теперь нападали. Оцепенение, вызванное бомбардировкой, исчезло. Всех охватило возбуждение боя. Субейрак занял у пулемета место раненого Манье. Но стрелять ему было неудобно. Он бросил перед собой два вещевых мешка и лег наискось на дороге, спустив ноги в кювет. Короткими полуочередями он прочесывал высокий берег канала. Над их головами свистели пули пулеметчиков Пофиле.

— Гранаты, Пуавр,— крикнул лейтенант.— Скорее!

В тумане обозначились два световых глаза, смотревшие на французов. Немецкие пулеметы стрекотали на расстоянии каких-нибудь ста метров, намного ближе того места, где несколько минут назад Пуавр убил своего фрица. Пуавр укрепил на винтовке гранатомет. Он опустил первую гранату, нажал на спусковой крючок, наклонив винтовку и упирая приклад в землю. Граната с гулом полетела. Место взрыва нельзя было различить, но в серебристом тумане сверкнуло золотое пламя. В распоряжении Субейрака было около двадцати гранат. Пуавр выпу-

стил их одну за другой. Один немецкий пулемет замолк, но другой, обезумев от ярости, продолжал стрекотать, танцуя на своей треноге. Ручной пулемет Сербрюэна уже начало заедать. Ствол его раскалился. Сербрюэн откинулся в канаве и помочился на него, крича:

— Ты у нас дождешься! Мы этим еще не таких охлаждали!

Раздался крик, а после него протяжный, жалобный стон...

— Господин лейтенант, господин лейтенант,— повторял голос за спиной офицера.

Это был Бушё...

Франсуа обернулся, но когда он увидел, что его бывший помощник невредим, а не ранен, как он предполагал, Субейрак размахнулся и изо всех сил ударил его, тут же сам вскрикнув от боли: его рука угодила в каску.

Манье по-прежнему стонал. Франсуа оглядел поочередно всех своих людей: Сербрюэна, Манье, Бушё, Матиаса, Луше, Пуавра и четырех других. Кто же был второй раненый? Но раздумывать над этим ему не пришлось: немцы зашевелились, послышались хриплые приказания.

— Быстро гранаты, Пуавр!

Немецкие пулеметчики перебежали и залегли еще ближе. Они снова стреляли из канавы, на расстоянии примерно восьмидесяти метров.

— Гранат больше нет, господин лейтенант.

Жалкие винтовки французов продолжали беспомощно стрелять. С ужасающим ревом налетел новый шквал пикирующих бомбардировщиков. Французы бросились на землю, припав лицом к стали оружия. Приподнявшись на локте, Субейрак увидел Матиаса. Контрабандист опорожнил свою сумку и наполнял ее гранатами, словно крупными смертоносными яйцами. Матиас снова обрел свою невозмутимость. Он сделал лейтенанту знак, показал на гранаты и махнул рукой направо. Между двумя очередями огня Матиас перешагнул через заграждение, скользнул в поле и исчез. Вражеский пулемет находился уже на расстоянии шестидесяти метров: он стрелял низко, и пули, отскакивая рикошетом, пролетали над их головами. Субейрак приказал стрелять реже. Снова послышались стоны. Кого еще ранило? Во мгле, рядом с первым, вновь появился второй, перемежающийся огонек. Вероятно, это был второй немецкий пулемет, к которому подоспели другие фрицы. Когда солдаты Субейрака потеряли уже всякую надежду, четыре взрыва потрясли почву. Оба немецких пулемета замолкли. За этим последовало несколько винтовочных выстрелов, сделанных непроизвольно, и бесполезная очередь ручного пулемета, который Сербрюэн никак не мог остановить, пока не кончилась лента.

Матиас с криком бежал обратно. Его голос донесся раньше, чем появился он сам, запыхавшийся, потный, сияющий.

— Хорошая работа, Матиас,— сказал Субейрак.

Контрабандист переступал с ноги на ногу, как медведь. Он прошептал что-то, и лейтенанту послышалось: «А я уж боялся, что перестал быть мужчиной, господин лейтенант».

Затем наступила глубокая тишина.

Огонь передвинулся еще дальше в тыл французов, распространившись на большую площадь, но был уже не столь интенсивным. Налево в Ретеле и по всей правой стороне участка, к Бьерму, раздавался треск выстрелов легкого пехотного оружия.

Вся телефонная связь была, по-видимому, нарушена. Снова послышались стоны, напоминающие жалобное повизгивание собаки. Франсуа подошел к Манье и понял: бедняга был снова ранен. Его штаны пропитались кровью. Франсуа разрезал их ножом, обнажив бледно-восковое тело, на котором запеклась кровь. При виде огромной раны Субейрак

почувствовал приступ тошноты. Он взял свой индивидуальный пакет. Сербрюэн протянул ему кружку с вином. Намочив в нем бинт, Франсуа промыл рану. Она действительно была очень велика, и у Субейрака не хватало духу прочистить ее вглубь. То, что наполняло ее, походило на желе из смородины. Он сделал жгут, стянул бедро, убедившись по судорожному движению Манье, что кость обнажена, и перевязал рану рваной рубахой.

— Ничего,— сказал он Манье.— Ничего. Это не помешает тебе поддавать жару твоей жене! Я сейчас пришлю за тобой санитаров.

Не могло быть речи о том, чтобы отправить его с кем-нибудь из оставшихся семи человек. Франсуа, разумеется, не считал Бушё, без конца повторявшего:

— Я же знал, что переправа невозможна, господин лейтенант. Вот видите! Вот видите!

Потеряв рассудок от страха, этот дурак воображал, будто все это светопреставление вызвано тем, что два отделения перешли канал. Субейрак понимал теперь, что бомбардировка охватила десятки километров.

— Дело пойдет,— сказал Субейрак капралу Луше, не удостаивая взглядом жалкого командира взвода.— Вы установите связь с обоими отделениями на острове. Мне кажется, эта трепка их миновала: они ведь стреляли после нас. Во что бы то ни стало сохраните переправу.

Металлическая плоскодонка, которую использовали для переправы зебр, пошла ко дну. Видимо, прямое попадание. Оставались две лодки.

Все еще плотный туман кое-где просвечивал золотом. Казалось, светлый луч пронизывает воду в аквариуме. Солнце, вероятно, давно уже поднялось. Лейтенант еще раз осмотрел раненого. Парень весил не меньше восьмидесяти кило и был на полголовы выше Субейрака. Губы Манье дрожали, красное пятно на бедре расползалось все больше.

— Я не могу взять тебя с собой,— сказал Субейрак Пуавру.— Вы должны все остаться здесь.

— Ну, конечно, господин лейтенант.

— Ты можешь попытаться пойти со мной? — спросил он у Манье. Манье утвердительно кивнул. Остальные помогли товарищу встать и удержаться на ногах. Манье обнял лейтенанта за шею, Франсуа обхватил его за пояс. Их провели через запутанные сети заграждений. Они медленно шли в направлении кирпичного завода. Вслед раздался насмешливый голос Пуавра.

— Точь-в-точь влюбленные! — крикнул, сложа ладони рупором, бывший ординарец лейтенанта Субейрака.

Молодой преподаватель литературы на дополнительном курсе, типичный француз, с круглой головой и невысокой фигурой кельта, Франсуа Субейрак был сыном своей эпохи, лишенным мучительных сомнений и излишних психологических тонкостей, и отнюдь не питал склонности к фантастике. А между тем, все, что последовало, навсегда останется в его памяти, как переход сквозь адские бездны, где время и пространство уже не отвечают привычным представлениям,— сквозь мир кошмаров, о котором он сам в конце учебного года рассказывал ученикам, разбирая творчество Рембо *. «Четверть года в аду» началась для него в тот момент, когда пикирующие бомбардировщики «Штука» (название это он никогда и не слышал) приступили к исполнению вагнери-

* Имеется в виду одно из известнейших произведений французского поэта Артюра Рембо (1854—1891) — его поэма «Четверть года в аду».

анской роли и туман, сменивший ночь, окутал пылающую местность невыносимо белой пеленой.

Франсуа почти нес Манье на себе. Солдат становился все тяжелее и беспрерывно стонал сквозь стиснутые зубы. Он пытался сдерживаться, и Субейрака мучили его сдавленные стоны. От раненого несло вином, тиной и терпким запахом пота. Он подпрыгивал на здоровой ноге; перед тем как сделать шаг, он опирался на плечо лейтенанта и, шагнув, испускал приглушенный крик.

Субейрак решил идти вдоль канала, прямо на КП батальона, где находился медпункт. Опасаясь взрывов, он двигался под прикрытием насыпи и затем пошел по дороге, от дома к дому. Идти по извилистой, изрытой траншее значило бы истощить раненого без всякой пользы. Тяжесть ноши, холодное купание и пережитый страх — от всего этого Субейраку стало нестерпимо жарко. Временами он мог видеть перед собой на четыре-пять метров в этой разжиженной вселенной, а в иные минуты он словно погружался в молоко и не различал даже собственных ног. Ужас сдавливал его горло, словно на каждом шагу ему грозила страшная пропасть. Тогда они остановились и бесконечно долго вглядывались в переливы тумана.

Он воспользовался минутой просвета и быстро осмотрел рану Манье. Через разрезанные штаны можно было увидеть между коленом и берцовой костью запекшуюся корку, похожую на засохшее варенье; оттуда сочилась кровь, стекая по грязному носку. Ослабевший и выбившийся из сил, Манье застонал.

— Господин лейтенант, бросьте меня здесь, я больше не могу, я хочу спать, спать...

Субейрак порылся в карманах Манье, вытащил измятые солдатские сигареты, сунул одну из них в рот своему спутнику, дал ему прикурить от зажигалки и снова потащил его. Они передвигались на трех ногах. Вскоре они наткнулись на воронку, глубиной метра в три. Обходя ее, Франсуа увидел на дне нечто, заставившее его содрогнуться. Там, в глубине, торчали вверх две ноги в солдатских башмаках и обмотках, штаны и часть свитера защитного цвета; остальное было погребено в густой, как тесто, желтой, топкой грязи с застывшими на ней пузырями. Рот Франсуа наполнился горечью. Плечи его затекли. Манье жалобно повторял одно и то же:

— Мне не отрежут ногу, господин лейтенант?.. Мне не отрежут ногу, господин лейтенант?..

Они сделали еще сотню шагов, не находя дороги. Куда она девалась, эта чертова дорога? Зловещая прогулка тянулась уже несколько часов. Туман рассеивался. На небе очистилось оконце голубого хрусталя. Высоко в воздухе две вороны пересекли это оконце. Дыхание Манье становилось зловонным, голова его падала на плечо лейтенанта. Ни за что не довести его до медпункта! Вдруг тело Манье сотрясла судорога. Франсуа остановился. Он почувствовал, как кровь отлила у него от лица. Манье умер, умер на нем! Субейрак с трудом подавил крик и чуть не бросил тело Манье на землю. Нет. Не может быть. Рана не могла обескровить его до такой степени. Так быстро не умирают. У солдата ведь было всего-навсего кровотечение... кровотечение... кровотечение... кровотечение... Мысль Субейрака замкнулась на этом слове: кровотечение... кровотечение...

Они находились в поле, засеянном люцерной. Где же дорога? Кругом была одна люцерна. Да, люцерна, ведь он ее уже видел! Она росла вдоль дороги! Кирпичный завод был в двухстах метрах отсюда. Сердце его подпрыгнуло от радости, и ясность мысли вернулась к нему.

Франсуа опустился на колени и положил Манье в траву. Снова началась бомбардировка. Над головой со свистом пролетали снаряды. Вот они: залп, свист снарядов, разрыв... разрыва не слышно! «Значит, это наша артиллерия. Теперь боши хлебнули горя, наступил их черед!» Он взглянул в лицо Манье и расхохотался: Манье спал. Может быть, впрочем, это был обморок, но он готов был побиться об заклад, что солдат спал. Во всяком случае сердце у него билось. Вдруг послышался ужасающий грохот, точно рядом по туннелю проходил поезд. Франсуа испуганно обернулся и опустил голову солдата.

На них в тумане неуклюже надвигалось что-то чудовищное, допотопное, грубое. «Боже милостивый, танк!» — подумал Субейрак. Танк передвигался боком, как краб. Можно было сойти с ума от ужаса. Затем раздался душераздирающий рев, и Субейрак не сразу поверил своим глазам, когда из тумана перед ним возникла корова, черная с белым корова, она жалобно мычала. Франсуа долго хохотал. Корова подошла ближе, ее вымя, раздутое, набухшее, страшное, почти волочилось по земле. Ну конечно, брошенные крестьянами коровы были не доены и мычали, не понимая, за что их подвергают такой пытке. Но Франсуа не умел доить коров. Нельзя все уметь: и коров доить, и трактовать «Четверть года в аду».

Пока Субейрак укладывал Манье и рассматривал корову, он потерял направление. В небе, расцвечивая туман всеми цветами радуги, подымалось что-то похожее на светящуюся головку сыра. То было солнце, солнце из другого мира. Субейрак пошел наугад, один, испытывая странную легкость, и стал терпеливо искать дорогу, делая все бóльшие круги. Ему казалось, что никогда уже он не найдет ее, и вот, наконец, почувствовал ее под ногами.

Ну и вид же она имела, эта дорога! Взрывы бомб образовали на ней воронки, от которых несло запахом свежей земли, как от могилы в Вольмеранже.

Теперь надо было проскочить так, чтобы не попасть под пули своих же солдат, находившихся где-то здесь. И еще... еще, где же, черт возьми, минное поле? Франсуа до смерти боялся мин, они предательски подстерегают человека и взрываются сразу, прямо под ногами. Франсуа попытался сориентироваться. Метров на сорок вокруг все уже было видно. Но он не узнавал ни эту липу с обломанными ветвями, ни разрушенную стену, ни маленький дом с рухнувшей крышей, который странным образом напоминал раскрытый зонтик. Субейрак сделал еще несколько шагов, с трудом решаясь продвигаться вперед.

На дороге он увидел тележку с перинами и трактор на толстенных шинах, на котором стояла зингеровская швейная машина допотопного вида, а наверху неуклюже громоздился портновский манекен. Нет, он не ошибся. Франсуа услышал за собой треск автоматов. На фоне ровного, как в кузнице, посвиста тяжелых снарядов это звучало как бы вариацией в высоком тоне. Выстрелы доносились со стороны канала. Снова доставалось его зебрам. Он, как маньяк, посмотрел на часы: восемь. Неужели с тех пор, как они с Манье покинули канал, прошло всего двадцать минут? Не может быть. Часы, вероятно, испортились. Он миновал заграждение.

Наконец он заметил плакат — Дюбо, Дюбон, Дюбонне *, знаменитую афишу винной фирмы,— и окончательно понял, где он находится. Мины были в двадцати шагах перед ним! Ему просто повезло, что он не наткнулся на них!

Что же касается этой части Со-ле-Ретель, то она исчезла с лица земли за то время, пока он отсутствовал.

* Речь идет о рекламе ликера «Дюбоннс».

Солнце уже припекало, и Субейрак был рад спрятаться в тень кирпичного завода. Завод тоже изменился. Добрая часть крыши обвалилась, невредимыми оставались только печи для обжига. Манье, между тем, продолжал спать в траве. Впереди прошли солдаты, они вели с собой человек пять, подталкивая их сзади. «Вот новости, неужели нам в подкрепление прислали негров?»

— Где майор? — спросил Франсуа.

— На медпункте, господин лейтенант.

Лейтенант вошел в медпункт, расположенный в просторной печи, слабо освещенной фонарями. Здесь находился майор, затянутый в свой китель, в каске; густые его усы висели, напоминая воловьи рога. Заметив Субейрака, майор широко раскрыл глаза и что-то промычал. Тут же находился Эль-Медико с засученными рукавами, похожий на мясника. Кругом раздавались стоны, резко пахло эфиром; перед врачом и майором стояли, прямые как истуканы, пять человек, в которых Субейрак узнал только что встреченных негров. Когда Субейрак освоился с плохим освещением, он увидел, что лица их покрыты, точно татуировкой, угольной чернотой, на которой блестели белые, неподвижные глаза. Все пятеро стояли, странно вытянувшись и не шевелясь. Это не были негры, это были солдаты их полка.

— Ну, что ты разинул рот! — сухо сказал Эль-Медико.— Они сидели в подвале, и им на голову обрушился дом. Видишь, как они остолбенели.

И добавил профессиональным тоном:

— Ничего страшного с ними не произошло, господин майор, просто шок. Они невредимы, но ничего не видят и не слышат. Их необходимо эвакуировать.

— Сейчас невозможно,— ответил Ватрен.— Между Пертом и Жюнивилем все в огне. Мы попытаемся сделать это ночью.

Перт и Жюнивиль? Но ведь то был глубокий тыл батальона!

Всех пятерых уложили рядом. Они лежали неподвижно, простертые точно каменные изваяния в соборах. Субейраку никогда не забыть их, никогда: от одного вида этих живых мертвецов у него шевелились волосы на голове!

— У меня есть раненый,— сказал он.— Я оставил его в ста метрах отсюда, в траве. Не мог дотащить его.

— Что с ним?

— Два легких ранения — в плечо и в кисть, и еще осколок в бедре. Рана в ладонь шириной, видна кость. Кровь текла струей. Я наложил жгут.

— Представляю, как ты его наложил,— проворчал Эль-Медико.

— Ты пошлешь за ним?

— Нет. Он может подождать.

— Свинья!

— Болван! Разве ты не видишь, что я тут один с четырьмя ослами-санитарами и что у меня на руках семьдесят парней и нет ничего, кроме пилюль от кашля! Не видишь? Ступай за ним сам, если хочешь!

Субейрак двинулся было, но майор остановил его:

— Ну, нет! Пусть пойдет кто-нибудь из обозников, Дюрру. Субейрак, вы мне нужны.

Они осторожно выбрались оттуда — и прямо в лицо им ударило торжествующее лето, утро, напоенное золотыми лучами, и аромат полей, созревших для жатвы.

IV

Во Франции могли иметь только самое туманное представление о том, как происходила битва на Арденнском канале 9 июня, в одиннадцатом часу утра. Если в Со-ле-Ретеле и на канале стало тихо, то справа, в Бьерме, разгорелось настоящее сражение. Один опорный пункт был окружен со всех сторон, другой наполовину захвачен. Бравый батальон действовал, как Пуавр, когда он, не рассуждая, поносил немца, швыряя ему в лицо свою каску, на манер гомеровских воинов. Батальон напоминал огромного, затравленного зверя, с заторможенной нервной системой.

Больше всех в создавшейся обстановке разбирался, видимо, майор Ватрен в силу своего положения командира батальона. Но майор почти не разжимал губ. Он с тревогой следил за тем, что творилось в Бьерме, и с нетерпением ожидал приказа о контрударе, на котором он настаивал в штабе полка.

Гондамини, «Неземной капитан», отправился в полк на легкой гусеничной машине. На глазах у всех он углубился в невысокие хлеба волнообразно холмистой Шампани, в направлении деревни Перт. Машина, словно катер, уходила в золотистое море, оставляя за собой рыжую борозду. Он уехал гораздо более озабоченный отчетностью, цифрами, списками и кальками, чем опасностью, которой подвергался; в его бесстрашии ощущалось что-то нечеловеческое. Не было ни продовольствия, ни снарядов, ни противотанковых пушек, ни танков, ни самолетов. Все опорные пункты требовали боеприпасов, оружия и еды. Пока хозяйничали немецкие пикирующие бомбардировщики, никто не видел ни одного самолета союзников. «Стрекоза» или «кукушка», как называли немецкие разведывательные самолеты, спокойно передвигалась по голубому небу, выискивая точки сопротивления и позиции батарей 75-миллиметровых орудий.

Майор и Субейрак вошли на КП. Вход в печь был завален щебнем и черепицей, упавшей с крыши. Майор взял карту и наметил схему огневых точек. Оба наклонились над ней. Ватрен сказал:

— У меня в данный момент нет никаких сведений о втором батальоне. Майор Экем как будто держится в мэрии Аси, к западу от Ретеля. Там была яростная перестрелка, особенно у шлюза Аси. Но сейчас все стихло. Я предупредил роту Каватини, что ей необходимо наладить связь. Создается впечатление, что бошам удалось перейти Эн левее, на границе расположения дивизии. Направо они, как видно, перешли Эн и канал, потому что опорные пункты в Бьерме окружены. Я просил штаб полка, чтобы они направили контрудар на Бьерм.

Майор с досадой щелкнул языком.

— Не нравится мне это,— продолжал он.— Сплошная линия обороны прошлой войны обеспечивала безопасность куда лучше, чем теперешняя система...

Он остановился и посмотрел на лейтенанта.

— Сколько вам лет, Субейрак?

— Двадцать семь, господин майор.

— Двадцать семь...

Майор не отводил своего слишком проницательного взгляда, от которого Субейраку становилось неловко.

— В каком состоянии были солдаты после переправы?

— В отличном, господин майор. Если их снабдить...

— Да, если их снабдить.

— А между тем, господин майор, они понимали, насколько эта переправа бессмысленна.

Ватрен не ответил. Он взял вырезанную из «Пари-суар» карту фрон-

та. Временами земля содрогалась, иногда глухо, иногда сильно, но всякий раз живот схватывала спазма.

— Наденьте каску,— сказал Ватрен без всякого выражения.

Карта из газеты вызывала в представлении Субейрака замок из песка, на который обрушивается морской прибой. Справа, на востоке, ничто не было затронуто. Там неприступной горной цепью пролегали первые укрепления линии Мажино. Но все, что находилось на севере и западе, превратилось в жидкое месиво — вода, грязь и кровь, как в ране Манье. Падение Бельгии повлекло за собой гибель Камбре, Амьена, Сен-Кантена.

Словно в порыве стыдливости, майор закрыл своей тяжелой рукой раненую часть карты, но Бове, Руан, Гавр были видны. «Они, конечно, пересекли Эн слева». Субейрак прикурил английскую сигарету. Оба они задыхались в этом убежище.

Вскоре на КП явился офицер из второго батальона. Они выдержали тяжелый бой. Майор Экем также не имел никаких вестей из штаба полка.

— Самое неприятное заключается в том,— сказал связной лейтенант,— что майор Экем не имеет никаких сведений и от дивизии, расположенной слева от нас. Там, слева, все совершенно затихло.

Субейрак ясно представил себе батальон, который крепко увяз на правом фланге и отбивается с помощью ручных пулеметов и гранат, а также взвод Ванэнакера, удерживающий шлюзы. Батальон дерется без «чувства тыла», и вдобавок оказывается, что он оголен слева. Мысль об этом была невыносима.

Пришлось организовать все заново, отвечать на запросы других рот, устанавливать связь по телефону, по радио и через мотоциклистов. Наконец, в час дня, в Бьерме началась контратака, прикрытая заградительным огнем. С КП видны были штук двадцать вражеских самолетов, которые кружились, как вороны; доносились орудийные раскаты. Один самолет загорелся и упал. Полчаса спустя связной из второй роты сообщил, что на шлюзах все восстановлено в прежнем виде. Противник оставил пленными сорок три человека, бо́льшая часть их отправлена в штаб полка в Перт, человек пятнадцать убитыми и двенадцать ранеными. Все в батальоне были на седьмом небе от счастья. Полк молчит, но, по крайней мере, он действует.

Примерно в шестнадцать тридцать бой возобновился, и на этот раз слева. Автоматы, орудия, артиллерия резерва — все пошло в ход.

Часов в пять из штаба полка, обливаясь потом, вернулся Гондамини. «Неземной капитан» и майор обменялись красноречивым взглядом.

— Субейрак,— приказал Ватрен,— пойдите узнайте, нет ли чего нового по радио .

Субейрак вышел из КП в бешенстве, уверенный, что «Неземной капитан» не захотел рассказывать при нем привезенные им новости. Франсуа направился в отделение радиосвязи. Сержант связи бился над приемником ER-17. Аппарат добросовестно потрескивал, но приема не было. Время от времени слышались хриплые позывные.

— Это зеленые,— сказал сержант.— Они разговаривают без шифра.

Он повернул ручку настройки, раздался громкий голос:

— ...Прекратите бессмысленную войну, которую вы ведете лишь в интересах Англии. Сдавайтесь, чтобы вместе с Германией установить всеобщий мир... Храбрые солдаты...

Низкий голос грубо коверкал французскую речь. Затем заиграла пластинка и зазвучали слова, неуместные в этом мире крови, огня и напряженного ожидания: «Любовь не утомляет моего сердца». Кто-то из солдат стал насвистывать мотив песни.

— Выключить,— приказал Субейрак.

Сержант выключил радио. Он сказал вполголоса:

— Они недавно сообщили, что заняли Компьен.— В его голосе слышалось сомнение, впрочем не очень искреннее.

Компьен! Но ведь это далеко к югу от Ретеля! Словно глубокая рана зияет на левой стороне карты. Страшно взглянуть: карта как будто кренится и вот-вот упадет налево... Воспоминание пронеслось в голове Франсуа. Это было в Киршвейлере. Субейрак спал в покинутом доме. В крышу ударил снаряд. Во сне Франсуа услышал страшный треск и проснулся уже на полу. Он попытался подняться, но не смог. Это было ужасно. В темноте, еще не очнувшись от сна, он чувствовал, как его что-то тянет, хватает, толкает налево. Когда он нащупал фонарь и осветил комнату, то понял, что случилось. От удара треснули балки, на которых был настлан пол. Доски правой стены еще держались, а слева — обрушились прямо в подвал! И сейчас он испытывал точно такое ощущение, как тогда.

— Ставьте меня в известность, как только поймаете что-нибудь важное. Каждые полчаса старайтесь наладить связь с полком, — сказал Субейрак.

Он направился в медпункт.

Дюрру только что отрезал руку и бросил ее на разостланную газету. Франсуа стало дурно. Дюрру обернулся.

— Возьми у меня в кармане сигарету,— сказал он.

Франсуа повиновался и полез в карман врача, пока тот перевязывал стонущего солдата. Воздух был пропитан эфиром. Он вынул сигарету.

— Прикури,— сказал Дюрру,— и сунь мне ее в рот.

Франсуа подчинился, будто под гипнозом точных жестов врача. Когда он клал пачку обратно в карман Дюрру, то нащупал револьвер. Положительно Дюрру не расставался с хорошими привычками! Франсуа спросил:

— Как с Манье?

— Я велел принести его. Кстати, здесь он?

— Вон там, тот, с бедром.

— Один шанс из десяти.

— За то, что умрет?

— За то, что выживет.

Раздался стон.

— Глупец,— сказал Субейрак,— он тебя слышит.

— Идиот! — ответил Дюрру, по-прежнему стоя спиной к Франсуа.

Он кончил обработку культи.

— Вот у этого — восемь шансов из десяти. Кстати, ты не так уж плохо перевязал своего Манье. Но надо было давно ослабить жгут. Запомни, перевязывать надо немного выше и через каждый час на несколько минут отпускать, даже если кровь пойдет снова...

Дюрру, наконец, обернулся. Никогда он не казался таким рыжим. «Он посмотрел на солнце сквозь сито»,— не преминула бы заметить бабушка Субейрака.

— Я устал,— сказал врач.— Дайте таз.

Санитар принес облупившийся фаянсовый таз, и Дюрру стал мыть руки. Он тщательно мылил их, вода порозовела.

— Давай позавтракаем,— пригласил он Субейрака.— У меня есть потрясающий паштет из зайца. Я откопал его на вилле одного коллеги. Как положение на фронтах?

— Плохо. Но мы, разумеется, выправим его на Сене и на Марне.

Врач с насмешливым любопытством взглянул на Субейрака.

— Я, правда, считал тебя блаженным, но не до такой степени. Ты прямо вроде того парня, который написал вот это в «Пари-суар».

Дюрру вытащил из бумажника смятую газетную вырезку и прочитал с горьким торжеством:

— «Один из видных репортеров имел беседу с раненым. «О, это пустяки,— сказал солдат, указывая на окровавленные бинты.— (Дюрру сопровождал чтение мимикой.) — Это ерунда! Подумаешь, рана! Но зато сколько немцев мы прикончили на наших позициях. Там остались десятки тысяч трупов. Десятки тысяч. — Его измученное лицо исказилось гримасой боли. Он прошептал: — Словом, там был настоящий компот». Это было напечатано в «Пари-суар» от 29 мая. Компот этой газеты стоит мармелада, которым нас кормили в войну 14-го года.

Дюрру продолжал вполголоса:

— Мы влипли, дурачок! Дело уже давным-давно проиграно. Все пошло только чуть медленнее, чем того ожидали наши правители, потому что... потому что находятся еще такие болваны, как ты, как наши ребята, как майор и как я сам, которые путают им карты... Да еще с пустыми руками. Много ли ты видел самолетов, с тех пор как мы сидим на реке Эн, а ну-ка, ответь?

— Ты говоришь, как «Радио-Штутгарт», — ответил Субейрак.

Эль-Медико поднес кулак к носу молодого лейтенанта.

— А как кулак говорит, ты знаешь? Он говорит, как ребята из Теруэля, которые взрывали немецкие танки бутылками горючей смеси!

Эль-Медико побагровел от злости. Он опустил кулак.

— Нас предали, — добавил он. — Даю тебе неделю, чтобы убедиться в этом. Ну, так ты не хочешь попробовать моего заячьего паштета?

— Не хочу, — сказал Субейрак.

— Тогда возьми одну банку с собой. Люблю тебя, дурака.

Субейрак взял банку. Он вдруг огорчился, как ребенок. Его восхищал этот человек, такой уверенный в себе, такой энергичный, сильный и такой невыносимый. Он ясно сознавал, что Дюрру и прав, и неправ в одно и то же время и что все гораздо сложнее. Кроме того, врач Эль-Медико имел при себе револьвер, а у него, Субейрака, револьвера не было. Он никогда не пользовался им. У него не было оружия даже тогда, когда он переправлял через канал своих зебр. Уже в этом сказывалась вся разница между ним и Дюрру.

Он пошел взглянуть на Манье, у которого был один шанс из десяти. Пулеметчик лежал без сознания и стонал. Из медпункта Субейрак пошел на КП.

Под тем предлогом, что наступило затишье, майор, взяв с собой только одного солдата, отправился в обход своих рот, километров на десять, среди бела дня, зная, что враг просачивается между опорными пунктами.

Медленно жуя, Субейрак съел паштет, сидя на своем мешке и глядя перед собой в пустоту. Покончив с едой, он долго следил за полетом двух белых бабочек во дворе кирпичного завода. Ему мерещился голос старого школьного учителя: «Чешуйчатокрылые капустницы белые, че-шуй-ча-то-кры-лые».

Когда он очнулся от сна, солнце косыми лучами освещало землю. Было уже семь часов вечера, вдали грохотала канонада, а где-то рядом кудахтали куры-несушки. Перед ним стоял майор и смотрел на него, глядя сверху вниз.

Субейрак, еще сонный, протер глаза, встал и машинально сказал:

— Прошу извинить меня, господин майор.

Майор подергивал ус.

— В вашем возрасте, вероятно, трудно не спать. А вот такие дубленые, как я, могут уже обходиться без сна. Вы говорите по-немецки, Субейрак?

— Неважно, господин майор. Но если постараться...

— В таком случае, вы займетесь пленными. Вторая рота захватила несколько человек из тех, кто нападал на Бьерм. Ванэнакер прислал нам семь бошей. Бои продолжаются, и самое главное для нас — продержаться. Ночью я переправлю пленных в полк. Грузовик вернется с боеприпасами и продовольствием.

Остальное майор проворчал сквозь зубы, но Франсуа все же расслышал:

— Хорош бы я был, если бы рассчитывал на полковника!

Субейрак вышел. Он обошел свой разбросанный взвод. Телефонисты падали от усталости. Рация принимала только немецкие сводки. Он добрался до ближайшего наблюдательного поста и стал разглядывать в бинокль вражеские линии.

Севернее, на ретельском кладбище, немцы разгуливали открыто. Время от времени, когда там разрывался снаряд, они бросались на землю и потом снова принимались за свое. Наблюдение вел сержант Лебур, худой учитель в очках из Ландреси. Его и Субейрака объединяла взаимная симпатия, основанная на общности профессии и сходстве характеров. Лебур рассказал:

— Весь день они работали. Шли полуголые, целыми группами. Можно было подумать, что они идут купаться!

Субейрак отправился взглянуть на семерых пленных, запертых в обжигательной печи. Ватрен уже находился там и расхаживал перед ними. Это были совсем юнцы. Одни неподвижно лежали, другие держались вызывающе. Субейрак приступил к допросу. Сначала его не понимали, потом стали отвечать. Один из них спокойно сказал, улыбаясь:

— Не мы пленные, а вы! Наши товарищи придут за нами.

Субейрак перевел.

Майор побагровел.

Парень продолжал на своем малопонятном языке:

— Франция капут. Пропала Франция. Завтра атака, бронированная дивизия. Морген. Париж через два дня. Хайль Гитлер!

Другой пленный, крестьянин, переминался с ноги на ногу. Он был похож на немецкого Верлома. Ватрен сжал рукоятку револьвера. Внезапно он крикнул наглецу:

— Руки вверх! Повернись! Повернитесь все! Носом к стене.

Они подчинились после того, как Ватрен сам грубо повернул одного из них. Видны были только их бритые затылки. Субейрак произнес спокойно-равнодушным тоном:

— Постоянная инструкция о содержании пленных...

— ...была написана обезьянами, у которых в 14-м году немцы не занимали родного села! — крикнул майор. — Замолчите!

Субейрак выпрямился.

— ...впрочем, инструкция будет соблюдена, — сказал он.

Ватрен сразу изменил тон:

— Есть совсем уже нечего. Займитесь этим, Субейрак. Может быть, что-нибудь осталось в брошенных домах. Возьмите с собой двух солдат.

Субейраку стало грустно. Контакт, установившийся между ними за этот трудный день, прекратился. Каждый из них снова стал таким, каким представлял его себе другой.

В печи для обжига непрерывно раздавались стоны раненых. Перестрелка ненадолго затихла. Солнце садилось, и небо синело на востоке.

Ни боеприпасов, ни продовольствия, ни линии фронта. Субейрак словно ощущал, как разбитый батальон гневно рычит, стонет и зализывает раны. По-детски отождествляя верх и север, он представил себе батальон как бы подвешенным на самом верху карты. Уцепившись за линию реки Эн взводом, засевшим у моста Со-ле-Ретель, отделениями на острове и взводом Ванэнакера на шлюзе Бьерма, батальон, качаясь, висел над пропастью, над той страшной пустотой, которая разверзлась налево за батальоном Экема. Субейрак подумал: «Дюрру прав. Мы пропали». Он тут же спохватился: «Я не имею права так думать. Я не знаю, что происходит». А за этой мыслью, издалека, волной подымалась другая: «Какое мне в конце концов дело до всего этого, раз я против войны!» Но это было сильнее его, и к горлу подступили мальчишеские слезы, жгучие слезы возмущения, стыда и горя.

Закат солнца придавал что-то театральное разоренной местности. В небе появились крохотные розовые облачка, похожие на ажурные кораллы всех оттенков, от нежно-розового до алого и пурпурного. Эти неподвижно дремлющие облака были подобны драгоценностям Венеры на томном полотне Тинторетто.

V

Что-то тяжелое оттягивало карман и било по ноге. Это был револьвер, который Субейрак, наконец, решился взять у раненого, отправленного в тыл. В нескольких шагах позади лейтенанта шли два солдата, держа карабины на изготовку, как охотники, готовые выстрелить. Какое-то непреодолимое ликование подымалось в душе Франсуа, борясь с тревогой, сомнениями и угрызениями совести. Участие в этой необычной вылазке наполняло его детской радостью. Не так уж часто в повседневной жизни приходится брать с собой двух человек и рыскать в поисках еды по чужим, незнакомым домам!

В опустевшем Ретеле гулко раздавались их шаги.

Субейрак прошел мимо винной лавки. Ставни были сорваны, стекла выбиты. Он вошел. Чье-то резкое движение заставило его схватиться за оружие. Прошмыгнула черная кошка, оба солдата засмеялись. Выложенный плитками пол был усыпан осколками, как будто здесь помещался ярмарочный балаган, где фигурки сбивали не мячами, а бутылками. Люк в подвал был открыт, так же как дверь в квартиру хозяев лавки. Там все было разграблено, криво висели простреленные семейные фотографии. Снарядом разворотило одну из стен, и в проломе сияло заходящее солнце.

В подвале они увидели бочки с вышибленным дном, в нос ударил крепкий винный запах. Чтобы наполнить несколько фляжек, разбили все бочки. На полу валялись стопки старых пожелтевших журналов. Субейрак перелистал их на ходу, издал возглас удивления, взял один из них и, тщательно сложив, сунул в карман. Во втором подвале оказался тридцатилитровый бочонок и бутыль. Офицер велел принести бутыль наверх и решил, что этой же ночью пришлет наряд за бочонком под личную ответственность сержанта. Он слишком хорошо знал своих ребят.

Один из солдат обнаружил литр перно. Он проскользнул за прилавок и стал изображать хозяина лавки. Может быть, он мечтал об этом до войны. Он разлил настойку по стаканам, но воды не было. «Рюмочку перно за Артура!» Оба парня выпили. Франсуа только пригубил и почувствовал, что его мучит жажда. Но они напрасно вертели краны. Только в кух-

не нашлось немного воды. Субейрак разбавил перно и выпил. Смесь оказалась теплой.

Уже два дня, как из интендантства ничего не привозили. Люди питались чем попало, съедали запасные пайки. Надо было думать о том, что в связи с общим наступлением продукты будут доставлены нескоро. Майор об этом думал, разумеется, но он рассчитывал вытребовать положенное его батальону довольствие у интендантства в штабе полка. Субейрак решил действовать иначе. Он собирался произвести тщательную разведку и затем убедить майора совершить налет по всем правилам в Со и даже в заброшенный Ретель, собрать в батальоне все, что удастся добыть, и потом распределить продовольствие по ротам. Франсуа усмехнулся, представив себе выражение лица «Неземного капитана», когда он изложит им этот план. Молодчина Гондамини! По крайней мере, он не был трусом!

Франсуа миновал несколько небогатых домов. Одни были разворочены снарядами, другие стояли с раскрытыми настежь дверями.

В окно одного домика они увидели скромную столовую. Она одна, кажется, осталась нетронутой, со своим стареньким буфетом, с расписными тарелками на стенах, портретами усатых зуавов и старых дам с шиньонами и с пейзажем, нарисованным на дереве: «Память о Дьеппе». На накрытом столе стояли фаянсовые глубокие тарелки, грубые деревенские стаканы и еще полная суповая миска. Один из солдат собрался было влезть в окно, но Субейрак остановил его, охваченный чувством уважения к этому бедному мирному очагу.

Дверь была заперта. Дом не ограбили, только открыли окно, а может быть, оно распахнулось само. Франсуа притворил ставни, но они снова открылись. Солдаты угадали его желание и накрепко забили ставни булыжниками за неимением молотка.

Франсуа снова пустился в путь. Городок хранил полное молчание, начавшее уже тяготить офицера.

По дороге из Живе в Реймс он заметил за роскошной решеткой сад и статую целомудренной Венеры, грациозно прикрывающей скрещенными руками грудь и живот. Лужайка перед домом была загажена, на зеленой подстриженной траве пламенела под заходящим солнцем красная подушка. Немного дальше, на мраморном балконе Франсуа разглядел дощечку с надписью, наполовину скрытую плющем. Эта нарядная, просторная вилла, построенная в стиле 1925 года, с горизонтальными пролетами окон и дверей и низкой крышей, принадлежала местному врачу, коллеге Дюрру. Франсуа вошел первым. Ворота, как только он толкнул их, раскрылись с таким же лязгом, как и ворота на вольмеранжском кладбище.

По лужайке были разбросаны женские лифчики и трусы. Один из солдат поднял и с изумлением вертел в своих грубых пальцах изящные трусики, отделанные дорогими черными кружевами.

— Вот уж никогда не подумал бы, — пробормотал он.

Вероятно, он был шахтером. Второй солдат смотрел на него с видом превосходства. Парень засмеялся, вообразив себе нечто, видимо, совсем для него новое, и сунул трусики в карман. Субейрак хотел приказать ему бросить их, но раздумал, настолько все это было нелепо.

С самого крыльца приходилось идти по разноцветным стеклянным осколкам, как в той винной лавке. Не побывав в недавно разоренном жилище, трудно себе представить, что в одном доме может быть такое количество стекла! Стекла! Стекла и бумаги.

Внутри виллы было прохладно. Франсуа не надеялся найти в этом доме много провизии, раз здесь уже побывали санитары Дюрру, но какое-то необъяснимое чувство побудило его войти в дом.

В living-room *, как и во всех комнатах, громоздилась переломанная мебель. Стекло на большой, криво висевшей акварели Диньимона было разбито. Звездообразная трещина лучилась на розовой груди парижанки, которая не отказалась бы от шелковых штанишек, спрятанных в солдатском кармане.

— Вот так работа! — сказал шахтер.

— Как тебя зовут? — спросил Субейрак.

— Рядовой Филипон, господин лейтенант.

— Рядовой Дюфур, — представился второй, — бывший почтовый служащий.

— А вы, оказывается, не нашего полка, — заметил Субейрак, разглядывая их номерные знаки.

— Так точно, господин лейтенант, — сказал Филипон. — Мы из тридцать третьего. Только что явились из отпуска. Мы должны были встретиться со своими в Ретеле, вот мы и прибыли в Ретель. Майор с белыми усами велел нам пока остаться с вами.

Солдат огляделся.

— Много тут добра.

— Да, — ответил Субейрак.

Пора было уходить, но какая-то неведомая сила удерживала Субейрака. Он больше не думал о продовольствии. Он поднялся по лестнице. На ступеньках валялось выброшенное из шкафов белье всех оттенков, ценные вещи, мохнатые полотенца...

— Ну и сволочи же эти фрицы! — сказал бывший почтовый служащий Дюфур.

Субейрак прикусил губу. Ни в Киршвейлере, ни здесь еще не ступала нога немца.

Белая гладкая дверь вела в ванную комнату, такую же большую, как столовая у матери Субейрака. Мародеры особенно потрудились над керамикой, зеркалами и флаконами духов. Лучи заходящего солнца переливались в бесчисленных осколках битого стекла. С пола поднимался слабый женственный аромат перемешанных духов. Розовая, вделанная в стену ванна треснула.

Солдаты шли за лейтенантом. По мере того как они продвигались, бешенство все больше охватывало Франсуа. Но его ждало нечто худшее: груды изорванных, растоптанных книг. На полметра от пола громоздились брошюры, гравюры, старинные эстампы, комплекты редких журналов. Он нагнулся. Книги восемнадцатого века, переплеты времен романтиков, современные оригинальные издания. Несколько раз ему почудилось во всей этой бумажной неразберихе колдуньи на помеле, черти, бесы, ведьмы и козлы.

Он начал чувствовать усталость. С тех пор как сни сменились с аванпостов, если не считать трех дней, проведенных в Шампани, на берегу Сюипы перед переходом в Ретель,— ему не приходилось спать как следует. В среднем он спал не больше четырех-пяти часов в сутки. Опустившись на колени, он прочел несколько заглавий: «Демоны и колдовство», «Демонология» Паркера. Доктор коллекционировал литературу о демонах. Потом Франсуа заметил несколько листков глянцевитой бумаги. Он поднял их и сунул в карман.

Уже темнело, нелепо так тратить время, когда нужно искать продовольствие. На мгновение ему показалось, что он сейчас же нарвется на немецкий патруль и его убьют. Он подумал, что это будет к лучшему. Тут он заметил записку на двери. Хозяин написал по-немецки:

«Просьба пощадить мою библиотеку. Она не представляет никакой военной ценности. Заранее приношу благодарность».

* Общая комната, гостиная *(агл.)*.

Надо было написать это по-французски, доктор!

Они снова спустились в первый этаж. Разумеется, кухонные шкафы были опустошены и холодильник открыт. Когда Субейрак обыскивал кухню, ему послышался шорох застигнутого врасплох зверя. Он выхватил револьвер. Хлопнуло окно. Франсуа подошел к створке двери и увидел солдата, убегавшего с мешком на плече. Офицер машинально взвел курок и бросился в погоню. Человек быстро пересек лужайку, усеянную бельем, на секунду скрылся за Венерой, подбежал к решетке, перепрыгнул через нее и исчез из виду.

Субейрак снова вложил револьвер в кобуру. Он не смог выстрелить. Грабитель был в военной форме, цвета хаки.

— Господин лейтенант, — тихо сказал почтовый служащий, — здесь кто-то есть.

Лейтенант пошел вперед и толкнул дверь в комнату, которая, видимо, служила доктору кабинетом. Он сразу увидел несгораемый шкаф и перед ним двух солдат из первой роты. Они до того стали похожи на хищных зверей, что офицер с трудом узнал их.

Вот что такое война: трое этих, а за ними сотни других, идут, чтобы разрушить мирный дом и растоптать книги. Люди уже не люди, а опасные сумасшедшие или живые мертвецы. Определения военно-полевого суда промелькнули в его голове... Самовольный уход с поста, мародерство, расстрел на месте... Франсуа шагнул к ним, запихивая револьвер в кобуру. Лицо его было страшно.

— Подлецы, мало вам одного расстрела! Прочь отсюда!

Один из солдат бросился наутек. Другой, с бегающим взглядом, сказал на свое несчастье:

— Господин лейтенант, а ведь Даладье...

Ударом кулака в челюсть Субейрак сбил его с ног. Солдат упал на пол, усеянный разбросанными инструментами и аптечными склянками.

— Пошли, — приказал лейтенант.

Одна из стен в доме доктора была разрушена. Пролом, как открытая огромная рана, зиял в нескольких шагах от ветхой беседки, увитой помятыми розами. Они миновали беседку и вышли к другой, более скромной вилле. «Внимание,— сказал себе Субейрак,— мы уже недалеко от моста». Вдруг они наткнулись на курятник. Куры закудахтали и заметались, парни в два счета придушили несколько штук. Обыскав безрезультатно с десяток подвалов и кухонь и потеряв уже всякую надежду, они неожиданно набрели на нетронутый продовольственный склад, от которого сильно пахло пряностями. Здесь хватило бы продуктов на два дня для всего батальона.

Субейрак наметил наименее опасный маршрут к этому чудесному складу. Солдаты наполнили мешки продовольствием, Субейрак набил карманы консервами, и они пустились в обратный путь к КП.

Майор Ватрен без особого труда согласился на предложенную ему «реквизицию» и отдал приказ взводу управления сторожить склад и приступить к снабжению расположенных поблизости частей. Субейрак не сообщил о грабителях.

Приближалась ночь. Молодого человека мучила жажда, и он выпил почти целый литр воды. Майор дремал на плетеном стуле. «Неземной капитан» что-то жевал. Субейрак вытащил из кармана листки, которые он поднял на полу, в библиотеке доктора: четыре снимка Коллиура, того городка, где объявление войны застало Анни и Франсуа.

Франсуа лежал на тюфяке, закинув руки за голову, и разглядывал трещины в кирпичах над своей головой. Майор дышал во сне тяжело, как дышат старые люди. Убежище, освещенное фонарем, время от вре-

мени сотрясалось, и тогда на потолке двигались тени. Субейрак не спал, отдавшись во власть воспоминаний.

Перед его глазами ожили четыре фото, на которых каждая мелочь была ему знакома. Маленький каталонский порт Коллиур. На одном из снимков — розовая колокольня Сен-Венсан. Фотография верно передавала причудливое изящество мавританского городка. На двух других снимках сцены из боя быков на деревянных аренах: ловкий выпад тореро и удар шпагой в затылок быка. На четвертом — крупным планом изображалась каталонская лодка. На носу ее чернели три фигуры святых в византийском стиле, удивительно напоминающие манеру Чимабуэ*. Франсуа помнил эту лодку!

В августе прошлого года он и Анни сидели перед этой лодкой и восхищались ею. Франсуа рассказывал Анни о постоянстве форм искусства во времени и пространстве, о постоянстве совершенных линий каталонской лодки, современнице спутников Улисса и, наконец, о неизменном облике Черной Святой — покровительницы цыган; с византийских времен фигуры этих святых одинаково изображались христианами в Венеции, в Генуе и на Майорке.

...Я снова вижу этот день, золотой как мускат, словно с тех пор не прошло десять месяцев... «Пять часов вечера»... Как в стихах Лорки: «A las cinco de la tarde». Море все искрится, и гарби, ветер из Испании, постепенно стихает... Море... Молодые алжирцы... Анни, как хорошо! Пойдем купаться, Анни...

Эти снимки вызвали в нем лихорадку воспоминаний. Штамп подтверждал, что снимки были сделаны в августе 1939 года. В августе 1939 года врач, обладатель разоренной виллы, шелкового кружевного белья и книг по демонологии, жил в Коллиуре одновременно с молодым учителем. А через год тот же молодой учитель с ужасом и отвращением смотрел на его разграбленное жилище. Алжирские ребята... Он и Анни видели их... Да, это были те самые подростки из Орана, которые тогда только что высадились в Порт-Вендре и пели о том, как они сделают Франко скопцом... А впрочем, это было не тогда, а годом раньше! Сколько времени прошло с тех пор... *Кровотечение... Истекающий кровью Манье, у которого остался один шанс из десяти. А сколько у нас шансов? Немногим больше.*

В том же 1938 году Франсуа искал в Порт-Вендре ту хижину, о которой в своем *Дневнике* пишет писатель-живописец Эжен Даби. Он нашел ее: в ней помещался кабачок «Тамарен» и там горланили новобранцы из Орана. А в 1939 году Анни однажды с трудом огибала в лодке мыс Беар у Порт-Вендра, иначе говоря у Порта Венеры, и от встречных течений остроконечные волны так исступленно бурлили, что казалось, море кипело. Анни было страшно.

О, прогулка перед твоим отъездом, Анни, и памятник Майоля в Баниюльсе... спруты, выброшенные мальчишками на набережную, и особый запах коллиурских анчоусов, запах самого Коллиура, который в первый день показался тебе таким грязным, что я думал, ты к нему никогда не привыкнешь. Но прошла неделя, и ты его полюбила... А отплытие «Эль Мансура», оранского рейсового парохода, по размеру почти такого же, как Порт-Вендрская бухта. Он был слишком велик для этой бухты, и приходилось привлечь всех рабочих и всех матросов порта, чтобы вывести в море это судно под флагом... да, именно под флагом... Знаешь, Анни, я только теперь понял... Под флагом... Мечта Даби и моих друзей развеялась, а ты еще ничего не знаешь; мечта разрушилась, потому что я тогда не сознавал, что такое флаги, что они значат в нашей

* Джованни Чимабуэ — флорентийский художник XIII века.

жизни — в то время их смысл был скрыт от нас нашей же наивностью, простодушием и фанфаронством. А помнишь виноградники, куда ты забиралась пощипать созревшие ягоды, а я всегда боялся, что тебя поймают; как честный социалист, я уважал собственность, и ты смеялась над этим. А между тем, клянусь тебе, я понимаю теперь свои страхи; я только что видел, как люди пощадили собственность бедняка, у которого на столе еще стоял суп, и как они же разгромили дом врача, сделавшего эти снимки. Ты знаешь, мы ведь могли встретить этого врача. Он, вероятно, останавливался в Ла-Балет или в Харчевне Тамплиеров. Он, быть может, улыбался тебе. В этих снимках есть что-то жестокое. Они говорят мне о навсегда утраченном рае. Пойми меня. Или меня убьют, или я стану другим человеком. Анни, мне больно сегодня. Я словно слышу звуки сарданы на площади. Грудь мою теснит мелодия, которую мы слышали там. Она напоминает мне о Страшном суде. Я не знаю, как со мной поступят на Страшном суде. Я не знаю, что я сделал сам с собой!

Ты помнишь на площади в Банюльсе колонку с насосом у памятника Свободы. В 1939 году насос Свободы сломался, его наспех скрепили проволокой. Но тогда он еще кое-как держался! О эта ночь, когда мы купались в Полиле, с весел, сверкая, стекала вода, и ты разделась, моя ночная Венера, и по плечам твоим струились алмазы! Я все помню: и морских ежей, и военные грузовики, оставшиеся от гражданской войны прошлого года... и твой страх перед фантастической лодкой, той самой, помнишь, которая отскакивала от тебя, когда ты, усталая, подплывала к ней, чтобы отдохнуть... Как сейчас, вижу перед собой хозяина гостиницы, похожего на потасканного Адольфа Менжу, с его больной печенью и неотвязной мечтой о кругосветном путешествии. Вспомни, он разговаривал только географическими названиями, но зато как многозначительно, с какими интонациями: «Ах, Джерба, Джерба... Ах, Макао, Макао, Макао... Ах, сударь, Маркизские, Маркизские острова! Ах, Вера-Крус! Ах, Гонконг, Гонконг, Гонконг, Гонконг!» Как он был красноречив!

Майор храпел, Гондамини отрывистым голосом диктовал донесение. С улицы доносилась обычная музыка ночи — «маленькая ночная серенада», только не Моцарта: крики сов или каких-то хищных птиц и далекие орудийные раскаты. Нет, эта ночь и день и снова ночь были просто дурным сном. Манье, которого не смогли вывезти в тыл и у которого в убежище Эль-Медико оставался только один шанс из десяти, — это лишь видение кошмара, Компьен, конечно, не взят немцами.

Нет, довольно предаваться пустым мечтаниям! Это слишком легкий путь. Франсуа попытался рассуждать:

Анни, послушай и пойми меня. Я прекрасно сознавал, какая надвигается драма. Я понял роковую неизбежность этой бессмысленной войны. Я готовился к последним каникулам в солнечном порту. Я не купил зимнего костюма и заказал себе брюки для верховой езды. Я умышленно оставался без гражданской одежды. Поездка в Коллиур, Анни, была моим прощанием с мирной жизнью. И с молодостью тоже. Ты не знаешь, как долго я взвешивал возможность этой поездки. Я надеялся, что неотвратимое приближение войны и переход от дипломатии к стратегии оставят нам какую-то лазейку между миром и войной... и можно будет выкроить еще несколько дней счастья. Незадолго до того — в июле — я проходил военное обучение, нам объяснили, как полк приводится в боевую готовность. Я оставил дома уложенный чемодан, Анни. Я никогда не говорил тебе об этом.

Внимание в нем ослабело, как меркнущая лампа, и грезы баюкающими волнами вновь завладели им.

Каркассон, который так хорошо виден из поезда, великолепие его розовых каменных стен... надо будет все-таки поехать когда-нибудь и

вблизи осмотреть каркассонские крепости... и замок Сальз, словно во всеоружии возникающий из красных скал Корбьер, и пруды, и деревушки, окруженные водой и скрытые от туристов... лодки, дремлющие на лагуне... прямо над своими отражениями.

Юг во всей красе встает в воображении лейтенанта Субейрака. Он вспоминает: никогда еще жизнь не была такой сладостной, как в то лето, когда прелесть ее усиливалась от сознания нависшей над ней угрозы. Изменение в расписании поездов в Порт-Вендре задерживает на полчаса радость встречи. Платформа пустынна. Франсуа стоит на мягком от жары асфальте. Он видит выжженный солнцем пейзаж, скалу бесстрастной Маделош над морем и само море, раскинувшееся, как у Матисса, густо синеющее между домами. На платформе печет, в здании вокзала темно и прохладно. Он заходит туда. Девочка-цыганка с блестящими черными глазами напевает:

В стране фанданго
И мантилий...

Он счастлив, и песня не причиняет ему боли. Между камнями пробивается вверх цветок алоэ. Субейрак ждет автомотрису, которая отвезет его к Анни, приехавшей в Коллиур раньше, чем он.

Вот она стоит на игрушечном вокзале Коллиура, уже загоревшая, в простом пляжном белом платье, открывающем ее смуглые плечи, с тем выражением покоя, которое всегда появляется на ее лице после нескольких дней отдыха.

Они спускаются к морю. Франсуа с трудом приноравливается к медленному шагу молодой женщины. Он узнает каждый лоток, каждую террасу, каждого встречного, каждый темнеющий дверной проем, с занавесом из длинных нитей разноцветных бусин, которые позвякивают на ветру. В глубине переходов он угадывает безмятежность этих почти испанских дворов. Он соскучился по ракушкам, по рыбной похлебке, изголодался по морю, по лодкам, по ощущению палящего солнца на коже, изголодался по Анни!

Анни смотрит невозмутимо и безмятежно на страстного и беспокойного любовника, которого ей отдавал жадный город и которого война столь быстро должна была отнять у нее. Она говорит ему чуть насмешливо:

— Ты влюблен?

Настроение Франсуа сразу упало. Анни так легко вжилась в это растительное бездумное существование, так спокойно держалась, так неторопливо двигалась... Нет, тон ее вопроса не был случайным. Анни не прониклась ощущением происходящей трагедии. Она не понимала Франсуа. Романтические мечты Франсуа о коротком счастье вопреки судьбе — «Еще мгновение счастья...» — разбились: Анни не желала стать его партнером в этой игре.

Впрочем, они неплохо провели этот отпуск, предоставленный им судьбой. Правда, Франсуа мучило ощущение подрезанных крыльев. Драма их любви заключалась в том, что хотя Анни любила его, но любила не так, как хотелось, да и его чувство тоже было не на высоте. Прежде она часто упрекала его в обычном для молодого человека отсутствии нежности, а ему не хватало в ее любви простоты и товарищества. Сами того не подозревая, они разыгрывали плохой водевиль. Он ехал в Коллиур полный нежности к Анни, а ей его порыв казался если не нарочитым, то во всяком случае преувеличенным, хотя она сама старалась стать ему товарищем во время этих каникул, наполненных радостным ощущением здоровья, воды, соли и солнца. Грустная игра в прятки!

Фургоны бродячего цирка отражались в море всеми своими яркими красками. Франсуа, немножко занимавшийся живописью, писал пейзаж, Анни вязала. Внезапно до них донеслись крики: в одном из фургонов в цыганской семье происходила бурная сцена расставания. Молодой рыбак вместе с цыганом уходили с солдатскими мешками на спине от своих. Цыган с театральным отчаяньем прощался со своим фургоном, рыбак — со своей хижиной. Франсуа бросил кисть. Анни отложила вязание. Она подошла к нему и села рядом. Лицо ее стало серьезным, вопросительный взгляд обратился к нему. Но Франсуа покривил душой:

— Совсем как в учебниках по литературе, — сказал он.

Они так и остались сидеть, тесно прижавшись друг к другу, плечом к плечу.

Тогда к ним подошел седой старик, с кожей цвета обожженного кирпича. Он долго разглядывал их, Франсуа снова взялся за краски, а Анни за спицы. И наконец, старик бросил им с резким каталонским акцентом:

— Эй, вы! Да, вы! Если война — это вы, то к черту мир!

Субейрак взял Анни за руку. На глади воды не было ни единой морщинки, в знойном воздухе парила огромная чайка.

Майор Ватрен проснулся. Взгляд его задержался на бумагах, выпавших из кармана Субейрака. Франсуа понял, что привлекло внимание майора. Это были страницы из старого журнала «Зеркало мира», которые он подобрал в лавке с намерением показать их Эль-Медико. Пожелтевшие фотографии рассказывали о победе 1918 года и, в частности, показывали французских солдат, проходящих под Триумфальной аркой. Франсуа подошел к неподвижно сидевшему майору. Вдвоем они стали разглядывать изнуренные лица, длинные усы, долгополые плащи, генералов, похожих на священнослужителей, гарцующих капитанов, флаги, знамена, высокие воротники, узкие сюртуки и котелки в толпе.

Вдруг Ватрен резко отвернулся и встал.

Последовала долгая пауза.

Наконец майор сказал не оборачиваясь:

— Что касается перевода Пуавра, Субейрак...

— Слушаю, господин майор.

— Это бесполезно.

— Но, господин майор, ведь мы... вы сами решили...

Майор кашлянул и добавил:

— Я вам не обещал, что Пуавра не убьют.

Где-то в стороне Бьерма снова застрекотали автоматы.

— Вы свободны в течение часа, — добавил Ватрен.

Майор обернулся. Лицо его было бесстрастно. Он наблюдал, как Субейрак собирается, затягивает ремень, аккуратно перекладывая кобуру так, чтобы она не мешала ему при ходьбе. Офицер открыл кобуру, вынул револьвер, осмотрел его, покрутил барабан, положил оружие на место, молча отдал честь и вышел.

Франсуа снова пошел той же дорогой, что и утром, почти в такой же темноте. Он переправился на остров тем же путем. Взвод его оставался на прежнем месте. Пуавр умер за два часа до его прихода. Сержант Бодуэн, таможенный контролер, рассказал ему тут же, у тела Пуавра, как было дело. Немецкие мины обрушились на земляную насыпь, за которой залегли французы. Раненный в голову Пуавр упал навзничь, при первых взрывах. Он ведь всегда проявлял крайнее легкомыслие, пренебрегая мерами предосторожности, не нагибался, не прятался, не полз. По-маль-

чишески непосредственный, он своим ясным взглядом обезоруживал гнев начальства. Издали все видели, как он упал, но во время бомбежки невозможно было прийти ему на помощь. Это случилось в десять часов утра. Вместе с Пуавром был старший сержант Бушё. Он-то и крикнул, что Пуавр убит. Они не смогли тогда сразу же послать санитаров. С великим трудом, только к вечеру удалось унести трех раненых. И уже в сумерках Бодуэн услышал предсмертный хрип, доносившийся с того места, где упал Пуавр. Пуавр еще был жив! Бодуэн побежал туда, но, увы, уже ничего нельзя было сделать. Агония Пуавра длилась еще два часа.

Теперь его мучения прекратились.

Субейрак взял руку Пуавра. Она была холодна и не гнулась. На безымянном пальце, рядом с обручальным кольцом, Франсуа увидел самодельное алюминиевое. При слабом свете затемненного электрического фонаря Субейрак увидел на своем пальце точно такое же кольцо. Пуавр смастерил эти два кольца из обломка самолета, принадлежавшего прославленному английскому летчику Кобберу, который был сбит в марте. Пуавр выточил их тогда напильником, сделанным из своего швейцарского ножа, и сказал лейтенанту:

— Нужно будет изготовить еще одно для моей жены.

Франсуа снял с пальца покойного оба кольца, обручальное и алюминиевое, связал их веревочкой и положил в бумажник для жены Пуавра.

Пуавр! Вестовой был его лучшим товарищем, несмотря на разницу в звании и социальном положении. Перед Франсуа лежало мертвое тело, но он не мог думать о Пуавре как о покойнике. Он представлял его себе на привалах, в Вольмеранже, вспоминал, как тот любезничал с лотарингскими девушками, — вестовой был воплощением их мечты о голубоглазом блондине.

Шел третий месяц войны; их часть стояла у Валансьенна. Солдаты нервничали: вблизи — родные места, а отпуска отменены. В то воскресенье Пуавр, с большим трудом взяв себя в руки, целый день бродил по виноградникам, по полям, засеянным люцерной и свеклой. А вечером, прекрасным осенним вечером, он явился в сад, где Субейрак беседовал об искусстве с капитаном Леонаром. Пуавр принес огромное яблоко.

В его протянутой руке оно так и сияло — круглое, румяное, спелое.

— Я скучаю по жене и по моему мальцу, вот я и пошел и стал искать для вас самое лучшее яблоко, чтобы не думать о них.

В цветущем саду Пуавр стоял перед Субейраком и капитаном. Солнце бросало свои лучи на его затрепанную форму, и казалось, человек сейчас заговорит с птицами.

Субейрак взглянул на умершего и стиснул зубы, чтобы не разрыдаться.

VI

Когда молодой офицер вернулся на кирпичный завод, надеясь забыться сном и уйти от мертвых и от живых, он нашел майора и «Неземного капитана» в компании батальонного адъютанта и писаря. При резком свете лампы они напоминали вырезанных из дерева святых, неизвестно почему облаченных в мундиры, на которых чуть блестело потускневшее золото. Их лица были серьезны.

— Подойдите сюда, Субейрак,— сказал Ватрен.— Есть распоряжение из штаба. Вы можете идти, Гондамини. Субейрак вас заменит. Возьмите кальку.

Субейрак подчинился. Он ненавидел кальки, цветные карандаши — все это делопроизводство смерти. Вражеские части помечались красными стрелками, указывающими направление ударов.

— Ну вот, слева немецкое наступление идет на Шато-Порсьен,

Авансон, Таньон с клиньями в районе Сервельского леса и леса Буше. Рота Каватини соприкасается с противником на своем левом фланге.

— С противником. Но, а как же... батальон Экема?

— Батальон Экема получил приказ отойти к Таньону и Шатле.

— Но дивизии, которая была слева, ведь больше нет!

— Я... не знаю. Я ничего больше не знаю.

Майор опустил глаза; его указательный палец начертил на карте линию прорыва немецких войск — Шато-Порсьен, Авансон, Шатле...

— Ретурн, — сказал он вполголоса.

Это была речка, текущая параллельно реке Эн, в десяти километрах за их спиной!

Ощущение оголенного слева фланга, которому угрожает штык, то самое болезненное и уже испытанное им ощущение непреодолимого головокружения над пропастью снова овладело Субейраком. «Зов бездны, как сказано у Паскаля», — подумал он и горько усмехнулся над своими профессиональными ассоциациями.

Он собирался обозначить стрелками движение немцев к опорным пунктам батальона, но Ватрен сказал:

— Не надо. Не нужно стрелок в этом направлении. Пусть все они смотрят на юг, прямо на юг. *Как будто нас не существует.*

— Это означает, — сказал лейтенант, — что они обошли нас слева?

— Да, — ответил майор

И Старик произнес наизусть, как прилежный ученик:

— «Каждая деревня должна представлять собой замкнутый опорный пункт. Всякая часть, которую обошли бронированные вражеские орудия, должна во что бы то ни стало продолжать сопротивление и выполнять свое назначение... Следовательно, если укрепления нашей пехоты останутся нетронутыми после проникновения в наш тыл танков противника, последний, несомненно, окажется в проигрыше». Все ясно! И вот почему я получил из штаба полка приказ повернуться *фронтом к западу.*

— К западу!

Этот ошеломляющий приказ красноречиво уточнял положение. Итак, батальоны, полк, целая дивизия могли раствориться, как кусок сахару в стакане воды, и исчезнуть за один день боя!

— Повернуть фронт к западу, — сказал Ватрен, — означает также, что нужно оставить кирпичный завод. КП не может оставаться на новой линии фронта. Мы расположимся у северного края Веселого леса, чтобы иметь широкое поле для наблюдения. Вы отправитесь, как только будете готовы

— Слушаю, господин майор.

Люди уже привыкли к кирпичному заводу. Необходимость покинуть это надежное укрытие и расположиться под открытым небом не предвещала ничего доброго. Перспектива уйти из печей для обжига демонализовала больше, чем весть о том, что отныне батальон поворачивался лицом к западу, прикрытый лишь с севера одной ротой, рассредоточенной на большом участке. Франсуа почувствовал себя раком-отшельником, вырванным из раковины, вроде тех, которых коллиурские мальчишки нацепляют на удочки в качестве приманки: вооруженные руки и голый незащищенный живот.

Два часа спустя взвод командования занял северный край леса. Поставленные лейтенантом наблюдатели ничего не могли разглядеть на расстоянии десяти метров. Казалось, все шевелилось: и кусты, и деревья, и неровности почвы. Широко открытыми глазами Субейрак наблюдал ночь — ночь начала мироздания.

Переходя на новое место, они видели с холмов, как горели вдали деревни в долине Эн — Ретель, Со, Аси. На самом ветру полыхала дальняя рига. Время от времени, чтобы не заснуть, офицер вполголоса окликал солдат. Ему отвечали приглушенные голоса. Доносилось гудение самолетов, стрекотание кузнечиков в пшенице. Несколько солдат спало. Остальные копали убежище, с проклятиями перерубая корни деревьев. Вокруг них разгорался фейерверк разноцветных, плавно танцующих ракет, которые как бы подавали друг другу знаки, нащупывая и охотясь за людьми. Совсем близко двигались тени, кто-то шептался на чужом языке, кто-то подражал крику совы.

В час тридцать утра Субейрак услыхал шаги. Затем раздался низкий, спокойный голос майора. Но он увидел его только тогда, когда майор подошел совсем близко.

По приказу Ватрена солдаты прекратили копать убежище. Майор растянулся прямо на земле под деревом и почти тотчас заснул. Субейрак обошел своих часовых и разбудил сержанта-наблюдателя Лебура. Тот сменил его, Франсуа завернулся в одеяло и прижался к земле. Вдруг он сел. Кругом по-прежнему была непроглядная тьма. Рядом чей-то голос шептал:

— Они здесь, господин лейтенант! В зарослях у опушки. Они уже близко.

Голос Лебура доносился до Франсуа как во сне. Сержант помог лейтенанту встать и показал ему рукой на восток. Начиналась игра в кровавые жмурки.

Субейрак вытащил револьвер, напрягая зрение, чтобы проникнуть взглядом во мрак. Они добрались до опушки Веселого леса. Казалось, вокруг все плавно колеблется. На неясном фоне равнины деревья то приближались, то удалялись. Доносились гортанные голоса. Дважды ухнула сова, затем наступила зловещая тишина. В десяти метрах, справа налево, промелькнула тень. Субейрак выстрелил, и револьвер чуть не выскочил из его пальцев. Чей-то голос крикнул:

— Это я, господин лейтенант, это я. Не стреляйте.

Около Франсуа, задыхаясь, упал человек. Он узнал Филипона, одного из двух рядовых тридцать третьего полка, вернувшихся из отпуска. В него-то и стрелял Субейрак.

— Я задел тебя? — спросил он со страхом.

— Нет, — ответил солдат.

— Почему же ты бежал на нас? Я принял тебя за фрица! Какого черта ты торчал здесь на опушке...

— Господин лейтенант, мне надо было на двор... Я уже кончал, когда вдруг увидел двоих... Они были совсем рядом, в нескольких метрах. Я закричал...

О, стократ безумная война! Какая нелепость, что человек для естественных надобностей вынужден днем прятаться в лесу, а ночью бежать из него! Субейрака охватил нервный смех. Он представил себе, как солдату помешали, как он судорожно натягивает штаны, хватается за пояс, кричит... Смех и горе!

На КП оставалось еще несколько этих гранат. Одну из них держал в руках связист, не умевший с ней обращаться. Субейрак вынул из нее чеку и, крикнув «ложись», швырнул ее в рощу, на которую указывал Филипон. Взрыв получился неожиданно сильный. Раздался протяжный вопль, постепенно слабевший, и отчетливый шелест раздвигаемых веток. Был ли это человек? Говорят, волки, подобно ночи, всегда идут с востока на запад...

Подошел Ватрен.

— Что случилось?

— По правде сказать, сам не знаю, господин майор. Там что-то было, в тридцати шагах отсюда. Мы выстрелили. Оно завыло. Прислушайтесь.

Вопль возобновился, удаляясь, то пронзительный, то приглушенный.

— Я так и не знаю, человек это или собака, господин майор. Пойду посмотрю.

— Не надо. Оставайтесь здесь. Следите внимательно, ребята.

Бравый батальон, лишенный своего убежища в развалинах, встречал опасность, как оглушенный ударом бык, который шатается, поворачивается во все стороны, все еще угрожая своими рогами, но уже не знает, откуда придет его смерть.

Франсуа проснулся от дневного света.

Часы показывали шесть утра. Он чувствовал противный вкус во рту, и ему захотелось кофе. Все было спокойно. Он направился к роще, где прошлой ночью таилась неведомая опасность. Там он нашел осколки своей гранаты и ручную гранату, брошенную немцами. Нет, не со зверем они имели дело несколько часов тому назад.

У Субейрака оставалось еще немного хлеба. Он отрезал тонкий ломоть, открыл коробку сардин и позавтракал. Люди постепенно выходили из сонного оцепенения. Франсуа с трудом глотал сардины, язык словно распух у него во рту.

После долгих поисков Субейрак нашел в зарослях ручеек и, раздевшись до пояса, долго мылся. У него был еще почти неначатый кусок мыла. Когда он теперь доберется до своих запасов, оставшихся в чемодане в Жюнивиле? Вода была холодной. Щеки заросли: он уже три дня не брился. Сквозь ветви и зелень виднелись золотистые безбрежные поля, на фоне которых выделялись зеленые листья. Жаворонки кружились в небе. Солнце уже пекло, туман исчез без следа. Франсуа пристроил карманное зеркальце, засунув его за кору дуба, и побрился. Насмешливо стучал зеленый дятел. Франсуа вернулся на КП. Майор ответил на его приветствие улыбкой, которая быстро затерялась в его густых усах.

— Где это вы нашли воду, чтобы побриться, хитрый вы человек? — спросил он.

Чувствовалось, что это ему понравилось.

Около половины седьмого послышались звуки пехотного боя. Невероятно! *Немцы шли с юга и с юго-запада в* направлении Шатле-на-Ретурне, расположенного в десяти километрах отсюда. И целый день там будет неистовствовать сражение; а на их участке сейчас стоит тишина, нарушаемая лишь неясным жужжанием, словно где-то вдали роятся бесчисленные насекомые.

Бравый батальон застыл в оцепенении. Адъютант батальона ждал от майора каких-либо приказаний, хотя бы бесполезных — копать окопы или сооружать огневые точки, подсчитывать боеприпасы, проверять оружие... Но он не получил их. Ватрен помылся, побрился. Он тщательно изучил местность в бинокль, отметив все, что следует отметить: ветряк, печную трубу, смешанный лес — береза и ель. С северного края Веселого леса можно было различить вдали холмы и кладбище Ретеля — теперь они находились уже с правой стороны. В бинокль он увидел немцев, суетившихся вокруг грузовиков.

Субейрак пошел проверить ER 17, но рация совсем не действовала.

После этого он стал наблюдать, что происходит на юге, слева от них, после того как батальон повернулся на 45 градусов. Этот роскошный день — десятое июля,— напоминавший о каникулах, не походил на про-

шедший. Роты прислали донесения о размещении, требования продовольствия и боеприпасов, сведения о личном составе. Командир батальона все сам прочитал и изучил. К десяти часам утра, пока на западе и на юге продолжались, все время приближаясь, бои, жара стала уже нестерпимой. Оставалось ждать инструкций из штаба, который после приказа об изменении позиции не подавал признаков жизни.

Майор давно отправил двух связных в штаб полка, в деревушку Перт, отстоящую на четыре километра. Дорога туда и обратно требовала около двух часов, но ни один из посланных не возвращался. Ватрен становился все менее разговорчивым.

Прошел еще час. Вся провизия, принесенная из Со, была уже съедена. Люди пили воду с сахаром. Субейрак вспомнил о складе в Со-ле-Ретель. Но теперь было поздно, склад находился у немцев.

К половине второго наметилась перемена. Пехотный бой приблизился. Из деревни Таньон слышно было, как бой перемещался с юго-востока в сторону новых позиций, которые, отступая, занял батальон Экема. Казалось даже, что сражение шло и на самом юге, в Нёфлизе. Вдали непрерывно рокотали моторы.

Субейрак наблюдал в бинокль опушку Веселого леса, который при свете дня не выглядел таким большим. Франсуа отметил клубы дыма над деревней Перт. Майор сидел молча, понурив голову: четыре связных, посланные один за другим в течение утра, не вернулись.

— Господин майор, — сказал Субейрак, томившийся от бездействия, — я сам пойду туда.

Субейрак отвечал за связь. От телефона осталось одно воспоминание. ER 17 молчала, словно большая консервная банка, связистов оставалось все меньше. Надо было попытаться самому установить связь.

Весь в морщинах, будто вытесанный из дерева, Ватрен сидел на пне с невозмутимым лицом; его голубые глаза смотрели без всякого выражения. Он загорел за эти солнечные дни. «Боже милостивый, — подумал Субейрак, — что с ним такое? Можно подумать, будто ему что-то впрыснули!» Майор обхватил голову руками и, упираясь локтями в колени, сказал:

— Вы родились с опозданием на двадцать лет, Субейрак.

Субейрак не понял.

— А может быть, — продолжал Ватрен, — это я прожил на двадцать лет больше, чем следовало.

— Господин майор...

— Да, вы можете попытаться установить связь с Пертом.

— Вы дадите мне пакет, господин майор?

— Бесполезно. Продовольствия и боеприпасов. И приказаний. Еды, боеприпасов и приказаний. Я предупрежу, чтобы третья рота прикрывала вас ручным пулеметом.

Франсуа снял пилотку, надел каску, затянул ремешок, сунул за пояс забытую накануне саперную лопатку и пошел к опушке леса.

С южной опушки Субейрак посмотрел в сторону Перта, невидимого, но обозначенного столбом дыма. Он вышел из леса и пробежал шагов тридцать под знойным солнцем, снедаемый стыдом. С одной стороны, ему, военному, казалось нелепым и глупым передвигаться в вертикальном положении по территории, находившейся под обстрелом; с другой стороны, ему было по-человечески стыдно встать на четвереньки. Этот внутренний спор разрешился компромиссом: он бежал в согнутом, очень неудобном положении, пока не достиг пшеничного поля.

Чтобы не попасть в лапы немцев, Франсуа решил двигаться не прямо

на Перт, а сделать крюк: пройти по высоте 145, самой приподнятой точке участка, дальше на восток до ветряка и уже только оттуда под прямым углом повернуть на юго-юго-восток, чтобы пробраться в Перт с восточной окраины деревушки. Итак, он направился к высоте. Он видел — пшеница ложилась волнами при малейшем дуновении ветра. Как хороша была Шампань с ее полями, золотыми, как шампанское! Хлеба пестрели васильками и маками, как деревенское платье; и между полями белели узкие полоски земли. На этом просторном пейзаже отчетливо вырисовывался Перт. Дым многочисленных пожаров поднимался к небу. «Если мы здесь закрепимся, — подумал Франсуа, — я установлю свой наблюдательный пункт именно на этом холме». К югу тоже пылали пожары, извергая клубы черного дыма. Субейрак определил это место на карте — и не сразу решился поверить собственным глазам: прямо на юге горели Нёфлиз, Аленкур и Жюнивиль, где оставался его чемодан. Получилось, что Субейрак находился в центре широкой, но почти замкнутой петли.

Франсуа едва перевел дух, когда над его головой послышался тонкий свист. Он бросился на землю. Как только он встал, свист раздался снова, опережая звук выстрела. Вероятно, фрицы целились издали, так как ему не удавалось обнаружить их по вспышкам.

Франсуа решил покинуть высоту 145 и углубиться в пшеницу. Он пополз. Примерно в полутора километрах высился ветряк, похожий на гигантское насекомое. Субейраку уже приходилось испытывать чувство страха, и он научился пренебрегать им. Но сейчас ему не было страшно. Все это походило на мальчишескую игру. Он спрашивал себя, до каких пор враг будет выслеживать его в пшенице. На мгновение он остановился около цветущего мака, покрытого пушком, и сорвал его. Он бросил взгляд в сторону Веселого леса, но лес уже скрылся за холмом. Стоило Франсуа высунуться из пшеницы, и шквал пуль пронесся над его головой. Взятый на мушку, он должно быть выглядел забавной подвижной крохотной мишенью. Плохо было то, что на этот раз стреляли слева. Лейтенант оказался меж двух огней. Раскаленная каска жгла ему голову. Временами он различал вдали почти прозрачный ветряк. Субейрак полз в пшенице, но лето стояло засушливое, и колосья были невысоки. Раздалась пулеметная очередь, более отчетливая и медленная: третья рота принялась за немецкий ручной пулемет. Тогда Франсуа вскочил и бросился вперед, сначала короткими, а затем все более длинными перебежками. Фрицы, занятые французским пулеметом, оставили его в покое. Франсуа проскользнул в небольшую канаву на границе пшеничного поля и луга и пошел большими шагами. Ветряк стал ближе. Офицер заметил осколки немецкого разведывательного самолета, сбитого два дня назад.

Франсуа выбрался из пшеницы и карабкался по голому косогору, изрытому кротами. Он уже не бежал, а шел задыхаясь. Пот струился у него из-под каски по шее, под мышками. Положение снова ухудшилось: ему предстояло спуститься по склону сотню метров, а враг как будто стал ближе, и пули снова со свистом проносились над головой Франсуа. Пулемет третьей роты здесь уже не мог помочь. Земля была голая, вся в белых известковых пятнах, и пули, разрываясь все ближе и ближе, подымали клубы меловой пыли. Франсуа пополз, прижимаясь к земле. Пули словно приноравливались к нему, преследовали и травили его. Красный огонь не спешил убить его. Он вдруг почувствовал, что деревянеет, теряет дыхание и что сердце больно колотится о грудную клетку. Ему ни за что не одолеть оставшиеся восемьдесят метров. Если он притворится мертвым, немцы прекратят обстрел. Но тогда ничто не помешает им подойти и схватить его. Эта мысль подстегнула Франсуа, и он пополз дальше. Вдруг он вздрогнул: о его каску ударился камешек. Тогда он вскочил и побежал к душному и влажному от жары лесу, окружавшему ветряк, величе-

ственно крутившийся на фоне синего неба Перед ним градом сыпались пули, но он продолжал бежать. Он не знал, свои ли стреляют или немцы. Это уже не имело значения. Ветряк над его головой стал огромным.

Франсуа бросился под защиту деревьев, споткнулся о корни, скатился в канаву, ломая ветки, которые затрещали под его тяжестью. Лежа ничком на этих ветках, с закрытыми глазами, залитыми едким потом, с разрывающимся сердцем, он почувствовал на себе чьи-то руки. Он был схвачен.

— Господин лейтенант, господин лейтенант, вот это здорово!

Три солдата его полка подымали его с радостным смехом. Это они, а не третья рота, прикрывали его своим пулеметом. Оружие еще дымилось в двадцати шагах от него. Франсуа снял каску, и прохлада овеяла его голову. Один из солдат, здоровенный веснушчатый парень с оттопыренными ушами и огромным улыбающимся ртом, протянул ему свою фляжку. Лейтенант стал жадно пить. Это было очень крепкое красное вино, у Франсуа перехватило дыхание. Он вернул фляжку.

— Ты из батальона Сула?

Предположение было естественным, поскольку батальон Сула охранял деревушку Перт.

— Нет, господин лейтенант. Мы из второго батальона. Мы пришли оттуда.

И он указал на запад.

Субейрак провел рукой по внезапно вспотевшему лбу.

— Погоди, погоди, — сказал он, — батальон Экема. Не может быть! Батальон Экема стоит налево в лесу Сервель, в лесу Буше и в Таньоне, перед Пертом! В десяти километрах отсюда!

— А все же это так, господин лейтенант. Нас здесь полтора отделения. Мы располагались в туннеле около Таньона. Фрицы атаковали нас с юга. Мы видели, как их танки шли на Таньон и на Перт...

Танки? Так вот он откуда — этот адский шум моторов...

— Майор Экем решил двигаться на Перт. Мы выбрались из туннеля, но не все. Меня поймали по дороге из Со в Таньон. Немцы на грузовиках двигались от Ретеля... Они взяли меня...

— Тебя взяли!

— Фрицы заставили меня тащить ящик с боеприпасами. Немецкого солдата, который шел рядом со мной, убило пулей, и офицер-фриц велел мне взять его винтовку и стрелять в наших. Я отказался. Тогда он ткнул мне в спину свой револьвер и заставил меня таким манером идти по дороге. А потом началась суматоха. Я спрятался за дерево, они прошли, а я встретил товарищей. Вот и все.

— Но где же все остальные из батальона Экема?

Парень сделал неопределенный жест рукой.

— Да вот тут сержант...

Среди солдат стоял сержант застенчивого вида. Он козырнул.

— Сержант хочет, чтобы мы присоединились к КП полка. Но ведь это невозможно.

— Как так невозможно? — спросил Субейрак.

— Невозможно, — повторил солдат, стоя рядом с безмолвным сержантом. — Идите посмотрите, господин лейтенант.

Втроем они прошли вперед в прохладную тень. Остальные продолжали лежать на траве. Они подошли к опушке. И Субейраку суждено было навсегда запомнить то, что он увидел.

В трехстах метрах от них, по дороге из Бьерма в Жюнивиль, двигалась моторизованная немецкая колонна, замаскированная ветками, и мотоциклисты в промасленных комбинезонах. Колонна двигалась в направлении Жюнивиля.

Берега реки Эн, где еще накануне, у самой воды, фронтом на север стоял бравый батальон, являлись одной из сторон скошенного четырехугольника длиной около пяти километров. Вторую, западную, более длинную его сторону составляла дорога Ретель-Реймс, от моста Со до Сервельского леса. Третья сторона четырехугольника шла от реймской дороги, проходила через пылавший Перт и соединялась с бьермской дорогой в Жюнивиле. И наконец, немецкая колонна, идущая в Жюнивиль, закрывала четвертую сторону!

Бравый батальон был окружен.

Шестнадцать часов тридцать минут. В двух километрах от них в Перте горели дома, громыхали танки, бесновались автоматы. КП батальона также был окружен.

Как хорошо было в этом маленьком лесу, с озерцом, окаймленным кувшинками! Солдаты рассказывали про бой в туннеле. Им хотелось, чтобы этот лейтенант остался с ними. Как им поступить? Оставаться ли на месте?

— Нет, — сказал Субейрак. — Когда наступит ночь, вы отправитесь на КП первого батальона.

Не стоило рисковать несколькими жизнями. А сам он вернется на КП Ватрена. И не думая об опасности, он на этот раз зашагал прямо на запад, к Веселому лесу.

Как ни странно, его нащупали только тогда, когда до конца пути оставалось несколько сот метров. Немцы стреляли издали и без ожесточения. Он продолжал идти. В какой-то момент он ощутил толчок, упал, поднялся и снова пошел. Едва переводя дыхание, он добрался до южной опушки Веселого леса.

Перед ним вырос майор. Субейрак еле держался на ногах. Глаза слепило. Франсуа машинально поднес руку к плечу, с досадой обнаружил дырку на мундире и увидел, что ладонь его вся в крови. Майор взял его под руку.

— Господи, откуда вы взялись, мой мальчик, откуда?

Словно в тумане Субейрак различил майора и его добрую грустную улыбку. Он быстро рассказал о том, что видел. Туман перед его глазами все сгущался. Фигура майора как будто удалялась от него, поднимаясь наискосок в воздух. Франсуа почувствовал, как его укладывают на траву.

Эль-Медико поднес к его губам фляжку. Франсуа не без юмора подумал, что он, вероятно, напоминает персонаж с картины Альфонса де Невиль «Последние патроны» *. Он закашлялся, почувствовал вкус водки из ягоды терновника, попытался сострить и потерял сознание.

VII

Когда немного спустя «Неземной капитан» вернулся на КП Веселого леса, вместе с ним явился капитан-танкист, живой, хвастливый человечек. Казалось, военная катастрофа вовсе не отразилась на нем. Каждую фразу он начинал словами: «Представьте себе...»

— Представьте себе, являются эти фрицы! Вот так! Они окружают нас со всех сторон! И можете себе представить, мы вдруг превращаемся в военнопленных! Но у меня не было ни малейшей охоты идти в плен. И тогда я оставил их всех там и ушел. Да, в этих сетях оказалась дырка, можете себе представить!

* Альфонс де Невиль (1836—1885) — французский художник-баталист. «Последние патроны» — одна из его известных картин.

Вся эта утомительная болтовня разбудила Субейрака. Он чувствовал себя слабым и точно окутанным ватой. Мучительно болело плечо. Он хотел к нему притронуться, но оно оказалось забинтованным. Жара как будто не было, но в то же время Франсуа ощущал странную легкость во всем теле. Он вспомнил свою прогулку под пулеметным огнем, и запоздалый страх обуял его так сильно, что по спине у него пробежала дрожь. Все отчетливее доносились до него слова танкиста:

— Представьте себе, господин майор, наш батальон находился на позиции направо от Бьерма...

Это были те танкисты, которые занимали соседний оборонительный участок, справа от их полка.

— Только мы получили приказ об отступлении, как нас сцапали, точно каких-нибудь новобранцев!

Солнце садилось за Веселым лесом, равнодушный ко всему вечер расцвечивал все вокруг в яркие оперные тона. Косой солнечный луч, пробиваясь сквозь листву, осветил Ватрена, вызывая в возбужденном воображении мимолетное представление о какой-то невероятной картине, в которой импрессионизм сочетался с батальной живописью. Ватрен односложно отвечал суетливому маленькому капитану. Франсуа улыбнулся. Он знал, что Ватрен раздражен.

— Вы сказали, что получили из своей дивизии приказ об отступлении? — спросил, наконец, майор.

— Да, на восток, — ответил капитан. — Как только стемнело, мы начали отступать в направлении Повр и Вузье. Вы, вероятно, получили такой же приказ, раз вы стоите слева от нас.

Майор, неподвижный, как скала, погрузился в раздумье.

— Что вы думаете об этом? — спросил он в конце концов у капитана Гондамини.

— Это вполне логично, — ответил «Неземной капитан». — Ведь восток для нас означал бы Мениль-Аннель и Повр...

— Простите, капитан, — сказал майор, — вы своими глазами видели этот приказ?

— Да, господин майор. В руках командира нашего батальона. Можете себе представить, мы как раз собирались выполнить его, когда...

И он растерянно умолк, смущенный неприветливым видом собеседника. Он подмигнул Субейраку. Взгляд его явно означал: «Ну, братец мой, не весело должно быть вам тут бок-о-бок с двумя такими типами!»

— Не может быть, — спокойно сказал Ватрен.

Он вынул из кармана приказ Вейгана от 5 июня. Он лично переписал его своим крупным почерком, угловатым, как он сам. И Ватрен прочитал:

— «Во Франции началось решающее сражение. Дан приказ защищать наши позиции, не допуская мысли об отступлении. Держитесь крепко за французскую землю. Смотрите только вперед».— Он поднял голову и повторил: — «Не допуская мысли об отступлении».

Маленький капитан переминался с ноги на ногу. Ватрен продолжал:

— «Находясь в тылу, командование приняло все меры, чтобы поддержать вас». Ну вот, вам ведь известен текст этого документа. Он находится в полном противоречии с вашим мнимым приказом, сударь.

— Господин майор, я не могу вам этого позволить! Я в дивизии со дня мобилизации. Уж не воображаете ли вы, что я сбежал...

— Я не хотел оскорбить вас, капитан, — сказал Ватрен.

— Во всем этом деле, — заметил Эль-Медико, — насчет того, что надо смотреть вперед, самое главное — выяснить, где перёд!

Майор бросил на него убийственный взгляд. Эль-Медико состроил виноватую мину, и Франсуа с трудом удержался от смеха.

Субейрак встал. Он с удивлением убедился, что держится на ногах. По-видимому, рана его была легкой. Когда выяснится эта история с танкистами и их отступлением, он расспросит Эль-Медико. Невдалеке раздались странные звуки, похожие на замедленные аплодисменты. Это взлетел, хлопая крыльями, дикий голубь. Солнце клонилось к закату. Наступал тот час, когда в пригородах поливают сады.

— Давайте разберемся во всем этом, — сказал майор. — На левом фланге уже нет батальона Экема. Направо частично сдался Бьерм. Так. Части, стоящие еще дальше вправо, отступают или будут отступать. А Перт — тыл — весь в огне. Следовательно, КП полка больше не существует. Моторизованная колонна, которая двигалась с севера на юг, отрезала нас от него. Так я говорю, Субейрак?

— Именно так, господин майор.

— Ну что ж, значит вы, по-видимому, правы, капитан. Приказ до меня не дошел, вот и все.

«Неземной капитан» вздохнул с облегчением.

— Капитан также говорит, — уточнил Гондамини, — что, судя по сообщениям отдельных подразделений, полк оставляет Перт.

Эти слова, словно невидимый кулак, нанесли удар Ватрену. Полк уходил, бросая на линии фронта свои батальоны, и даже не предупреждал их. Майор овладел собой и повернулся к танкисту.

— У нас еще есть время уйти от противника ночью, — сказал Гондамини.

— Об этом не может быть и речи, — обрезал его майор.

Он снова взял в руки приказ Вейгана.

— Вот единственный приказ, который я получил. Я подчиняюсь ему.

— Но ведь... — произнес «Неземной капитан».

— Таково мое решение, — сказал майор.

Он уселся на траву под елью, прислонился к стволу и закрыл глаза.

— Господин майор, — заговорил танкист, — я попробую разыскать солдат, оставшихся от моей части. Мне надо еще кое-что сделать. Вы не можете себе представить...

Майор не пошевелился. Танкист взглянул на «Неземного капитана», пожал плечами, коснулся сухой руки Гондамини, затем попрощался с Субейраком, сочувственно взглянув на него, и ушел. Некоторое время еще раздавался треск веток под его ногами.

Время от времени Субейрак бросал взгляд на Ватрена. Слова «мой мальчик», которыми майор встретил его, вызвали в молодом офицере какую-то нежность к этому человеку. Он с изумлением заметил, что она, видимо, уже давно зреет в нем, хотя в душе он искренно считал, что ненавидит своего начальника. Ему хотелось подойти и сесть рядом с майором, но он не посмел.

Солдаты почти не разговаривали. Четверо из них делили последнюю банку мясных консервов.

— Я все думаю, когда же мы опять будем есть хлеб, — сказал один из парней.

Франсуа попытался шутить. Но они не отзывались на его шутки — не то что зебры. «Уж лучше бы мне пропадать вместе с ними». В нем зашевелилась обида на полковника, который разлучил его с ними. Он не подумал о том, что и полковник наверно не виноват, так как сам был лишь исполнителем приказаний, полученных сверху.

Расстроенный Франсуа пошел к Эль-Медико. Врач пощупал у него пульс.

— Все в порядке. Ночью у тебя поднимется температура, но небольшая. В общем у тебя просто большая царапина: потерял немного мяса и все. Постарайся, чтобы повязка не слетела. Завтра я тебя снова перевяжу. Если, впрочем, я еще буду здесь.

— Почему? — простодушно спросил Субейрак.

— «Почему?», — насмешливо повторил врач. — Да потому, что я не гожусь для того, чтобы оказывать услуги Великой Германии.

— Ты полагаешь...

— Э, да у тебя жар сильнее, чем я думал. Ты ведь сам сообщил нам о том, что мы в окружении. Или ты забыл об этом? Утрата памяти на почве высокой температуры. Ты нашел выход в забывчивости! Банальный выход из положения. На, возьми сигарету. Что делает Старик?

— Сидит на одном месте и перечитывает приказ Вейгана.

— Устремившись одним глазом на синюю линию Арденнских гор, а другим — на Дюнкерк. Или на Гавр. Или на Бордо! На что он надеется? На то, что солдаты камешками заставят отступить немецкие танки?

— Не знаю, на что он надеется, — ответил Субейрак, — но я бы не хотел быть на его месте.

После долгой паузы Эль-Медико задумчиво произнес:

— Так или иначе, тебе придется когда-нибудь это сделать.

Субейрак не понял, о чем говорил врач. Утомление притупило в нем и ум, и остроту реакции. Он решил поспать. Эль-Медико язвительно добавил:

— А главное не забывай: душевный мир держится на волоске.

Когда Субейрак проснулся, майор по-прежнему сидел под деревом, где помещался КП. Перед ним стояли два солдата. Очертания их были неясны — тени, потерявшие своих хозяев. Это явились связные из полка. Они доставили майору Ватрену запоздавший на несколько часов приказ об отступлении.

Пока изучили маршрут, предупредили ротных командиров и остатки взводов, пока собрали батальонное имущество и оповестили всех офицеров, разбросанных на новых позициях, было уже два часа утра. В непроглядной тьме, входили и выходили из леса группы вооруженных людей, они вполголоса переругивались и громыхали фляжками. Солдаты, как в притче о слепых, плелись один за другим по следам разведчиков, которые пытались разглядеть чуть мерцающие стрелки компасов. Солдаты шли за унтер-офицерами, держа карабины наготове и ежеминутно ожидая столкновения с немецким патрулем. Приходилось их удерживать от стрельбы по каждому шевелящемуся предмету. А вокруг все шевелилось! Немецкие разведывательные самолеты пускали красные и белые осветительные ракеты, распространявшие в воздухе колеблющиеся лучи. Другие ракеты светили с земли.

Остатки бравого батальона шагали в зловещей ночной темноте, делая от силы полтора километра в час. Каждый раз, когда новая группа проходила перед Веселым лесом, Субейрак расспрашивал людей, из какой они части. Тут были не только подразделения из батальона майора Экема, но также и отдельные, отставшие от своих, солдаты десятой дивизии, и саперы инженерных войск, которые так неумело взорвали ретельский мост, что по нему весь день шли вражеские танки. В этой фантастической и лихорадочной неразберихе Франсуа столкнулся со взводом пулеметчиков.

— Где Пофиле? — спросил он. — Он сзади?

— Нет, он спереди,— ответил один из солдат.

— Да нет же, господин лейтенант, Пофиле убит.

Так майор Ватрен и Субейрак узнали о смерти Пофиле, чья веселость стала только притворством после ночи в Вольмеранже; должно быть, он потерял уверенность в том, что немцы, сняв с него сало, оставят ему шкуру.

Он погиб, ведя огонь из пулемета. Пуля попала ему в голову. Он не мучился. Солдаты закопали его там же на месте.

Младший лейтенант Пофиле погиб за Францию, и за нее же погиб человек в Вольмеранже. Круг замкнулся.

По мере того, как проходили солдаты, потери становились отчетливее, катастрофа очевиднее. Не со всеми взводами удавалось связаться. Выяснилось, что первая рота полностью окружена. Третья еще не появлялась. А рассвет приближался. Что будет при такой неразберихе со взводом Франсуа? На заре, когда третья рота двинулась в направлении Мениль-Аннель, вспыхнул ожесточенный заградительный огонь немецких автоматов. КП покинул Веселый лес. Перепрыгивая из одного кювета в другой, двум взводам удалось пересечь дорогу Бьерм-Жюнивиль (ту самую дорогу, на которой Франсуа видел вчера немецкую моторизованную колонну), но выстрелы стали точно попадать в цель, и два других взвода остались на месте, словно пригвожденные.

Так Франсуа удалось разыскать два отделения своих зебр — отделение Бодуэна и отделение капрала Луше. Солдаты Шеваля не смогли уйти с острова. Зебры больше не расставались с Франсуа. Старшего сержанта Бушё ранило в руку около пяти часов дня.

— Он нес свою руку, как горшок с геранью, господин лейтенант!

Старший сержант пробежал с громкими воплями. Субейрак представил себе, как он, обезумев от страха, бежит, ничего не разбирая, и держит руку, как цветок. Лейтенант и сержант Бодуэн встретились взглядом и тут же оба отвели глаза. Они поняли, какая мысль возникла у обоих по поводу ранения сержанта Бушё.

Приказ майора с точностью отражал краткое распоряжение полковника и гласил, что на линии обороны в Мениль-Аннель батальон будет встречен танкистами. Когда около семи часов утра они добрались до деревни, то действительно увидели импровизированные баррикады из телег, из дверей, снятых с петель, и распутанной колючей проволоки. Но ни единого человека они не обнаружили. Деревня казалась вымершей. Субейрак, снова возглавлявший свой взвод в этом беспорядочном смешении частей, послал Матиаса и двух других солдат обшарить фермы, потому что люди были голодны. Они нашли только то, чем пренебрегли предыдущие. Дневной свет с беспощадностью обнажил все, что осталось от бравого батальона,— около двухсот человек, разбросанных на двух километрах в полной неразберихе.

Дорога становилась опасной. Ватрен решил пробираться полями и отдал офицерам распоряжение подтянуть к себе остатки взводов. С наступлением дня возбуждение, порожденное бегством,— а это было бегством — уступило место угрюмому упорству раненого зверя, который продолжает двигаться вперед. Растяжение сухожилий в колене снова начало мучить Субейрака, он еле волочил ноги. Рана в плече болела все сильнее.

К Субейраку присоединился Ванэнакер. Он нес ручной пулемет, а следом за ним шел солдат с сумкой, набитой дисками. Снова четко, где-то рядом, стали взрываться гранаты, затрещали автоматные очереди, отдаваясь звучным эхом в соседних лесах. Солдаты уже походили на бандитов. Почти все они побросали свои мешки и противогазы, чтобы легче было идти. Лейтенант Катле, который командовал пулеметной ротой после отъезда в дивизию капитана Бертюоля, только что доложил майору, что уже нет никакой возможности таскать пулеметы на руках. Пулеметчики либо цеплялись за место, расстреливая все ленты по первой

попавшейся цели, пока их не забирали немцы или не освобождала контратака, либо бросали оружие и присоединялись к общей колонне. Невозможно тащить станковые пулеметы двадцать километров по бездорожью.

Какой бы вопрос ни задавали Ватрену, он отвечал не сразу. Лицо его было настолько лишено выражения, что окружающие невольно спрашивали себя, слышит ли он обращенные к нему слова.

— Ну хорошо, — сказал, наконец, майор, — вы со своими солдатами пойдете за мной, Катле.

— А как же с пулеметами?

— Унесите затворы. Вы побросаете их в нескольких километрах отсюда.

Майор Ватрен пожертвовал оружием ради солдат.

Когда солнце поднялось выше и стало припекать, бравый батальон пошел еще медленнее. На расстоянии нескольких сот шагов начали рваться немецкие мины, и майор решил пробираться лесами, которых так много между Шампанью и Арденнами. Субейрак и Ванэнакер подсчитали в уме огневые ресурсы батальона. Фактически бравый батальон был уже обезоружен. Тяжело, почти невозможно становилось отвечать на участившиеся вопросы солдат, куда и зачем они идут. Ведь если части, с которыми они должны соединиться в Мениль-Аннеле, уже отступили, бравый батальон повиснет в воздухе.

А Ватрен все шел и шел. В нем было что-то от проклятого богом охотника. Через каждый час он делал остановки. Солдаты как-то невольно собирались вокруг него. Он заставлял их расходиться. Людей становилось все меньше: видимо, многие умышленно отставали в пути.

Перед тем как укрыться в лесах близ деревни Повр, Ванэнакер и Субейрак услышали над собой гудение надоевшей им кукушки — разведывательного вражеского самолета. Он летел низко над землей, и они принялись его обстреливать. Несмотря на рану, Субейрак справлялся с ручным пулеметом, установленным на плечах рослого Вана: упора для зенитной стрельбы давно уже не было! Самолет обрушился на них градом пуль, улетел и больше не появлялся.

Несколько человек принялись ворчать. Не к чему выдавать немцам местонахождение батальона! Это было первым проявлением неповиновения. «Гангрена начинается, — подумал Субейрак. — И со мной будет то же самое».

Поскольку они большей частью шли опушками, им пришлось несколько раз видеть картину, столь поразившую накануне молодого лейтенанта: целые колонны танков, грузовиков и повозок всех видов спускались по гудронированным дорогам со скоростью в 30 километров по направлению к Реймсу, Сюипу и Мурмелону.

В полдень жара обострила утомление, жажду и голод. У раненых поднялась температура. Заснувшие в траве солдаты оставались забытыми. Майор отдал приказ о большом привале.

Офицеры собрались вокруг Ватрена. Они говорили, но Ватрен не отвечал им. Молодые офицеры нервничали: что означал этот бессмысленный поспешный переход и затем долгий привал? Чего хотел майор? О чем он думал?

Во второй половине дня на дороге появился вражеский мотоциклист. Видимо, он намеревался уточнить данные кукушки. Он спокойно приближался на своей машине. В четырехстах шагах немец остановился. Издали казалось, будто он весь одет в кожу и похож на робота — получеловек, полумеханизм. Он осматривал опушку леса в бинокль. Бравый батальон замер. Контрабандист Матиас выругался, взял винтовку и тщательно прицелился. Но он не выстрелил: вслед за мотоциклистом показались еще двое. Бесполезно.

Тогда батальон снова пустился в путь в сторону, противоположную той, откуда появились немецкие разведчики. Потерявший всякую точку опоры батальон, словно пораженный страшным недугом, начинал кружиться на месте.

Они сделали еще один привал в смешанном лесу, с березами, елями, с папоротниками и песчаными прогалинами. Обвивающиеся вокруг елей растения, похожие на большие бледные свечи, превращали их в рождественские елки. Певуче трещали кузнечики. По настоянию Катле его пулеметчикам, которые измучились еще больше, чем стрелки, дали отдых. Майор хранил упорное молчание, порождавшее беспокойство у его подчиненных. Солдаты, все более встревоженные, обращались к «Неземному капитану» и другим офицерам. По решительному мнению Гондамини, следовало уложить последними патронами как можно больше немцев и ждать своего конца. Субейрак не соглашался с ним. Такое понимание воинской чести было противно всем его взглядам. Между ними произошел краткий спор, который майор слушал молча.

— А что же стали бы вы делать, сударь? — нетерпеливо спросил «Неземной капитан».

— Я бы разделил солдат на группы по числу имеющихся у нас офицеров. Пусть каждая группа действует как может. Иначе мы все погибнем. Вы мне не верите? Ну, тогда смотрите!

Субейрак взял сумку одного из солдат пулеметного расчета и резким движением открыл ее. В сумке не было ни одной ленты.

— Можешь выкинуть и сумку, дурак, — сказал он.

Майор наблюдал за обоими офицерами. Ванэнакер с живостью поддержал Субейрака.

— Но куда же вы пойдете? — спросил «Неземной капитан», и в голосе его звучало скорее удивление, нежели презрение к идеям, о которых он никогда не слыхал в военной школе.

— Не знаю, — ответил Субейрак.

— Ну, так как же?

— Господин капитан, мы и сейчас не знаем, куда идем!

Штабные карты уже не соответствовали местности, и Франсуа разложил карту Мишлена № 56 *, когда Эль-Медико ворчливо заметил:

— Мы начали войну с картами от высшего командования (масштаб 1 : 1000), мы продолжали ее со штабными, сейчас мы смотрим в карту Мишлена (масштаб 1 : 200000). Завтра придется разглядывать календарь ведомства связи! И подумать только, все это я уже раз испытал!

— Дайте высказаться лейтенанту Субейраку, доктор, — сказал Гондамини. — Избавьте нас от ваших пророческих изречений.

— Немцы наступают в сторону Реймса и Марны, — продолжал Субейрак. — Мы не слышим отзвуков большого боя. Значит, фронт прорван. Нужно проскользнуть на восток — юго-восток к Вузье, Вердену и выйти к линии Мажино...

— Вы уж извините его, господин капитан, — он романтик, — вставил Эль-Медико.

— А вы что об этом думаете, доктор? — спросил «Неземной капитан» вызывающе.

— Ну, я-то ведь всего лишь офицер медицинской службы.

— А все же?

— Субейрак прав, господин капитан, если не считать одного обстоятельства. Глупо было бы бежать в сторону линии Мажино. Нужно двигаться к юго-востоку, в сторону Бар-ле-Дюка, отсыпаясь днем и продол-

* Карты Мишлена — карты автомобильных дорог во Франции.

жая путь ночью и переодевшись в гражданскую одежду на первой попавшейся ферме...

— ...чтобы быть расстрелянным в качестве партизана, — возразил «Неземной капитан». — Для военного у вас, по меньшей мере, странные понятия, Дюрру!

— Видите ли, господин капитан, еще в 1870...

Майор поднялся, взгляд его блуждал. Он не произнес ни одного слова с самого начала спора.

— Хватит! Я не позволю вам говорить о 70-м годе. Я не...

Он провел рукой по лбу. Лейтенант Катле спросил:

— Что же вы решаете, господин майор?

Приступ бешенства прошел. Майор сильно сдал за эти дни. Владел ли он полностью своими умственными способностями? С некоторым преувеличением можно было сказать, что майор чем-то напоминал теперь травмированных шоком солдат с кирпичного завода в Со-ле-Ретеле.

— Мое решение — сжечь все бумаги батальона, — ответил майор.

«Неземной капитан» невольно пожал плечами.

— И сделать это нужно до наступления ночи, — упрямо добавил Ватрен.

Субейрак разжег батальонным журналом костер на песке. В огонь пошли все документы, рация и остатки телефонной аппаратуры. Бойцы подходили и бросали в огонь свои солдатские книжки и даже любовные письма. Хвоя трещала в пламени.

— Нужно сжечь и номерные знаки, — сказал майор.

Во всем этом было что-то религиозное или мальчишеское, делавшее их похожими на наивных заговорщиков. Едва ли можно было хоть на секунду предположить, что враг, лавиной прошедший над ними, захвативший столько пленных и углубившийся в тыл за их спиной уже на добрых тридцать километров, станет интересоваться номером дивизии, с которой ему пришлось схватиться!

Но Субейрак начинал подозревать другое: Ватрен действовал так, словно хотел выиграть время, ни в чем не отступая при этом от инструкции. Франсуа понял: майор знал, чего хотел, но избрал себе линию поведения и решил молчать о ней. Субейрак взял обугленный батальонный журнал, им самим составлявшийся в течение последних недель, и в ту же минуту увидел, что Ватрен бросает в огонь копию, снятую с приказа Вейгана.

Бумага весело запылала.

Час спустя, не выдержав, Франсуа поставил вопрос уже иначе.

— Господин майор, сержант Бодуэн и младший сержант Матиас просят у меня отпустить их с четырьмя товарищами. Они сделают попытку присоединиться к полку.

К ним подошли офицеры.

— Вам сделали перевязку, Субейрак? — спросил Ватрен; он словно не слышал слов лейтенанта.

— Дюрру сделает ее, господин майор. Если вы не возражаете, я уйду вместе с Бодуэном, Матиасом и своими зебрами.

Зебры стояли близко, тревожно прислушиваясь. За время агонии батальона четкая грань между офицерами и солдатами стала стираться. Основной причиной этого явилось отсутствие порядка. Офицеры подходили к солдатам, подбадривали и успокаивали их, потом шли к майору и снова возвращались к солдатам. Боязливое почтение, в котором сочетались все старые страхи, отдаляло солдат от непосредственного общения лишь с их седоусым командиром.

— Вы с ума сошли! — сказал Ватрен.

— Хорошо, господин майор. Что же мне ответить им?

На лице майора появилось измученное выражение. Франсуа даже показалось, что он вот-вот бросится на него в ярости. Офицер, кажется, предпочел бы такой ответ. Но Ватрен повернулся к нему спиной.

— Что же ты будешь делать? — спросил Ванэнакер.

— Я скажу им, чтобы они уходили.

— А ты сам?

— Не знаю.

Он отошел и минут через десять вернулся с Матиасом. Бодуэн и три солдата стали пробираться к лесной опушке. Они прошли на виду у майора, но он не пошевелился, чтобы удержать их. В волнении, почти непереносимом, Франсуа подошел к Дюрру. Врач стал делать ему перевязку. В этот момент раздался бешено-торопливый треск пулеметной очереди в нескольких сотнях шагов.

Майор вскочил как безумный. Напряженным взглядом он быстро обшарил местность, потом обернулся и сказал:

— Это не по ним.

Итак, от него не ускользнула ни одна деталь происходящей драмы. Медленно текли минуты. Время исходило кровью...

— Идем со мной, Ван, — предложил, наконец, Франсуа.

— Нет. Ты, конечно, прав, но я не могу. Я бы сделал это с радостью, если бы так приказал майор, но ведь я бы не узнал, я бы не узнал, что с батальоном, понимаешь, с батальоном...

— Нет, я не понимаю, — гневно возразил Франсуа.

Он понимал все слишком хорошо.

— Ведь батальон,— произнес Ванэнакер,— это одно целое. Не в наших силах избежать катастрофы, но ведь не нам же самим... разрушать батальон... Ты понимаешь меня?

— Да. — промолвил Субейрак, — и все-таки я не согласен с этим.

Спускалась ночь. Субейрак не находил себе места. Его терзало ощущение, будто они попали в западню, но охотник, уверенный, что им не выбраться, даже не шел за ними. В нем поднималось властное желание бежать, и в то же время в нем говорили все двадцать поколений солдат, насчитывавшихся в его роду. Он уже мучился отчаянием, что отпустил Бодуэна и других. Снова, как в Вольмеранже, он стоял перед мучительно неразрешимым вопросом: «В чем трусость: в том, чтобы уйти, или остаться? Что делать? В чем мой долг?» Быть может, глупо идти обессиленным, с раненым плечом? Это уже был серьезный довод. «Пойду посоветуюсь с Эль-Медико».

Но Эль-Медико исчез.

Один из санитаров видел, как врач углубился в самую гущу леса, крикнув, что идет помочиться. С тех пор прошло уже добрых четверть часа. Франсуа понял. Эль-Медико тоже сделал выбор. Субейрак почувствовал унижение от того, что врач не счел его достойным принять участие в своей последней попытке спасти жизнь.

Франсуа вернулся к майору. Ватрен грыз солдатский сухарь. Кто-то налил ему в кружку кислого молока.

Майор поднял глаза на своего молодого помощника, и в суровых чертах его лица промелькнуло почти отчаяние, словно он просил не мучить его. Они находились в отдалении от остальных.

— Господин майор,— мягко сказал Субейрак,— прикажите мне присоединиться к полку собственными средствами.

Майор отрицательно покачал головой.

— Господин майор, я все-таки попытаюсь... Если...

О, эти голубые, ясные глаза майора, с такой грустью устремленные на него...

— Если когда-нибудь, господин майор, меня упрекнут в этом, вы откажетесь от меня?

Майор еще раз отрицательно покачал головой.

Субейрак вздохнул с облегчением.

Он хотел отдать честь, но майор задержал его руку и пожал ее. Это было долгое и теплое, теплое пожатие. Старик открыл рот, хотел заговорить, губы его задвигались, но он ничего не сказал...

Франсуа бросил взгляд на свой револьвер. У него еще оставались патроны. Поколебавшись, он нацепил на левое плечо брошенный кем-то карабин, посмотрел, заряжен ли он, и быстро наполнил карман винтовочными патронами. Револьвер он отдал какому-то безоружному солдату.

Солнце стояло далеко за Веселым лесом, за Ретелем и Суассоном. Субейрак решил исчезнуть так же незаметно, как Эль-Медико, но Ван окликнул его.

— Ты остаешься? — еще раз спросил Субейрак.

— Остаюсь, — ответил Ван. — Ну, Субей? Прощай. Прощай, Субей.

Мимо елей по песку Субейрак вышел на юг. Он наметил себе довольно крутой холм, откуда можно было ориентироваться. Вдруг он услышал, как кто-то насвистывает: «Мальчики английские наставили рога...» Это был Матиас.

— Я пойду с вами, господин лейтенант. Знаете, вы можете спокойно взять меня с собой. Я теперь уже не так боюсь бомбежек.

— Ладно, — промолвил Субейрак. — Пошли.

Видимо, контрабандист уже часа два следил за каждым движением офицера. Субейрак обрадовался неожиданному спутнику. На минуту они остановились в трехстах метрах от ельника, под дощатым навесом, который, казалось, висел в воздухе на темно-синем фоне неба.

— Господин лейтенант, смотрите, батальон-то двигается! — сказал Матиас.

И действительно, остатки бравого батальона пришли в движение. Один за другим солдаты шли по направлению к равнине. Субейрак глотнул слюну. Майор принял решение. Наконец-то! Франсуа вздохнул с облегчением. Он представил себе сначала неведомый и трудный путь, который его ожидал, затем подумал о батальоне, встрепенувшемся, как раненое животное, которое пытается спастись. Офицер колебался, уходить ли ему или вернуться. Да, батальон снова пускался в путь, но уже не сомкнутым строем.

Субейрак так никогда и не понял, что победило в нем в этот день — страх перед неожиданностями и опасностью самостоятельных действий или же чувство верности и общности с этим живым организмом, частью которого он являлся вот уже десять месяцев.

— Это меняет все, — сказал он. — Мне нужно вернуться и увидеть майора, Матиас. Ты пойдешь со мной?

— Нет, — ответил Матиас, — нет, господин лейтенант. Мне никак нельзя в плен. Мне нужно удирать.

— Ладно. На, возьми мой компас. Пробирайся на юго-восток. Иди только ночью, избегай проезжих дорог. Подкармливаться старайся на отдаленно лежащих фермах. А если переоденешься в гражданское, то смотри не держи при себе оружия.

— Я так и думал сделать, господин лейтенант.

— Ну, желаю удачи, Матиас.

— Желаю и вам удачи, господин лейтенант.

Субейрак бегом догнал батальон, который пробирался среди берез и елей в соседнем лесу. Небо мечами пересекли последние лучи заходящего солнца. Вскоре лейтенант снова шагал рядом с Ватреном, как будто ни-

чего не произошло. Майор вырезал себе толстую дубину, которая помогала ему идти.

Они не сделали и двухсот метров. Передвигаясь без разведчиков, почти толпой, шестьдесят человек, составлявшие все, что осталось от бравого батальона, нарвались на вражеский бивуак в низине. Немцы таскали хворост для костра. Их было человек десять. Недалеко от них еще не отцепленные стояли две легкие пушки. Встреча выглядела, как трагический фарс. Немцы, внезапно увидев перед собой эту массу мундиров цвета хаки, все сразу подняли руки вверх. Обе группы замерли друг против друга. Но уже вблизи слышались приказания, отданные гортанными голосами, и характерное щелканье пулеметов. Кто-то произнес, непривычно коверкая слова:

— Французские солдаты, сдавайсь или вас стреляют.

Субейрак держал палец на гашетке карабина, а Ван взял на изготовку свой ручной пулемет. Оба они повернулись к майору. Ватрен печально положил руку на карабин Субейрака и этим жестом словно сам опустил оружие всего батальона к земле.

Это случилось 11 июня, в двадцать часов тридцать минут. Ничто уже не могло помешать ночи и бушующему валу, хлынувшему с востока, поглотить бравый батальон.

(Окончание следует.)

Цао Цзин-хуа

О том, кто принес нам огонь с неба

Деятельность Лу Синя, которого товарищ Мао Цзэ-дун назвал «полководцем культурной революции в Китае» и «величайшим и отважнейшим знаменосцем новой культурной армии» Китая, была необыкновенно богата и многообразна. Лу Синь внес выдающийся вклад в литературу и искусство Китая как художник слова, редактор, неутомимый собиратель и исследователь литературных памятников, популяризатор гравюры. Наряду с этим он был первооткрывателем иностранной литературы в Китае.

Лу Синь говорил: «Дорогу прокладывают там, где ее раньше не было», и первым шел по тернистому пути популяризации русской и советской литературы.

Литературная деятельность Лу Синя началась с переводов иностранной литературы, которыми он продолжал заниматься всю жизнь. Западную литературу Лу Синь переводил главным образом с японского языка, а иногда обращался и к немецким изданиям. За 33 года своей творческой деятельности — с 1903 года, когда Лу Синь перевел роман Жюля Верна «Из пушки на Луну», и по 1936 год, когда он незадолго до смерти переводил «Мертвые души» Гоголя,— им было переведено более 32 книг*. В их число входят произведения русских, голландских, японских, испанских и других зарубежных писателей, общим объемом свыше 3 млн. иероглифов (более 300 печатных листов.— Прим. перев.). Среди переводов Лу Синя — романы, рассказы, пьесы, сказки, публицистика, литературоведческие, литературно-критические и естественно-научные работы. Из 3 млн. иероглифов на долю переводов русских и советских авторов приходится свыше 1600 тысяч, что составляет более четвертой части объема полного собрания сочинений писателя*.

Почему же русская и советская литература с такой силой привлекала внимание Лу Синя?

«Русская литература выступает во имя человека», это литература «возмущения и протеста», «наш наставник и друг», «огонь и свет»... — говорил Лу Синь. Жизнеутверждающую силу русской литературы, боровшейся за светлое будущее народа против мрачного господства реакции, он стремился поставить на службу антиимпериалистической, антифеодальной демократической революции в Китае.

Лу Синь ставил перед собой одну и ту же цель и в собственном творчестве и в работе над переводами иностранной литературы. Всю его деятельность пронизывает дух борьбы за счастливое будущее китайского народа. Уже в 1907 году в статье «О силе демонической поэзии», рассказывая о творчестве Пушкина, Лермонтова и Гоголя, Лу Синь подчеркивал, что в их произведениях «звучит протест и призыв к борьбе». Он ценил русских писателей за «их непреклонную стойкость, верность истине и справедливости», за то, что они «не заискивали перед толпой, не мирились с пошлостью, а бесстрашно призывали свой народ подняться на борьбу за новую жизнь и возвеличить свою родину». Лу Синь стремился в те годы познакомить Китай с «непреклонной и стойкой» русской литературой, зовущей к борьбе, чтобы с ее помощью «излечить» духовные недуги китайского народа. «Отпить из бокала друга» — так образно говорил об этом сам писатель во многих своих статьях.

* В том числе несколько сборников рассказов, переведенных Лу Синем в сотрудничестве с другими лицами. (Прим. автора).

* В двадцатитомном издании полного собрания сочинений Лу Синя около 5800 тыс. иероглифов. (Прим. автора).

В статье «Как я начал писать» Лу Синь вспоминает о начале своей литературной деятельности, когда он хотел посредством художественных произведений изменить общество. В то время Лу Синь, по его словам, «не мечтая писать сам, стремился ознакомить Китай с иностранной литературой». «Большей частью,— писал Лу Синь,— я переводил рассказы писателей угнетенных народов... То было время, когда произносились пламенные речи о свержении маньчжурской монархии. Часть молодежи читала близких ей по духу писателей, призывавших к борьбе... Поиски произведений, призывавших к борьбе, привели, конечно, меня к Восточной Европе. Больше всего читал я писателей России, Польши и малых балканских стран».

В предисловии к сборнику «Зарубежные рассказы» Лу Синь писал о зародившихся у него во время учебы в Японии смутных надеждах на то, что литература может влиять на настроения и характер людей и преобразовывать общество. «Это, естественно, наводило меня на мысль, — добавлял писатель, — популяризировать иностранную литературу». Пристальное внимание Лу Синя привлекла «литература во имя человека», которая составляла главное направление русской литературы и всецело отвечала его мыслям о том, что «литература должна создаваться во имя человека и улучшения его жизни». Лу Синь «всеми силами души ненавидел тех, кто относил художественные произведения к «праздным книгам»; он осуждал лозунг «искусство для искусства» и считал, что это лишь «новейшее наименование развлекательной литературы».

В статье «Приветствую литературные связи Китая и России» Лу Синь высказался еще яснее и определеннее: несколько десятилетий назад, когда китайская молодежь жила во мраке, она уже чувствовала гнет, «мучилась и металась в поисках насущных указаний». «И тогда она нашла русскую литературу. И тогда она поняла, что русская литература — наш учитель и друг. Русская литература раскрыла перед нами прекрасную душу угнетенного, его страдания, его борьбу... Разве мы не знали, что Российская империя вела агрессивную политику в Китае? Но из ее литературы мы поняли самое важное: что в мире существуют два класса — угнетатели и угнетенные. Сейчас это настолько общеизвестно, что едва ли заслуживает упоминания, но тогда это явилось величайшим открытием, равным открытию огня, когда первобытные люди научились варить себе пищу, когда мрак ночи осветился ярким пламенем».

Лу Синь хотел озарить окутанную мраком ночи землю Китая светом русской литературы. Он «приподнимал врата царства тьмы, чтобы открыть людям путь к светлым просторам». С этой целью Лу Синь, начиная с 1908 года, переводил на китайский язык произведения многих русских и советских авторов: Леонида Андреева, Гаршина, Гоголя, Салтыкова-Щедрина, Чехова, Горького, Чирикова, Яковлева, Луначарского, Плеханова, Фадеева, Федина, Лидина, Зозули, Инбер, Сейфуллиной, Ляшко, Неверова, Малышкина, Фурманова, Шолохова, Панферова, Ильенкова, Пантелеева и других. Он редактировал переводы «Двенадцати» Блока, «Железного потока» Серафимовича, первого тома «Тихого Дона» Шолохова, «Андрона Непутевого» Неверова, «Бронепоезда 14-69» Иванова, «Цемента» Гладкова, а также сборник переводов «На море говорю про леса», выполненных Цюй Цю-бо. Именно благодаря многолетнему неустанному труду Лу Синя в условиях господства китайской реакции русская и советская литература, «явно и тайно осыпаемая стрелами наемных писак», быстро проникала в читательские массы, «раскрывая муки и счастье революции, ужасы войны, радость созидания» («Приветствую литературные связи Китая и России»).

В те годы реакционные правители Китая «держали молодежь на мякине», прибегали к политике одурманивания народа, стремясь превратить его в глухонемого и любым способом воспрепятствовать его духовному росту. Лу Синь стремился проложить читателям путь к «духовной пище» («От глухоты к немоте»).

Однако в то время это было делом очень нелегким. После Октябрьской революции в России реакционные властители Китая, от чжилийских и мукденских милитаристов до Чан Кай-ши, подобно правящим классам других капиталистических стран, видели в существовании Советского Союза страшную угрозу. Реакционеры издавали приказы о запрещении всех книг, в которых упоминались большевики, Маркс, Ленин. Больше всех неистовствовал Чан Кай-ши, предавший революцию в 1927 году. Он запрещал любые книги, в которых встречались такие «колючие» слова, как «Россия», «Советская Россия», «Советский Союз», «классы», «материализм», «диалектика», «пролетариат». Была запрещена даже чеховская «Дуэль», так как слово «дуэль» звучит по-китайски— «решительная схватка», а для реакционных правителей «схватка», да еще «решительная», казалась чем-то ужасным. В прогрессивных изданиях тех лет вместо «Маркс» приходилось писать «Карл», вместо «Ленин» — «Ильич» или «Ульянов», слово «пролетариат» заменять аббревиатурой «пуло», а также использовать множество других условных терминов, чтобы избежать ножниц цензуры. В печати тогда можно было видеть квадратики или крестики (заменяющие пропущенные иероглифы.— Прим. перев.) или просто пробелы. Позже были запрещены и эти обозначения цензурных изъятий. Читателю приходилось строить самые различные догадки относительно смысла искаженных цензурой мест, причем нередко он так и оставался в недоумении. Запреты распространялись даже на обложки книг. Не допускались обложки красного и красного с черным цветов, а также обложки с серпом и молотом. Лу Синь не мог в силу этого издавать книги в своих из-

любленных красных и красно-черных обложках. Для Лу Синя красный цвет символизировал революцию, а черный — сталь. Иногда статьи запрещались исключительно из-за имени автора, независимо от их содержания. По этой причине Лу Синю пришлось прибегать в общей сложности к 87 различным псевдонимам. Был период, когда Лу Синь почти каждую статью подписывал по-новому, но впоследствии и это уже не помогало, поскольку цензоры научились распознавать почерк Лу Синя. Тогда пришлось все статьи отдавать для переписки другим лицам.

Китайские реакционеры были наиболее рьяными среди капиталистов всего мира душителями культуры. Они запрещали издавать произведения не только советских авторов, но даже Чехова и Леонида Андреева. В результате, книжным издательствам «приходилось выпускать лишь учебники арифметики, да детские сказки, вроде бесед между мистером Котом и мисс Розой о погоде и о прелестях весны: в условиях, когда были запрещены даже переводы сказок Г. Цур Мюлена, оставалось лишь воспевать весну. Впрочем, и это разгневало одного генерала, который счел оскорбительным для человечества, что животные в упомянутой сказке разговаривают, как люди, и даже именуются «мистер» («Китайская литература во мраке»). В те годы реакция не только закрывала прогрессивные издательства, конфисковывала прогрессивную литературу, запрещала публикацию произведений прогрессивных авторов, но и жестоко преследовала и подвергала физическому уничтожению передовых писателей. Так, в феврале 1931 года гоминдановские реакционеры расстреляли писателей Жоу Ши, Ху Е-пиня, Ли Вэй-сэня, Фэн Кэна и Инь Фу. Если бы Лу Синь не был вовремя предупрежден и не скрылся, то он разделил бы их участь. В статье, посвященной памяти погибших, Лу Синь писал: «За тридцать лет я собственными глазами видел потоки крови молодых, и ее льется все больше, она заливает меня, не дает мне дышать... Да, таков мир. Ночь так длинна, а путь так долог...» И далее:

«Нет смерть своих друзей-героев
Не в силах молча я снести
И как оружье боевое
Ищу я гневный грозный стих...»
(«Вспоминаю для забвения»).

Лу Синь действительно творил во мраке ночи, среди потоков невинно пролитой крови, окруженный «лесом штыков», в условиях белого террора. Репрессии реакции все усиливались. После 1932 года правители Китая начали проводить по отношению к прогрессивным писателям «политику экономической блокады», состоявшую в том, что издательствам запрещалось выпускать их книги, журналам — публиковать их статьи, читателям — знакомиться с их произведениями. Ввоз и продажа прогрессивной литературы также преследовались. Такие меры лишали писателей средств к существованию и ставили их перед угрозой голодной смерти. Именно эту политику властей имел в виду Лу Синь, когда говорил: «Действительно, в Китае тогда не было места, где бы можно было писать. Все было замуровано наглухо — как в консервной банке» («Вспоминаю для забвения»).

«Сверху давили цензоры, а снизу им помогали наемные писаки» (Послесловие к книге переводов «Скверный мальчишка» и другие истории»). В то время Лу Синь подвергался прямым преследованиям и всяческим нападкам. С самого начала своей деятельности по популяризации русской «литературы во имя человека» Лу Синь стал подвергаться ожесточенным преследованиям объединенной армии модернистов и ретроградов. Позднее, когда Лу Синь начал переводить художественные произведения и литературоведческие работы советских авторов, его упрекали в «стремлении прикрыть упадок собственного творчества» и в «спекуляции», а его переводы ругали за «неудобочитаемость» и «буквализм». Враги Лу Синя хотели зачеркнуть его труд, а его самого отстранить от этой работы. На деле сторонники «гладкого, хотя и неточного перевода», провозглашавшие: «лучше неверный перевод, чем буквальный», хотели помешать распространению советской литературы в Китае. Эти фразы служили реакции лишь средством борьбы против революционной пролетарской литературы. В «Письме о переводах» этот факт был ярко раскрыт Цюй Цю-бо.

Беспримерный подвиг Лу Синя выразился в беспощадном срывании масок с наемных писак, в смелом отстаивании растущей революционной литературы Китая. Он всеми силами стремился развеять дымовую завесу «удобочитаемости», за которой скрывались отсебятина и искажения. В своих статьях «Несколько «гладких» переводов», «Флюгер», «Еще один «гладкий» перевод», «Буквальные переводы и классовость литературы» и других Лу Синь показал, что его оппоненты по существу стоят за политику одурманивания народа, противятся популяризации советской литературы и стараются рабски услужить своим хозяевам. Это еще раз подтверждает всю важность работы Лу Синя по распространению в Китае советской литературы и особенно трудов советских литературоведов. Лу Синь глубоко сознавал общественные запросы своего времени и никогда не забывал о них. Не раз он высказывал свою заветную мечту: «Мне хотелось бы найти компетентного человека, который согласился бы перевести несколько книг по историческому материализму, завоевавших уже мировое признание» («Классовый характер литературы»). «Если читать больше теоретических работ и художественных произведений иностранных авторов, можно и к оценке новой китайской литературы подойти с гораздо более ясными критериями. Но самое лучшее — познакомить Китай с этими произведениями» («Обзор новой литературы наших дней»). «Новые веяния зачастую проникают в Китай лишь

в виде ряда терминов, которые, по мнению тех, кто их употребляет, могут служить смертоносными заклинаниями против врагов... Надо прежде всего сделать так, чтобы «поднимающуюся» (так из цензурных соображений называли революционную литературу — Прим. перев.) иностранную литературу в Китае перестали превращать в «талисман», и тогда появится надежда на подъем следующей за ней китайской литературы» («Проблемы современной новой литературы»).

Работая над переводом книги «Литература и критика», Лу Синь уделил особое внимание помещенной в конце этой книги работе «Основные задачи марксистской литературной критики». В «Заметках переводчика» он писал: «У нас были критики, именовавшие себя марксистами, однако в вынесенных ими суровых приговорах они в сущности осудили и самих себя. Исходя из приведенных здесь основных положений, можно критиковать китайскую «критику» последнего времени, именовавшую себя родственной (то есть марксистской.— Прим. перев.). Нужна более действенная критика, и только тогда можно будет ждать рождения новой литературы... («Заметка переводчика книги «Искусство и критика»). Лу Синь сожалел, что в то время в Китае было слишком мало трудов по теории литературы, и поэтому писатели «блуждали в потемках». Чтобы восполнить этот пробел, он перевел ряд работ Плеханова (сборник «Искусство и литература») и Луначарского (сборники «Об искусстве», «Искусство и критика»), а также сборник документов, освещающих культурную политику в СССР. Лу Синь хотел, чтобы все увидели «огонь и свет» советской литературы» («Буквальные переводы и классовость литературы»).

Переведенные Лу Синем работы по теории литературы явились в руках прогрессивных работников литературы и искусства новым острым оружием, которое они могли «вонзить в сердце врага». Появилась возможность учиться на опыте других, было покончено с теоретической неразберихой в литературе. Более того, был заложен фундамент для создания теории революционной литературы в Китае. Это был не просто перевод нескольких книг — это была пламенная борьба китайской революционной литературы за овладение ключевыми позициями на культурном фронте. В то время в Китае, писал Лу Синь, «движение за революционную пролетарскую литературу было фактически единственным литературным направлением. Оно представляло собой первые ростки на целине, поскольку никакой другой литературы в подлинном смысле слова в Китае уже не было. Литераторы из среды правящих классов задолго до этого разложились настолько, что не могут ничего создать даже в духе декадентской теории «искусства для искусства». Для подавления левой литературы сейчас пускают в ход клевету, гонения, тюрьмы и убийства, а противостоят прогрессивным писателям одни хулиганы, шпионы, лакеи и палачи» («Китайская литература во мраке»).

В письме от 25 ноября 1933 года Лу Синь говорил: «Не знаю, когда же, наконец, пронесется буря. Сейчас она все усиливается. Видимо задались целью — блокировать всю периодику, чтобы негде было печататься. Меня же избрали мишенью, в которую все пускают стрелы...» В письме от 26 января 1935 года он сообщает: «Цензура обнаглела до предела: с прошлого года меня то и дело кромсают, не допускают к печати и даже не возвращают рукописи. Говорят, что в числе цензоров есть завитые мисс на высоких каблуках — можете себе представить несчастье таких, как я!» В те годы незавидная участь ждала не только его статьи. За Лу Синем, заклейменным именем «опустившегося литератора», велась слежка, ему грозили арест, гонения. В невыносимой атмосфере белого террора, подвергаясь нападкам наемных писак, истекающий кровью душевных ран, он пропагандировал русскую и советскую литературу и одновременно очищал от хлама национальную литературу. «Я выметаю все старое, чтобы создать возможность зарождения новой жизни» (Послесловие к переводу книги «Покинем башню из слоновой кости»). В опасной и тяжелой обстановке Лу Синь оберегал «молодую поросль китайской революционной литературы».

В то время, когда реакционные правители безжалостно калечили литературу, а запуганные издательства не рисковали выпускать прогрессивные книги, Лу Синь, находясь в чрезвычайно тяжелом материальном положении, на собственные средства напечатал «Разгром», «Железный поток» и иллюстрации к «Цементу». Вопреки всему, «под гнетом, тяжелым, как скала», Лу Синь всеми силами, используя любые возможности, стремился к тому, чтобы эти произведения «раскрылись перед глазами читателей подобно невиданно ярким, неувядающим цветам» (Послесловие редактора «Железного потока»), чтобы русская и советская литература «переводилась и распространялась». Подводя итоги работы в этой области, Лу Синь писал, что за последнее десятилетие «дипломатические отношения с Советским Союзом могли прерываться и восстанавливаться, издание переводов — разрешаться и запрещаться, но внимание читателей все росло и росло, вопреки всем запрещениям и наперекор разрывам дипломатических отношений. Ясно, что наши читатели относятся к России не как своекорыстные подхалимы. Наши читатели, даже бродя в потемках, давно уже поняли, что́ растет и вызревает на ее огромных черноземных просторах. Мы воочию убедились в ее страданиях, поисках, сопротивлении и борьбе, революции и борьбе, строительстве и борьбе и победе» («Приветствую литературные связи Китая и России»).

Характеризуя значение работы Лу Синя по распространению русской и советской литературы, его соратник Цюй Цю-бо спра-

ведливо указывал: «Переводы шедевров мировой и пролетарской литературы (особенно советской литературы, так как в ее лучших творениях перед читателем возникают яркие художественные образы героев Великого Октября, гражданской войны и пятилетнего плана) и систематическое ознакомление с ними китайских читателей — одна из важнейших задач китайских пролетарских писателей. Пусть в настоящее время этим занимаетесь почти исключительно ты и товарищ N (профессор Цао Цзинхуа — Прим. перев.), но кто осмелится сказать, что это ваше частное дело?! Кто?! Издание таких книг, как «Разгром» и «Железный поток», должно стать долгом каждого революционного писателя Китая» («Письмо о переводах»).

Лу Синь рассматривал распространение русской и советской литературы именно как важную революционную задачу. Он сравнивал ее с тайным подвозом оружия восставшим рабам, с подвигом героя греческого мифа Прометея, который похитил для людей огонь с неба. Этот дух «благородства и упорства», это стремление принести китайскому народу огонь и свет не оставляло Лу Синя всю жизнь, пока рука его могла держать кисть. Последней статьей Лу Синя, написанной им за три дня до кончины, было «Предисловие к сборнику семи советских писателей». В последнем письме, написанном за два дня до смерти, Лу Синь продолжает заботиться об издании советской литературы.

Под гнетом реакции, невзирая на кровавые репрессии, рискуя жизнью, Лу Синь с благородной самоотверженностью проложил русской и советской литературе путь в Китай, дал китайским читателям «духовную пищу», как Прометей, который принес людям огонь. Окруженный «лесом штыков» на протяжении всей своей жизни, он, не покладая рук, прорубал дорогу в зарослях колючих кустарников, беспощадно выметал из литературы все реакционное и прогнившее, оберегая «молодую поросль революционной литературы». Мы не можем не испытывать волнения, перечитывая сейчас, спустя двадцать лет, следующие его слова: «В Китае сейчас все заросло терниями и репейниками; можно видеть лишь, как свирепствуют тигры и лисы, да трусливо прячутся фазаны и зайцы. В литературе и искусстве остались лишь равнодушие да страсть к разрушению. Среди этого запустения на авансцену вылезли шуты и паяцы; недаром зятья из богатых домов (очевидно, имеются в виду ренегаты и приспешники реакции из числа «либералов»—Прим. перев.) и их прихлебатели обрушились градом насмешек на издание гравюр. Но из-за недовольства этих прихлебателей колесо истории не остановится в своем движении. Я твердо верю: будущее докажет, что мы не только хранили литературное и художественное наследие, но и поднимали целину и строили на ней новую культуру» («Предисловие к сборнику советской гравюры»).

Лу Синь и его соратник Цюй Цю-бо были пионерами, проложившими русской и советской литературе дорогу в нашу страну. Ныне, после освобождения, в Китае, озаренном идеями коммунизма, повсюду распустились те «невиданно яркие цветы», о которых так мечтал в свое время Лу Синь. Произведения русской и особенно советской литературы не просто завоевали любовь широчайших масс китайских читателей — они стали книгами, по которым мы учимся жить, источником нашей силы и нашего воодушевления в борьбе за прекрасное будущее!

Чжан Цзюнь-сян

КИНО СЛУЖИТ НАРОДУ

Работники китайской кинематографии и, в первую очередь, творческий состав — сценаристы, режиссеры, артисты и операторы горячо приветствуют и поддерживают выдвинутый Коммунистической партией Китая курс «пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ»*.

Охваченные большим волнением, работники кинематографии исполнены решимости отдать все способности и силы созданию новых кинофильмов для своей родины, для своего шестисотмиллионного народа. И широкие массы зрителей ждут появления хороших и разнообразных фильмов.

Китай начал создавать свои художественные кинофильмы примерно сорок лет назад. Однако китайская кинематография с момента своего зарождения попала в руки коммерсантов, преследующих только личную выгоду. Первые деятели киноискусства вынуждены были работать по указке хозяев. В 1932 году представители левого крыла в искусстве, руководимые китайской компартией, видя что кино приобретает силу боевого оружия, стали принимать участие в работе кинематографии. В их числе были многие опытные писатели. Очень скоро под их влиянием среди творческих кадров кинематографии стали развиваться революционные настроения, чувства патриотизма.

Так появились хорошие отечественные фильмы, многие из которых до сих пор пользуются успехом у зрителей, как например, «Большой путь», «Песня рыбаков» и другие, созданные под влиянием прогрессивных идей.

Но затем разразилась антияпонская война. Прогрессивные деятели кинематографии, находясь в крайне тяжелых материальных условиях, по-прежнему стремясь к тому, чтобы кино служило интересам народа, призывали к сопротивлению Японии. И только израсходовав последние метры пленки, они вынуждены были прервать свою работу на три-четыре года.

После победы в антияпонской войне деятельность прогрессивных сил в киноискусстве еще более оживилась. На экраны вышли такие фильмы, как «Весенние воды текут на восток», «Во всех домах зажглись огни», отобразившие возмущение против господствовавшей в то время реакции. В них беспощадно разоблачались темные силы разлагающегося общества. Подобные настроения находили отклик в сердцах зрителей и создавали повсеместный успех фильмам. Интересно отметить, что по своей тематике и приемам эти фильмы были похожи на прогрессивные фильмы сегодняшней Италии. Недаром известный французский историк кино Жорж Садуль, просмотрев недавно несколько таких фильмов, изумленно сказал: «Оказывается, в Китае давно уже снимаются реалистические кинофильмы».

Именно потому, что кино стало в руках сознательных людей искусством, сочетающим в себе революционность и огромную силу воздействия, оно было как бельмо на глазу реакционных кругов Китая. Бессовестные реакционные чиновники и полиция прибегали к цензуре, запрещению фильмов, экономическим мерам воздействия, к различного рода угрозам и репрессиям по отношению к прогрессивным работникам кино. С тяжелыми воспоминаниями связаны те годы для каждого киноработника. В то время люди, имевшие отношение к производству прогрессивных фильмов постоянно испытывали экономические трудности. Съемки проводились в скверных павильонах, готовых в любую минуту развалиться. Только путем различных ухищрений и обмана гоминдановских цензоров работникам кинематографии удавалось в своих фильмах выражать симпатии угнетенному народу и его надежды на лучшее будущее.

Конечно, было и еще одно зло: владельцы

* Древнекитайские выражения, в которых слово «сто» означает не определенное количество, а множество.

голливудских фирм, опираясь на услужливых гоминдановских чиновников, держали в своих руках кинотеатры Шанхая, а также других крупнейших городов Китая, заполнив их своими низкопробными сексуальными и гангстерскими фильмами. Рекламные афиши с изображением полуобнаженных кинозвезд и бандитов с револьверами в обеих руках висели на видных местах у кинотеатров каждого города, преграждая дорогу кинофильмам отечественного производства. Реакция закрыла путь прогрессивным фильмам в деревни и на фабрики.

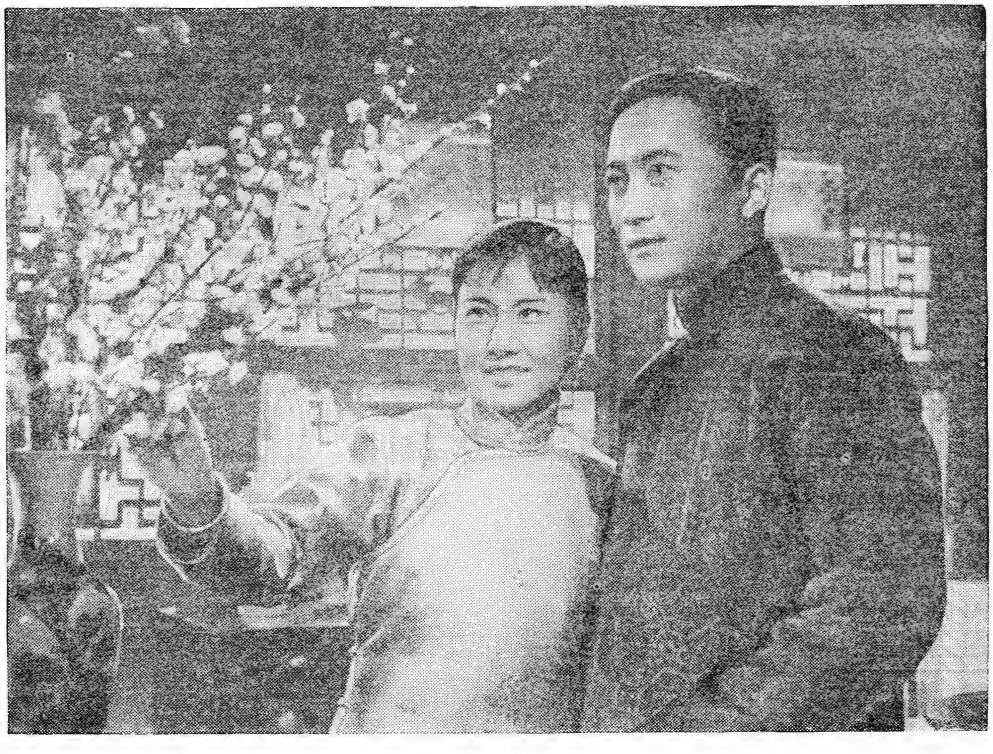
После освобождения страны положение изменилось. Не прошло и года, как голливудскую продукцию на экранах сменили работы китайских кинематографистов, отражающие жизнь и борьбу народа, а также дублированные на китайский язык фильмы из Советского Союза и стран народной демократии. Картины, которыми пользовались империалисты для одурманивания китайского народа, были начисто выметены из китайских кинотеатров.

Быстро расширялись ряды кинработников. В Пекине, Шанхае и Чанчуне, на этих трех основных базах китайской кинематографии, за несколько лет был создан большой отряд специалистов. Здесь имеются кадры для создания художественных, научно-популярных и мультипликационных фильмов, а также и специалисты по дублированию иностранных кинокартин. Сейчас производство фильмов в Китае достигло определенных успехов. Некоторые из них, сделанные на сравнительно высоком уровне, заслужили признание не только внутри страны, но и за границей.

Нечего и говорить, что большинство работников кино — новички, пришедшие впервые в кинематографию только после освобождения страны. В процессе производства мы воспитали сотни сценаристов, режиссеров, композиторов и артистов, а также сотни технических работников и руководителей производства. Создана широкая сеть кинотеатров. Помимо стационарных кинотеатров в городах, за несколько лет организована большая сеть кинопередвижек, (6000 точек). Фильмы демонстрируются на стройках, на заводах, в деревнях и в отдаленных пограничных районах. Положение, при котором ранее кино могли посещать только горожане, сейчас в корне изменилось. Наиболее важными объектами кинообслуживания ныне являются деревни, заводы и армия.

С огромной быстротой растет посещаемость кинотеатров. В 1956 году она достигла 1 400 миллионов. Эта цифра далеко не удовлетворяет нас, если принять во внимание шестисотмиллионное население Китая. Однако нельзя игнорировать и тот факт, что по сравнению с 45 миллионами посе-

Кадр из фильма «Семья».



щений в 1949 году — году освобождения страны — количество посещений кинотеатров возросло более чем в 30 раз.

Большие успехи, которых добились работники китайской кинематографии, выражаются в коренном изменении самого характера фильмов. До освобождения, несмотря на огромную боевую роль прогрессивных фильмов, они, в конечном счете, только обличали пороки старого общества, но не могли прославлять героев революционной борьбы и открыто выражать чаяния и надежды трудящихся. Да и в условиях неослабного контроля со стороны реакции деятели киноискусства не имели возможности постоянно общаться в своем творчестве с рабочими и крестьянами. Не зная достаточно хорошо, чем живут и о чем мечтают трудящиеся, они и не могли правдиво отображать их жизнь в кино. Поэтому героями фильмов обычно являлась интеллигенция или представители городской мелкой буржуазии. Эти условия сказывались и на творческих идеях и на творческих методах деятелей кино. Они отражали жизнь и борьбу народа лишь с точки зрения революционной части мелкой буржуазии. Только после освобождения всей страны, после установления диктатуры народной демократии работники кинематографии твердо стали на позиции рабочего класса и с этой правильной классовой позиции смогли правдиво отображать жизнь, борьбу и стремления трудящихся. Работники китайской кинематографии, пройдя большой и тернистый путь, получили, наконец, возможность беззаветно служить своему народу.

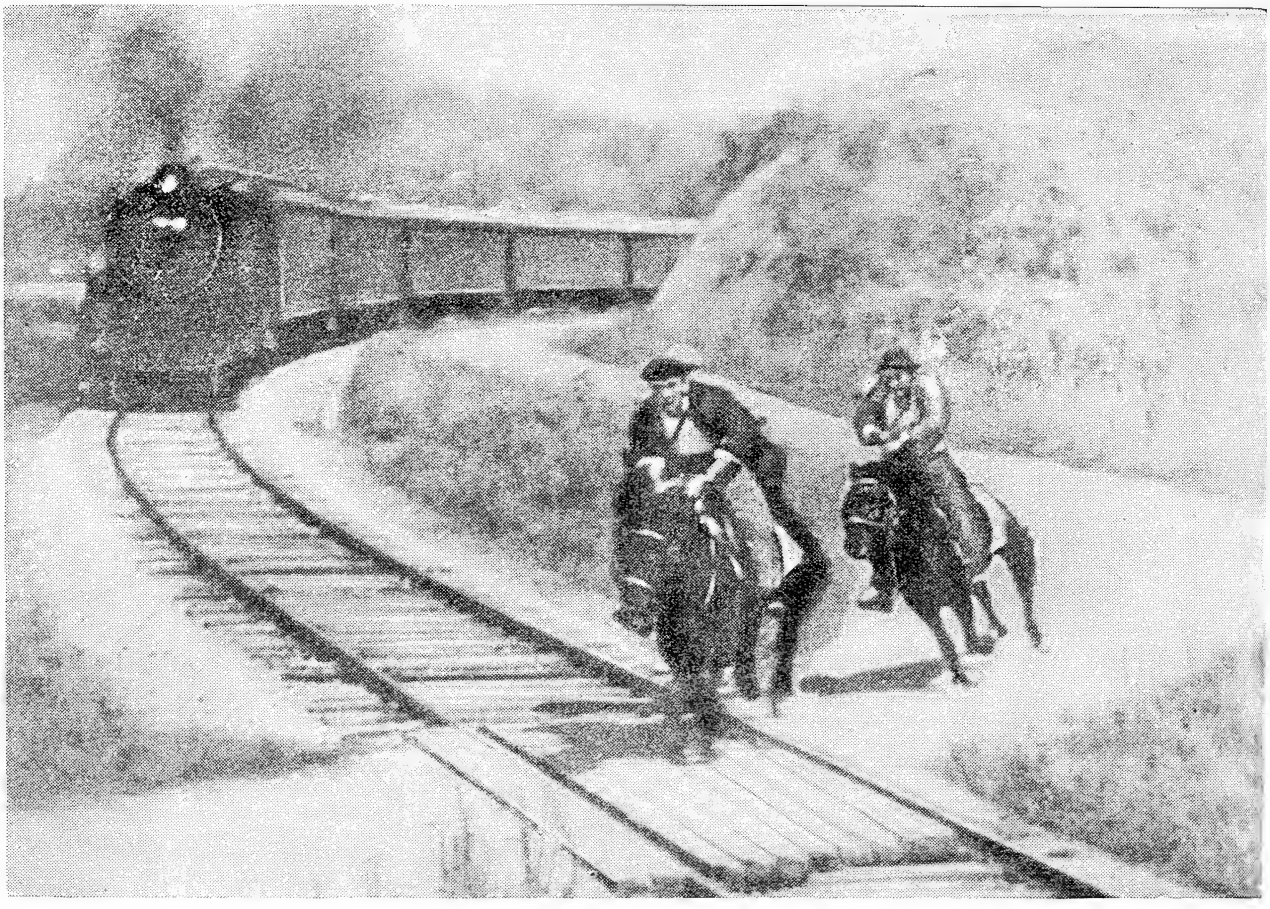
В китайских кинофильмах сразу же появились новые образы. Впервые на экранах можно было увидеть китайских трудящихся в роли хозяев своей страны, в роли главных героев фильма. Их боевые дела и высокие моральные качества волновали зрителей, становились для них примером. Такие образы, как Си-эр в фильме «Седая девушка», командир роты Чжан и Сяо-лю в фильме «Стальной солдат» и молодой герой фильма «Дун Цунь-жуй», напоминающий образ Матросова,— надолго остаются в памяти зрителей. Китайская кинематография после освобождения страны, показывая нового человека, его мысли и чувства, новую мораль, выполняет неоценимую воспитательную роль, вносит огромный вклад в дело социалистической революции и социальных преобразований.

Не говоря уж о таких значительных фильмах, даже рядовые произведения, благодаря тому что в них зритель видит постоянно встречающиеся в жизни хорошие и плохие поступки и обычаи,—оказывают огромнейшее влияние на жизнь китайского народа. Один фильм способствует искоренению в деревнях консервативных взглядов на брак, другой — помогает изживать суеверия и т. д. Многочисленные письма зрителей, получаемые актерами, киностудиями и журналами, показывают, что путь, по которому идет китайская кинематография со времени освобождения страны,— путь правильный.

Любой творческий работник китайской кинематографии не может не чувствовать огромной благодарности к Коммунистической партии и народному правительству, которые оказывают деятелям кино всемерную поддержку. Но деятели киноискусства благодарны партии и правительству не только за это. Еще больше они благодарны партии за то, что она указала им правильный путь — путь, по которому им надлежит следовать. Под руководством компартии деятели китайской кинематографии изучают историю, познают жизнь, ведут практическую работу, проводят дискуссии об отдельных фильмах (такова была, например, критика идеологических ошибок в фильме «Жизнь У Сюня») — это повышает их идеологический и профессиональный уровень, дает им понимание того, как они должны служить своему народу.

После победы народно-демократического строя сценаристы, режиссеры и артисты обратились к речи товарища Мао Цзэ-дуна, произнесенной им в 1942 году в Яньани на совещании по вопросам литературы и искусства. Вдохновленные идеями, которые содержались в решениях партии, служить рабочим, крестьянам и солдатам, деятели литературы и искусства отправились в деревни, на заводы, в воинские части. Только живя одной жизнью с рабочими, крестьянами и солдатами, усваивая их мысли и при-

Кадр из фильма «Беспардонный человек».



Эпизод из фильма «Партизаны на железной дороге»

вычки, они могут создавать на экране правдивые образы хозяев своей страны.

Так была начата работа по коренному изменению характера китайских кинофильмов.

Было бы неправильным, однако, говорить только об успехах. Отмечая большие достижения в работе нашего кино, нельзя игнорировать и недостатки. Развитие кинематографии происходит совсем не гладко. Председатель Мао учит нас: «От замазывания недостатков нет никакой пользы. Только если мы будем исправлять свои ошибки с такой же постоянностью, с какой мы привыкли ежедневно умываться, только в таком случае возможно более успешное движение вперед».

Прежде всего, количество выпускаемых нами фильмов не может пока удовлетворить возрастающих культурных потребностей широких масс. Неудовлетворительно еще и качество фильмов. За прошедшие годы мы создали ряд хороших фильмов, но выпустили также много и плохих картин. Можно по пальцам перечесть образы героев и сцены, которые оставили у зрителей незабываемое впечатление. Обедненные творческие формы кинематографии и узкая тематика не соответствуют ни изменившемуся после освобождения облику нашего общества, ни уровню современной полнокровной жизни. На экране мы видим давно знакомые композиции, герои постоянно попадают в сходные в общих чертах ситуации, говорят почти одинаковыми словами. Создается впечатление, словно многие авторы киносценариев попали в лабиринт схематизма и не в силах из него выбраться. Конечно, такие произведения не могут удовлетворять зрителя, культурный уровень которого повышается с каждым днем. Схематизм и абстрактность наблюдаются не только в драматургии, но и в режиссуре, в актерской работе и даже в деятельности кинооператоров. Редко можно видеть оригинальное решение, использование всех выразительных средств кино.

Почему это происходит? Казалось бы, раз перед кинематографистами поставлены правильные задачи, а государство оказывает им всемерную поддержку, то наши пути должны расширяться, а наше дело процветать. Почему же фактическое положение в кино последних лет оказалось неудовлетворительным? Что препятствовало прогрессу кинематографии?

Эти вопросы серьезно изучались и обсуждались руководящими и творческими работниками кинематографии. Из постепенно прояснившихся обстоятельств можно сделать некоторые выводы.

Качество произведения определяется, прежде всего, субъективными данными самого автора, уровнем его политического

развития, знанием жизни, степенью владения художественным мастерством. Теперь уже совершенно ясно, что именно в этом деле у нас не все благополучно. Прежде всего, многие драматурги недостаточно хорошо знакомы с жизнью своих современников и особенно сегодняшних хозяев страны — рабочих и крестьян. Нескольких месяцев жизни в деревне или на заводе, может быть, и достаточно для того, чтобы написать очень хороший доклад, но этого, вероятно, мало для того, чтобы написать пьесу или сценарий. В ряде случаев драматург пишет свои вещи наспех, пользуясь лишь имеющимся у него под рукой и часто далеко недостаточным материалом. При таком положении, конечно, ни режиссер, ни актеры не в состоянии выправить недостатки драматургического произведения. В результате свойственного таким авторам поверхностного взгляда на жизнь мы находим в произведениях всем известные трафаретные приемы, повторяющиеся, легко угадываемые ситуации и т. д.

Есть ли, помимо этого, другие объективные причины, мешающие творческому развитию кинематографии? Конечно, есть.

Начиная с работ в области критики, теории искусства вообще и кончая дискуссиями о творчестве в кино, от организационно-творческих методов до системы производства в кино — везде имеется так называемая «жесткая система». Схематизм не возбуждает инициативы и активности творческих работников, наоборот, он связывает их. Примером тому может служить узкое понимание курса служить рабочим, крестьянам и солдатам.

Одно время можно было слышать рассуждения о том, что для того, чтобы служить рабочим, крестьянам и солдатам, нужно только о них и писать и не затрагивать никаких других тем. Это—неправильное понимание курса служить рабочим, крестьянам и солдатам, о котором говорил товарищ Мао Цзэ-дун. Но некоторые критики, которые руководствуются своей привычной упрощенческой теорией искусства, так же как ученики начальных школ — расписанием уроков, безапелляционно требовали, чтобы писатели и деятели искусств творили только в соответствии с их, критиков, взглядами. И немало творческих работников робело перед такими требованиями и отступало от своих творческих замыслов. Несомненно, творческие работники кинематографии должны показывать героические, светлые образы бойцов и трудящихся, показывать их прекрасные качества и на их примерах воспитывать людей. Таких произведений, посвященных жизни и борьбе

Кадр из фильма «Партизаны на железной дороге».

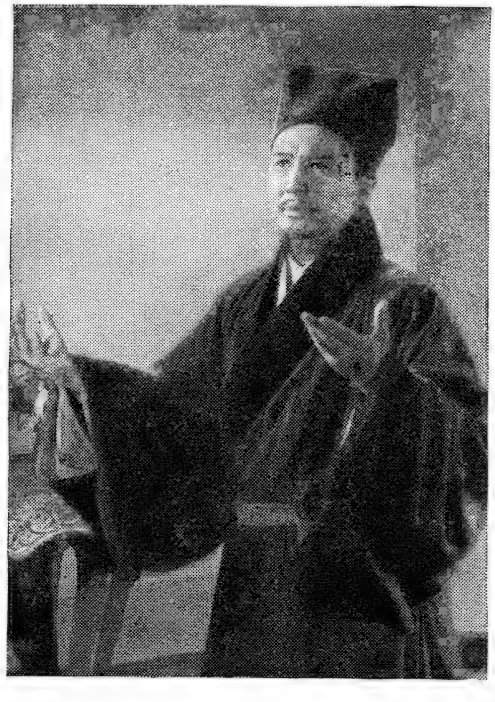
рабочих, крестьян и солдат, не слишком много. Напротив, их слишком мало. Однако нет никаких оснований говорить, что те герои фильмов, которые не принадлежат к классам рабочих и крестьян, не должны действовать на экране или что, поскольку рабочие и крестьяне являются сейчас хозяевами страны, в центральных ролях пьес и сценариев должны выступать только рабочие и крестьяне. Народный Китай, вступая в социализм, проводит социалистические преобразования, и весь китайский народ вовлечен в это движение. У нас есть и национальная буржуазия, которая переживает сейчас процесс ломки своей классовой природы, и вышедшая из рядов мелкой буржуазии интеллигенция, которая перевоспитывает себя. Поэтому нет оснований утверждать, что все это не относится к интересам рабочих и крестьян, что фильмы, в которых рассказывается о жизни людей, принадлежащих к другим слоям общества, не интересны для рабоче-крестьянского зрителя. Узкое же понимание служения рабочим, крестьянам и солдатам исключает возможность показа на экране таких фильмов.

Но даже к произведениям, отображающим жизнь рабочих, крестьян и солдат, догматики часто, вольно или невольно, предъявляют необоснованные требования. То они считают, что образ представителя рабочего класса, так же как и крестьянства, может воплощать только черты положительного, совершенного героя; такой уникальный тип героя должен быть олицетворением всех добродетелей. То они выступают против того, чтобы главным действующим лицом произведения был отсталый человек. Таким образом можно очень легко превратить безгранично богатую жизнь рабочих, крестьян и солдат в скучную, сухую схему. Подобное понимание задач искусства предполагает отказ от такого богатого наследия, как классическая литература, произведения известных писателей, фольклор, сказки, легенды и т. д.

Хотя эта теория всегда встречала отпор и давно уже осуждена, но она устрашающе действовала на некоторых творческих работников и долго связывала им руки.

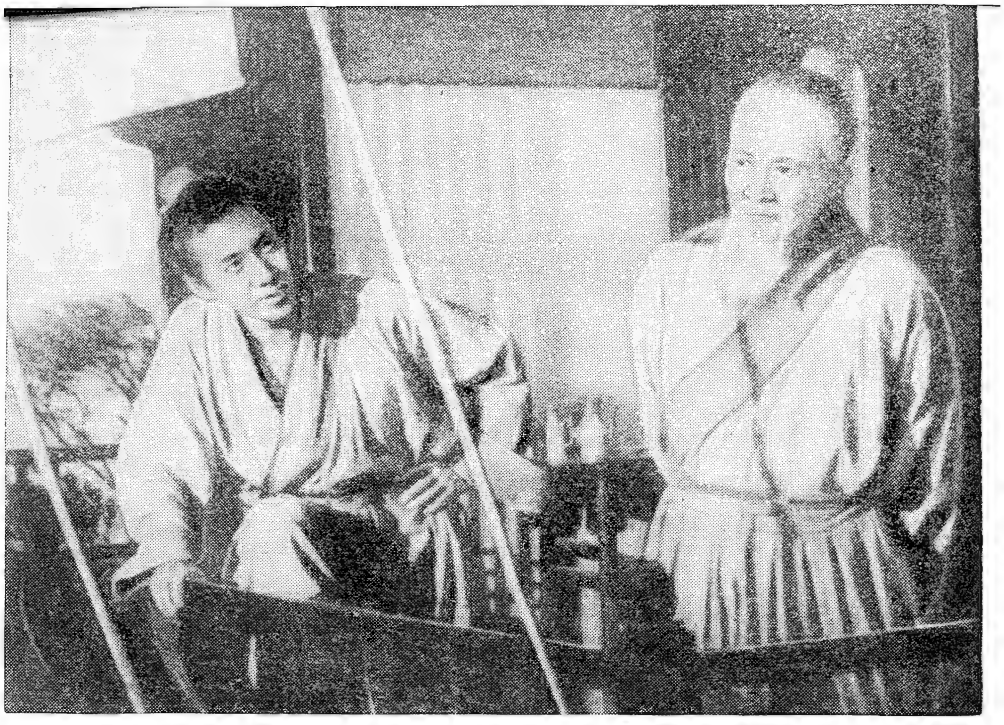
«Жесткая система» обладала такой большой силой еще и потому, что практиковалось вмешательство догматиков в производственные процессы кино. Бесчисленные, совершенно ненужные обсуждения сценария и режиссерских решений в процессе съемки только сковывали инициативу творческих работников. Конечно, в рядах деятелей кино есть немало молодых сценаристов и режиссеров, которые еще недостаточно опытны и которым необходимы и полезны помощь, обсуждение их работы, критика. Но когда упрощенческое административное вмешательство проявляется в отношении работ зрелых мастеров, это, конечно, связывает их. Беда в том, что, к сожалению, люди, которые судят о произведении, не будучи хорошо знакомы с ним, недостаточно разобравшись в самом произведении,— не в состоянии проникнуть в замыслы автора, понять его стиль; поэтому предложения таких людей носят часто общий характер и не дают никакой пользы. А если еще сценарист или режиссер не занимают очень твердых позиций и не в состоянии опровергнуть критику, — им приходится любезно принимать все предложения, переделывать свое произведение, механически выполнять то, чего требует художественный совет. В результате фильм утрачивает особенности художественного творчества, присущие его создателю. От многочисленных дискуссий фильм часто не только не улучшается, но и теряет то хорошее, что было в нем раньше.

Кадр из фильма «Ли Ши-чжэнь».



После всего этого нетрудно понять, почему деятели киноискусства так горячо приветствуют и поддерживают выдвинутый Коммунистической партией курс «пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ», почему у всех появилась небывалая уверенность в блестящих перспективах развития нашей кинематографии. Работники кино прилагают все силы для расширения тематики фильмов, их жанрового разнообразия. Эти усилия направлены также на то, чтобы упростить порядок обсуждения сценариев и фильмов.

Прежде всего, творческим работникам предоставлена большая свобода в выборе тематики произведений. Мы по-прежнему надеемся, что трудовой народ и современная жизнь займут в творчестве кинематографистов значительное место. Нужно оказывать всемерную помощь и поощрять



Кадр из фильма «Ли Ши-чжэнь».

писателей, работающих над этими темами. Необходимо, чтобы творческие работники в своей повседневной практике овладевали методом социалистического реализма. Они не должны пренебрегать любыми другими темами, если это будет на пользу трудящимся. Все творческие работники, обладающие различным жизненным опытом, различными художественными стилями, имеют возможность развернуть свои способности и, исходя из своих возможностей, активно работать, создавать много хороших, разнообразных по тематике фильмов.

Между сценаристами, режиссерами и актерами в самом начале их работы над фильмами устанавливается тесная связь, стимулирующая их инициативу. Работники кино сами создают творческие коллективы, оказывают друг другу помощь, проводят дружеские обсуждения сценариев и режиссуры, подымая таким образом активность и творческий энтузиазм создателя фильма и неся сообща ответственность за выполнение производственного задания государственной кинематографии.

Чтобы руководители производства глубже вникали в дела творческих коллективов, хорошо знали художественный стиль и особенности каждого такого работника и могли оказывать ему конкретную помощь, изменяются прежние методы централизованного управления, разукрупняются киностудии.

Таким образом, творческие работники избавляются от «жесткой системы», и их способности могут теперь свободно развиваться.

Деятели киноискусства прекрасно понимают, что эти меры отнюдь не должны иметь своим следствием какое бы то ни было снижение требований, предъявляемых к художественному творчеству. Наоборот, они повышают ответственность творческих работников и дают основание ожидать от них более высоких, значительных результатов. И творческие работники кино не обманут этих ожиданий.

Наша страна переживает огромный подъем. Уже есть признаки, свидетельствующие о правильности нового курса. В кинематографии чувствуется оживление, и можно полагать, что усилия, направленные на расширение тематики в кино, дадут свои результаты в ближайшие годы. Сейчас уже изжит сценарный голод — в 1957 году представлено на конкурс более 2000 сценариев. И особенно отрадно то, что среди них есть сценарии маститых писателей, которые после долгого перерыва вновь взялись за перо. Так например, известный в прошлом по многим пьесам и сценариям Ся Янь экранизировал известный рассказ Лу Синя «Моление о счастье». Имеющий более чем двадцатипятилетний стаж работы в кино режиссер Сунь Юй написал сценарий «С попутным ветром сквозь бушующие волны». Появилось и много молодых писателей. Например, Лу Янь-чжоу — автор очень хорошего сценария «Песня феникса», в котором рассказывается, как в одной горной деревушке, где еще сохранились феодальные обычаи, бедная девушка становится после освобождения председателем сельскохозяйственного кооператива.

По тем фильмам, которые были созданы в последние годы и которые снимаются сейчас, можно судить, насколько разнообразной становится тематика нашего кино.

В 1956 году режиссер Ша Мэн создал фильм «Шанганьлин», рассказывающий о китайских народных добровольцах, сражав-

шихся в Корее, — фильм, который пользуется большим успехом у китайских зрителей.

На высоком уровне написан двумя авторами, не профессионалами, сценарий «Опиумная война», освещающий историю борьбы китайского народа против империалистических захватчиков в прошлом столетии.

Экранизированы многие произведения известных современных писателей, как например, упомянутое произведение Лу Синя «Моление о счастье». В этом фильме хорошо знакомая китайскому зрителю киноактриса Бай Ян исполняет центральную роль вдовы Сян-линь — крестьянской женщины, замученной феодальным обществом. В 1956 году снят фильм по известному роману Ба Цзиня «Семья», в котором центральные роли исполняют Сунь Даолинь и Чжан Жуй-фан.

Кроме того, уже включены (или предполагается включить их в производственный план) «Подлинная история А Кью» Лу Синя, «Перед рассветом» Мао Дуня, «В деревне Саньливань» Чжао Шу-ли и т. д.

Большую популярность у китайского зрителя снискал фильм «Партизаны на железной дороге», снятый в 1956 году по одноименному роману Лю Чжи-ся.

Чэн Мо-цзюнь, автор сценария уже созданного фильма «Разведка за рекой», написал новый сценарий — «Морская душа»—о гоминдановских моряках, поднявших восстание и вернувшихся с Тайваня на континент. Этот фильм включен в производственный план нынешнего года.

Имеющий богатый режиссерский опыт Чэнь Фу в содружестве с артистом Чжао Данем создал в 1956 году первый историко-биографический фильм «Ли Ши-чжэнь», воспевающий великого гуманиста, знаменитого китайского фармаколога эпохи Мин.

Работники кинематографии учитывают также и большую любовь китайских зрителей к комедиям. Несколько молодых режиссеров, работая под руководством Люй Баня, создали на Чанчуньской киностудии несколько комедийных фильмов: «Перед приходом нового начальства», «Беспардонный человек», «Избыток чувств». Шанхайская киностудия готовится экранизировать в нынешнем году комедию молодого писателя Ай Мин-чжи «Счастье». Эта комедия, которая высмеивает молодого рабочего, принимающего за счастье обывательское, мещанское благополучие, пользовалась большим успехом.

Фильмы нацменьшинств, а также детские фильмы-сказки займут в нашем кино надлежащее место.

Китайская кинематография не забывает также о своей миссии пропагандировать китайское традиционное театральное искусство. Благодаря кино зрители всего Китая имели возможность познакомиться с искусством многих известных оперных артистов, таких как Мэй Лань-фан, Чжоу Синь-фан, Чэн Янь-цю.

В 1956 году была экранизирована известная старинная опера «Пятнадцать тысяч монет». В нынешнем году Пекинская киностудия собрала более десяти известных деятелей оперного искусства и создала фильм «Собрание знаменитостей».

Однако следует отметить, что китайские режиссеры только сейчас начали нащупывать пути к более успешной экранизации китайского традиционного театрального искусства.

Многие деятели киноискусства готовятся

Кадр из фильма «Во имя мира».

Кадр из экранизированного спектакля гуандунской оперы «Обыск в училище».

сейчас создать такие фильмы, которые, как яркие цветы, зацветут на клумбе китайской кинематографии. Конечно, не все цветы могут вырасти одинаково хорошими, может вырасти и просто трава и даже сорняки. Но ведь искусство никогда не было стандартным. Могут даже появиться фильмы, имеющие идеологические ошибки. Но это не должно пугать. Случаев появления таких фильмов в условиях, когда творческие работники изучают марксизм, не может быть слишком много, тем более что общественность может очень быстро разобраться в них. Необходимо, чтобы критики выступали с анализом допущенных в таких картинах ошибок, с разъяснениями, которые должны пойти на пользу и автору сценария и зрителям. Сорняки не могут остаться незаметными, как говорил Председатель Мао. Если даже на ниве и есть сорняки, — пусть они вырастут, чтобы человек мог распознать их. Сорнякам не скрыться от человеческих глаз. Человек может их выполоть и обратить в удобрение. Но пока не показались ростки, нельзя определить — худая это трава или нет, наоборот, можно как раз вместо сорняков выполоть настоящие цветы.

Преодолеть объективные препятствия — значит разрешить только половину вопроса. Появление по-настоящему прекрасных, волнующих произведений зависит еще и от усилий самих творческих работников. Повышение качества фильма определяется тем, насколько сценаристы, режиссеры и артисты широко и глубоко познали жизнь, мысли и чувства народа. Необходимо, чтобы творческие работники повышали свой идеологический уровень, чтобы различным чужим мнениям они могли противопоставить самостоятельное, собственное мнение,— в противном случае любое высказанное мнение по поводу их произведений может вызвать у них колебания. Наконец, многим творческим работникам кино необходимо изучать и осваивать специфику художественных средств в кино. Руководители китайской кинематографии должны помочь им в этом.

Работники китайской кинематографии знают, что только непрерывно и упорно работая над повышением своего политического и профессионального уровня, они смогут выполнить задачи, поставленные перед ними государством, оправдать надежды, которые возлагает на них шестисотмиллионный народ Китая, создать прекрасные, достойные своего народа фильмы.

Шанхай

Ли Чао

В ТЕАТРАХ КИТАЯ

I

Курс «пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ», выдвинутый Коммунистической партией Китая, отвечает требованиям той новой обстановки в развитии культуры, литературы и искусства, которая сложилась у нас в последнее время. Этот курс вовлекает все активные элементы из среды работников литературы и искусства нашей страны в трудовое соревнование по созданию социалистической культуры, призывает их оригинально мыслить, всемерно развивать свои творческие способности, призывает не к беспринципному поддакиванию авторитетам, а к творческому обмену положительным опытом, к общему прогрессу, который должен поднять нашу культуру, наше искусство и литературу на новую, более высокую ступень развития.

Этот курс обусловлен известными изменениями форм общественного сознания и реальных условий в жизни страны. Значительная часть нашей интеллигенции, подавляющее большинство которой вышло из среды мелкой буржуазии, сблизилась с марксизмом еще в бурную эпоху «движения 4 мая» 1919 года. На протяжении более тридцати лет она закалялась в огне революции, ведя вместе с народом под руководством Коммунистической партии борьбу против империализма и феодализма. После освобождения страны, когда народ взял власть в свои руки и социалистическая революция одержала победу, интеллигенция снова была вовлечена в великое революционное движение, в ходе которого она должна была переделать свое сознание и упорядочить стиль работы. Этапами этого движения явились общественное осуждение идейно-порочного фильма «Жизнь У Сюня» и критика сохранившихся еще кое у кого реакционных буржуазных взглядов Ху Ши и Ху Фына. Огромное влияние на интеллигенцию оказала открывшаяся ее взору панорама грандиозного строительства родины, бурный расцвет и укрепление изо дня в день международного положения нашего государства. Основная масса интеллигенции сплотилась вокруг патриотической идеи защиты родины и строительства социализма. Становление же новой культуры, национальной по форме и социалистической по содержанию, вызвало в ней благородный энтузиазм.

И все же в среде этой интеллигенции время от времени проявляются разброд и качания вправо и влево. Вот почему мы стараемся все время расширять социалистическую демократию во всех областях общественной жизни, развивать среди работников литературы, искусства, культуры свободные дискуссии, воспитывать в них стремление к совершенствованию своих знаний, добиваемся того, чтобы в борьбе различных мнений и взглядов мужали и развивались литература и искусство, руководимые партией, озаряемые светом марксистско-ленинской теории.

Необходимо отметить, что среди нашей интеллигенции, насчитывающей более пяти миллионов человек, нет еще полного идейного единства; хотя ее подавляющее большинство и одобряет социалистический строй, однако кое-кто (таких, правда, весьма мало) настроен по отношению к социализму враждебно, и в ряде случаев мы сами не подвергаем их взгляды должной критике, которая безусловно помогла бы им осознать свои заблуждения и по-настоящему раскрыть свой талант.

Работники литературы и искусства чувствуют со стороны правительства огромное уважение к себе и своему творчеству. Для их творчества и дальнейшего развития науч-

«Пятнадцать тысяч монет»
Сцена из спектакля.

но-исследовательской работы в области литературы и искусства созданы все необходимые условия. Глубоко тронутые такой заботой, творческие работники понимают, что только при социалистическом строе литература и искусство могут добиться подлинного расцвета. Вместе с тем нельзя забывать, что эти замечательные условия имеют и свою теневую сторону. Взращенное в теплице художественное творчество напоминает рассаду, которая нуждается в постоянном присмотре и не имеет той силы сопротивляемости стихии, какой обладает цветок, выросший на пустыре. Случилось так, что в театре, например, где всегда существовали различные эстетические взгляды, многие потеряли веру в себя и в свое искусство, потеряли интерес к соревнованию, соперничеству с противоположными творческими направлениями. Под влиянием целого ряда причин догматические, сектантские взгляды стали занимать доминирующее положение, а творческое руководство деятельностью театра уступило место бюрократическому администрированию. В этих условиях инициатива работников театра и их творческая активность оказались под спудом. Театральное искусство уже не могло рассчитывать на реальную поддержку и поощрение со стороны зрителя.

Идеологическая перестройка сознания интеллигенции, проходившая в последние годы, помогла большинству работников театра освободиться от оков буржуазного мировоззрения, однако многие из них в какой-то степени подверглись влиянию догматизма и сектантства, оказались, если можно так выразиться, под прессом бюрократического администрирования. Только избавившись от этого пагубного влияния, театральное искусство могло стать на путь подлинного расцвета.

Учитывая эти новые формы общественного сознания, партия и выдвинула курс «пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ», направленный своим острием как раз против всего того, что сдерживает развитие искусства и литературы.

Подтверждением правильности этого курса служит новый расцвет нашего театра.

Созданный трудовым народом нашей страны и вышедшими из его рядов блистательными мастерами, театр отобразил жизнь народа, его думы, чувства и чаяния, сохранив исключительное богатство форм театрального зрелища, ярко окрашенного национальным стилем. Однако отнюдь не всегда попутный ветер надувал паруса нашего театрального искусства в его плавании. История знает многочисленные примеры, когда даже слывшие меценатами императоры бесцеремонно расправлялись с драгоценными памятниками культуры, созданными предшествующими поколениями. Они боялись гневного голоса народа и не хотели, чтобы зритель увидел со сцены правду, изобличающую их в бесчеловечности и распутстве. Стремясь к укреплению своего господства, правящие классы не разрешали мастерам искусства соперничать друг с другом. Покровительством пользовались лишь находившиеся у них в услужении приживалы. Расцветали одни только плевелы, выдававшие себя за ароматные цветы. В стране царил террор, прогрессивных деятелей культуры арестовывали и сажали в тюрьмы, они испытывали невероятные лишения, не имели никаких средств к существованию, подвергались репрессиям за свои патриотические убеждения.

Победа народной революции в Китае коренным образом изменила положение работников литературы и искусства. Благодаря заботе партии и правительства и принятым ими мерам, в частности провозглашению курса «пусть расцветают сто цветов», а также творческой инициативе и активности самих театральных работников стали возможными реформа театра и расцвет театрального искусства, влачившего долгие годы жалкое существование. На сцену вернулись многие старые артисты, которые давно уже не выступали перед зрителем, вынужденные к этому различными обстоятельствами. Поняв политику правительства, они решили снова посвятить себя любимому искусству, воз-

рождению и сбережению забытых традиций, воспитанию на них театральной молодежи. Повсюду заново создавались распавшиеся театральные труппы, извлекались из небытия пьесы и спектакли, которые давно исчезли из репертуара.

Прошел примерно год, как был провозглашен курс «пусть расцветают сто цветов». Нельзя, конечно, требовать от литературы и искусства создания шедевров за такой короткий промежуток времени. И тем не менее, уже сейчас можно отметить ряд отрадных явлений, говорящих о реальности осуществления намеченной программы. Прежде всего это относится к дискуссии в печати по вопросам театрального искусства и появлению некоторых забытых пьес традиционного репертуара, заново переработанных для сцены. Возросла активность творческих работников, люди стали самостоятельно думать, анализировать явления, смело отстаивать свои взгляды в вопросах творчества, безбоязненно вскрывать и подвергать критике теневые стороны нашей жизни. Полемика, критическая постановка вопросов, стремление учиться у жизни, выявлять собственные недостатки, поднимать свой профессиональный и теоретический уровень — повсеместное явление. Все это убеждает нас в том, что вовлечение пассивных элементов в активную жизнь для создания новой, социалистической национальной культуры — реальный факт нашего развития.

II

Остановимся несколько подробней на состоянии театрального искусства нашей страны сегодня и покажем на конкретных примерах, какую роль в развитии нашего театра играет курс «пусть расцветают сто цветов».

Вопрос о судьбах нашего старинного национального театрального искусства был поставлен партией и правительством еще в 1952 году. Цель реформы состояла в том, чтобы в саду народного театра благоухали все цветы, чтобы каждый театральный коллектив и каждое направление искусства, любой театральный жанр могли участвовать в свободном творческом соревновании. Эта политика значительно укрепила театр и дала заметные успехи. Права гражданства получил традиционный репертуар, пользующийся у зрителя широкой популярностью. Большая работа была проделана по исправлению и улучшению текста многих хороших пьес, которые были очищены от чуждых, антинародных и антипатриотических наслоений, оскорбительных для нашей нации, от пошлости, гангстеризма и эротики. Восторжествовала линия на сохранение в нашем традиционном репертуаре всего здорового, передового, прекрасного.

Большую роль в консолидации творческих сил и взаимном обогащении опыта сыграли проведенные повсеместно смотры театрального искусства, во время которых были отобраны лучшие, характерные для данной местности пьесы и выявлены любимые народом артисты. Эти смотры явились хорошей школой для работников театра, трибуной взаимного обмена творческим опытом. Стало ясно, в каком направлении следует прилагать усилия, к чему должно быть привлечено внимание артистов, режиссеров-постановщиков и драматургов. В 1956 году смотры театрального искусства были проведены уже в центральных городах двенадцати провинций. Сколько новых, замечательных пьес и прекрасных постановок увидел зритель во время этих смотров!

После провозглашения партией курса «пусть расцветают сто цветов» особого внимания заслуживает возрождение давно уже преданного всеми забвению и находившегося в состоянии упадка жанра старинной музыкальной драмы «куньцюй». Дело не только в том, что зритель восторженно встретил постановку пьесы «Пятнадцать тысяч монет», творчески переработанной театром Пекинской оперы. Гораздо важнее тот факт, что сам жанр «куньцюй», уходящий своими корнями в глубокую древность, заблистал новыми красками и получил всеобщее признание и любовь народа. Так было доказано, какие прекрасные плоды может дать бережное отношение к древним традициям национального искусства, которые и сегодня способны играть большую воспитательную роль. Постановка пьесы «Пятнадцать тысяч монет» — замечательный пример последовательного осуществления курса «пусть расцветают сто цветов».

В 1956 году партия дополнила этот курс новым требованием: «пусть соперничают сто школ», открывшим перед работниками театра возможность не только заботиться о *цветении* самых различных форм театрального зрелища, но и *соперничать* друг с другом в поисках новых форм, в выявлении старых, забытых жемчужин искусства, в осуществлении их постановок и раскрытии *своих* творческих замыслов. Нет необходимости говорить, какой удар был нанесен этим по древним предписаниям, сковывавшим развитие театрального искусства. А главное — усилия творческих работников нацеливались не только на розыски и исправление пропавших пьес, но создавались все условия для показа ими *своего* творчества. Поскольку возможность развиваться получили различные театральные школы, удар был нанесен и по грубому бюрократическому администрированию.

Чтобы двинуть вперед дело выявления утерянных сокровищ нашего театрального искусства и не дать им вовсе исчезнуть с лица земли, были созданы специальные комиссии из представителей театральной общественности, остроумно названные «отрядами разведчиков недр». Оказалось, что мы обладаем несметными сокровищами: столько цветов было обнаружено соперничавшими в этих поисках энтузиастами. Разумеется, это послужило толчком к расцвету и самого театра. В провинции Шаньси, например, целых восемнадцать лет ничего не было слышно о таком жанре музыкальной дра-

Сцена из спектакля «Западный флигель».

мы, как «бэйлу банцзы»; в настоящее время труппа «банцзы» организована снова, и первые постановки нового театра порадовали зрителя прекрасной музыкой, ясным, четким, ритмическим рисунком, живым актерским исполнением. Обнаружен единственный в своем роде вид театрального искусства «вэньчжоу луаньтань», распространенный лишь в нескольких уездах провинции Чжэцзян. В репертуаре этого театра — около четырехсот редко встречающихся музыкальных номеров, бо́льшая часть которых и сегодня волнует зрителя превосходным сценическим воплощением и яркими красками. Стали известны такие произведения, о которых раньше вообще мало кто знал.

В провинции Шаньси, например, была показана музыкальная пантомима «Дуаньгунси» — древнейшее из зрелищ, уходящее своими корнями в ритуальные песни и пляски, описанные еще Цюй Юанем в его «Девяти напевах» (III век до н. э.), но и поныне сохранившие всю свою первозданную прелесть. В провинции Цзянси было найдено несколько списков музыкальной пьесы «Шоуянцян», занимающей весьма важное место в истории театра эпохи Мин (XIV—XVII вв н. э.), — всякие следы этой пьесы, казалось, давно были потеряны, поскольку единственный список, о котором было известно, хранился не в Китае, а в Японии. Обнаружена и драма юаньской эпохи (XIII—XIV вв. н. э.) «Муляньси», отличающаяся многообразием средств сценического выражения и богатством содержания, исполнение которой продолжается несколько дней подряд. В этом году пьеса «Муляньси» была показана шанхайскому зрителю актерами-любителями из Шаосина, родины Лу Синя, и привлекла к себе внимание театральной общественности. Но наибольший успех выпал на долю сычуаньцев, поставивших старинную музыкальную драму «Тяньфучжиго» («Благословенный край»). Театры этой провинции, играющие в жанре «чуаньцзюй», собрали уже более тысячи пьес, причем очень многие из них таят в себе редко встречаемый в театре неувядаемый колорит седой древности. В Хэбэе записано более тысячи четырехсот пьес из репертуара местного «банцзы» и т. д. и т. п.

«Раскопки недр» репертуара по всей стране открыли невиданные в истории нашего театра богатства. Число различных жанров театрального искусства, весьма отличных друг от друга актерским исполнением, манерой речи, музыкой, характером пения, возросло со 120 в 1952 году до 320 в 1956 году. Количество же номеров традиционного национального репертуара исчисляется десятками тысяч.

Общенациональный смотр театрального искусства, проведенный Министерством культуры Китая, значительно обогатил ре-

пертуар театров. Кроме названных пьес, репертуар нашего театра пополнился переработанной монгольской пьесой в жанре «цзинцзюй» «Три горы» и музыкальными драмами «Али и Ашма» (на сюжет поэтического эпоса народности сани «Ашма»), «Лошэнцзяо» и другими.

Особенность театрального искусства, как известно, заключается в его сценическом воплощении. Так, широко известные китайским зрителям пьесы «Саньчакоу» («На перекрестке»), «В горах Яньданшань», «Ночной побег Линь Чуна» и другие жемчужины национального искусства не отличаются ни особенно сложным сюжетом, ни хитроумными ходами, однако на сцене они представляют собой великолепное, волнующее зрелище. Носителями этого драгоценного жанра балетно-акробатической пантомимы выступают старые мастера сцены, передающие свое искусство по наследству из поколения в поколение. Следует учесть, что среди старых актеров еще сильны пережитки прошлого, и многие из них не особенно охотно делятся с молодежью своим опытом. В 1956 году правительство выделило огромные средства (5 млн. юаней) для оказания материальной помощи престарелым артистам и привлечения их к делу воспитания одаренной молодежи. В ознаменование шестидесятилетия сценической деятельности великолепного мастера в амплуа «ушэн» (военный герой) Гай Цзяо-тяня, старейшего артиста, выступающего в жанре «цзинцзюй», правительство устроило грандиозный вечер. Такие же вечера были проведены во многих провинциальных городах, где деятели литературы и искусства чествовали своих собратьев, любимых народом артистов, чей талант является украшением нашего театра. Чтобы сохранить для потомков драгоценные зерна опыта ветеранов сцены, мы ведем сейчас среди них большую работу. На Пекинской киностудии были засняты документальные фильмы, посвященные сценическому искусству Мэй Лань-фана и Чэн Яньцю, инсценировка «Сбор героев» с участием знаменитого мастера комического амплуа в жанре «цзинцзюй» 79-летнего артиста Сяо Чан-хуана и его ученика Ма Лянь-ляна, снято также более двадцати фильмов-спектаклей.

Этих примеров вполне достаточно, чтобы видеть, какое влияние на развитие такого чисто национального искусства, как музыкальная драма, оказал курс «пусть расцветают сто цветов».

Исключительное значение этот курс имеет для расцвета новой оперы, то есть жанра, которого раньше наше театральное искусство не знало.

Опера начала создаваться у нас всего лишь около тридцати лет назад и развивалась не как самостоятельный вид искусства, а впитывая в себя и богатое наследие европейской оперы и традиции национального музыкального театра. Демократическая революция вдохнула в нее новую жизнь. Однако до сих пор этот жанр искусства еще не установился в Китае и блуждает между музыкальной драмой в традиционном китайском стиле и европейской оперой, а поскольку не найдена национальная специфика, преобладает подражание европейским образцам. Созданные в свое время замечательные спектакли «Седая девушка», «Лю Ху-лань», «Ван Гуй и Ли Сян-сян», «Песнь степей», «Невеста добровольца»—лишь первые ласточки нашего оперного репертуара.

В настоящее время идет горячая дискуссия по вопросам, связанным с формами новой оперы, с применением в Китае творческого метода Станиславского и опыта европейской музыкальной школы, с дальнейшим развитием национального вокального искусства. При обсуждении в Союзе театральных работников и Союзе композиторов, продолжавшемся более месяца, была внесена некоторая ясность в основы новой оперы. Предложения ограничить развитие оперного жанра рамками традиционной музыкальной драмы, втиснуть его в прокрустово ложе ветхозаветных канонов не получили одобрения. Поддержку получила другая точка зрения, а именно, что нужно идти своим путем в создании новой китайской оперы, творчески впитывая все лучшее, что дает европейская опера, и одновременно всемерно развивая национальную специфику. Этой же точки зрения придерживаются и органы, которые направляют деятельность творческих союзов, призывая энтузиастов новой оперы к дерзанию, к смелым экспериментам и поискам.

Период цветения наступил и для драмы, имеющей особенно глубокие революционные традиции.

Элементы драматического действия мы можем найти и в таких древних жанрах нашего театрального искусства, как «хуацзиси» (комическое представление) и «цаньцзюньси» (военная пьеса). Однако не в эту седую древность уходят корни новой драмы, являющейся могучим средством выражения чувств и мыслей современника. Эти корни куда ближе —они лежат в истории театра второй половины прошлого века и особенно последнего тридцатилетия нашего века, ознаменовавшегося антиимпериалистическим и антифеодальным «движением 4 мая» 1919 года. Старейшие деятели нашего театра Тянь Хань и Оуян Юй-цянь писали на основе традиций национальной культуры, творчески восприняв формы западноевропейской драмы. Однако китайская революционная действительность, составившая основное содержание многих пьес, постепенно изменила эти формы, придав им совершенно новое качество. В настоящее время драматический театр, пользующийся у зрителей большой любовью, стал неотъемлемой частью нашего национального искусства, и поэтому партия и правительство придают огромное значение его развитию, как одному из важнейших факторов социалистического воспитания широких народных масс.

Развивая свои боевые традиции, драмати-

Сцена из пьесы Цао Юя «Гроза».

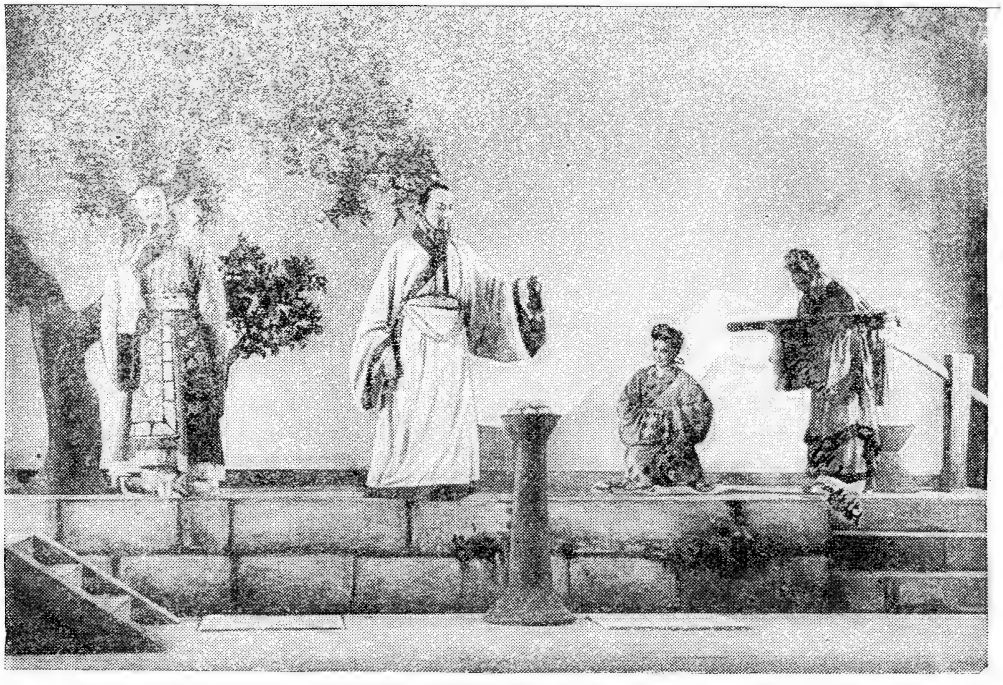
ческий театр стал действенным средством в отображении великой борьбы за социалистическое строительство Китая, в отображении новых качеств человека сегодняшнего дня и всего нового в жизни народа.

Большой популярностью у зрителя пользуются новые пьесы одного из старейших наших драматургов Лао Шэ; его драма «Лунсюйгоу», показывающая процесс изменения общественного уклада и прославляющая народную власть, обошла чуть ли не все театральные подмостки страны. Столь же широкой известностью пользуется пьеса Чэнь Ци-туна «Великий поход» и пьеса Ху Кэ «Они выросли в боях», посвященные героическим подвигам народных воинов — участников революции и борьбы с японскими захватчиками, спектакли «Перед лицом нового» (Ду Инь), «Сорокалетние чаяния» (Ли Цин-шэн), «Вперед и выше» (Ху Лин), создающие образы передовых людей сегодняшнего дня, строителей нашей могучей индустрии. Пьеса Ань Бо «Весенний ветер на реке Номинхэ» — образец того, какую важную роль может играть искусство в деле социалистических преобразований. Драма покойного драматурга Сун Чжи-ди «За мир!» и пьеса Ху Кэ «Линия фронта передвигается на юг» воспроизводят героические подвиги китайских народных добровольцев в Корее. Появилось много одноактных пьес, среди которых зрителям особенно понравилась «Депутатка» Сунь Юя. Горячо встречены детским зрителем чудесные пьесы-сказки «Цветок малянь» (Сюн Сай-шэн) и «Серый волчище» (Чжан Тянь-и).

Возобновлена постановка созданных задолго до победы народной революции пьес известных драматургов Го Мо-жо «Цюй Юань», Ся Яня «Бациллы фашизма» и «Под крышами Шанхая», Цао Юя «Гроза», «Восход солнца» и «Семья», которые оказывают весьма сильное воздействие на зрителя.

В 1956 году был проведен первый Всекитайский фестиваль драматических театров. В нем приняли участие более пятидесяти коллективов — около двух тысяч артистов, постановщиков, режиссеров, музыкантов; было показано 48 пьес, многие из которых получили высокую оценку. Смотр продолжался больше месяца и позволил выявить много замечательных актеров и режиссеров. Во время фестиваля состоялся обмен мнениями по поводу просмотренных спектаклей. Особенно серьезному обсуждению подверглись вопросы творчества и исполнительского мастерства.

На китайской сцене расцветают цветы не только нашего национального искусства, но и прекрасные цветы театрального искусства народов других стран. Постановка у нас лучших произведений классической и современной зарубежной драматургии постепенно становится обычным явлением. В одном только 1956 году на нашей сцене были показаны «Мещане» и «Егор Булычев» А. М. Горького, «Любовь Яровая» К. Тренева, «Вторая любовь» (по Е. Мальцеву), «Платон Кречет» А. Корнейчука, «Машенька» А. Афиногенова, «Таня» А. Арбузова и другие. Из пьес западноевропейских классиков в прошлом году были поставлены «Ромео и Джульетта» В. Шекспира, «Нора» Г. Ибсена, «Слуга двух господ»



Сцена из постановки пьесы Го Мо-жо «Цюй Юань».

К. Гольдони. Зрители познакомились также с драматургией народов братских стран — Чехословакии («Волынщик из Стракониц» К. Тыла), Польши («Такие времена» Ежи Юрандота) и других.

Мы не только ставим на нашей сцене пьесы зарубежных авторов, но и приглашаем к себе на гастроли зарубежных мастеров сцены. Гастрольные поездки по Китаю осуществили многие ансамбли песни и танца европейских и азиатских стран и ряд театральных трупп. Первым гостившим у нас зарубежным театром был театр корейской оперы, показавший тепло встреченные зрителями «Историю Чхун Хян» и «Историю Шэн Чхон». В целях расширения культурных связей мы направили на гастроли за границу — в Советский Союз, страны народной демократии и другие государства более десятка своих театральных коллективов. Всемирную славу заслужило сценическое искусство таких наших мастеров, как Мэй Лань-фан, Чжоу Синь-фан и Ли Шао-чунь.

III

Однако развитие событий не может идти по прямой линии. Наряду с пышным расцветом театра продолжают еще существовать и такие явления, которые, разумеется, не могут удовлетворять нас. Это и вызывает различные осложнения на пути нашего развития, приводит к отсутствию единства взглядов на отношение к старому искусству, к спорам в оценке проводимого нами курса. Кое-кто, собрав отдельные примеры и приукрасив их, преувеличив роль некоторых негативных явлений, пытается доказать, что этот курс «опасен», что он ведет нас не вперед, а назад, что с репертуаром может получиться черт знает что и в практике искусства наступит полная неразбериха, что буржуазная идеология, не сдерживаемая никакими препонами, разольется вширь и вглубь и основы теории марксизма будут поколеблены.

Некоторые из этих товарищей, например, Чэнь Ци-тун и другие, не удержались и поспешили выступить со своими статьями, в которых они ратовали за то, чтобы партия как можно скорее отказалась от такого курса. Как истые догматики, они испытывают безотчетный страх перед «расцветом ста цветов» и уверяют, что допустить «цветение» — легко, а вот попробуй потом «прибрать к рукам» эти цветы! Им кажется, что наш курс противоречит установке партии относительно той роли, которую призваны играть литература и искусство среди рабочих, крестьян и солдат, что о расцвете всех цветов и соперничестве всех мастеров культуры можно только говорить, но не принимать их всерьез, поскольку это сковывает социалистическую демократию. Свои сомнения в реальности нашего курса они пытаются доказать догматическими утверждениями, будто бы социалистическая культура может развиваться лишь в том случае, если она целиком и полностью соответствует своему экономическому базису. Другими словами, «расцветать» может лишь искусство социалистического реализма. Они отказываются признавать преемственность и специфику литературы и искусства вообще, боясь, как бы марксистско-ленинская теория о роли литературы и искусства «не сдала свои позиции» противоположным идейным взглядам.

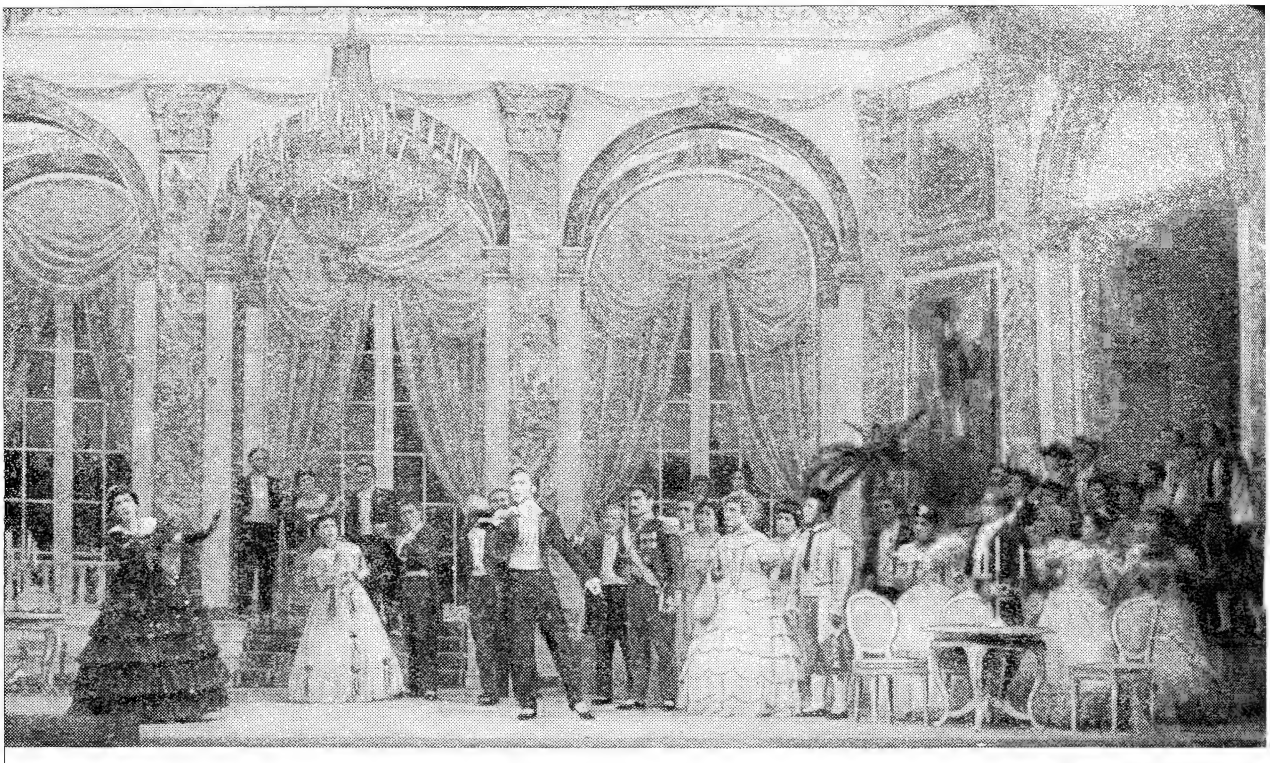
Что же можно сказать об этих людях? Они закрывают глаза на неизбежность собственного провала и, обманывая самих себя, пытаются ввести в заблуждение и других. Они не понимают, что различные мнения в литературе и искусстве и различные литературные взгляды развивались историче-

ски, что они существуют объективно и будут существовать в будущем точно так же, как существовали в далеком прошлом. Такова объективная реальность, и она не устанавливается по чьему-либо желанию — никто не может ни заставить искусство «расцветать», ни «прибрать его к рукам». Точно так же обстоит дело и с марксистскими идеями в литературе и искусстве. Они существуют, и это тоже историческая реальность. Как же можно «разрешать» или «не разрешать» развитие таких вещей, которые уже существуют! Ведущее положение марксистских идей в литературе и искусстве сохранится вне зависимости от того, будет или не будет выдвинут курс «пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ». Немарксистские же идеи и сознание, противоположные методу социалистического реализма творческие методы и литературные взгляды будут объективно существовать до тех пор, пока их приверженцы будут сомневаться в марксистских идеях и не будут верить творческому методу социалистического реализма. Подавление противоположной точки зрения — не есть метод разрешения спора. Таким методом может быть лишь последовательное осуществление курса на «соперничество», предоставление «всем школам» возможности высказать свои мнения, даже если они неверны. В борьбе мнений, в споре выявится не только хорошее и плохое, главное и второстепенное, но и утвердится объективная, научная истина марксизма, закалится и получит дальнейшее развитие марксистская теория литературы и искусства. Благодаря тому, что научная истина марксизма будет непрерывно одерживать победы, в значительной степени укрепится ее авторитет, ее удельный вес, и число сторонников марксизма с каждым днем будет возрастать.

Но именно это уже привело к тому, что некоторые кинулись в другую крайность, испугались «неразберихи», «смятения», которые-де могут возникнуть в литературе и искусстве. Некоторые работники театра, недостаточно подготовленные в теории марксизма, растерялись, когда прочитали в газетах высказывания, несхожие с их точкой зрения. В отходе некоторых театров от правдивого раскрытия художественных образов и постановке пьес на религиозные или мифологические сюжеты они со страхом усмотрели засилие плевелов, которые только, мол, и ждали, когда им дадут возможность проявить себя. Стоило кому-то высказать в печати критические замечания по поводу тех или иных неудачных или ошибочных мест в этих пьесах (кстати, легко устранимых), как они тут же снимались с репертуара. Таким работникам театра невдомек, в чем причины «высоких сборов», они не в состоянии объяснить их себе, разобраться в том, кто прав, а кто нет, и извлечь уроки из своих ошибок.

Мы, марксисты, не должны уходить от анализа причин отдельных наших провалов и поддаваться испугу, встречаясь с неверной, ошибочной трактовкой того или иного образа. Эту же цель мы преследуем, призывая к «соперничеству» и «расцвету ста цветов». Чтобы уметь отличать в искусстве правду от лжи, уметь отвергать неправильные творческие методы и взгляды, нужна хорошая марксистская закалка и глубокие специальные знания. Марксисты не боятся идейных разногласий, они глубоко верят в свою правоту. Наш зритель, сознательность которого неизмеримо выросла после освобождения страны, сумеет разобраться в том, что ему показывают на сцене, — этому мы тоже верим. Следует всегда помнить, что многие идут в театр не просто ради развлечения, а для того, чтобы получить ответ на те вопросы, которые их волнуют. Если мы будем последовательно и решительно проводить курс на свободный обмен мнениями, мы добьемся многого. Зритель сам, без нашей подсказки, сумеет распознать и отвергнуть плохое, уродливое, поэтому товарищи, которых мы имеем здесь в виду, на-

Чэнь Ци-тун — «Великий поход». Сцена из спектакля.



Сцена из оперы Верди «Травиата».

прасно опасаются «великой смуты в Поднебесной». Смятения умов не будет.

Есть и такие работники театра, которые ничего не имеют за душой, но уже много лет разыгрывают из себя стопроцентных ортодоксов. Они, мол, непорочны, они «за», поскольку курс «пусть расцветают сто цветов» выдвинут партией. Но какую же они должны ощущать в себе пустоту, когда им приходится иметь дело с оспаривающими их мнение товарищами, как тревожно, должно быть, бьется у них сердце, как беспокойно ерзают они на стуле, в страхе, что сейчас с них будет снят фальшивый, маскарадный костюм! Поэтому-то они и ищут хоть какую-нибудь зацепку, чтобы ослабить эффективность принятого партией курса. Они уверяют, что его проведение в жизнь может вызвать разброд среди интеллигенции, что люди будут бояться отвечать на критику, более того, не осмелятся поднимать голову. Линия партии на развертывание широкого творческого соревнования — прекрасное средство, чтобы избавиться от подобных «острословов» и пустоцветов. Кто действительно хочет служить народному театру, тот будет честно, с открытым забралом защищать свои убеждения, решительно доискиваться правды и шагать в ногу со временем, иначе народ сметет его со своего пути.

Несколько иное положение мы наблюдаем среди работников музыкальной драмы. Многие из них, опутанные предрассудками прошлого, в гнетущей атмосфере которого им приходилось работать длительное время, разучились самостоятельно мыслить. Их беспокоит, что теперь придется *соперничать* с кем-то и они не найдут применения своим способностям. Вместе с тем, эти люди питают горячую любовь к новому общественному строю и не хотят стоять в стороне от общего дела. Как бы, думают они, «соперничество» не доставило лишних хлопот любимому искусству, — нужно ли поэтому развертывать дискуссии, высказывать мнение, которое не сходится с мнением руководителей? Другие товарищи не имеют навыков к критике и самокритике, они боятся открытого спора, полагая, что взаимная критика может нарушить атмосферу мира и будет препятствовать сплочению. Эти товарищи даже не представляют себе, что именно через критику и самокритику можно достигнуть настоящего товарищеского сплочения, что абсолютная идиллия в отношениях между людьми — мираж, что стремление к ней лишь препятствует действительному разрешению спорных вопросов и расцвету литературы и искусства. Обывательская трусость, филистерство в общественных отношениях есть порождение старого строя, и мы должны решительно и навсегда покончить с ними.

Некоторые опасаются, как бы курсом на «расцвет ста цветов» не воспользовались «сорняки» и «ядовитые травы», ибо это может принести обществу большой вред. Так думают лишь те, кто не верит в свою способность отличать запах ароматного цветка от запаха сорняка, не верит в народ, который сам может разобраться в том, что хорошо, а что плохо. Это от них мы слышим трусливые предостережения: «Ну, конечно, пусть расцветают сто цветов, но только не давайте возможности сорнякам поднять голову!» Позволительно спросить у этих маловеров, а как они смогут заранее определить,

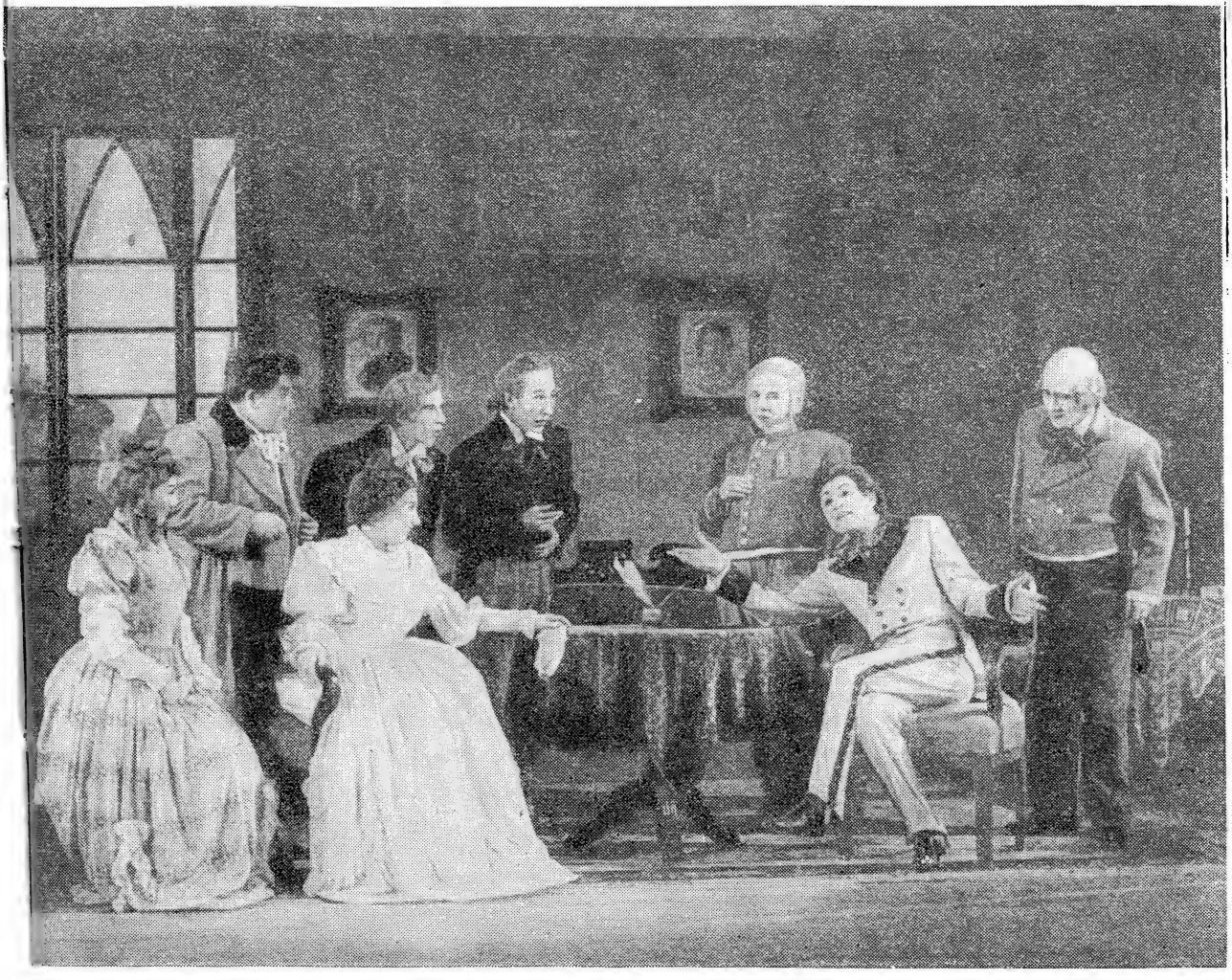
что вырастет из крохотного ростка, если он еще и не поднялся как следует? Даже если мы и не сомневаемся в том, что имеем дело с сорной травой, нельзя прекратить ее рост одними только административными мерами. Разумеется, это не говорит о том, что следует поощрять цветение плевелов. Сорную траву следует выпалывать, используя ее для удобрения почвы, на которой растут душистые травы. Наши предки знали хорошее средство для применения ядовитых трав на пользу делу: они готовили из них целебные снадобья или давали ароматным цветам спорить с сорняками, искусно содействуя их победе в споре с противниками. В новой исторической обстановке работники театра должны бережно относиться к каждой травинке и каждому деревцу национального искусства, оставленному нам в наследство предками, и всеми силами и средствами развивать его, двигать дальше, помня, что даже самый малый вклад, который они могут сделать, должен служить новой социалистической культуре, новому театру, быть активным фактором нашего замечательного искусства.

Поборниками курса «пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ» выступают и правые оппортунисты. Но на уме у них совершенно другое. Им давно уже претит и материализм Маркса, и установка на служение литературы и искусства интересам рабочих, крестьян и солдат, и социалистический реализм. Ухватившись за провозглашение партией курса на *соперничество* всех школ, они решили, что пришел их час, и начали вешать на все и вся ярлыки, приписывая «догматизм», «вульгаризаторство», «социологизм» и прочее марксистским взглядам на вопросы литературы. Можно подумать, что это и есть подлинный дух курса «пусть соперничают сто школ» и что только он, этот дух, приведет театр к подлинному расцвету.

Но как бы ни рядилось правое охвостье под активных поборников курса партии, ему не удастся скрыть своих истинных устремлений. Оно против этого курса, оно извращает его, так как хочет одним росчерком пера зачеркнуть все достижения марксизма в области культуры, литературы и искусства и открыть простор мутной волне нигилизма и сектантства.

Какие бы ни были в настоящее время у работников театра сомнения в правомерности курса «пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ», они не смо-

Сцена из поставленной в Китае комедии Н. В. Гоголя «Ревизор».



гут ни принизить, ни поколебать его, так как мы располагаем достаточными доказательствами того, что он привел в движение все активные элементы культуры, искусства и литературы. Конечно, при каждом маломальски серьезном изменении политики в идейных вопросах неизбежны некоторые буржуазные и мелкобуржуазные шатания. Однако ничего страшного в этом нет, это явление естественное, поскольку оно отражает известные сдвиги в общественных отношениях. Важно то, что мы в состоянии предвидеть такие шатания и во всеоружии вести борьбу против догматизма, препятствующего осуществлению принятого партией курса и пытающегося набросить на него узду, против сектантских взглядов и хитросплетений правого оппортунизма, против нигилизма, двигая вперед дело литературы и искусства, добиваясь расцвета театра и подлинного сплочения всех творческих сил.

Курс «пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ» знаменует в нашей стране начало новой эпохи. Он поднимает социалистическую активность работников культуры, литературы, искусства, рождает в них желание совершенствовать идейный и художественный уровень своего творчества. Каждый день приносит нам все новые и новые приметы грядущего небывалого расцвета нашей литературы, нашего любимого искусства.

Пекин

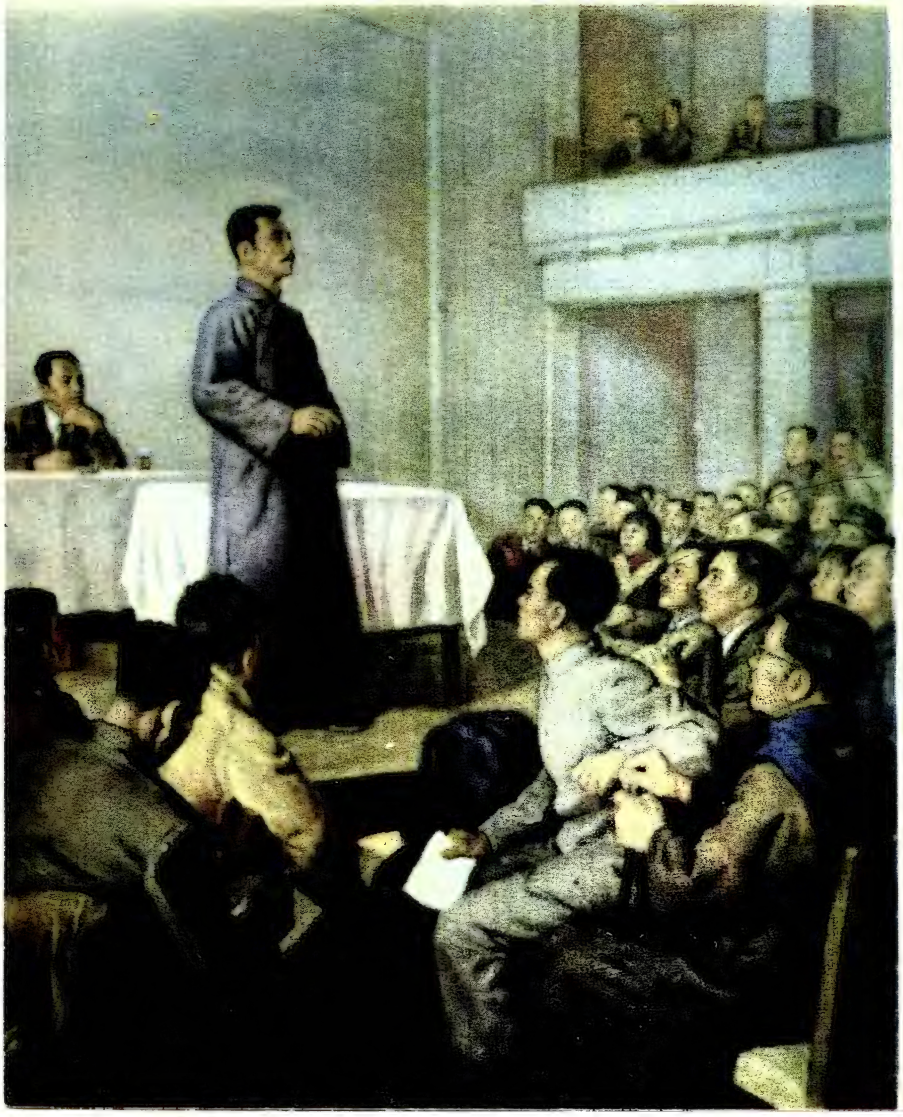
Изобразительное искусство нового Китая

ЦИ БАЙ-ШИ.

Хризантемы и крабы.

ЧЖАО ЦЗУН-ЦЗАО.

Лу Синь и Мао Дунь составляют поздравительную телеграмму по случаю победоносного завершения Красной Армией Великого похода.



ЧЖАН ЛУН-ЦЗИ,

ЦЯНЬ ДА-СИНЬ.

Выступление Лу Синя на собрании в честь создания Лиги Свободы.

Е ЦЯНЬ-ЮЙ.

头 等 羊 毛

Продажа высококачественной шерсти в Тибете.

ВАН ШУ-ХУЭЙ

Иллюстрации к классической пьесе «Западный флигель».

Пьеса Ван Ши-фу, драматурга эпохи Юань (13—14 вв.), «Западный флигель» исключительно популярна в Китае. Она известна советскому зрителю под названием «Пролитая чаша».

ОДНОЦВЕТНЫЕ НАРОДНЫЕ
ВЫРЕЗКИ ИЗ БУМАГИ.

ЦВЕТНЫЕ НАРОДНЫЕ
ВЫРЕЗКИ ИЗ БУМАГИ

АЙ ЧЖУН-СИНЬ.

Тибетские женщины
обрабатывают шерсть.

Ван Сунь

Традиции и формы национальной живописи

1956 год — год больших перемен в политической жизни китайского народа, победы социалистической революции в масштабе всего Китая. Он явился также годом дальнейшего прогресса в области культуры. Курс «пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ» — творческое применение марксизма-ленинизма в конкретных условиях Китая — открыл новые перспективы для развития социалистической национальной культуры. За время, прошедшее после выдвижения этого курса Коммунистической партией Китая в июне 1956 года, возросла активность работников нашего изобразительного искусства. Увеличилось число персональных выставок, в частности, произведений художников старшего поколения, работающих в области живописи «гохуа». Особенно ярко это оживление художественной жизни проявилось на организованных в 1956 году всекитайских выставках карикатуры, «гохуа» и работ молодых художников; повсеместно экспонировались произведения народного искусства. С большим интересом работники культуры познакомились с творчеством зарубежных художников. У нас демонстрировались репродукции современной французской живописи, произведения художников Мексики, гравюры югославских мастеров. В этом году значительно окреп дух свободных дискуссий, дальнейшее развитие получила искусствоведческая мысль. Все это является результатом правильной политики нашей партии.

Документы Восьмого съезда Коммунистической партии Китая и статья «Еще раз об историческом опыте диктатуры пролетариата» дали новое оружие работникам культуры Китая. В этих документах решительной критике подверглись догматизм и ревизионизм.

С большим вниманием и интересом следили работники искусств Китая за дискуссией, предшествовавшей съезду советских художников. Дружеские критические замечания побывавших в Китае художников СССР и других стран по повсду произведений китайской национальной живописи, живописи маслом, скульптуры, прикладного и народного искусства стали предметом широкого научного обсуждения. Дискуссии истекшего года прошли под знаком преодоления догматизма, субъективизма и сектантства во взглядах на искусство; в них были затронуты такие вопросы, как преодоление формализма, абстрактивизма и натурализма, освоение и развитие национальных традиций, отношение к импрессионизму.

Славные художественные традиции китайского народа стали под руководством Коммунистической партии активной составной частью революционного строительства в нашей стране. В своем выступлении на совещании по вопросам литературы и искусства в Яньани товарищ Мао Цзэ-дун говорил, что литература и искусство должны способствовать сплочению народных масс, их движению вперед, должны помогать народным массам единодушно продолжать свою борьбу, избавляться от всего отсталого и развивать все революционное. Эта славная задача сплотила работников искусства Китая. После освобождения страны, в ходе движения за упорядочение работы в области литературы и искусства и перевоспитания интеллигенции (1951—1952 гг.), когда были подвергнуты критике феодальные, буржуазные и мелкобуржуазные взгляды на искусство, работники культуры Китая объединились вокруг лозунга нашей партии — лозунга служения рабочим, крестьянам и солдатам. В результате этого китайское искусство добилось значительных

успехов, получило признание как в самом Китае, так и за рубежом.

Но некоторые люди поверхностно и недостаточно отчетливо поняли установку — служить рабочим, крестьянам и солдатам; они не смогли идти в ногу с общественным развитием, повышать свой идеологический уровень. Перед лицом новых задач они стояли на позициях упрощенчества, односторонности и догматизма. Другие, неправильно понимая связь искусства с политикой, механически отображали в своих произведениях различные события политической и экономической жизни страны, изображали только знамена, речи и аплодисменты, что, по их мнению, якобы олицетворяло эту связь. А такие темы, как повседневная жизнь человека, любовь, дети, пейзаж, цветы, — они объявляли буржуазными и мелкобуржуазными. Некоторые считали, что служить рабочим, крестьянам и солдатам — значит изображать лишь рабочих, крестьян и солдат. Это узкое, начетническое понимание воспитательной роли искусства и его тематики постоянно подвергалось критике, а курс «пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ» нанес по нему еще один мощный удар.

В настоящее время значительно увеличилось число произведений, черпающих свою тематику в повседневной жизни людей, а также число пейзажей и картин с изображением цветов и птиц; газеты и журналы стали широко публиковать произведения разнообразных стилей и тем.

Искусство служит рабочим, крестьянам и солдатам. Художники, создавая образы реальной жизни, помогают им познавать мир, воздействуют на их настроение, воспитывают их характер. Тематика таких произведений разнообразна — тут и важнейшие политические события, и борьба народа, и образы передовых людей нового общества. Тематику произведений искусства нельзя механически канонизировать — искусство не может стоять вне политики, но оно не должно своими изобразительными средствами упрощенно толковать те или иные политические идеи. Правильное понимание связи искусства с политикой является важным средством преодоления формализма, абстрактивизма и натурализма.

Формализм, абстрактивизм и натурализм в художественном творчестве — отчасти результат слабого знания жизни, недостаточно высокого идеологического уровня, а также поверхностного, упрощенного понимания методов реалистического искусства.

Одним из самых серьезных вопросов, вызвавших горячее обсуждение, был вопрос о преемственности и дальнейшем развитии китайской национальной живописи. Живопись в Китае имеет большую историю, она создала собственные славные традиции — реализма и народности — как в области творческих методов, техники, выразительных средств, так и в области искусного владения кистью и тушью. Однако в прошлом, особенно в период шестисотлетнего господства Минской и Цинской династий (XIV—XX вв.), в живописи сложилось формалистическое направление. Это направление было одной из составных частей идеологии правящей верхушки в период позднего феодализма; оно сковывало возможности художников как в вопросах идеологических, так и творческих. Наметилось обострявшееся с каждым годом противоречие между реалистической традицией и этим формалистическим направлением. Но только после освобождения страны китайская национальная живопись смогла стать на правильный путь, отвечающий характеру нового общества.

Однако не все правильно понимали, в каком направлении должна развиваться китайская национальная живопись. Как следствие борьбы с пережитками феодализма, возникло догматическое, вульгарно-нигилистическое отношение к этому виду искусства. Обращалось внимание лишь на порожденные формалистическим направлением недостатки традиционной живописи, которые выражались в отрыве ее от жизни, широком распространении копировки и подражательства, отказе от правдивого изображения жизни и человеческих образов, от свободного решения вопросов перспективы. Некоторые люди заняли вообще неправильную позицию по отношению к специфическим, исторически сложившимся особенностям китайской национальной живописи, считая ее примитивной и ненаучной. Другие же слепо преклонялись перед стариной, каждую малейшую перемену считали гибельной для китайской живописи, с благоговением относились к монотонным пейзажам прошлого и картинам с изображением придворных дам и отшельников; обращали внимание лишь на технику живописи, а не на жизненное содержание произведений искусства, оспаривали и ставили под сомнение возможность обновления живописи. Все эти люди, либо пренебрежительно, либо консервативно относившиеся к национальному наследию, не сумели его научно, критически проанализировать.

После того как эти ошибочные взгляды подверглись острой критике на Втором всекитайском съезде работников культуры (1953 год), началось углубленное изучение искусства китайской национальной живописи. Повернувшись лицом к жизни, эта живопись стала бурно развиваться.

В творчестве художников, которые работают в области традиционной живописи, существуют трудности, связанные с исторически сложившимся отрывом этой живописи от жизни. Некоторым произведениям, выдержанным в традиционной форме, недостает жизни и чувства современности; другие, наполненные жизненным содержанием, лишены специфических особенностей традиционного стиля. Дискуссии по этому поводу затронули широкий круг вопросов. Можно и нужно ли рисовать пейзажи, цветы и птиц, учитывая требование приближения искусства к жизни? Стоит ли понятие прекрасного над классами и эпохами? Мож-

но ли создавать произведения на исторические темы и писать образы людей прошлого? Отрицает ли требование непосредственного изображения жизни оригинальные формы китайской национальной живописи? Равнозначно ли это требование натурализму? Что является лучшим в традициях национальной живописи?

При решении этих, так же как и ряда других вопросов, в особенности после выдвижения курса «пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ», был нанесен удар по тем, кто пренебрегал художественным наследием нашей родины и неправильно оценивал китайскую национальную живопись.

В дискуссиях подчеркивалась необходимость развития искусства национальной живописи на базе традиции, а также изучения и восприятия всего прогрессивного и полезного, что есть в зарубежном искусстве. Ясное понимание характера и реалистического значения специфических выразительных средств и творческих методов китайской национальной живописи явилось одним из главных итогов теоретического обсуждения и изучения ее основных проблем.

Общеизвестны художественные и теоретические достижения китайской традиционной живописи. Обогащенная национальным колоритом в ходе своего двухтысячелетнего развития, она приобрела мировое значение.

Тщательный научный анализ и обобщение эстетических воззрений и тесно связанных с ними особенностей формы и содержания китайской национальной живописи явятся важным вкладом в марксистско-ленинскую эстетику. Первоначальные выводы, сделанные в результате развернувшейся уже научной работы в области национальной живописи, дают возможность оценить ее сокровища.

Пекин

Нам отвечают деятели литературы и искусства Китая

Редакция журнала «Иностранная литература» обратилась к деятелям культуры Китая — писателям, работникам театра, кино, художникам и музыкантам — с просьбой ответить на следующие вопросы:

1) Над чем Вы работаете в настоящее время? Каковы Ваши творческие планы?

2) Какие надежды Вы возлагаете на дальнейшее развитие культурных связей между Китаем и Советским Союзом?

Ниже публикуются полученные нами ответы.

Ай Мин-чжи,
ПИСАТЕЛЬ

1

Недавно закончил работу над сценарием «Дневник медсестры». Сейчас дорабатываю роман. Собираюсь в этом году пойти на завод, пожить в заводской среде и написать за это время пьесу.

2

Мое пожелание: пусть больше советских писателей, драматургов и особенно сценаристов приезжает в Китай.

Ай У,
ПИСАТЕЛЬ

1

Пишу пьесу о жизни рабочих. Собираюсь пожить некоторое время в промышленном городе и деревне, писать очерки и рассказы.

2

Хочется, чтобы мы постоянно и быстро могли знакомиться с произведениями советской литературы. Вместе с тем хотелось бы, чтобы и наши произведения быстрее попадали в руки советского читателя, потому что такая культурная связь бесспорно усилит взаимопонимание и дружбу наших народов.

Бай Ян,
КИНОАКТРИСА

1

В будущем году хочу играть в драматическом театре.

2

Надеюсь на скорейшее осуществление нашей надежды — на совместную работу кинематографистов Советского Союза и Китая над художественным фильмом.

Бай Лан,
ПИСАТЕЛЬНИЦА

1

Работаю над биографией старой революционерки. Кроме того, собираюсь в 1957 году побывать за границей, написать несколько рассказов и очерков.

2

Желательно, чтобы до Китая доходило больше произведений советских писателей, в особенности рассказов современных писателей. Хочется, разумеется, чтобы в Советском Союзе больше переводили и издавали произведений китайских писателей — это поможет советским людям лучше узнать нашу страну.

Гуань Шань-юэ,
ХУДОЖНИК

1

Я вместе с шестью своими товарищами работаю над созданием панорамы Уханьского наводнения. Содержание панорамы — показ героической борьбы воинов Народно-освободительной армии Китая со стихией и помощи населению. Это произведение создается к тридцатой годовщине Народно-освободительной армии Китая.

2

Хотелось бы, чтобы советские искусствоведы приезжали в Китай для чтения лекций.

Дяо Гуан-тан,
АКТЕР

1

Готовлю две роли в пьесах Цао Юя: «Пекинец» и «Восход солнца». Кроме того, пишу популярную брошюру для самодеятельных драматических коллективов.

2

Думаю, что было бы очень хорошо, если бы драматические коллективы двух стран обменивались гастролями. Хорошо, если будет больше книг и брошюр, разъясняющих различные стороны жизни, общественной деятельности, творческой работы литераторов и работников искусств Советского Союза.

Е Цянь-юй,
ХУДОЖНИК

1

Я пишу картины в стиле «гохуа», а также работаю как карикатурист. Обычно я применяю «гохуа», чтобы восславить великое дело социализма, а карикатурами бичую уродливые явления. В ближайшее время закончу систематизацию материалов, собранных в результате творческих поездок по стране в течение года.

2

Надеюсь на взаимные поездки работников литературы и искусства, проведение дружеских встреч. Благодаря ознакомлению с произведениями работников литературы и искусства двух стран непрерывно растет взаимопонимание.

Кан Чжо,
ПИСАТЕЛЬ

1

Начал работать над повестью, в которой рассказывается, почему крестьяне Китая пошли по пути социализма. Одновременно заканчиваю роман о революционной борьбе китайского народа.

2

Советско-китайские культурные связи — это великие духовные связи народов Советского Союза и Китая. В интересах дальнейшего их раззития и расцвета культуры наших стран мне хочется пожелать: больше переводить и издавать произведений наших литератур, чаще обсуждать, шире распространять их.

Кэ Лин,
КИНОДРАМАТУРГ

1

Занимаюсь доработкой сценария фильма «Город, не знающий ночи» (о социалистических преобразованиях в Шанхае).

Мои творческие планы на будущее: во-первых, собираюсь написать сценарий для фильма о жизни революционерки Цю Цинь; во-вторых, написать повесть или исторический роман о жизни Шанхая в период господства империалистов.

2

Хотелось бы, чтобы на китайский язык больше переводилось новых литературных произведений (в том числе сценариев) и чтобы вообще мы имели больше возможностей знакомиться с советской литературой и искусством.

Лань Ма,
РЕЖИССЕР

1

Работаю над постановкой драмы «Туман над Чунцином».

2

Надо, чтобы установление знакомства, хотя бы путем дружеской взаимной переписки, между работниками литературы и искусства Китая и Советского Союза продолжалось. Нужно развивать обмен мнениями. Такая личная дружба также является одной из форм культурного обмена.

Лао Шэ,
ПИСАТЕЛЬ

1

В настоящее время занят обработкой либретто для Пекинского театра — «Полководец Ян» и «Трижды навещаю родственников». Оба спектакля будут показаны в Пекине. Во втором полугодии я собираюсь писать роман, в котором повествуется о жизни старого Пекина.

2

Уже существует очень хорошая основа для культурных связей между Китаем и Советским Союзом. Хотелось бы, чтобы в дальнейшем мы изучали друг друга более детально, более глубоко. Работники искусства наших стран должны не только постоянно приезжать друг к другу, но и оставаться в стране на более продолжительное время с тем, чтобы обе стороны могли глубже изучать жизнь друзей и создавать произведения о ней.

Ли Чао,
ДРАМАТУРГ

1

В связи с 50-летней годовщиной начала распространения в Китае разговорных пьес, пишу статью, посвященную периоду борьбы против японских захватчиков «Воспоминания о сценической деятельности». Кроме того, собираю материал для многоактной пьесы на тему борьбы против японских захватчиков.

2

Хотелось бы, чтобы были переведены на русский язык китайские пьесы с тем, чтобы советские драматурги смогли проанализировать их и высказать свои критические замечания. Кроме того, выражаю пожелание, чтобы в Китай приехал на гастроли советский драматический театр.

Ли Шао-чунь,
РЕЖИССЕР

1

Я подготавливаю план режиссуры пекинской музыкальной драмы «Успешная миссия», а также составляю мизансцены и пояснения к технике исполнения ролей. В дальнейшем собираюсь отредактировать еще три пекинские музыкальные драмы.

2

Несомненно, культурный обмен между Китаем и Советским Союзом будет способствовать усилению взаимопонимания между нашими народами, а также дальнейшему укреплению нерушимой братской дружбы китайского и советского народов. Я выражаю надежду на то, что наши советские братья по искусству, чаще критикуя нас, окажут нам тем самым еще большую помощь в развитии нашего классического и национального искусства.

Лю Кай-син,
СКУЛЬПТОР

1

Сейчас я работаю над барельефами, которые украсят большой памятник народным героям, воздвигаемый на площади Тяньаньмынь в Пекине; всего мне предстоит исполнить три барельефа: «Народно-освободительная армия форсирует реку Янцзы», «Помощь фронту», «Встреча Народно-освободительной армии Китая».

Кроме того, работаю над двухметровой скульптурой бойца китайской Красной Армии. Во второй половине года надеюсь создать скульптурный портрет Дун Цуньжуя — китайского Александра Матросова.

2

Надеюсь, что мы чаще будем обмениваться художественными выставками. Мне бы также хотелось, чтобы чаще организовывались поездки деятелей культуры по нашим странам для ознакомления с художественными сокровищами.

Ми Гу,
КАРИКАТУРИСТ

1

Мне очень трудно составить предварительный план своей работы. Дело в том, что моя работа тесно связана с планами Белого Дома, Пентагона и Даунинг-стрит 10. На мои произведения эти планы оказывают большое влияние. Поясню на конкретном примере. До того, как Даллес объявил о проекте международного управления Суэцким каналом, в моих творческих планах не было темы Суэцкого канала. Но вслед за тем, за каких-нибудь полмесяца, я сделал пятнадцать рисунков именно на эту тему. Трудность состоит в том, что даже ясновидец не в состоянии предсказать, что может выкинуть душевнобольной. Поэтому, когда друзья спрашивают о моих творческих планах, я могу ответить только одно: будьте спокойны, дорогие друзья! Любой сатирический материал мимо меня не пройдет.

2

Я был в Советском Союзе и встречался там со многими людьми. Я от всего сердца приглашал их посетить Китай и лично взглянуть на нашу древнюю и молодую страну, чтобы установить еще более тесную связь и обменяться опытом с нашими художниками-сатириками и редакторами сатирических изданий.

Я надеюсь, что редакция журнала «Крокодил» совместно с советскими художниками-карикатуристами организует выставку сатирических рисунков и побывает с ней в различных городах Китая. Она могла бы оказать большую помощь массам в понимании действенности и силы сатиры. А если говорить о творчестве наших мастеров сатирического рисунка, то такая выставка сыграла бы роль примера и вдохновила нас в работе.

Мэй Лань-фан,
АКТЕР

1

Рассчитываю закончить книгу «Жизнь на сцене», кроме того, намерен написать ряд статей о сценическом искусстве.

2

Я хотел бы видеть больше переводных произведений по теории драматургии и литературных произведений.

Суян Шань-цзунь,
РЕЖИССЕР

1

Являюсь заместителем главного режиссера Пекинского Народного художественного театра и преподаю актерское мастерство на IV курсе Центрального театрального учи-

лища. В настоящее время я заканчиваю работу над постановкой пьесы Мдивани. Одновременно руковожу постановкой пьесы Ся Яня «Под крышами Шанхая», которую готовят выпускники училища. Я намерен поставить совместно с подготовительной труппой театра пьесы Тянь Ханя «Славная смерть» и «Пань Цзинь-лянь» Оуян Юйцяня. Во второй половине года буду ставить спектакль по мотивам романа Л. Толстого «Воскресение» и пьесу Лао Шэ «Чайная».

2

Я считаю, что взаимные гастрольные поездки помогут нам более конкретно знакомиться с жизнью народов наших стран.

Сунь Янь,
КИНОДРАМАТУРГ

1

Вместе с Чэнь Инем снимаем фильм о Великом походе. Собираю материалы для новой работы: «Неоконченный путь». Поеду в горный район, где собираюсь писать об идеологической борьбе после проведения кооперирования в сельском хозяйстве.

2

Было бы полезно, если бы Союзы писателей Советского Союза и Китая оказали писателям организационную помощь для создания произведений о китайско-советской дружбе. Выражаю пожелание, чтобы Советский Союз и Китай совместно сняли фильм.

Тан Сяо-дань,
КИНОРЕЖИССЕР

1

Готовлю постановку фильма «Город, не знающий ночи», в котором рассказывается о социалистическом преобразовании промышленности и торговли Шанхая. В будущем году собираюсь работать над фильмом «На берегах реки Или», посвященным истории борьбы народов Синьцзяна против гоминдановского господства в период, предшествовавший мирному освобождению этой области.

2

Мне бы хотелось, чтобы больше наших советских друзей научились говорить по-китайски, чтобы больше китайцев знало русский язык. Хотелось бы также, чтобы в Китай для широкого показа своего искусства приезжали советские творческие коллективы, в том числе и оперетта.

У Сюэ,
РЕЖИССЕР

1

Недавно я поставил пьесу Калидасы «Шакунтала». Готовлюсь к постановке одного из выдающихся китайских драматических произведений периода «движения 4 мая»— «Смерть Ли».

2

Надо больше обмениваться делегациями деятелей культуры.

Фан Гуан-тао,
ЛИТЕРАТУРОВЕД

1

Собираюсь работать над исследованием о языке литературных произведений различных писателей. Уже приступил к изучению языка Цао Сюэ-циня, автора романа «Хунлоумын» («Сон в красном тереме»), и языка Чжао Шу-ли.

2

Мое личное желание — иметь в будущем больше возможностей для ознакомления с работами советских авторов по вопросам стилистики.

Фан Чжи,
ПИСАТЕЛЬ

1

Я собираюсь поехать на пять-десять лет на партийную работу в деревню. В свободное время буду писать роман о движении за сельскохозяйственное кооперирование, в котором постараюсь передать атмосферу нашей эпохи.

2

Империалисты ведут антисоветскую и антикоммунистическую кампанию. Чтобы противостоять ей, Китай и Советский Союз должны еще крепче сплотиться, и культурные связи между нашими странами должны, в первую очередь, служить усилению этого сплочения. У китайского народа есть поговорка: «Если в заборе нет щелей — ни одной собаке не пробраться». Так пусть же мы встанем еще теснее, чтобы эти поганые собаки не смели к нам сунуться!

Мне от всего сердца хочется, чтобы журнал «Иностранная литература» сделал свой вклад в это дело.

Фу Бао-ши,
ХУДОЖНИК, ИСКУССТВОВЕД

1

Работаю над «Историей китайского искусства», которую начал еще двадцать лет назад, и над книгой о Ши Тао, великом художнике XVII века. Мои планы: написать две картины в ознаменование тридцатой годовщины Народно-освободительной армии Китая («Переход через бескрайние степи» и «Уличный бой»).

2

Хотелось бы увидеть в переводе на китайский язык теоретические статьи по изобразительному искусству, в частности, по живописи.

Хотелось бы также, чтобы советские искусствоведы и писатели больше изучали китайскую живопись (как классическую, так и современную) и выступали с критическими статьями по этим вопросам.

Фэн Цзы-кай,
ПЕРЕВОДЧИК

1

Работаю над переводом на китайский язык «Истории моего современника» В. Г. Короленко.

Эта работа занимает очень много времени, поэтому у меня пока нет других конкретных творческих планов.

2

Хотелось бы, чтобы у нас переводили больше советских авторов, а советские товарищи переводили больше произведений нашей литературы и, в частности, древней; чтобы еще богаче был культурный обмен и еще глубже дружба между народами Китая и СССР.

Хань Цзы,
ПИСАТЕЛЬНИЦА

1

Работаю в Союзе писателей. В течение года собираюсь написать повесть об обуздании реки Хуайхэ.

2

Мои пожелания: чтобы журнал «Иностранная литература», издающийся в Советском Союзе, и журнал «Переводная литература», издающийся в Китае, регулярно печатали произведения писателей наших стран; чтобы регулярно выпускались сборники лучших произведений китайских и советских писателей.

Хуан Ган,
КИНОДРАМАТУРГ

1

Изучаю материал для работы над книгой о Голливуде. Думаю также написать сценарий.

2

Нужно больше обмениваться опытом литературы социалистического реализма.

Ху Кэ,
ДРАМАТУРГ

1

Пишу пьесу о жизни братских национальностей нашей страны. Думаю закончить ее в этом году.

2

Мои самые заветные желания — это изо дня в день и все больше и больше читать

и смотреть пьесы, смотреть кинокартины о жизни Советского Союза. Хотелось бы также быть постоянно в курсе мыслей и дум советских литературно-искусствоведческих кругов.

Ху Мин,
АКТРИСА

1

Учусь на актерских спецкурсах при Пекинском институте кинематографии, где преподают также и советские товарищи. Сейчас я репетирую роль Полины в пьесе Горького «Враги».

2

Мне бы очень хотелось иметь возможность больше видеть и участвовать в обсуждениях советских фильмов-спектаклей и фильмов-концертов. Хотелось бы также больше знать о жизни и работе советского театра.

Цай Чжу-шэн,
КИНОДРАМАТУРГ

1

Перерабатываю свои сценарии «Следы», «Весенние воды текут на восток», «Заблудшая овца». Подготавливаю сборник киносценариев и статей.

2

Китайская кинематография учится у блестящей советской кинематографии. После создания нового Китая помощь и воспитательный пример советского кино стали поистине огромными. Мы будем еще больше учиться у советской кинематографии, увеличивая количество и повышая качество выпускаемых нами фильмов.

Цзян Чжао-хэ,
ХУДОЖНИК

1

Работаю над темой, связанной с тридцатилетней годовщиной Народно-освободительной армии Китая.

2

Мне, как и другим китайским художникам, идущим в своем творчестве по пути социалистического реализма, очень важно познавать и получать ценные советы со стороны советских товарищей.

Цзяо Цзюй-инь,
РЕЖИССЕР

1

Закончил режиссерскую разработку пьесы «Тигровый знак»; начал составлять режиссерский план еще двух спектаклей; готовлю план режиссуры пьесы Лао Шэ «Чайная»; думаю попробовать написать пьесу о самоперевоспитании старой интеллигенции.

2

Надеюсь на дальнейший обмен произведениями литературы и искусства и, особенно, такими китайскими и советскими изданиями, в которых больше бы содержалось рецензий на пьесы как с критикой недостатков, так и с объяснением их успеха.

Чао Сюнь,
ДРАМАТУРГ

1

Пишу пьесу на тему о том, как рабочий класс Китая во время третьей гражданской революционной войны проводил подпольную работу в условиях гоминдановского террора. Думаю написать теоретическую статью о современной драматургии; впоследствии рассчитываю заняться критическим разбором и изучением ряда наших важнейших драматических произведений.

2

Больше переводить драматические произведения обеих стран; хотелось бы, чтобы в Советском Союзе для китайских читателей был составлен сборник избранных пьес, а в Китае подготовлен сборник китайских драматических произведений для советского читателя. Подробно и периодически знакомить с положением в драматургии обеих стран, а также с критическими статьями по этому вопросу. Обмениваться театральными труппами.

Чжан Гэн,
ТЕАТРОВЕД

1

В журнале «Сицюй яньцзю» публикуется моя статья о принципах китайской музыкальной драмы. В течение двух лет буду продолжать изучение принципов музыкальной драмы, ее художественных особенностей и тематики.

2

Хотелось бы больше знать о том, как в республиках Советского Союза относятся к национальным традициям и как эти традиции служат делу социалистического строительства, как там изучают русскую литературу и искусство, какое место они занимают в периодических изданиях этих республик. Мне кажется необходимым подготовить для советских специалистов сборник традиционных китайских музыкальных драм с подробным разъяснением.

Чжан Дун-пин,
ХУДОЖНИК

1

Работаю над книжкой в картинках-карикатурах «Записки о новой жизни Сань Мао», которая явится продолжением аналогичной книги «Записки о бродяге Сань Мао». Одновременно готовлю другую книжку в картинках-карикатурах «Отцы и дети», о проблеме взаимоотношений между двумя поколениями.

2

Выражаю надежду, что в будущем между двумя странами будет постоянно осуществляться обмен художественными выставками; приветствовал бы приезд в Китай советских карикатуристов: Кукрыниксов, Ефимова, Ганфа, Семенова и других; желательно, чтобы они устроили у нас выставку оригиналов своих работ.

Чжан Хуэй,
АКТЕР

1

Сейчас я работаю над ролью Гао Цзюэ-хуэя в инсценировке известного романа «Семья» Ба Цзиня, сделанной писателем Цао Юем. Одновременно репетирую роль Балашова в драме известного советского драматурга А. Арбузова «Таня». Эта пьеса скоро будет показана в Нанкине. Буду играть также Бретта Чарлза в пьесе прогрессивных американских писателей Гоу и д'Юссо «Глубокие корни». После показа этого спектакля театр начнет работать над современной китайской пьесой, в которой я тоже буду занят. Таковы мои планы на этот год.

В будущем году я, возможно, буду играть в классической китайской пьесе, в советской классической пьесе и нескольких современных пьесах. Меня особенно радует, что я буду работать над образом нашего современника. Кроме того, мне бы очень хотелось когда-нибудь иметь возможность воплотить на сцене один из героических образов «Молодой гвардии».

2

Сплочение и сотрудничество между Китаем и Советским Союзом является гарантией мира во всем мире. Китайский народ успешно изучает советский передовой опыт.

Артисты нашего театра, изучая славные традиции сценической игры, характерные для китайского театра, в то же время с подъемом овладевают системой Станиславского. Поэтому мне хочется пожелать, чтобы культурные связи между Китаем и Советским Союзом развивались еще больше.

Мне хотелось бы пожелать, чтобы в будущем драматические театры Китая и Советского Союза приезжали чаще друг к другу на гастроли.

Я верю, что дружба народов Китая и Советского Союза вечна и безгранична.

Чжан Цзюнь-сян,
КИНОРЕЖИССЕР

1

У меня теперь много работы. Я являюсь художественным руководителем Шанхайской киностудии. Надеюсь, что в свободное время смогу закончить сценарий на тему о перевоспитании старой интеллигенции и написать несколько статей, в том числе о комедийных образах, о вживании в образ и диалоге в кино.

2

Очень желательно, чтобы создавалось больше полнометражных кинокартин, отражающих китайско-советскую дружбу и культурные связи наших стран, чтобы в отношении произведений советских и китайских авторов высказывалась откровенная критика.

Надеюсь, что будут созданы благоприятные условия для взаимных посещений небольшими группами по два-три человека.

Чжоу Ли-бо,
ПИСАТЕЛЬ

1

Сейчас я работаю над романом, в котором будет показан подъем кооперирования в сельском хозяйстве.

2

Хотелось бы, чтобы работа по переводу литературных произведений в наших двух странах была поставлена еще лучше, планировалась еще точнее.

Чжоу Синь-фан,
АКТЕР

1

Привожу в порядок материалы для «Воспоминаний» о моей более чем 50-летней сценической деятельности.

2

Желаю, чтобы у нас показывалось больше советских исторических и современных пьес, в том числе музыкальных.

Чэнь Инь,
КИНОРЕЖИССЕР

1

Ставлю цветной фильм «Шанхайские девушки». Совместно с одним из наших писателей работаю над сценарием о Великом походе. В этом году собираюсь начать подготовку к съемке двух широкоэкранных фильмов — черно-белого и цветного.

2

Очень хочу вместе с советскими кинематографистами снять художественный фильм и таким образом укрепить связи между работниками кино наших стран.

Чэнь Хунь,
МУЗЫКОВЕД

1

Готовлю учебник по аккомпанементу на фортепьяно; одновременно занят переводом на китайский язык произведения Гектора Берлиоза «Трактат об инструментовке».

2

Выражаю пожелание, чтобы к нам присылалось больше материалов по теории музыки; чтобы чаще в Китай приезжали на гастроли советские музыканты.

Чэнь Цин-чжу,
ПРОФЕССОР, ЗАВЕДУЮЩИЙ КАФЕДРОЙ ТЕОРИИ КИТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА НАНКИНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

1

В настоящее время работаю над научным трудом «Современные драматурги Китая».

2

Хочется пожелать, чтобы советские литераторы и искусствоведы приезжали в Китай для чтения лекций.

Чэнь Чжи-фу,
ХУДОЖНИК

1

Работаю над составлением альбома китайского прикладного искусства и подготавливаю отдельное издание своих работ в стиле «гохуа».

2

Усилить культурные связи между Китаем и Советским Союзом, изучать передовую советскую литературу и живопись. Наши

художники, в частности, хотели бы иметь больше возможностей для непосредственного общения со своими советскими коллегами.

Ша Мын,
КИНОРЕЖИССЕР

1

Я снимаю фильм «Быстрый ветер колышет траву» по рассказу «Партийный взнос» (сценарий Линь Фына). Собираюсь писать сценарий о партизанской борьбе в освобожденных районах после ухода китайской Красной Армии на север.

2

Я хотел бы учиться у своих старших советских братьев, осуществляя совместные съемки фильмов.

Шао Янь-сян,
ПОЭТ

1

Я собираюсь в течение нескольких месяцев поездить по Северо-западному Китаю, пожить на нефтепромыслах в составе геологоразведочной партии. Я буду писать корреспонденции, а также подготовлю один или два сборника стихов.

2

Мне бы хотелось, чтобы в Китае выпускались сборники лучших советских произведений малых форм (рассказы, очерки, одноактные пьесы, стихи, детская литература); причем, составление сборника производилось бы в Советском Союзе, а издание его — в Китае; в Советском Союзе издавался бы такой же ежегодник избранных произведений китайской литературы.

Ши Цзы-ян,
ПИСАТЕЛЬ, РЕДАКТОР ЖУРНАЛА «ЮЙХУА»

1

В настоящее время перерабатываю киносценарий, написанный в прошлом году. В нем рассказывается о росте кадрового работника. Собираюсь провести несколько месяцев на заводе и написать о нем рассказ.

2

Нужно, чтобы взаимные поездки работников литературы и искусства наших стран носили более глубокий и специальный характер; чтобы люди учились друг у друга, помогая совершенствовать свое мастерство и борясь за расцвет социалистической литературы и искусства.

Юань Цзин,
ПИСАТЕЛЬНИЦА

1

Я только что закончила работу над повестью для детей. В этом же году хочу закончить и другое свое произведение, в котором рассказывается о подпольной борьбе в период гоминдановского господства.

2

Хотелось бы, чтобы из Советского Союза в Китай приезжало больше писателей, которые, находясь в непосредственном контакте с китайскими писателями, поделились с ними своим опытом. Хотелось бы, чтобы в Китае больше переводили произведений советской литературы, а в Советском Союзе — произведений китайской литературы.

Я Мин,
ХУДОЖНИК

1

Пишу две картины, которые посвящаю тридцатой годовщине Народно-освободительной армии Китая («Битва у Чэцяо» и «Переход через бескрайние степи»). Одновременно работаю над двумя картинами о жизни крестьян и рыбаков в первую пятилетку («Сбор урожая» и «Старость рыбака»). Приступил к созданию картины на историческую тему — о Тайпинском восстании.

2

Хотелось бы увидеть в переводе на китайский язык теоретические статьи по изобразительному искусству, в частности, по истории живописи. Желательно, чтобы советские художники писали больше критических статей по современной китайской живописи.

Ян Шо,
ПИСАТЕЛЬ

1

Пишу очерки о Египте и Индонезии. После этого собираюсь приступить к повести о китайских добровольцах, сражавшихся в Корее.

2

Самое лучшее — посылать писателей в более длительные поездки для более глубокого ознакомления друг с другом и изучения жизни народа. Мы хотим знать как можно больше о Советском Союзе.

Янь Хань,
ХУДОЖНИК

1

В честь тридцатой годовщины создания Народно-освободительной армии Китая я пишу картину «Через реку Ихэ — в тыл врага». Готовлю несколько гравюр о жизни национальных меньшинств нашей страны.

2

Надеюсь на организацию большего количества выставок китайских и советских художников, думаю, что между художниками обеих стран установятся постоянные связи; будут иметь место частые взаимные визиты, что послужит дальнейшему расширению культурного обмена между двумя странами.

Янь Чэнь,
ПОЭТ

1

Недавно я возвратился из поездки по Советскому Союзу. Всё увиденное произвело на меня глубокое впечатление. Я готовлю цикл стихов, в которых постараюсь передать свои чувства; часть из них будет опубликована в журнале «Жэньминь вэньсюэ».

2

Мне хотелось бы, чтобы писатели наших стран помимо обычных визитов могли бы, с учетом того, что их лично интересует, совершать более длительные поездки в страну друзей для более глубокого изучения жизни. Мне кажется, что этим будет оказана большая помощь работе писателя.

Люди мира о Китае

АНГЛИЯ

Алан Уиннингтон

ПЕРВАЯ ТИБЕТСКАЯ ГАЗЕТА

(Из книги „Тибет")

Может показаться, что в стране, где книгопечатание известно с давних пор, выпускать газету сравнительно нетрудно, но в действительности это оказалось далеко не простым делом.

Книгопечатание в Тибете всегда носило религиозный характер.

На протяжении многих столетий литература была неизменной и застывшей как в отношении языка, так и стиля. Поэтому не было ни типографских рабочих, ни набора, ни машин; не было журналистов, почти никто не читал газет, кроме лишь немногих тибетцев, которые получали старые номера индийских или английских газет, доставлявшиеся на яках.

В 1951 году в столице Тибета Лхассе был образован Рабочий комитет Коммунистической партии, который вскоре начал выпускать маленькую газету «Краткие новости», размножавшуюся копировальным способом. В это же время пекинские типографы получили заказ на отливку тибетских шрифтов. Были также заказаны наборные машины и печатные станки — их предстояло отправить в Лхассу как только будет открыто движение по новой дороге. Спрос на газету все увеличивался, и ее стали печатать с литографских камней.

Типографские шрифты и печатные машины были одним из первых грузов, доставленных в Лхассу по новой дороге. Пока устанавливали оборудование, несколько тибетцев обучались искусству наборщиков. Четыре месяца спустя после открытия дороги, 4 мая 1955 года, в Тибете вышла первая напечатанная в типографии газета. С тех пор за новым зданием почты постоянно слышен знакомый стук наборных машин и грохот цилиндров, которые печатают три тысячи экземпляров каждого номера «Кратких новостей» — немалый тираж для Тибета. Теперь газета выпускается через день, но скоро, когда удастся преодолеть кое-какие трудности, она будет выходить ежедневно.

Немало трудностей связано с архаическим строем тибетского языка. Не считая диалектных различий, в Тибете существуют три самостоятельных разговорных языка и отличающийся от них литературный язык. Вариации разговорного языка выражают различные степени уважения к собеседнику, а литературный язык является классическим по форме, и его понимают лишь немногие. Написанное же разговорным языком образованному тибетцу кажется неправильным. Ни в одном из вариантов тибетского языка совершенно нет слов для обозначения многих современных понятий, не существует научной терминологии, нет и политического словаря. В языке отсутствуют слова, выражающие такие понятия, как «грузовик», «трактор», «локомотив», «аэроплан», «коммунизм», «социализм», «водород», «атом» и т. п.

Для решения вопросов, связанных с особенностями тибетского языка, образован комитет из двенадцати человек во главе с бывшим Воплощенным Буддой Дзазу Нгаванг Лосан, который, оставив свой пост, весь свой большой жизненный опыт использовал в этом новом для него деле. В комитет входит также и неутомимый Диен Лойен. Возглавляемый ими небольшой коллектив энтузиастов готовит весь материал для газеты, переводит книги и уже начал работу по модернизации тибетского языка. Уже разработан «Словарь новых терминов» и составляется полный китайско-тибетский словарь.

Бывший Воплощенный Будда описал принципы, на которых основывается изобретение новых слов. Там, где новое понятие может быть выражено путем соединения имеющихся в тибетском языке слов, так и делается, но когда это оказывается невозможным, в тибетский язык включаются звуки китайского языка. Я заинтересовался, как они переводят слово «коммунизм». В китайском языке это — «гунчань чжуи», что буквально значит «общность средств производства», в тибетском оно звучит «гунчань ренру» — с тем же значением, соответствующим слову «ком-

Главы из книг печатаются с сокращениями.

мунизм». Когда новое слово появляется в газете, вначале его значение несколько раз объясняется в скобках, и постепенно оно становится общеупотребительным.

«Изменить тибетский язык совершенно необходимо, — подчеркнул бывший Воплощенный Будда.— Зачастую требуется семь или восемь тибетских слов, чтобы выразить то, что может быть написано двумя или тремя словами по-китайски, и даже в этом случае не всякий тибетец поймет написанное. Я сейчас в очень хорошем настроении, — продолжал старец, глядя на меня своими ясными, живыми глазами, — потому что могу наилучшим образом использовать долгие годы изучения литературы для нового Тибета, для того чтобы улучшить наш язык и сделать его доступным для всех».

Эта реформа языка в конечном счете приведет к реформе орфографии, так как тибетская письменность является одной из самых архаических.

Газета печатает главным образом переводы сообщений агентства «Синьхуа» и статьи китайских корреспондентов. Одновременно газета готовит кадры тибетских журналистов.

Читатели «Кратких новостей» — это, в первую очередь, монахи в Лхассе и провинциях, где газету читают приблизительно в четырехстах монастырях. Газета доходит даже до ламаистских монастырей в Харбине, за тысячи миль от Лхассы. Впервые монахи, до этого знавшие лишь священные тексты, приобщились к светскому чтению. Существует несколько местных выпусков газеты — в Шигацзе и Чамдо, что вызвано значительной удаленностью их от столицы.

Набор и верстку газеты уже производят тибетцы, обученные этому китайскими наборщиками и метранпажем. Эта маленькая группка — человек двенадцать, не больше — во время моего пребывания в Тибете была первым отрядом тибетского пролетариата. Их было немного, но они представляли собой новый Тибет, в котором уже имелось типографское производство, прошедшее путь от резных деревянных досок до печатных станков и наборных машин. Эти люди с длинными, закрученными вокруг голов косами и большими серьгами — предшественники будущих тибетских трактористов, электриков, всего класса промышленных рабочих, которых имел в виду далай-лама, говоря, что будущее Тибета — в социализме. Интересно также и то, что эти первые тибетские рабочие печатали газету, которую могли читать лишь наиболее образованные представители монастырского духовенства и бывших правящих классов.

Для остального населения страны, и то только для живущих в городах, единственным источником информации являются громкоговорители трансляционной сети на улицах. Теперь в стране устанавливается сеть связанных между собой радиолиний и релейных станций с тем, чтобы в каждый центр транслировать последние известия и музыкальные передачи.

Иногда тибетское правительство использует радио для того, чтобы обратиться к жителям Лхассы с важными сообщениями. Так, однажды по радио были опровергнуты слухи о том, что находившийся тогда в Пекине далай-лама якобы задержан и не вернется в Лхассу. С огромным облегчением жители Лхассы в один прекрасный день услышали голос своего правителя, доносившийся из репродуктора и заверивший их, что он ведет в Пекине важные переговоры и скоро вернется домой.

Сейчас — это стало характерно для современного Тибета — можно видеть толпы жителей Лхассы, которые, стоя у громкоговорителей, слушают радиопередачи об участии в движении за запрещение ядерного оружия, беседы о гигиене беременности, о предупреждении эпидемий. Объяснить людям, которые только недавно узнали слово «водород» и не представляют себе бомб и бомбардировок, что такое ядерное оружие — задача не из легких. Я както спросил, что известно тибетцам о водородных бомбах. Мне ответили, что большинство людей знает о них и о результатах их применения. В подтверждение этого привели две тибетские поговорки о бомбах: «Всякий, кто применяет водородную бомбу, — враг всего человечества» и «Тот, кто применяет водородную бомбу,— король дьяволов».

АРГЕНТИНА

М. Р. Оливер и Н. А. Фронтини

В ГОСТЯХ У ХУДОЖНИКА ЦИ БАЙ-ШИ

(Из книги „Мы говорим о том, что знаем“)

В одном из холлов пекинского отеля мы остановились перед картиной: на большом листе белой бумаги несколькими уверенными, слегка удлиненными, мягкими штрихами, сделанными китайской тушью, изображен в одну треть натуральной величины мчащийся во весь опор стройный жеребенок с развевающейся на ветру гривой. Кажется, будто слышен цокот его копыт по земле, хотя на картине она не намечена даже самой легкой линией.

Сопровождавший нас китайский товарищ

сказал, что художника зовут Ци Бай-ши, что ему уже девяносто три года и живет он в Пекине.

Так и не успев запомнить три слога его имени, мы отправились в музей, где сразу же узнали ни с чем не сравнимую живопись старейшего художника: извилистые очертания рыб, то легких и быстрых, то сонно неподвижных; прозрачных креветок и изящных стрекоз; пушистых птенцов и неповоротливых под своим словно фарфоровым панцырем раков; птиц, настолько невесомых, что они не прогибали даже тонкую цветущую ветку; сверчков и кузнечиков на хрупких ногах-пружинках; землянику в корзинке и ягоды кизила среди листьев, выполненных с такой лаконичностью и расположенных на листе бумаги с таким чувством ритма и пространства, что сразу же бросалось в глаза их родство с китайскими иероглифами.

...Судьба предоставила нам возможность навестить знаменитого художника и выразить ему наше восхищение в связи с его последней работой — панно, посвященным Конгрессу за мир народов стран Азии и Тихого океана. Большая картина-пейзаж названа им «Вечный мир». Хризантемы, георгины, ирисы, глицинии, японские магнолии, мимозы, море листвы, сидящие и летающие голуби, а рядом две птички «ша-ша» с черными крыльями, белым брюшком и блестящей голубой грудкой нарисованы красками таких изумительно чистых тонов, что одни они вызывают у зрителей ощущение весны. Для старого и мудрого художника, в котором только любовь к природе и человеку поддерживала надежду на лучшее будущее, вечный мир неотделим от вечной юности, от незыблемой веры человека в светлое будущее.

Итак, в одно прекрасное утро, когда причудливые облака бросали на город свой перламутровый отблеск, мы отправились к Ци Бай-ши.

На одной из узких улочек, по обеим сторонам которой тянулась живая изгородь, скрывавшая стоящие за ней дома, наш автомобиль остановился перед старинными деревянными воротами, обитыми коваными гвоздями. Толстяк с бритой головой, открывший нам дверь, провел нас через три дворика к небольшому дому с черной черепичной крышей, у дверей которой золотыми буквами было выгравировано имя художника.

...Входим. Ци Бай-ши сидит в низком кресле рядом с железной печкой, труба которой выведена наружу прямо через потолок. Художник поднимается и протягивает нам худые руки с тонкими заостренными пальцами. Редкие серебряные нити волос обрамляют его лицо. Но больше всего поражают глаза: добрые и в то же время пронизывающие. И хотя годы уже наложили на них свой отпечаток, они блестят, как у юноши.

Как только мы уселись, Кастаньино набросал на бумаге карту земного шара и показал художнику, где расположен Пекин и где Буэнос-Айрес. Понимающая улыбка осветила лицо Ци Бай-ши: в один миг он мысленно пересек пространство, разделяющее наши страны, и, охватив взором весь мир, быстро определил наше место в нем. Старый художник покачивает головой, словно высчитывая расстояние, и его лицо светлеет. Он поражен, что ради дела мира мы проделали такой длинный путь.

Домик, в котором живет Ци Бай-ши, состоит из одной длинной комнаты, которую небольшая резная ширма делит на две части. Меньшая — спальня с каном, вторая служит мастерской. У выходящего на двор большого окна стоит рабочий стол, заставленный блюдечками с красками, кистями и специальными подставочками для них, которые можно встретить только в Китае, где художники пишут красками очень чистых тонов. Рядом другой стол, чуть повыше. На нем — в живописном беспорядке различные изделия древнего китайского искусства. Среди них под стеклянным колпаком возвышаются европейские часы XVII века с качающимся маятником. Остальную часть стены занимает большой шкаф.

Кастаньино завязывает с художником разговор о лошадях, которые пользуются особыми симпатиями в нашей стране, где их очень много, и в Китае, где их очень мало. Беседа ведется главным образом с помощью рисунков, и лишь изредка оба художника обращаются к переводчице. Затем Кастаньино просит разрешения нарисовать портрет Ци Бай-ши. Старик снимает с себя синий передник, такой же, какой носят часовщики, сапожники и другие ремесленники, надевает шапочку из черного бархата и тщательно приглаживает серебряные пряди волос, падающие ему на уши. Он позирует совершенно неподвижно. Еще бы, ведь он-то отлично знает, как это помогает художнику-портретисту!

Мы говорим художнику, что его голуби произвели на нас такое же сильное впечатление, как и тот знаменитый голубь, которого выпустил летать по миру великий мастер современной живописи. Слегка покачивая головой, словно перебирая в памяти виденные им репродукции, Ци Бай-ши говорит, что, по его мнению, Пикассо — великий художник. «Великий», — повторяет он с радостным блеском в слегка прищуренных глазах.

Мы просим его показать нам свои рисунки. Ци Бай-ши с неожиданной легкостью поднимается с кресла, подходит к шкафу, где, свернутые в рулоны и аккуратно разложенные по полочкам, лежат рисунки, и, не задумываясь, вынимает те, которые ему хотелось бы показать. Присутствующие в комнате женщины протягивают от одной стены к другой веревку, и художник с помощью зажимов развешивает на ней легкие листы, больше метра в длину и сантиметров сорок в ширину, с одноцветными и многокрасочными акварелями, на которых изображены цветы, фрукты и животные.

Это синтез образов, которые художник наблюдал в природе, наблюдал, но отнюдь не копировал. К этим наброскам нельзя добавить ни одной детали без того, чтобы не разрушить гармонию формы, которую художник превратил в пространство, имеющее в живописи почти такое же значение, как сам рисунок. Один взмах кисти — и перед вами возникает тончайшая гамма прозрачных тонов лепестка хризантемы; три-четыре штриха — и тельце цыпленка приобретает объем и жизнь; одна линия передает округлость плода, а желтое пятно говорит нам о его зрелости; широкий свободный мазок заставляет серовато-синий лист акации томно свешиваться с ветки; более узкий мазок — и акварель приобретает глубину и передает полупрозрачность тела креветки, металлический блеск рыб и матовую влажность жаб. А черные побеги бамбука, выглядывающие с боку картины, нарисованы такими точными и быстрыми мазками, что кажется, будто они дрожат на ветру, и девственная белизна бумаги только подчеркивает их стройные линии.

Художник выбрал для нас те рисунки, которые, как ему кажется, должны нам понравиться больше всего, или те, которые он сам считает лучшими, возможно уверенный, что оба эти критерия совпадут.

Через переводчицу мы говорим художнику, что нам очень понравились две его акварели: одна с рыбами и другая с креветками. Ци Бай-ши признается, что это те самые акварели, которые нравятся и ему. Смотря на нас с глубокой нежностью, старик говорит, что нам, как сторонникам мира, он подарит эти рисунки, поставит на них свою печать и надпишет на память.

Художник садится на высокий табурет позади рабочего стола. В руках у него появляется кисточка, и он начинает писать, но вдруг останавливается, в нерешительности смотрит на нас и что-то произносит. Переводчица, улыбаясь, переводит его вопрос: должен ли он поставить слово «друг» или «товарищ»? Мы предоставляем художнику самому выбрать то слово, которое ему больше по душе. «Оба эти слова прекрасны», — говорит старый художник и снова начинает рисовать иероглифы с той поразительной ловкостью, которая вызывала наше удивление всегда, когда мы видели, как китайцы едят палочками рис, или наблюдали за манипуляциями китайских фокусников-эквилибристов.

Художник-каллиграф закончил свою работу. Иероглифы не кажутся инородным телом в картине: не нарушая композиции, они придают ей какое-то новое равновесие. Кажется, что художник сознательно оставил свободное место для надписи и проявил при этом присущее ему чувство пропорции. Ци Бай-ши достает выгравированную им самим печать и прикладывает ее к пропитанной красной тушью подушечке. Затем, тщательно выбрав место, ставит печать на рисунки. И мы снова убеждаемся, что маленький красный квадратик, вместо того чтобы нарушить общую гармонию, добавляет к ней деталь, одно присутствие которой заставляет нас задуматься, не ее ли именно здесь и не хватало.

Мы говорим Ци Бай-ши, что в его живописи ясно чувствуется влияние природы, а не творчества других художников, и что именно это больше всего привлекает нас в его рисунках. Старый художник слегка кивает головой и задумывается. Затем спрашивает нас, давно ли мы в Пекине, и просит пообещать ему, что в следующий наш приезд мы непременно снова навестим его.

«Ци-столяр», — как звали его когда-то в детстве, теперь самый любимый и почитаемый художник своего народа, — забывает, что ему уже девяносто три года, забывает, какое огромное расстояние надо преодолеть, чтобы добраться от Буэнос-Айреса до Пекина.

Однако, когда мы выходим на улицу, мысль эта не кажется нам такой уж невыполнимой; старик представляется нам воплощением бога долголетия, и его спокойная уверенность невольно передается нам. Что же касается Пекина, то мы всегда будем тосковать по этому утопающему в перламутровой дымке городу, каким мы видели его в последний день нашего пребывания в Китае.

БОЛГАРИЯ

Валери Петров

В ХРАМЕ ЮНЬГАН

(Из готовящейся к печати книги о поездке по Китаю)

Юньганский пещерный храм построен в V—VI веках нашей эры. Его строили в течение сорока лет десять тысяч рабочих. Подобные сведения производят впечатление, но едва мы подходим к стене, нам трудно скрыть свое разочарование: в мрачных пещерах с трудом различаешь остатки когда-то сделанного орнамента.

Три разрушительные силы действовали здесь. Первой из них была вода. Она просачивалась сквозь скалы и размывала породу. Постепенно, под действием воды, изящные фигуры из песчаника, изваянные прямо в стене, сливались с нею. А если их не успела разрушить вода, то в ход вступала другая, не менее страшная, стихия: невежественные буддийские священники,

которые в более поздние века, в соответствии со вкусами нового времени, подвергали древние статуи такому «приукрашиванию», что от них почти ничего не оставалось. «Реставраторы» не удовлетворялись поверхностной обработкой. Сохранялись только общие линии, а все остальное — черты лица, детали фигуры — изменялось.

Какой страшный ущерб может нанести невежда, считающий, что его вкус безукоризнен! Вдохновенный творец был заменен убогим представителем культа, который, для того чтобы приукрасить своих святых, совершал святотатство по отношению к искусству. Да и как иначе можно назвать поступок тех, кто пробивал грубым долотом тонко изогнутые веки для того, чтобы вставить блестящее стеклышко в глаз древнего Будды.

Но все это ничто перед ущербом, нанесенным третьей силой.

Чем дальше мы идем, тем больше древних фигур. Но что это? Почти все они без голов. Кто сделал это? Дикие племена? Невежественные пастухи, загонявшие стада в эти пещеры и испугавшиеся взглядов божества? Фанатичные приверженцы враждебной религии? Нет. Это сделали американские и английские «меценаты» и их агенты. Они приезжали сюда, фотографировали, разрушали, грабили. Грабили все — от окаменевших костей древнего человека до мускулов китайского кули. И уж действовали они поистине вандальски!

Наш спутник немногословен, но стены пещер говорят сами, и красноречивее их языка трудно что-либо представить!

Впрочем, мы не в первый раз сталкиваемся с вандализмом империалистов. Знакомясь в Пекине с богатством музея «Гугун», мы узнали, что рассматриваем лишь остатки, в значительной части разграбленных, коллекций. Во время боксерского восстания императорский музей был разграблен солдатами восьми иностранных государств. Позднее император Пу И вывез из музея многочисленные бесценные картины и образцы каллиграфии. И наконец, чанкайшисты, убегая на Тайвань, увезли с собой многие ценности. К сожалению, китайские картины-свитки легко унести. Сейчас в музее экспонируется около 500 картин, а до грабежа музейная коллекция насчитывала 10.000 шедевров. В музее есть зал, волнующий больше других, хотя в нем и нет художественных экспонатов, а только снимки вывезенных предметов. Чего только там не было!

Из громадных старинных фресок вырезали центральные сцены. Их увезли за океан. Вот снимок одной из них. Ныне она украшает один из американских музеев. Рядом другой снимок — фотография статуи многорукого божества, находящегося сейчас в каком-то английском музее. Мы смотрим на этот снимок и с горечью думаем, что руки божества не помогли ему защититься от рук эстетов и коллекционеров с Запада. Эти «культуртрегеры» вывезли и древние книги. Статистические сведения показывают, что в 1898 году в Китае было похищено «только» 2888 книг, в 1927 году с «помощью» гоминдановцев было украдено более 83.000 книг: кривая грабежа постоянно росла и к 1948 году достигла огромной цифры — 242.581 экземпляр.

Но Китай богат. И не всё в Юньганском храме уничтожено. Мы идем из пещеры в пещеру, и постепенно начинает действовать древняя магия. О, наше разочарование было преждевременным! Мы проходим мимо прекраснейших статуй. В полумраке на их устах играют улыбки. Эти каменные улыбки невозможно забыть...

ВЬЕТНАМ

Нгуен Туан

ТЕАТРАЛЬНЫЙ ШАНХАЙ

(Из книги „Путешествие в Китай“)

В Шанхае сто театров, которые каждый вечер заполняет стотысячная толпа зрителей.

Недавно я зашел в один из таких театров, чтобы посмотреть спектакль «Сон в красном тереме». Эта китайская пьеса, в основу которой положена история трагической любви, переведена на вьетнамский язык и хорошо знакома нашему зрителю. Время действия — феодальный цинский Китай XVII века.

Я невольно задумался над тем, как китайские товарищи увязывают классику с современностью.

Использовать древнее предание для борьбы против современного феодализма вовсе не означает — вытащить на сцену феодала и решать вопросы борьбы с феодализмом так, как это имеет место в повседневной практике. Старое общество должно быть показано на сцене правдиво, в той обстановке, которая была ему присуща. Только в этом случае пьеса будет иметь успех; после того как зрители воспримут идею пьесы и проникнутся ненавистью к прошлому, показанному на сцене, они постепенно будут склоняться к поддержке всего

нового и передового, что связано с борьбой за юность и счастливую жизнь.

Наши китайские товарищи, получив в наследие от старого театра старую драматургию, наполняют ее новым духом и новыми мыслями. Их метод представляется мне диалектическим и научным, он конкретно учит тому, как использовать старые пьесы, чтобы они сыграли свою роль в борьбе с отживающим феодальным укладом.

Естественно, наиболее ограничена в своих возможностях старая опера, но если выбрать то, что нужно, то и эта древняя форма театрального искусства может принести пользу современному обществу.

Я своими глазами убедился в том, какое огромное богатство представляет собой наследие народной культуры Китая. Следуя совету товарища Мао Цзэ-дуна — «пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ», деятели современного китайского театра умело используют богатейшую базу народной культуры, с каждым днем поднимая ее все выше. И это необыкновенно быстрое развитие китайского театра обещает в будущем много новых творческих открытий, много новых художественных достижений.

Находясь в Шанхае, я слышал похвальные отзывы об успешных гастролях китайских артистов в Париже, где им были предоставлены сцены театров Сары Бернар и дворца Шайо.

Известно, что в начале 1955 года писатель Веркор — один из активных организаторов гастролей китайского театра во Франции первоначально выразил пожелание ограничить их музыкой и народными песнями, но затем согласился с настояниями многих деятелей французского искусства о необходимости показать хотя бы отрывки из китайских классических опер.

Веркор согласился на это компромиссное решение. Он полагал, что западные зрители не привыкли к восточной традиции исполнения и могут не принять классической китайской оперы. Однако после первых же выступлений китайских артистов, прошедших с огромным успехом, оказалось, что значительная часть французских зрителей не удовлетворилась показом лишь отрывков из опер и требует их показа полностью.

Многие выдающиеся представители западной культуры с большой теплотой отзываются о современном искусстве китайского театра. Здесь мне хочется привести слова Чарльза Чаплина. Он говорил: «Двадцать лет назад мне довелось посмотреть несколько классических китайских пьес. Но в ту пору уровень исполнения этих пьес был еще несовершенен, они были слабо обработаны, артисты не умели передать свои чувства зрителям. В этот же вечер я увидел нечто иное: я увидел новое искусство нового Китая».

ГДР

Вилли Бредель

РАССКАЗ МОЛОДОГО ПОЭТА О ЕГО РОДНОМ ГОРОДЕ И О ЧЕЛОВЕКЕ, КОТОРЫЙ ЯВЛЯЕТСЯ ДЛЯ НЕГО ВЕЛИКИМ ПРИМЕРОМ

(Из книги „Пир в финиковой роще")

Меня зовут Су Дин-фан. Я — переводчик, иногда пишу стихи и небольшие рассказы. Мой отец был учителем. Мой дед со стороны матери долго крестьянствовал, вконец обеднел, бросил землю и дом и перебрался в Шанхай. Там, занявшись торговлей опиумом, он скопил немалое состояние. Дед по линии отца был сборщиком налогов, но, по тогдашним понятиям, оказался совершенно бездарным, ибо не оставил после себя наследства, которое могло бы обеспечить безмятежную жизнь его одиннадцати детей.

В Китае немало городов, которые подвергались разрушениям более частым и опустошительным, чем у подножия Везувия, ибо в то время весь Китай представлял собой сплошной вулкан. Больше всего выстрадал Шанхай, где стены всех домов обагрены кровью.

В этом городе 13 апреля 1927 года я и родился. В час моего рождения в пригороде были задушены, убиты и расстреляны тысячи безоружных людей — мужчин, женщин и детей. Город был наполнен предсмертными криками, а улицы пахли кровью. Это был не бой, а бойня. В это время новорожденный издал свой первый крик.

Мой отец учительствовал в частной школе. Примерно в это же время Лу Синь ушел с государственной службы и школьной работы и занялся исключительно литературной деятельностью. Он и мой отец около 1910 года вместе преподавали в одной школе в Ханчжоу, однако в то время они не сблизились, так как мой отец тогда был еще человеком консервативных

убеждений и настороженно относился к тем, кто получил образование за границей.

Лу Синь — это его литературный псевдоним, а звали его Чжоу Шу-жень — восемь лет изучал в Японии физику, медицину, историю литературы и там стал последователем Сунь Ят-сена. Отец, как рассказывала впоследствии мать, относился к Лу Синю с предубеждением, называл его, как и всех, кто стремился к обновлению и демократизации Китая, используя опыт Европы, предателем веры предков и желтым дьяволом. Только спустя много лет после того как отец долго давал уроки в английских и французских семьях, он, наученный жестоким жизненным опытом, понял, что для спасения Китая нет иного пути, кроме присоединения к мировой культуре и технике. Мне кажется, осознав это, он, как и Лу Синь, пришел бы к необходимым выводам, если бы в 1932 году не пал жертвой японской бомбардировки.

Мать много рассказывала мне о Шанхае того времени и о Лу Сине. Я был еще мальчиком, когда мать впервые рассказала мне о кровавом 1927 годе, годе моего рождения. Но только значительно позднее, учась в Нанкинском университете, я смог получить полное представление о событиях этого богатого жертвами года.

Уже в октябре 1926 года, после ожесточенных стачечных боев, рабочие подняли восстание, но понесли тяжелые потери и были разгромлены.

После этого в Шанхай нелегально прибыл политкомиссар революционной армии Чжоу Энь-лай для организации в городе нового восстания. То, что затем последовало, повергло мир в изумление, а врагов рабочего класса — в страх. Народ Шанхая превзошел сам себя: десятки тысяч рабочих в порту, на фабриках и заводах, работники городского транспорта прекратили работу. Тысячи людей штурмовали правительственные здания, полицейские участки, казармы. На второй день восстания, 21 марта, вооруженные рабочие стали хозяевами города. Иностранцы забаррикадировались в своих кварталах, не осмеливаясь выступить против рабочих.

На другой день авангард гоминдановской армии без боя вошел в город. Одержавшие победу рабочие восторженно встречали войска, считая их своим союзником.

Чан Кай-ши знал, что Соединенные Штаты Америки поддержат его, только если он разобьет гоминдан Сунь Ят-сена и предаст коммунистов. События последних дней в Шанхае показали, насколько сильно влияние коммунистов в массах, и вот именно в Шанхае Чан Кай-ши решил начать кровавую резню.

В дни, последовавшие за этими злодеяниями, когда население Шанхая было парализовано ужасом, мой отец и Лу Синь сблизились друг с другом. Когда вокруг царила смерть, они испытывали потребность подбодрить друг друга. Среди вещей, оставшихся после смерти отца, мать нашла письма Лу Синя и записи отца, которые свидетельствуют, что в период с 1927 по 1932 годы между ними устанавливалась все более тесная дружба. Только десять лет спустя, незадолго перед отъездом в Нанкин, я узнал об этих документах и прочитал их. Содержание некоторых писем и заметок испугало меня: попади они в руки полиции, нам не миновать беды.

В одном письме Лу Синь рассказывает о своих сомнениях и страданиях после революции 1911 года, когда он работал в министерстве народного просвещения в Пекине. Грозившая Китаю анархия, господство провинциальных деспотов, генералов, ведущих междоусобную борьбу друг против друга с целью личного обогащения,— все это, писал Лу Синь, было величайшим несчастьем Китая. И тогда он снова и снова спрашивал себя, кто же может стать ведущей силой в оздоровлении и обновлении Китая. В высоком сознании и политической дальновидности крестьян он сомневался, но они составляют подавляющее большинство населения страны, и без них, а тем более против них, — убедился он, — немыслима ни одна революция. Одна интеллигенция не могла решить задачу. С кем она должна объединиться, с какими слоями населения, с каким классом? Где та идея, которая должна стать основой революционного действия? И Лу Синь пишет моему отцу — правильный ответ на этот вопрос ему дала Октябрьская революция 1917 года в России.

Впоследствии, когда в мае 1919 года на огромной демонстрации в Пекине рабочие впервые выступили как самостоятельная политическая сила, Лу Синь понял, что по своему социальному положению и по своим интересам рабочий класс Китая — единственная сила, способная спасти Китай путем демократической, национальной и антиимпериалистической революции, доведенной до конца.

Мой отец, по всей видимости, не был в этом полностью убежден, потому что Лу Синь в своих письмах постоянно возвращается к этому, самому существенному для него вопросу и опровергает аргументы отца. По некоторым письмам, посланным Лу Синем, видно, что отец стремился направить их переписку по другому руслу. В одном из писем говорится — я привожу по памяти: «Дорогой друг, Вы пишете, что все в рассказе просто и прекрасно, ясно и в то же время глубоко и что Вы завидуете моему таланту, моим мыслям, моим стихам, которые я без труда могу излагать на бумаге. Без труда? Знаете ли Вы, уважаемый друг, что я испытываю панический страх перед чистым листом бумаги? Знаете ли Вы, что когда я беру в руки кисть, меня бросает в дрожь? Вы ошибаетесь, думая, что наш брат может беззаботно рассчитывать на свой талант, как веселая девушка на свою красоту (сравнение принадлежит не мне, а Бальзаку). Нет, каждое слово, каждую строку я должен вымучить,

должен исписать бесконечное множество бумаги, прежде чем будет готова одна страница. Но разве так важно, к а к возникает что-то? Важно только одно: ч т о возникает. К а к принадлежит нам, ч т о — нашим читателям».

Я бесконечно сожалею, что не мог знать лично этого великого человека, который подарил нашему народу и всему миру единственные в своем роде рассказы и стихи, который познакомил китайских художников и скульпторов с реалистическим искусством Европы и воспитал целое поколение деятелей искусства. Моей матери недоставало слов, когда она хотела рассказать, насколько благородным был этот великий поэт, всегда помогавший ей, хотя самому ему временами приходилось трудно. Она часто вспоминала похороны секретаря профсоюза Ян Ю-фу, который был убит из-за угла гоминдановской полицией. Лу Синь, возмущенный убийством этого честного, преданного своему классу человека, призвал всех своих друзей прийти на похороны Ян Ю-фу. Гоминдановская полиция запретила участие в погребальной церемонии под угрозой расстрела и приказала Лу Синю остаться дома. Немногие пришли на кладбище, но среди них в первых рядах был Лу Синь. Он оставил дома ключ от квартиры и простился с женой и сыном, словно расставался с ними навсегда. Однако полиция не отважилась что-либо предпринять против участников траурной церемонии, и Лу Синь был оставлен в покое.

Год спустя он умер. Десятки тысяч рабочих и представителей интеллигенции Шанхая шли за его гробом. Десятки тысяч героев провожали его в последний путь. Да, именно героев, ибо каждый из них шел на кладбище, думая, что там будет учинена резня. Ибо каждый знал, что, начиная с этого дня, он будет значиться в полицейских списках как симпатизирующий коммунистам.

ИНДИЯ

Монджусри Деби

ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ НА КИТАЙСКОЙ ЗЕМЛЕ

(Из книги „Что я видела в новом Китае")

Маленькая пограничная станция. Здесь вблизи нет большого культурного центра или студенческого городка, но на станционной платформе стоят столы с книгами. Пассажиры, служащие и даже железнодорожные рабочие сидят и с большим вниманием читают. Правительство нового Китая широко открыло народу все пути к образованию и культуре, и громадная жажда знаний, подобно дождевому потоку, смывающему на своем пути все преграды, ныне овладела всем шестисотмиллионным китайским народом.

Уже на самой границе нам бросилась в глаза еще одна характерная особенность нового Китая. Известно, что когда у железнодорожных рабочих и грузчиков выдается свободная минута, им приходится стоять или сидеть прямо на платформе. Здесь же для отдыха железнодорожников всюду на платформе поставлены стулья, и рабочие, как и пассажиры, могут располагаться на них, читать книги, газеты или играть в домино. Уже на границе я получила представление о том, как заботится новый Китай о поднятии уровня жизни трудящегося народа.

Народное правительство нового Китая не только заботится о питании, одежде и жилищах для рабочих. Рабочим и крестьянам предоставляются все возможности для получения образования. По всей стране открыто бесчисленное количество бесплатных вечерних школ по ликвидации неграмотности. Там они учатся читать, считать, изучают географию и знакомятся с внутренними и международными событиями.

Во всех рабочих центрах созданы Дворцы культуры. Один из них мы посетили в Шанхае, где нас приветствовали как борцов за мир. Директор этого дворца сказал, что раньше этот дворец был местом увеселений для богатых тунеядцев. Первого октября 1950 года он стал национальной собственностью. Теперь его ежедневно посещают десять тысяч человек.

Каждый вечер рабочие приходят сюда, чтобы попеть, поиграть на музыкальных инструментах, поразвлечься, посидеть за книгой, позаниматься в кружке художественной самодеятельности, посмотреть кинокартину. При Дворце культуры хорошая библиотека, в которой уже насчитывается семьдесят восемь тысяч томов. Ежедневно, в среднем, ее посещают около трех тысяч рабочих читателей, из них около шестисот берут книги на дом. Раз в неделю устраиваются лекции и дискуссии по важнейшим политическим и экономическим вопросам.

Таковы были мои первые впечатления о новом Китае.

ИТАЛИЯ

Курцио Малапарте

ПРИВЕТ КИТАЮ

Из статьи, опубликованной в еженедельнике „Вие нуове")

Еще до моей поездки в Китай я знал, что означает слово брат, но подлинное, глубокое и вечное значение выражения «братская любовь» открылось мне только во время моего пребывания в Китае. Удивительно и редкостно, что народ, который ведет такую тяжелую борьбу против нищеты и страданий, доставшихся ему в наследство от прошлого, умеет отдавать так много духовных сил доброте, великодушию, братству.

Голод, страдания, рабство, несправедливость обычно ожесточали народы. Но китайский народ, несмотря на долгие века рабства, голода и унижения, остался добрым. И великий урок, который дает нам Китай, Народный Китай Мао Цзэ-дуна, — это не только урок мужества, жертвенности, упорства в борьбе и в труде, но прежде всего — урок скромности, доброты и честности. Во время моего путешествия по Китаю, от Северной Шаньси до северо-восточной границы Туркестана, я видел крестьян и рабочих, дружно и сплоченно строящих новую отчизну, свободную и справедливую, строящих социалистический Китай.

Я видел армию, которая сражалась против нужды, унаследованной от феодализма, от всей тысячелетней истории тирании и голода. Но еще более необыкновенным и волнующим было то, что я видел во время моей болезни, в течение трех с половиной месяцев, проведенных в больницах Шанхая, Ханькоу и Пекина. Я видел, как весь народ вел борьбу против туберкулеза, рахита, анемии, малярии, истощения — против всех болезней, которые долгие века феодализма оставили, как ужасное наследие, в крови китайского народа.

Я восхищался не только образцовой организацией санитарного дела, прекрасными больницами, оснащенными современным оборудованием, но и искренней добротой, заботой и солидарностью, с которыми китайский народ поддерживает и лечит своих больных братьев. В каждом городе имеются три-четыре больницы, и все они построены за последние пять-шесть лет; лечение в них бесплатное. В Ханькоу, рядом с палатой, в которой я лежал *— это была палата с ванной, радио и телефоном, — точно в такой же палате лежал дворник, тяжело больной туберкулезом. Врачи, относившиеся ко мне с исключительным вниманием, такое же внимание проявляли к моему соседу.

Не думайте, что в китайских больницах работают средние врачи. Как правило, это специалисты, пользующиеся большой известностью, и уровень их знаний нисколько не ниже, а зачастую выше, чем у лучших американских и немецких врачей. Детское отделение в больнице в Ханькоу бесспорно оборудовано лучше всех тех, какие мне приходилось видеть в Европе.

Профессор Ли, главный врач больницы в Ханькоу, которому я с восхищением говорил об отличной организации детского отделения и об исключительном внимании, которое Народная Республика уделяет детям, ответил мне: «Сила народов — это доброта».

Заведующая детским отделением, профессор Тао, добавила: «Дети играют решающую роль в будущем человечества, гораздо большую, чем думают многие». Эта фраза заставила меня вспомнить слова одного китайского крестьянина: «Войны не будет, потому что этого не хотят дети».

Покидая Китай, я телеграфировал Председателю Мао Цзэ-дуну: «Я приехал в Китай как друг, а уезжаю влюбленным в вашу страну». Это правда. Я никогда не забуду того, что правительство и народ Китая сделали для меня, и это чувство благодарности и теплоты присоединяется к чувству восхищения народом, который осуществляет великое дело строительства социализма.

...В то утро на пекинском аэродроме, когда я поднимался по крутой лесенке в советский самолет, предоставленный китайским правительством, чтобы отвезти меня в Италию, небольшая группа людей, собравшихся, чтобы проводить меня (в ней были представители власти, врачи, санитары, служащие аэропорта, журналисты, писатели, дипломаты и министр культуры Народной Республики, явившийся, чтобы передать мне привет Председателя Мао), внезапно затихла. Я был не в силах подняться по крутым ступенькам и остановился в полуобморочном состоянии. Командир советского самолета, белокурый русский с большущими руками, спустился вниз, приподнял меня и почти отнес в кабину. Толпа, подавленная печальным зрелищем, молчала. Добравшись до верха лестницы, я остановился, чтобы перевести дыхание (уже больше трех месяцев я дышу одним легким).

Я хотел что-нибудь сказать, приветствовать моих друзей, поблагодарить их, и внезапно мне пришли на ум три слова, которые я медленно, с большим трудом произнес по-китайски: «Я люблю китайцев».

И толпа начала плакать.

К. Малапарте — известный итальянский писатель-коммунист, страдавший тяжелым недугом, во время поездки в Китай заболел и обратился к помощи китайских врачей.

ЛИВАН

Нифон Саба,
митрополит Захли и Баалбека

„ПОЙДИ И ПОСМОТРИ"

(Из книги о поездке в Народный Китай)

Когда я, арабский священнослужитель, приехал в Китай, мне в первую очередь захотелось посетить Пекинский университет, находящийся в двадцати километрах от города. Мы увидели множество новых больших зданий, расположенных довольно далеко друг от друга. В них размещены многочисленные факультеты университета. Между корпусами разбиты сады, скверы, клумбы цветов, устроены спортивные площадки, стадионы. В целом университет производит впечатление самостоятельного города, населенного тысячами студентов.

Обучение в университете бесплатное. Большая часть студентов старших курсов получает государственную стипендию.

Мы беседовали с ректором и профессорами университета. Они ознакомили нас с его программой и учебными планами. Затем мы осматривали учебные помещения. Нас сопровождал студент — юноша лет семнадцати, прекрасно говоривший на литературном арабском языке. Он рассказал, что в университете изучается и арабский язык.

Мы побывали в библиотеках, учебных аудиториях и спортивных залах и покинули университет, восхищенные тем, что видели.

Нам удалось также ознакомиться с библиотекой Института Ислама. Это двухэтажное здание целиком заполнено книгами и рукописями по арабистике. Внизу собраны книги и журналы на всех языках мира, посвященные арабской культуре, истории и языку. На втором этаже хранятся оригинальные произведения, редкие экземпляры и рукописи ученых, поэтов и философов, в том числе и арабских авторов. Все они переплетены в кожу и находятся в прекрасном состоянии. Большое впечатление произвел на нас рукописный экземпляр Корана, написанный более пятисот лет назад на шелковой бумаге.

Мы побывали также в большом рабочем Дворце культуры в Шанхае, где с интересом выслушали рассказ его директора. Этот Дворец культуры, как и все рабочие клубы Китая, охватывает все стороны культурной жизни. Клубной работой руководит комитет, который связан с фабриками и заводами. В этом клубе наше внимание привлек огромный стенд, на котором были помещены фотографии передовиков производства и золотыми иероглифами начертаны их имена.

Выйдя из клуба, мы пошли осматривать город. Как много в нем новых благоустроенных шестиэтажных домов для рабочих! В каждом районе имеется школа, клуб, общественный парк, кинотеатр, спортивный городок.

РУМЫНИЯ

Акад. Михай Бенюк

НОВЫЕ ПОБЕГИ НА СТАРЫХ КОРНЯХ

(Очерк, написанный для журнала „Иностранная литература")

Китай — колыбель древнейшей культуры человечества. Пещеры, на скалах которых мастера давно минувших эпох создали дошедшие до наших дней произведения, дышат тысячелетиями. Иероглифы, начертанные на бронзовых сосудах, расписанных в древности искуснейшими рисунками, рассказывают о людях и подвигах тех далеких времен. Человеческий жест, улыбка застыли на изделиях из нефрита, вечно сохраняющих свою прочность... Райская птица, поющая на цветущей ветке, как живая изображена на шелке... Величественный храм, где статуи богов отражают самые различные чувства и переживания человека... Письмена, которые сохранили свою свежесть на протяжении веков, надписи на огромных гранитных глыбах... Скалы, на которых выдолблены изображения драконов, тигров, мифических птиц... Чудесная архитектура пагод... Все это встречаешь в Сиани — первой столице Китая, в Ханчжоу — цитадели поэтов, в крупнейшем промышленном городе Шанхае, в тропическом Кантоне, в Куньмине,

где бок о бок живут люди разных племен, в Пекине — столице многострадального и славного прошлого, столице нынешней победы трудового китайского народа. Всюду на китайской земле шагаешь по ступеням истории, и перед тобой открываются извилистые пути, пройденные человечеством от тьмы прошлого к светлому настоящему и ведущие в будущее.

И всюду чувствуешь единство человека: того, который на слоновой кости или разноцветными камнями запечатлел свои сокровенные мечты, и того, который оросил каждый клочок земли, чтобы умножить ее плоды, необходимые человеку. Так было тысячелетиями. Искусство и труд китайского народа отмечены той же печатью трудолюбия, терпения, таланта, умения использовать материал до конца, для того чтобы извлечь из него все, что может радовать сердце человека и кормить его бренное тело.

Так было тысячелетиями, пока горсточка людей была хозяином, а народ — трудолюбивый, талантливый народ — был насильно превращен в слугу господ, в их раба. И тысячелетиями труд и талант народа служили источником радостей только для кучки господ.

Трудолюбие, мастерство — отличительные свойства китайского народа и сегодня. Они проявляются в новых артелях кустарей, которые создают замечательные изделия. Их встречаешь на полях, которые стали собственностью народа, их встречаешь в работе искусных ткачей, их встречаешь на больших металлургических предприятиях Аньшаня или Тайюани. Эти замечательные качества китайского народа раскрываются в произведениях художника Ци Бай-ши, в книгах Го Мо-жо и Мао Дуня, в блеске китайской классической оперы, в постановках современного театра.

И все же многое изменилось. Дело в том, что вся радость труда и искусства, все плоды трудолюбия и таланта уже не присваиваются кучкой господ, а принадлежат тем, кто своими руками, умом, используя помощь новейших машин, создает новые блага, новые ценности. Из всех замечательных творений тысячелетней истории Китая самое замечательное — свобода.

Это величайшее творение также создано самим народом, оно добыто им в результате борьбы, которую он вел десятилетиями под руководством Коммунистической партии против феодальной и капиталистической эксплуатации, против японских захватчиков и американских империалистов.

Прошло всего восемь лет с тех пор, как в 1949 году китайский народ стал хозяином своей судьбы. Но за эти немногие годы произошли события, вызвавшие восхищение всех честных людей мира, события, благодаря которым китайский народ занял одно из первых мест среди идущих по пути к светлым вершинам будущего и создающих жизнь, из которой исчезнут понятия угнетения и эксплуатации. На древней земле Китая пустило глубокие корни и ныне расцветает замечательное дерево социализма. С помощью Советского Союза китайский народ проводит индустриализацию своей огромной страны, он приступил к разумному использованию ее безграничных, скрытых под землей богатств. Китайский крестьянин уже превратил поля в богатые коллективные нивы, обеспечивающие ему зажиточную жизнь.

Конечно, все это находит отражение и в культурной жизни городов и сел.

В Кантоне на Жемчужной реке десятки тысяч людей ютились в лодках и не имели права ступать на берег. Их считали людьми низшей расы. Для них не могло быть и речи о грамотности, которой ведь было лишено подавляющее большинство китайского народа. Теперь эти люди не только могут свободно селиться на берегу, но имеют свои школы, в которых дети обучаются на родном языке, а большинство продолжает учиться и дальше в средних и высших школах. Я побывал во многих китайских селах — всюду дети посещают школу. Если еще не всюду построены новые школьные здания, то для них либо приспособили старые храмы, либо занятия проводятся в помещениях правлений сельскохозяйственных кооперативов.

Чтобы понять, какое внимание уделяется науке, нужно посетить Пекинский университет, его четырнадцать факультетов и многочисленные лаборатории, оборудованные по последнему слову техники, нужно посетить многочисленные педагогические, политехнические или медицинские институты, возникшие во всех районах страны.

В Китае учатся не только дети и молодежь. Всюду, где я побывал, я встречал взрослых и пожилых людей, посещающих вечерние курсы ликвидации неграмотности или агротехнические курсы. Те, кто не учится в школе, посвящают часы досуга изучению иностранного языка, литературы, искусства или определенной области науки. Таким образом, наряду с традиционным трудолюбием и замечательным мастерством, наряду с исключительной скромностью и древней мудростью китайский народ приобрел еще одно большое качество — жажду знания.

В Ханчжоу есть пещера, вход в которую напоминает трубу. Древняя легенда гласит, что в замурованной пещере какой-то монах держал в заточении девушку. От тоски любимый этой девушки умер, но, услышав на небе ее плач, он обратился в птицу и своим клювом пробил в скале отверстие. Эта легенда имеет большой человеческий смысл, она помогает понять то, что произошло в Китае. Вся страна была темной пещерой, в которой томился трудовой народ. Но любящие сыны народа под руководством партии пробили в гранитной скале путь к свету, к счастью трудящихся, к социализму.

Когда читаешь написанные золотыми буквами на красном бархате слова: «Пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ», понимаешь, как широко открыт людям путь культуры, путь, на котором новое использует все, что было ценного в старом.

Ныне создана благоприятная почва для того, чтобы цвели все цветы, кроме ядовитых сорняков, а китайский народ умеет разбираться в цветах и вырастит то, что действительно полезно человеку.

Мне хочется вернуться к вопросу о национальных меньшинствах. Забота народного правительства о поднятии культурного уровня этих народностей, из которых некоторые лишь недавно ступили на первую ступень цивилизации, глубоко меня растрогала. В этой области, можно сказать, творятся чудеса. Их можно сравнить только с тем, что было сделано для отсталых народов в Советском Союзе. Один писатель сказал мне: «Самым замечательным в нашем народном Китае я считаю то, что люди, которые в прошлом были рабами в подлинном смысле этого слова, теперь стали свободными людьми и отношения между ними строятся на такой основе, о какой еще только мечтают трудящиеся западных стран. Перед ними широко открыты все пути!»

В сегодняшнем Китае имеются сейчас целые народности, которые под руководством Коммунистической партии переходят непосредственно от примитивного уклада жизни к социализму. Здесь не идет речь о том, чтобы привить идеи марксизма-ленинизма к древу общественной жизни, имеющему глубокие корни и многовековую культуру, как это происходит в основных районах Китая; нет, это — прививка ростков новой жизни к диким растениям девственного леса. Те, кого империалисты истребляли или привели бы к вымиранию, строят вместе со всеми народами Китая новую жизнь. И конечно эти люди преданы душой и телом великому делу строительства социалистического Китая.

Тот патриотизм, который я наблюдал в стране, может существовать только у народа, который ценой неисчислимых жертв обрел свободу для своей многострадальной родины.

...На окраине города Куньмина возле Западной горы есть другая гора, которую называют «Спящая девушка». Действительно, она напоминает лежащую фигуру. Легенда рассказывает,— а в Китае о каждом источнике, о каждом холме сложены легенды,— как двое молодых людей любили друг друга. Однажды, когда они стояли возле Западной горы, над ними стала кружить птица. Девушка попросила любимого поймать ее. Юноша погнался за птицей и не вернулся. Долго ждала его девушка и наконец заснула.

Девушку этой легенды многие сравнивают с Китаем. Страна спала тысячелетиями и проснулась лишь недавно, когда народ вернулся с победой. Он овладел чудесной птицей — свободой. На древней китайской земле расцветает замечательная жизнь людей, строящих социализм.

ФРАНЦИЯ

Веркор

ОДИН ДЕНЬ В ПЕКИНЕ

(Из книги „Размышления француза в Китае")

Мы быстро позавтракали, чтобы пораньше попасть в Театральный институт.

Нас встречают на тротуаре маленькие девочки с цветами. Затем мальчики и девочки от десяти до двенадцати лет, красивые, пышущие здоровьем, веселые, окружают нас и ведут по прямой аллее к театральному залу. Оба директора школы встречают нас перед сценой и сажают за длинный стол, на котором стоят чашки с зеленым чаем, конфеты, сигареты, фрукты и сладости. Здесь собрались все ученики школы. Они сидят на скамьях — самая очаровательная аудитория, которая когда-либо мне встречалась.

Раздвигается занавес, и начинается поистине незабываемый спектакль. Сначала на сцену выходят малыши, едва ли не старше восьми лет. Один за другим, торжественным шагом бородатых генералов, проходят они по сцене. Они делают различные упражнения, поднимая и вытягивая ноги. Мальчиков сменяют девочки. Одна за другой они обходят сцену мелкими скользящими шажками, столь отличающимися от мужественной походки мальчиков, и склоняются в поклоне. Каждое движение заканчивается жестом руки—резким, четким и ритуальным, сопровождаемым поворотом головы и глубоким, серьезным взглядом. Прелестное зрелище!

Мальчики постарше, те, что затем выходят на сцену, демонстрируют акробатические упражнения: ходят колесом, кувыркаются, прыгают. Все они одеты в голубое, некоторые — в кепках. Старый учитель, который руководит ими, помогает самым юным сделать прыжок, держа руку на пояснице, следит за каждым движением своих учеников внимательным и веселым взглядом, в котором читаешь поощрение, любовь и почти нежность. Улыбка ученика как бы служит ответом на это идущее к нему тепло.

На сцене снова девушки, показывающие акробатические упражнения, которые под стать было бы делать и взрослым,— они падают, приседают, извиваются словно змеи.

Их опять сменяют мальчики, теперь работающие с копьями и никелированными саблями, отбрасывающими огненные блики. В заключение ученик шестого класса, восемнадцатилетний юноша в костюме и гриме, исполняет танец молодого воина.

Мы буквально очарованы. Но всё на свете имеет конец, и провожаемые лучезарными, приветливыми улыбками, под аплодисменты этих молодых рук мы прощаемся и переходим в соседний салон, где нам готовы ответить на все интересующие нас вопросы.

Через зеркальные двери мы видим, как подходят всё новые группы учащихся. Нам с трогательной простотой подносят чашки с чаем и сладости.

Я не рискую выразить какое-либо желание, ибо знаю, что иностранные гости всегда что-нибудь просят. И все же решаюсь. Не смогу ли я до отъезда из Пекина заснять несколько цветных фото учеников. Если это, конечно, не нарушит расписания... Мне не дают кончить. Встреча уже зафиксирована на послезавтра. Дети будут меня ждать.

Мы покидаем школу совершенно растроганные, окруженные искрящимися радостью лицами. Старшие дети провожают нас до машин. Они долго машут руками, пока мы не сворачиваем за угол...

Этот визит придал еще больший интерес фильму, который мы увидели в тот же день. Это реалистический рассказ о жизни китайских артистов эстрады до и после Освобождения. В фильме снимались профессиональные актеры эстрады; нам говорят, что в нем рассказываются почти с буквальной точностью их собственные истории. Исполнители выражают свои чувства с такой непосредственностью, с такой эмоциональной силой, что их слезы и улыбки вновь убеждают нас в том, что у этих «загадочных» людей Востока соперниками по «сдержанности» чувств могут быть разве только марсельцы или неаполитанцы.

История, которая рассказывается в этом фильме, очень проста и поучительна: при старом режиме жизнь маленького актера была сурова и положение его непрочно, он подвергался унизительным оскорблениям, его шантажировала продажная полиция. При новом режиме жизнь его счастлива, и в искусстве ему сопутствует удача.

Фильм этот, повествующий о повседневной жизни маленьких людей, пробуждает самые искренние чувства симпатии к скромным труженикам китайского искусства. Когда в конце фильма на экране появляются солдаты Народно-освободительной армии, весь зал разражается приветственными криками.

ЧЕХОСЛОВАКИЯ

А. Гофмейстер

СПАСИБО ЗА УРОК

(Из книги-репортажа о китайском искусстве)

После того как мы исколесили Китай вдоль и поперек, наши китайские друзья-художники попросили устроить заключительную беседу. Определение «заключительная» означало не последнюю, а такую, в которой мы сделали бы некоторые выводы и рассказали о своих впечатлениях. Для нас это было трудной задачей, но они настаивали. И вот мы собрались в узком кругу, в китайском Союзе художников, помещающемся в одном из зданий китайской Академии художеств.

Мы сказали нашим товарищам примерно следующее:

Мы видели бесконечные пространства Китая и, вспоминая картины китайских художников, узнавали знакомые черты в каждом изгибе горных хребтов, в каждой излучине рек. Мы увидели, какое глубокое и точное знание действительности положено в основу китайского изобразительного искусства. В нем бесконечная любовь к природе своей великой родины. Стало быть, — это патриотическое изображение действительности. И тогда мы поняли, что пейзаж родины — это не только горы и реки, но и крабы на дне моря, и лотосы на озерах, кузнечики и стрекозы, стволы бамбука и медлительные буйволы; что всё это жизненный опыт и человеческая правда, выкристаллизованная тысячелетиями. Мы поняли, что китайский пейзаж никогда не был пустым или погруженным в самосозерцание. В нем всегда присутствовали свидетели его красоты, монументальности, радости и нежности. Люди в природе живут и работают. Мерило всего — человек.

И все-таки мы видели мало картин, которые бы с такой же полнотой, с таким же мастерством отображали современный пейзаж и новых людей. Это наблюдается и в Китае, и у нас на родине. Традиция темы, традиция отношения к природе пока не открыла нового китайского мира.

Когда мы были в Фушуне, где на уголь уже падал снег, нам показалось, что эта пасть земли — пятнадцать открытых

шахт, над полосатыми боками которых подымались бесчисленные клубы дыма, — очень «китайская» тема. Туман и поднимавшийся дым превращались в вертикальную композицию, выдержанную в тончайших оттенках серого цвета; и мы подумали, что это и есть сегодняшний китайский пейзаж, особенно когда в желтовато-коричневом дыму появился силуэт повозочки, которую тащила мохнатая лошаденка, а где-то далеко позади мелькнул красный огонек вокзала — обычный для китайской картины центральный цветовой пункт.

В пейзажах китайских художников появляются новые персонажи, но подчас кажется, будто они — выходцы из другого мира. Здесь дело не в чуждом содержании, а в двух различных, до сих пор не слившихся формах выражения. Эти персонажи пришли из лубочных картинок. Они порождены народной традицией и сохранили свою простоту, чистоту красок, остались плоскостными. А китайский пейзаж, детище великой традиции китайской живописи, обладает всеми признаками мастерства, взращенного опытом столетий. Все же это появление новых персонажей нас очень заинтересовало как первые попытки оживить классический пейзаж человеческой фигурой, попытки объединить две великие славные традиции: китайской живописи и народных лубочных картинок.

У нас в Чехословакии этого не было. Наше современное социалистическое и реалистическое искусство большей частью опиралось на предшествовавшие ему традиции XIX столетия. И лишь художники прошлого века непосредственно исходили из народных традиций или черпали из них темы и содержание своего искусства. Сейчас в поисках элементов народной формы иногда снова обращаются к этому чистому источнику народного вдохновения.

Но у нас вообще совершенно иная ситуация, так как большинство художников пишет маслом, тогда как в Китае эта техника, очевидно, не освоена. Мы почти не видели картин китайских мастеров, написанных маслом. А в тех, которые мы видели, не чувствовался китайский дух, китайская тонкость, китайская народная форма. Может быть, мы жестоко ошибались, но мы пришли к выводу, что процесс создания настоящего китайского письма маслом только начался. Пока же, применяя эту, чуждую в прошлом для Китая технику, здесь перенимают и чужую форму.

Высокое качество, техническое совершенство, точность и тонкость китайских мастеров и даже учеников Академии нас поражали. Мы поняли огромные возможности развития китайской живописи, основанные на неисчерпаемом богатстве многовековой традиции китайской живописи и народного творчества. (Давность традиций, впрочем, делает эту проблему еще более сложной, чем, например, у нас.) И в этом направлении развития китайской живописи мы видим удивительно тонко продуманный и правильно понятый путь к великому искусству современного Народного Китая.

Мы сказали китайским товарищам:

Мы приехали в Китай не для того, чтобы критиковать, и потому, откровенно говоря, просьба высказать наши критические замечания о современном китайском искусстве, — поскольку мы смогли с ним ознакомиться, — нас смутила. Мы по-товарищески говорим вам то, что думаем и что думали обо всем, виденном в Пекине, Нанкине, Шанхае, Ханчжоу, Гуанчжоу, Ханькоу, Яньане. Мы опасаемся, что сделали неправильные выводы, и очень хотели бы, чтобы вы сказали, в чем мы ошибаемся и чего не поняли в стремлениях китайских художников.

Мы горячо благодарим вас за готовность, с которой вы ввели нас в курс проблем, стоящих перед современным китайским изобразительным искусством, но больше всего благодарим за урок, который мы получили, наблюдая за тем, как серьезно, мудро и обдуманно вы относитесь к драгоценному наследию столетий, как просто и тонко ставите его на службу победоносной современности и великому будущему китайского народа.

СРЕДИ КНИГ И ЖУРНАЛОВ

МОЛОДЫЕ ПИСАТЕЛИ КИТАЯ

□

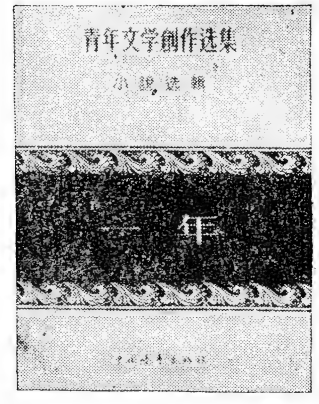
青年文學創作集
一年　中國青年出版社
北京　一九五六

□

В прошлом году в Пекине состоялось Первое всекитайское совещание молодых литераторов. В период подготовки к этому важному событию культурной жизни страны Союз китайских писателей издал серию сборников, в которые вошли рассказы, очерки, стихи и пьесы молодых авторов, созданные за период с 1949 по 1955 год.

Сборник рассказов, который носит название «Один год», открывается уже известным советскому читателю рассказом Ли Чжуня «Не по тому пути». Несколько лет назад этот рассказ, появившийся в провинциальной газете, был перепечатан в центральной прессе и принес автору широкую известность. В незначительном на первый взгляд событии Ли Чжунь сумел увидеть борьбу двух тенденций в развитии китайской деревни, сумел показать, как частнособственнические взгляды уступают место новым отношениям товарищества и взаимопомощи. Купит ли старый крестьянин Сун землю у попавшего в беду односельчанина и, следовательно, пойдет по кулацкому пути наживы или же поможет соседу вновь стать на ноги? Нелегко старику сделать выбор: он десятилетиями мечтал о своем, «крепком» хозяйстве и лишь теперь аграрная реформа приблизила его к осуществлению мечты. И все же в его душе побеждает мысль, настойчиво внушаемая сыном-коммунистом: только в совместном труде, помогая друг другу, земледельцы Китая обретут свое счастье. Перечитывая вновь рассказ, отчетливо видишь его достоинства: зоркость писательского глаза, умение отыскать новое, убедительность психологических характеристик, выразительность языка — что делает это небольшое произведение заметным явлением в литературе нового Китая.

Рассказ Ван Юань-цзяня «Партийный взнос» воскрешает события, связанные с одним из трудных периодов в истории китайской революции — началом тридцатых годов, когда врагам удалось вновь оккупировать большую часть освобожденных районов. Героиня рассказа — простая крестьянка, недавно вступившая в партию, жертвует собой, чтобы спасти разведчика из партизанского отряда. Подкупающе просто, без ложной патетики, не преуменьшая трудностей борьбы, рассказывает автор о своей героине—одной из многих славных дочерей китайского народа, отдавших жизнь за победу идей коммунизма.



Основное место в сборнике занимают произведения, в которых показано рождение новых отношений между людьми, строящими социализм. Звеньевой Чэнь из рассказа Цзэн Цин-юна «Чэнь Цю-фу избран депутатом», вчерашняя ученица, которая стала передовой работницей («Один год» Фэй

Ли-вэня)—это люди, нашедшие свое место в созидательном труде. Писатели показывают, что не всем это удается сразу. Так, Гао Янь-чан в рассказе «Моя подруга» повествует о способной и энергичной девушке-текстильщице, которая долго не может избавиться от эгоизма и честолюбия. Не сразу освобождается от старых взглядов и врач Ли Шуй-жун в одноименном рассказе Ван Юнь-пу. Однако сила коллектива, пример товарищей помогают им.

Особо следует отметить повесть «Красный флаг», имя автора которой в китайской транскрипции звучит Турхун Алемас. По национальности он, по-видимому, уйгур (к сожалению, не указано, с какого языка переведена повесть; заметим кстати, что редакция не сообщила никаких сведений об авторах и даты написания произведений). Уйгуры, как и другие народности Северо-западного Китая, до недавнего времени почти не имели художественной прозы; тем более радует появление этой повести, рассказывающей о победе идей кооперирования в умах синьцзянских крестьян.

Не все рассказы этого сборника написаны на одинаковом уровне мастерства. Некоторые из них менее интересны по сюжету, растянуты (например, «Начальник волости покупает ручку» Фан Чжи), сбиваются на газетный репортаж (например, интересный по содержанию рассказ Фань Биня о строителях шоссейной дороги в Тибете «Марш по снеговым вершинам»). Но это — недостатки, вполне объяснимые литературной неопытностью начинающих писателей. Отметим также, что новые произведения некоторых из представленных в сборнике авторов показывают, что авторы их все смелее вторгаются в жизнь, критикуя отрицательные явления. Примером может служить, в частности, последний рассказ того же Ли Чжуня «Серый парус», бичующий приспособленчество и угодничество.

Сборник «Один год» свидетельствует о том, что в китайскую литературу приходит новое талантливое пополнение.

В. Сорокин.

РАССКАЗ О ВЕЛИКОМ ПУТИ

□

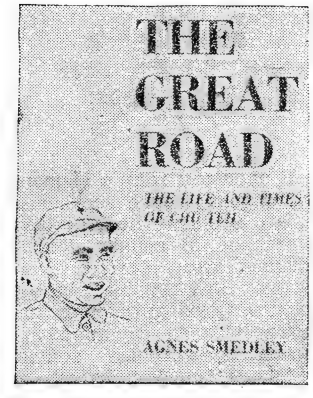
Agnes Smedley. The Great Road. The Life and Times of Chu Teh. Monthly Review Press. New York, 1956.

□

Имя Агнесы Смедли, американской журналистки, которая многие годы провела в Китае, хорошо известно советскому читателю. В тридцатых годах на русский язык были переведены ее книги очерков о Китае — «Китайские судьбы» и «Марш китайской Красной Армии».

На общем фоне произведений, изданных на Западе в тридцатые-сороковые годы, авторы которых видели в Китае лишь причудливую экзотику и не разглядели за китайскими пагодами трудолюбивого и талантливого народа, можно назвать всего несколько книг, правдиво рассказывающих о Китае. Это «Разоблаченный Китай» «неистового репортера» Эгона Эрвина Киша, «Китай побеждает» австрийского врача и журналиста Фрица Иензена, трагически погибшего в 1955 году, когда он летел на Бандунгскую конференцию, «Непобедимый Китай» Анны-Луизы Стронг, «В новом Китае» Г. Формана и некоторые другие. Книги Агнесы Смедли занимают в этом списке далеко не последнее место.

Впервые Смедли приехала в Китай в 1928 году в качестве корреспондента немецкой газеты «Франкфуртер цейтунг», и ее острые политические репортажи, полные ненависти к поработителям Китая, повлекли за собой ее увольнение из газеты. Но она не покинула Китай и продолжала свою журналистскую деятельность. Живя, в основном, в Шанхае, Смедли близко познакомилась с Лу Синем и Мао Дунем. Беспредельная любовь к Китаю, горячий энтузиазм писательницы сближают ее с людьми, связавшими свою судьбу с освободительной борьбой китайского народа — Фрицем Иензеном и Норманом Бетьюном, для которых Китай стал не только ареной жизни и борьбы, но и местом героической гибели.



«Я часто забывала о том, что я не китаянка»,— говорила Агнеса Смедли.

Когда в 1934 году Агнеса Смедли на некоторое время возвращается на родину, Америка кажется ей «странной планетой». Она снова едет в Китай. То был один из самых острых периодов гражданской войны. Великий поход китайской Красной Армии, Сианьские события — арест изменника Чан Кай-ши маньчжурским генералом Чжан Сюэ-ляном, события «7 июля» у Лугоуцяо — начало нового большого наступления японской военщины против Китая — вот простой перечень исторических событий, свиде-

тельницей которых явилась в эти годы Агнеса Смедли. В начале 1937 года Смедли приехала в Яньань, столицу нового Китая, где она впервые встретилась с Мао-Цзэ-дуном и Чжу Дэ. К марту 1937 года относится начало бесед писательницы с Чжу Дэ, записи которых и явились материалом ее последней книги «Великий путь», изданной в прошлом году в Нью-Йорке, через шесть лет после того, как прах Агнесы Смедли, по ее завещанию, был погребен в китайской земле...

Хотя «Великий путь» и представляет собой запись рассказов Чжу Дэ о своем жизненном пути, однако книга выходит за рамки обычной биографии. Чжу Дэ говорит о своем детстве и юности — и перед американской писательницей встает картина типичной китайской деревни конца XIX века, гнет помещиков и разбой милитаристов, задавленное непомерными налогами крестьянство, в памяти которого еще не сгладились воспоминания о тайпинской революции, подорвавшей господство прогнившей маньчжурской монархии. Чжу Дэ рассказывает о событиях 1911 года, когда он, вступив в суньятсеновскую «Союзную лигу», боролся за установление республики,— и читатель ясно представляет себе период зарождения новых идей в Китае — идей буржуазно-демократической революции.

Там, где прерываются слова Чжу Дэ, в роли рассказчика выступает Агнеса Смедли. Беседы ее с прославленным полководцем Народно - освободительной армии Китая продолжались с перерывами всего несколько месяцев, и естественно, не все этапы китайской революции могли быть освещены им с одинаковой полнотой. Писательница удачно дополняет воспоминания Чжу Дэ и предстает перед нами как человек, свободно ориентирующийся в таких сложнейших вопросах истории революции в Китае, как единый фронт, партизанская война, борьба китайских коммунистов за чистоту и единство партии.

К числу лучших мест в книге Смедли несомненно относятся главы, посвященные Великому походу китайской Красной Армии. Когда Чан Кай-ши бросил против коммунистов миллионную армию, обученную фашистским генералом фон Сектом, Красная Армия выступила в беспримерный в истории поход из провинции Цзянси до Яньани, где была создана база сопротивления японским оккупантам.

Отражая непрерывные атаки гоминдановских войск и преодолевая сопротивление правых оппортунистов, части Красной Армии прошли славный и тяжелый путь. «Китайская революция,— говорит маршал Чжу Дэ, — подобна поезду, отправившемуся в дальний путь. Некоторые люди сходят на остановках... но огромное большинство остается до конечной станции».

Очень жаль, что в книге Смедли не нашел отражения важный период в истории Китая — 1931—1934 годы — период так называемых антикоммунистических кампаний гоминдана. Издатели книги полагают, что эта часть рукописи утеряна,—в таком случае на американских друзьях А. Смедли лежит долг разыскать ее и опубликовать. Кроме того, страницы, посвященные антияпонской войне 1937—1945 гг., представляют собой скорее первоначальный набросок, чем окончательную редакцию.

«Великий путь» Агнесы Смедли — правдивый документ о китайской революции, имеющий большое историческое значение, особенно сегодня, когда реакционная печать некоторых стран восхваляет мемуары изменника Чан Кай-ши, полные низкой клеветы на китайский народ и его славную Коммунистическую партию.

А. Хамадан

„ПИСЬМА ИЗ КИТАЯ"

□

René Dekkers. Lettres de Chine. Editions de la librairie encyclopedique, S.P.R.L., Bruxelles, 1956.

□

С обложки книги на нас смотрит группа радостных, смеющихся ребятишек. Это счастливые дети нового Китая, и автор книги — бельгийский профессор Рене Деккер, посетивший Китай весной 1956 года, не случайно предваряет этой фотографией рассказ о своей поездке по стране.

Ощущение всеобщего подъема, юношеского энтузиазма и крепнущих сил народа, уверенно строящего свое будущее, — таково то основное впечатление от Китая, которое стремится передать в своей книге Рене Деккер.

Книга называется «Письма из Китая»; тридцать восемь писем, написанных в период с 26 апреля по 5 июня 1956 года, подробно освещают все этапы путешествия группы бельгийских профессоров, приглашенных

Китайским обществом культурных связей с заграницей.

Рене Деккер, профессор Брюссельского и Гентского университетов, автор ряда научных трудов по вопросам гражданского и частного права, приехал в Китай, как непредубежденный наблюдатель, готовый объективно судить обо всем увиденном. В составе делегации он посетил крупнейшие города Китая — Пекин, Шанхай, Нанкин, Ханчжоу, осмотрел университеты и музеи, производственные кооперативы, школы, больницы, побывал в театрах, дворцах и храмах.

Рене Деккер — внимательный путешественник. Он тонко подмечает детали быта, метко характеризует людей, с которыми он встречался. Но в отличие от многих своих западных коллег, профессор Деккер умеет видеть не только мелочи. В книге подкупает, прежде всего, искреннее стремление автора познать душу народа, постичь его сокровенные чаяния, вглядеться в перспективу его жизни.

Рене Деккер восхищается моральной чистотой, упорством и волей, трудолюбием и выдержкой китайского народа, вызывающего у него чувство самой глубокой симпатии.

В дни пребывания в Китае Рене Деккеру довелось прочитать несколько лекций в юридических институтах Пекина и Шанхая. Он был поражен остротой восприятия и сосредоточенным вниманием аудитории, и справедливо усмотрел в этом одно из проявлений целеустремленности свободного китайского народа, строящего социализм.

Рене Деккера восхищает разумная щедрость китайского правительства, которое не жалеет средств для создания квалифицированных кадров — врачей, учителей, инженеров, юристов, необходимых стране, настойчиво ликвидирующей наследие векового феодального рабства.

Размах и масштабы промышленного строительства в новом Китае произвели огромное впечатление на бельгийскую делегацию. «Страна далеко ушла от патриархального, аграрного Китая, описанного Перл Бак! — восклицает Рене Деккер, рассказывая о посещении индустриального района Фушунь.— Это, скорее, Китай в духе Верхарна».

Страна отрадного, хотя во многом еще трудного, настоящего и прекрасного, великого будущего — таким рисуется Китай в книге Рене Деккера.

Одно из рассуждений профессора Деккера явно неверно, и с ним нельзя согласиться. Автор книги о Китае не раз говорит о контрасте между странами Востока и богатым, промышленным Западом. По его мнению, Восток и Запад разделены в настоящее время не железным, а «золотым» занавесом. Искренне сочувствуя Востоку, профессор Деккер, однако, не пытается проанализировать причины его «бедности», равно как источники «богатства» Запада, которое, как известно, нередко сочетается с самой черной нищетой. Не лишне напомнить профессору Деккеру, что одним из этих источников явилось ограбление западными державами колоний, а также полуколониальных стран, к числу которых до последнего времени принадлежал и Китай.

«Письма из Китая» — интересный документ о строительстве новой жизни в Китайской Народной Республике, написанный с большой теплотой и искренней убежденностью его автора в счастливом будущем великого китайского народа.

С. Шлапоберская.

ПУТЕШЕСТВИЕ В СТРАНУ ОСУЩЕСТВЛЯЕМОЙ МЕЧТЫ

□

S. Ustüngel. Yeni Çin. "Yeni Işik". Sofya, 1957.

□

«Знаешь ли ты о стране, что лежит за горою Каф? Долог, очень долог путь до нее... Драконы там изрыгают огонь, великаны ездят на львах с золотыми гривами. Ни мрамор, ни дерево там не похожи на наши. Мужчины носят длинные волосы, а ноги у женщин, что лапки у кошки. Каждый палец на руке у тамошнего жителя знает тысячу ремесел. На рисовом зерне они могут написать целую книгу. Из цветной бумаги умеют они делать петухов, из шелка — розы, тюльпаны, бабочек, из желтого бархата — канареек. В дни праздников петарды превращают небо в сад цветов. Дома у них маленькие, крохотные, а дворцы с рогатыми кровлями. Добраться до этой страны очень трудно. Надо надеть железные постолы, сесть на чалого коня, которого седлал Кёроглу. Да и то вряд ли доедешь. А если перевалишь через гору Каф, то возникает перед тобой высокая-высокая, длинная-предлинная стена. Как ее одолеешь?»

Этой легендой о сказочной стране Чин, что лежит за горой Каф, начинает турецкий публицист С. Устюнгель свой рассказ о новом Китае.

В одном из стихотворений Назым Хикмет писал, что о стены Китая, как тыквы, разбиваются головы врагов, но для друзей ворота его распахнуты настежь. С. Устюнгель ехал в Китай, как друг. И первое слово, которое он услышал, было — «пожалуйте!»

Путевые заметки о новом Китае, которые с февраля этого года публиковала выходящая на турецком языке в Софии газета «Ени ышык» («Новый свет»), состоят из нескольких де-

сятков небольших — в одну-две странички — главок. Вы увидите в них картины природы, почувствуете запахи китайской земли, прочтете биографии героев национально - освободительной войны, познакомитесь с профессорами, крестьянами, рабочими, с помещиками, которые вступают в кооперативы. Вы найдете здесь лирические отступления, навеянные этими встречами, экономические выкладки и экскурсы в историю рабочего движения Турции, участником которого является сам автор.

Форма очерков — короткие зарисовки, законченные сюжетно и как будто несвязанные между собой рассказы — определяется не только жанром путевых заметок. Это характерная особенность писательской манеры С. Устюнгеля, которая проявилась уже в его первой книге «В тюрьме и на воле», известной советскому читателю и переведенной на многие языки мира.

С. Устюнгель начинает свой рассказ о Китае с описания вещей, но потом перед нами встают люди, создавшие эти вещи, политые их «священным трудовым потом». По следу вещей он ведет нас к особенностям духовного склада народа. Картина Ци Байши, на которой тушью изображены два букета цветов, помогает понять и гордое миролюбие китайского народа, и его восприятие природы, и его обычаи. Вращающийся фонарь показывает одну за другой сцены из классической оперы «Белая змейка», вводя нас в область китайского искусства, в трагические коллизии древних преданий. Миниатюрные садовые инструменты рассказывают о многовековом мастерстве, трудолюбии и судьбах крестьянства. Так вещи становятся раскрытой книгой материализованных человеческих сил, страстей и борьбы.

Кажется, как можно всего за две-три недели увидеть и осмыслить величие происшедших после революции перемен в такой стране, как Китай? Оказывается, можно, если уметь видеть великое и в малом.

С. Устюнгель просто, с открытой душой подходил к незнакомым людям, уверенный, что они поймут его интерес к ним, его стремление во всем дойти до корня. И действительно, ему, ветерану турецкого революционного движения, люди нового Китая раскрывали свои сердца делились с ним самыми сокровенными мыслями. Бесхитростные беседы с простыми людьми, записанные С. Устюнгелем, больше чем любые высокие слова убеждают в интернационализме китайской молодежи, в революционной энергии народа, его уверенности в будущем.

С. Устюнгель радуется успехам китайского народа, ибо видит в них осуществление мечты лучших людей своей родины. А мысль о Турции не покидает его ни на минуту. Видит ли он новые дома для рабочих Пекина, он вспоминает о «фанерном и жестяном» поселке рабочих Стамбула. Рассказывает ли он о строительстве новых железных дорог, перед ним встают бесконечные пыльные дороги Анатолии, по которым скрипят крестьянские арбы.

С. Устюнгель рассказывает о китайском шофере, который то и дело принимался заново стирать пыль со своей машины. На автомобиле стояла советская марка. Для китайского шофера то было символом советско-китайской дружбы. На лакированном корпусе машины как бы лежали отблески света, зажженного Октябрьской революцией, того самого света, что через тридцать два года вспыхнул с ослепительной силой в китайском Октябре. Частицу этого света увез с собой из Китая турецкий писатель. В наше время гора Каф не так уж высока!

Р. Фиш.

РАССКАЗЫ О БЕЗВЕСТНЫХ ГЕРОЯХ

□

Willi Bredel. Das Gastmahl im Dattelgarten. Aufbau-Verlag, Berlin, 1956

□

Весной 1955 года Вилли Бредель совершил поездку по Китаю. Лимонно-желтый омнибус вез немецкого писателя и его друга по бескрайним просторам, то мчась по ровному плато, то взбираясь на крутые склоны, то петляя на спусках в глубокие долины. Они приехали в овеянную славой Яньань, колыбель китайской революции. Здесь в огромном саду, совсем близко от горной пещеры, которая некогда служила убежищем Мао Цзэ-дуну, их встретил старый профессор Коу Питань. Под сенью финиковых пальм в честь гостей, прибывших из далекой Германской Демократической Республики, был дан обед. Профессор показал гостям не только исторические достопримечательности, он показал им людей Китая, попросив присутствующих рассказать о своей жизни.

Этим вступлением начинается книга документальных рассказов Вилли Бределя, скрепленных между собой, словно цепочкой, беседами и спорами сидящих за столом. Эти рассказы составили сборник «Пир в финиковой роще»* — еще одну книгу, вышедшую в ГДР о великом Китае и свидетельствующую о крепнущей дружбе между китайским и немецким народами.

В рассказах обыкновенных, рядовых людей встает недавнее прошлое Китая, этапы его славной борьбы. Народное антиимпериалистическое восстание 1901 года, «движение 4 мая», борьба рабочих и крестьян против предательства гоминдана, Великий поход Красной Армии, сопротивление японской оккупации, героическая борьба китайских коммунистов, тяжелые

* Отрывок из книги см. на стр. 260 этого номера.

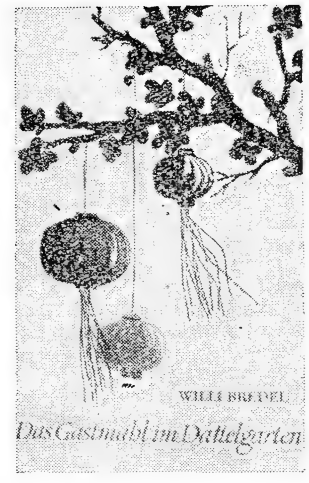
бои, наступление и окончательная победа над внешним врагом и кликой Чан Кай-ши. На этом обширном историческом фоне действуют герои рассказов Бределя — китайские рабочие, крестьяне, студенты, ремесленники, ученые, девушки и женщины, вышедшие из многовекового затворничества, дети.

«Тяжелой и полной жертв была жизнь последнего пятидесятилетия», — говорит герой рассказа «Старый школьный учитель», возвращаясь мыслями к трагическим дням боксерского восстания, когда оккупанты, истребившие тысячи мирных жителей, убили его семью. С горечью и болью вспоминает рассказчик, как беззащитна была его страна в начале столетия. Рассказ старика о далеких днях его юности заставляет присутствующих вспомнить о деятельности великого Сунь Ят-сена. В рассказе «Курьер революции» один из гостей рассказывает, как в юности ему довелось встретиться с Сунь Ят-сеном, об обаянии этого учителя многих революционных поколений, о его скромности и героизме

Особенно запоминается лаконичный рассказ одного из участников Великого похода. Это короткое повествование о том, как участники похода, пройдя через горы, вышли к глубокому ущелью. Мост над ущельем был взорван неприятелем, и вражеский пулемет беспрерывно обстреливал отряд, который должен был форсировать ущелье. И тогда участники Великого похода совершили невозможное: по цепям, к которым был раньше подвешен мост, под непрекращающимся огнем, неся бесчисленные потери, они перебрались через ущелье и, подавив врага, обеспечили дальнейшее продвижение Красной Армии.

В этих рассказах, доступных самому широкому кругу читателей, встает героический Народный Китай. Порой проза перемежается строфами из китайской классической поэзии, песнями рабочих и крестьян, стихами современных китайских поэтов Большое своеобразие придают книжке иллюстрации, сделанные с прекрасных гравюр на дереве китайских художников.

Книги Вилли Бределя



давно и хорошо известны в нашей стране. Советский читатель знает его трилогию о немецком рабочем классе «Родные и знакомые», антифашистские романы «Твой неизвестный брат», «Испытание». Менее известны рассказы Вилли Бределя, хотя он много и плодотворно работает как новеллист и эссеист. Книга «Пир в финиковой роще» раскрывает эту сторону его дарования.

Е. Елагина.

КУКОЛЬНИК ЛЮ

□

Paul Tillard. Le montreur de marionnettes. René Julliard, Paris, 1956.

□

...В то утро кукольник Лю — последний оставшийся в Пекине уличный кукольник — проснулся раньше обычного. Его разбудил почти забытый им запах — запах вареного риса и кукурузных лепешек. Этот божественный аромат, наполнивший голодную хижину, напомнил ему о том, что его дочь Ся-го выходит замуж и завтра навсегда покинет его дом, чтобы войти в обеспеченную семью, где каждый день едят почти досыта.

Утро, действительно, выдалось необычное. По дороге на базар, где он ежедневно давал представления, Лю заметил оживление, царящее в городе. Все говорили о том, что японцы отступают. И Лю сразу же пришли на ум слова жонглера Ми Си-тэ, утверждающего, что война скоро кончится. Как будто война, которая тянулась бесконечно долго, могла вообще когда-нибудь кончиться! Не зря, видно, люди болтают, что жонглер связан с «бандитами новой породы» — так кое-кто называл тогда коммунистов. Лю тревожило, что и его сын верит этим нелепым россказням.

Так с первых же страниц своего нового романа «Кукольник» французский писатель и журналист Поль Тийяр, известный советскому читателю по роману-памфлету «Господин Поль» и по документальной повести об Анри Мартене «Моряк свободы», вводит

читателя в самую гущу жизни Пекина в последние дни японской оккупации.

«Кукольник» Тийяра отмечен некоторым схематизмом и поверхностностью, почти неизбежной, когда писатель имеет дело с материалом, взятым из чужой

жизни. Благородные и горячие юноши, робкие и нежные девушки, ремесленники, мелкие торговцы, хозяева ресторанчиков, циркачи, проститутки, старики и старухи, населяющие роман,— только фон, необходимый для раскрытия эволюции характера героя — кукольника Лю, и образы эти психологически мало разработаны. Они, как куклы старого Лю, скорей традиционные маски, чем типические характеры. Но в основе этой традиционности тоже лежит типизация, которая сродни типизации в сказке. Из всех этих народных типов создается как бы коллективный, собирательный образ китайского народа, получающий свое индивидуальное воплощение в старом кукольнике.

Описание базарной толпы, уличные разговоры, мысли Лю о прошлом — вся замедленная экспозиция романа подготавливает читателя к последующим трагическим событиям, придавая им по контрасту еще большую стремительность и неумолимость.

На базаре Лю узнает, что его друг, жонглер Ми Си-тэ, арестован и расстрелян. Но это лишь начало тех страшных бед, которые обрушиваются на кукольника. Кончает с собой его дочь, изнасилованная отступающими японскими солдатами, младшего сына казнят гоминдановцы за то, что он примкнул к коммунистам. (Старший сын еще мальчиком ушел в Народно-освободительную армию, и Лю считает его погибшим)

Старик познает всю глубину человеческого горя. Как дерево, вырванное с корнем, он медленно умирает. Покорившись своей судьбе, он бы, наверно погиб, не будь в Китае того удивительного товарищества, пафос которого Тийяр сумел хорошо передать в своей книге. Старый кукольник не оказался одиноким: его родные погибли, но он стал членом новой семьи, спаянной узами общих страданий, общей нужды, общих надежд и кровью тех, кто отдал свою жизнь за их осуществление.

И все же старый Лю, преисполненный великой тоски по погибшим детям, все больше замыкается в себе. Только слепой соседский мальчик, которого он учит играть на скрипке, еще связывает его с жизнью. В Пекин приходит Народно - освободительная армия, но разительные перемены, происходящие вокруг, проходят мимо его сознания. Лю остается равнодушным даже к тому, что беднякам раздают рис. Только открытый народный суд над доносчиками, выдавшими японским оккупантам Ми Си-тэ, сына Лю и сотни других пекинских революционеров, заставляет старого кукольника выйти из оцепенения. Лю первым выступает на суде. В этой патетической сцене устами героя романа говорит весь многострадальный китайский народ, проснувшийся к новой жизни.

Книга завершается возвращением старшего сына, ставшего генералом Народно-освободительной армии.

«Как долго тебя не было,— сказал ему Лю

— Путь был длинным, отец».

«Несбыточное» осуществилось. Народные чаяния воплотились в жизнь нового Китая.

Сила романа Тийяра в том, что он раскрывает китайскую действительность не описательно, а через эмоциональное восприятие Лю. Жаль только, что страницы книги, повествующие о разгроме гоминдановцев и приходе в Пекин Народно-освободительной армии, как-то разрывают поэтическую ткань романа; написанные подчас сухим языком газетных информаций, они представляются скорее большими публицистическими вставками, чем правомерными авторскими отступлениями.

Полный горячей любви к китайскому народу и глубокого восхищения его благородством, стойкостью и мудростью, роман Тийяра поможет европейскому читателю лучше понять и правильно оценить те грандиозные перемены которые произошли в Китае.

Л. Лунгина.

ЧИЛИЕЦ В СТРАНЕ СВОЕГО БУДУЩЕГО

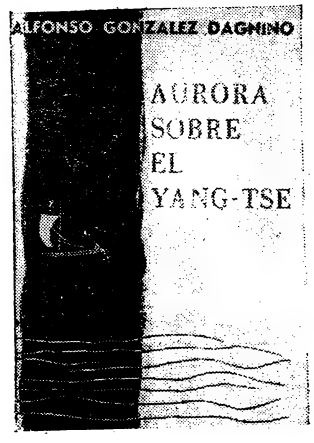
□

Alfonso Gonzalez Dagnino. Aurora sobre el Yang-Tse. Santiago de Chile. 1956.

□

Путешествия латиноамериканцев в Китай приобрели в наше время характер настоящего паломничества. Преодолевая многочисленные препятствия воздвигаемые на их пути властями и прессой «свободного мира», жители Южной Америки стремятся своими глазами увидеть строительство новой жизни на древней китайской земле. Их влечет исторический опыт освободительной борьбы китайского народа, имеющий огромное значение для их собственных, отсталых и зависимых, стран.

В результате этих поездок за последние годы в странах Латинской Америки появился целый ряд произведений о современном Китае — различных по жанру, подходу, содержанию, но объединенных чув-



ством искреннего восхищения перед подвигом китайского народа.

Книга Альфонсо Гонсалеса Даньино «Рассвет над Янцзы», изданная в 1956 году, непохожа ни на стилистически отточенный очерк колумбийца Хорхе Саламеа, ни на блестящий репортаж мексиканского писателя Фернандо Бенитеса, ни на красочные и патегические стихи Пабло Неруды о Китае. Автор книги—не профессиональный литератор, он — молодой чилийский врач, который в 1954 году провел в Китае несколько недель и взялся за перо, чтобы помочь своим соотечественникам узнать и полюбить эту великую страну. Стремление автора определило непринужденное построение книги, где дневниковая запись сменяется историческим экскурсом, а беглые заметки соседствуют с глубокими раздумьями. Бесхитростная, местами композиционно неслаженная книга «Рассвет над Янцзы» отмечена той достоверностью авторского чувства, которая делает это правдивое свидетельство о жизни нового Китая волнующим человеческим документом.

Одних гостей из Латинской Америки больше всего интересовала в Китае земельная проблема, других — индустриализация страны, третьих — загадки и судьбы удивительного китайского искусства. Гонсалеса Даньино интересует и первое, и второе, и третье, но главное — он ищет нового человека, рожденного революцией. В «Рассвете над Янцзы» немало ярких фактов, запоминающихся описаний, живых зарисовок, но больше всего в этой книге простых людей, тех, с кем встречался автор во время своих поездок по стране. Некоторым из них посвящены целые главы (например, история старого крестьянина Ло, который получил землю, или биография передовой текстильщицы Ли Цзе-фэн, сражавшейся в рядах Народной армии), другие очерчены несколькими штрихами.

Представитель угнетенного народа Даньино с особенно пристальным вниманием всматривается в черты высокой человечности, нового отношения к людям, к труду, в ростки коммунистической нравственности и пролетарского интернационализма. Он подмечает эти черты повсюду: в суде, где слушается дело о разводе; в рассказанной ему одним интеллигентом истории о том, как под влиянием коллектива он стал регулярно заниматься физкультурой; в случайно увиденной уличной сценке — несколько человек бросилось помогать рикше, который с трудом втаскивал на гору свою тележку; в том несколько наивном рвении, с каким молодые матери-крестьянки выполняют предписания врача. Из множества эпизодов, наблюдений, картин автор делает вывод: китайская революция произвела переворот не только в материальном положении народа, но и в сознании людей.

Во время путешествия автор не раз мысленно обращался к своей далекой родине. Глядя на счастливые лица китайских крестьян, которые получили наделы, он вспоминал безземельных чилийских арендаторов; знакомясь с быстрым развитием индустрии Китая, он не мог не думать об отечественной промышленности, задыхающейся в тисках американской «помощи». Чем глубже проникал он в смысл великой борьбы китайского народа, чем яснее постигал все значение его всемирно-исторических преобразований, тем более крепла в нем уверенность в конечной победе родного народа. И эту уверенность писатель выразил в словах предисловия: «В течение шести месяцев я находился вдали от Чили и, несмотря на это, насколько же я приблизился к моей стране! Насколько я приблизился к ее будущему!»

Л. Осповат.

БОЛГАРСКИЕ ПОЭТЫ О КИТАЕ

□

Младен Исаев. Под слънцето на Китай. Народна култура, София, 1956.

Иван Милчев. Небето в капчица роса. Стихове за Китай. Български писател, София, 1957.

□

В последнее время в Болгарии все чаще появляются произведения, авторы которых, посетив Китай, рассказывают о своих встречах и впечатлениях. Недавно вышли в свет два сборника стихов — «Под солнцем Китая» Младена Исаева и «Небо в капельке росы» Ивана Милчева.

Стихи Младена Исаева — это лирический дневник, взволнованный и эмоциональный рассказ поэта о людях и делах нового Китая. Поэт восхищается красотой китайской земли, «прекрасной как песня» архитектурой древнего Пекина, цветущими рощами миндаля, безбрежными рисовыми полями и сказочной прелестью Ханчжоу, этого «рая на земле», как называет его старая китайская поговорка. Но больше, чем красота природы и древней архитектуры, поэта волнует красота новой жизни Китая, красота людей, строящих эту жизнь. Он преклоняется перед мужеством старой революционерки, шанхайской ткачихи Сяотай, отдавшей борьбе за свободу единственного сына, и перед самоотверженным трудом скромного рабочего; он любуется пионеркой, танцующей под вольным небом Китая, перед которой открыты все пути в будущее. Эта юная танцовщица становится для поэта олицетворением молодости тысячелетнего Китая.

Новый Китай, солнечный,

цветущий, одетый буйной зеленью, сияющий и юный, встает перед нами в стихах Исаева. Поэт стремится передать победное шествие новой жизни, величие совершающихся перемен. Отсюда — торжественно - патетическая интонация его стиха, романтическая приподнятость, обилие красочных образов.

«Рисунки акварелью» — так назвал Милчев первую часть своего сборника. Это четкие и немногословные пейзажные зарисовки, передающие своеобразие и прелесть китайской природы: бледно-лиловый лотос среди озера, воркующие голуби в тонких стеблях бамбука, гигантский кедр, величавый и могучий, не сломленный ветрами и бурями,— символ непобедимого Китая.

Сборник стихов Милчева назван «Небо в капельке росы». Как капля росы отражает частицу бесконечного, необозримого неба, так и поэт в своих лирических миниатюрах стремится уловить приметы новой жизни, передать частицу происшедших исторических перемен. Каждое стихотворение — это отдельный штрих, бытовая или пейзажная зарисовка, рассказ об одной человеческой судьбе; но постепенно эти штрихи, эти «капли» сливаются в обобщенный образ нового Китая. Вот одна из таких картинок. рядом стоят позеленевшая от времени пагода и новый, сверкающий белизной завод Мимо идут старик и мальчик. Старик не может оторвать взора от пагоды, мальчик не сводит глаз с завода — это два мира, два Китая: Китай, уходящий в прошлое, и новый, рождающийся.

Ширятся и крепнут культурные и дружеские связи великого Китая и Народной Республики Болгарии. На китайский язык переведены стихи Ботева, Вазова, Вапцарова. В Болгарии выходят книги китайских писателей: повести и рассказы Лу Синя, двухтомный исторический роман Ши Найаня «Речные заводи» и другие произведения китайской литературы. Сборники стихов М. Исаева и И. Милчева способствуют укреплению этих дружеских связей. Болгарские поэты увидели Китай глазами друзей, они узнали и полюбили скромный, трудолюбивый и талантливый китайский народ и помогают узнать и полюбить его своим читателям.

Т. Елисеева

„Я БЫЛ В НОВОМ КИТАЕ“

□

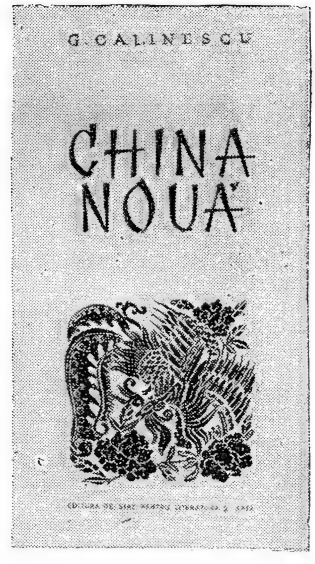
G. Călinescu. Am fost în China nouă. Editura de Stat pentru literatură şi artă. Bucureşti.

□

Первым румыном, посетившим Китай, был боярин Николай Милеску. Посланный русским царем Алексеем Михайловичем с дипломатической миссией (1675 г.), Милеску по возвращении создал труд «Описание первой части вселенной, именуемой Азией, в ней же состоит Китайское государство». Книга содержала ценные сведения по географии и экономике Китая и значительно обогащала скудные по тому времени знания европейцев о культуре, обычаях и характере китайцев.

С благодарностью вспоминают своего замечательного соотечественника ученые, общественные деятели и художники современной Румынии, посещающие в наши дни далекую восточную республику. Давние традиции дружбы и мирного сотрудничества возобновляются ныне на новых, социалистических основах.

За последние пять-шесть лет в литературе народно-демократической Румынии появился ряд интересных книг о новом Китае. Назовем хотя бы книгу очерков и впечатлений «В стране 600 миллионов» доктора Петру Гроза, очерковые повести: «Царство солнца» Э. Камилара и «Соседи» В. Галана. Недавно вышла книга Дж. Кэлинеску «Я побывал в новом Китае», привлекающая обширным фактическим материалом и богатством оригинальных выводов.



Академик Дж. Кэлинеску известен в Румынии и за ее пределами как романист и литературовед. Человек большой и многогранной культуры, он воспринял

свою поездку в Китайскую республику как ответственную культурную миссию. Готовясь в путь, он изучал не путеводители а работы известных синологов. Свои наблюдения и записи он вел не от случая к случаю, а по четкому плану. Он считал, что «новый Китай — это вечный Китай на определенной, революционной ступени своей истории, и новые дела его обретают свое истинное значение лишь на фоне прошедших веков».

Этим определяется и подход писателя к увиденному в Китае, и композиционное построение книги. Кэлинеску не ограничивается описанием тех разнообразных явлений, которые составляют неповторимое лицо китайской цивилизации. Он стремится проникнуть в сущность этих явлений, объяснить их.

Книга состоит из шестнадцати очерков; каждый из них представляет изложение основных выводов автора по одному из интересующих его вопросов. Начав с описания китайской природы (очерк так и называется «Китайский пейзаж»), Дж. Кэлинеску ведет читателя к древней архитектуре, к градостроению, от него к китайскому театру, к живописи и скульптуре. Духовное богатство народа раскрывается писателем в непрерывной борьбе с тенденциями феодального классового общества, а затем и наносной империалистической «цивилизации». Поэтому таким естественным кажется переход к революционной истории современного Китая (очерк «Путь к новому Китаю») и, наконец, картина празднования дня Республики, венчающая книгу Кэлинеску.

Интересные мысли высказывает писатель о китайской архитектуре считая, что единством стиля и филигранностью работы она близка фольклору. Произведения скульптуры и живописи вызывают у Дж. Кэлинеску чувство неподдельного восхищения. Немало внимания удсляет он и современным художникам, развивающим в своих реалистических произведениях лучшие традиции китайского искусства. Разнообразны сведения о классическом театре, который, как и китайская письменность, является, по словам Дж. Кэлинеску, идеограммой, «пластической метафорой».

На фоне древней цивилизации трудятся люди нового Китая. Просто но убедительно рисует автор их преобразующую деятельность, направляемую Коммунистической партией. И где бы ни побывал писатель — в крестьянских хижинах и высоких правительственных учреждениях, в детских яслях и университетах, на великих ирригационных работах и в музее Лу Синя,— он всюду приходил к одному и тому же выводу: только народная власть создала условия для гармоничного расцвета китайской культуры, только теперь раскрылись во всем своем богатстве лучшие качества китайского труженика, его добросердечие и деликатность, гостеприимство и внутренняя дисциплинированность, любовь к труду и жизнерадостность.

Последний очерк озаглавлен «Родная деревня Председателя Мао». Дж. Кэлинеску посетил дом, где родился и жил Мао Цзэ-дун. В многочисленных легендах о Председателе Мао, которые слышал писатель от китайских крестьян, он видит лучшее доказательство той огромной любви, которой окружает китайский народ своего замечательного сына. Книга завершается словами, посвященными товарищу Мао. В образе вождя китайских коммунистов Дж. Кэлинеску видит символ просветленной мудрости великого китайского народа и его революционной одухотворенности.

М. Фридман.

СРЕДИ ДРУЗЕЙ

□

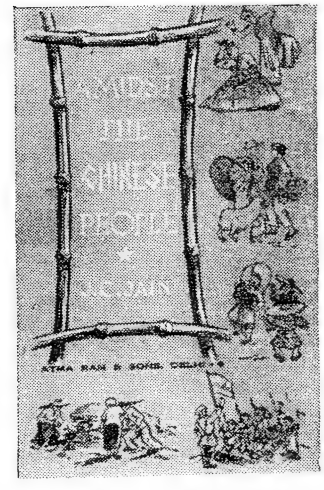
Jagdish Chandra Jain. Amidst the Chinese People, Atma Ram & Sons, Delhi, 1955.

□

Эта маленькая книжка в ярком переплете называется «Среди китайцев», но ее автор — ученый - санскритолог, доктор философии Джагдиш Чандра Джайн, несколько лет преподававший индийские языки в Китае,— мог бы с большим основанием назвать книгу «Среди друзей», потому что только о близких и дорогих людях можно писать с такой теплотой и искренностью, с какой пишет индиец о своих китайских знакомых.

Книга эта представляет собой обработку дневников Джайна, и по ней можно видеть, как постепенно менялись взгляды и даже политические убеждения автора по мере того, как он вживался в быт незнакомой ему страны.

Первые страницы книги говорят о некоторой настороженности и недоверчивости автора. Он едет поездом в Пекин и удивленно рассматривает на маленьких станциях продавцов, лица которых закрыты марлевыми повязками. Несколько глав спустя Джайн уже



с восторгом говорит о тех мероприятиях, благодаря которым теперь почти полностью ликвидированы эпидемические заболевания в Китае

Читая книгу, поражаешься широте интересов ее автора. Он с увлечением говорит о китайской опере и о земельной реформе, о живописи и о положении учителей, о храмах и о тюрьмах, где содержатся бывшие гоминдановцы.

Джайн преподавал индийские языки в Пекинском университете, поэтому естественно, что особенно много он говорит о китайских студентах, с которыми успел близко познакомиться за несколько лет работы в университете.

Джайн с восторгом и удивлением пишет о дисциплинированности студентов об их усердии и прилежании, о порядке и чистоте в студенческих общежитиях. Подробно описывает Джайн и студенческие праздники во время которых (он несколько раз возвращается к этому) преподаватели и ректор университета так же веселятся, как и студенты. «Вообще,— пишет он,— здесь нет строгого деления на тех, кто учит, и тех, кого учат». Преподаватели обращаются со студентами как с равными и проводят в их общежитиях большую часть своего свободного времени. Джайн рассказывает о том, что китайские студенты провозгласили своим лозунгом «восемь, один и пятьдесят». Это означает: в день восемь часов сна, час игры и физических упражнений; в неделю — пятьдесят часов учебы.

Джайн много ездил по Китаю, ему привелось побывать не только в больших городах, но и в далеких деревеньках. Он беседовал с крестьянами заходил к ним в дома, знакомился с их жизнью.

Простая песенка, которую где то в деревне услышал Джайн, может больше сказать о сущности земельной реформы в Китае, чем толстые тома цифровых выкладок:

Восемьдесят лет я жил
на свете,
Восемьдесят лет я плакал.
Теперь у меня есть поле.
Слаще, чем мед, мое поле,
Но мед сладок только
минуту,
А мое поле всегда.

Побывав в судах народного Китая, автор с энтузиазмом пишет о «справедливости, которая легла в основу нового кодекса законов». Джайну нравится, что процедура суда в Китае обставлена просто — ни чопорных судей, ни адвокатов в черных мантиях, никакой показной пышности. За простым столом сидят обыкновенные люди в синих куртках. Горькая пословица о суде, сложенная китайским народом,— «Двери его широко открыты, но ни один неимущий не рискнет войти» — теперь вышла из употребления.

О том, как встретила Индия эту правдивую книгу о своем великом соседе, можно судить по словам известного индийского писателя Мулк Радж Ананда, написавшего к ней предисловие: «Вы тоже способствовали дальнейшему сближению Индии и Китая,— говорит он, обращаясь к Джайну,— сближению, наступившему после того, как история так долго держала нас вдалеке друг от друга... Вы отправились в Китай учить студентов, но многому сами научились там...»

М. Салганик

Лю Бай-юй

Холодное течение правых элементов в литературе*

Весна этого года поистине необычна китайский народ могучей поступью движется вперед к завершению первой пятилетки. Цветут тысячи цветов: родился новый город нефти Карамай, из мечты превратился в действительность мост через Янцзы, на бурных реках радугой зажглись огни и люди, покорившие реку Хуайхэ, пришли строить гидростанцию в ущелье Саньмынся на Хуанхэ. Идет время, день сменяет ночь, и когда срываешь страницы своего настольного календаря, то ясно понимаешь, что на каждой сорванной странице горело пламя великой стройки нашей эпохи, каждая страница полна свершений и надежд. В прошлом году крестьяне, одержав победу над небывалыми стихийными бедствиями, собрали богатый урожай, в этом году Аньшаньский комбинат перекрыл все рекорды выплавки стали. Всё говорит о том, что в нашей жизни совершается необычайный подъем.

Но буржуазные правые элементы, люди, вынашивающие злобные замыслы, изображают нашу жизнь мрачной и безысходной, леденящей и удушливой. Открой газеты и журналы недавнего прошлого, прочти такие статьи, как «Ранняя весна интеллигенции», «Весна в Ухани», «Весенний ветер не пройдет через Куньлунь», «Берега Жемчужной реки не зазеленели под весенним ветром» «Как быть, когда холод губит посевы и буря гремит вокруг?»,— и ты увидишь, что во всех этих статьях делается один и тот же вывод: с января этого года «холодный поток догматизма и сектантства захлестнул всю страну». Итак, разграничительная линия ясна с нашей точки зрения жизнь бьет ключом, с их точки зрения — жизнь пронизана холодом. Этот вопрос — оценка современной действительности — является принципиальным вопросом.

Если рассматривать это явление с классовой точки зрения, то надо сказать, что мы имеем дело с остатками потонувших классов, которые с позиций прошлого века смотрят на локомотив истории, с огромной скоростью ведомый трудовым народом. Они всегда холодны, трусливы, мстительны и полны злобы, все время жалуются, кричат и взывают. Посмотри, разве не особенно яростна волна правых выступлений на этот раз? Вдруг на небе заклубились черные тучи и засверкали молнии:

---

* Опубликованная 4 августа с. г. в № 13 журнала «Вэньибао» статья известного китайского писателя Лю Бай-юя «Холодное течение правых элементов в литературе» написана в те дни, когда весь китайский народ сплотился для решительного отпора правым элементам, выступающим против руководства Коммунистической партии Китая в области литературы и искусства. Советскому читателю уже известно об антипартийной деятельности группы Дин Лин — Чэнь Ци-ся, полностью разоблаченных на проходившем недавно в Пекине заседании партийной группы правления Союза китайских писателей.

наши правые не захотели отстать от венгерского клуба Петефи. Немало «изысканных» господ и дам, прикрывающихся лживыми декларациями о поддержке партии, поддержке социализма, обнажили свои волчьи клыки. Так было и в политике, так было и в литературе. Литература всегда наиболее полно отражает эпоху, и неудивительно, что взгляды правых отчетливее всего проявились именно в литературе.

Сейчас мы ведем решительный бой с правыми на литературном фронте. Мы отвергаем тех, кто стоит за ликвидацию партийного руководства литературой, кто ненавидит партию, ненавидит идеи социализма, кто клевещет на социалистический строй, при котором, якобы, нет свободы слова и свободы творчества, кто рисует наше общество одной сплошной черной краской, кто утверждает, что в нашей литературе господствуют принуждение и фальшь. Наш народ, полный справедливого гнева, пламенем истины и справедливости выжигает эти отвратительные ядовитые травы. Мне кажется необходимым проследить, как ложные литературные идеи воплощаются в творческую практику. Враждебные классы не намерены отказываться от нападения на наши позиции в области воспитания человеческих душ. Крепость легче всего взять изнутри, враг хорошо знает, на каких струнах нужно играть, чтобы вызвать недовольство. В решительной схватке между буржуазией и пролетариатом враждебный класс обязательно будет вербовать себе сторонников среди писателей. Мы стремимся воспитывать читателей в социалистическом духе, а они пытаются уничтожить все прогрессивное в душах людей, одурманить их, отравить их сознание буржуазными взглядами, буржуазной психологией. Здесь следует обратить особое внимание на то обстоятельство, что, когда мы решительно критикуем догматизм, правая идеология в литературе, ранее скрытая, подымает голову, прикрываясь флагом борьбы с догматизмом. Правые элементы силятся доказать, что именно они — последовательные, «правильные» марксисты, но суть их взглядов заключается в отрицании успехов партийной пролетарской литературы, в отрицании сложившихся форм организации литераторов, которые они считают олицетворением средневековой схоластики, мракобесия и тупого догматизма. Они хотели бы увести литературу с пути служения рабочим, крестьянам, солдатам, они против идейности и политической направленности литературы, они без устали толкуют о правде искусства и упрекают все произведения в формализме и отрыве от жизни; везде, где воспевается действительность, им мерещится приукрашивание действительности. Они говорят: «Может быть, писатели и не хотели бы приукрашивать жизнь, но они не могут писать о ней правдиво, может быть, они и не хотели бы закрывать глаза на трудности и страдания людей, но они вынуждены хранить об этом молчание». Они говорят: «Самое мучительное для писателя заключается в невозможности ясно и откровенно писать о том, что он думает, в невозможности добиться гармонии между тем, что он хотел бы написать, и тем, что от него требуют». Правые утверждают, что наши произведения «искажают действительность, что в них есть только восхищение внешней стороной и безудержное восхваление, что они намеренно скрывают страдания людей, трудности борьбы и роста». Они говорят: «Сколько слез пролито людьми, замученными трудностями и невзгодами!» Из всего этого мы, не рискуя ошибиться, можем сделать вывод: социальные воззрения этих людей сводятся к утверждению, что социалистическое общество полно мрака и ужасов, а их эстетические взгляды сводятся к тому, что правдивыми, впечатляющими, реалистическими они признают только те произведения, в которых описаны ужасы жизни. В девятом номере журнала «Жэньминь вэньсюэ» за прошлый год Хуан Цюнь призывал писателей: «Недопустимо закрывать глаза на страдания народа». По словам одного работника газеты «Чжунго цинняньбао», хорошо знакомого с жизнью молодых литераторов, эти противоречащие реализму, но прикрывающиеся именем реализма литературные теории нашли себе на протяжении последнего года благодатную почву среди литературной молодежи, вышедшей из мелкобуржуазных кругов. По его мнению, в этом нет ничего удивительного, так как подобные призывы — не что иное, как пережитки старой идеологии. Многие из этих людей решительно противятся той перестройке, которая происходит в революционной борьбе. Этим людям не пришлось проливать кровь для создания нового общества, они не связаны с ним кровными узами, они не любят его по-настоящему, относятся к нему с позиций бур-

жуазно-индивидуалистического нигилизма, считают порочным все, что им не нравится, и смотрят вокруг с неприкрытой злобой. Они не сроднились с народом в практической борьбе, не думают так, как думает народ, не делят его радости и горести. Литература для них не орудие революционной борьбы, а всего лишь средство для достижения личных целей. А взгляды их так называемых теоретиков целиком и полностью взяты из разгромленных арсеналов буржуазии. С видом страдальцев за народ, спасителей человечества они произносят высокие слова о совести и разуме. Но в действительности на фоне величайшей революционной волны их «трагедия» представляется трагедией ничтожных, слабонервных буржуазных интеллигентов. Их больной пессимизм, их мрачные мысли, прогнившие насквозь, отравляют души так же, как ржавчина ест железо, как опиум одурманивает сознание; их философия особенно легко воспринимается буржуазными интеллигентами-индивидуалистами, не прошедшими до конца или не пожелавшими пройти идеологической перестройки. Сначала абсурдными литературными теориями они пытаются закрыть людям глаза и доходят, в конце концов, до того, что весь наш общественный строй объявляют одним сплошным кошмаром. В течение прошлого года наиболее опасной тенденцией был так называемый призыв «вмешиваться в жизнь», что понималось как необходимость отражать исключительно темные стороны жизни. Мы отнюдь не против того, чтобы литература была орудием разоблачения недостатков и ошибок, чтобы она помогала обществу двигаться вперед. Мы мечтаем о литературе, которая, как пламя, осветит путь, как друг, предупредит об опасности. Но мы никогда не допустим, чтобы под предлогом «вмешательства в жизнь» произведения, утверждающие положительные идеалы, противопоставлялись бы произведениям, критикующим недостатки, чтобы первые отвергались, а вторые объявлялись единственными носителями правды. Право-оппортунистическая сущность подобных воззрений давно разоблачена, давно уже ясно, что эти люди придерживаются не реалистических позиций, а позиций буржуазного декаданса. Им хотелось бы сейчас, когда идет последний бой с буржуазной идеологией, отвоевать для литературы «свободу от социализма». Их высказывания, так же как и их действия,— это стрелы, пущенные в тех, кто строит социализм. Они стали верными помощниками правых элементов в их оголтелых наскоках на партию, на социализм. Их теория и их творческая практика имеют одну особенность: им кажется, что действительность полна беспросветного мрака и холода; таким образом, они искажают картину той новой жизни, которую с невиданным энтузиазмом строит весь народ. В творчестве правых литераторов можно найти много подтверждений этого холодного отношения к современности. Приведем в качестве примера статью Лю Бинь-яня «Холод».

«Бывает так, что в жаркую погоду вам все-таки холодно.

Например, когда июльским днем вы лежите в переполненной больнице, укрывшись ватным одеялом, вам, надо думать, жарко. Между тем, вам холодно. Вы хотите сказать о своем самочувствии врачу, но его бесстрастные глаза и гордо вздернутый нос вызывают у вас озноб — вам холодно!

Говорят, что это испокон веков так: врач жалеет больного гораздо меньше, чем люди, не имеющие отношения к медицине. Врач каждый день имеет дело с больными. Такое отношение называется «профессиональный холод» Услышав впервые это выражение, я много думал над ним и пришел к выводу, что оно правильно. Имеются факты, которые, кажется, подтверждают такой вывод.

Народ бережет каждый кусок металла. Но работники металлургических заводов в Аньшане, в Дальнем нередко выбрасывают отходы. Объяснение дано выше: они каждый день имеют дело с металлом и не заботятся о нем.

Деревья, их зелень так прекрасны! Сколько юных рук сажает их, сколько людей мечтает, чтобы они поскорее весело зашумели листвой. Но есть районы, где работники лесной промышленности безжалостно уничтожают деревья, нисколько не печалясь об их судьбе.

Но ограниченные рамки профессий этих людей не дают «профессиональному холоду» проявиться полностью. Недавно я встретил человека с ярко выраженным «профессиональным холодом».

Это было на одном заводе. Напротив меня сидел юноша с душой старика. Завод в прошлом году непроизводительно растратил около тридцати тысяч юаней. Когда зашла об этом речь, он, устало глядя в окно на пятьсот мешков затвердевшего цемента, сказал:

«Да, многовато. Ты редко видишь подобное, поэтому и удивляешься. Здесь — производство, потери неизбежны Да кроме того, это дело администрации. Союз молодежи тут ни при чем». На этом заводе молодые рабочие скучали, никаких культурных мероприятий не проводилось. Но мой собеседник об этом и не думал. Он заявил: «Профсоюз собирается разрешить этот вопрос в третьем квартале Кроме того, нет денег — Союз молодежи тут ни при чем». Наконец, мы заговорили об одной девушке, которая была оклеветана начальником цеха и покончила с собой. Я надеялся, что Союз молодежи вмешался на этот раз, это — его кровное дело. Секретарь комитета подумал и вдруг, сверкнув глазами, радостно сказал:

«На другой день мы исключили ее из Союза».

Посмотрите, каких размеров может достигнуть «профессиональный холод» в работе Союза молодежи! Возможно, потому, что Союз молодежи каждый день имеет дело с людьми и не может не проникнуться «профессиональным холодом» ко всему, что их касается, в том числе и к человеческим жизням?..»

Вот это действительно можно назвать средоточием холода; непревзойденным образцом холодной литературы. Ясно, что автор имеет здесь в виду не отдельный случай, а весь Союз молодежи, широкую общественную картину. Вот, оказывается, до чего бесчеловечны, холодны, бессердечны эти люди социалистического общества! Хотя эта статья не была опубликована, она имеет большое значение, так как в ней проявилось ледяное равнодушие правых к делу социализма. Здесь не может быть и речи о реализме, здесь нет ни грана революционного романтизма, это не просто «беспартийная литература», это литература, проникнутая равнодушием буржуазных элементов к делу социализма. Но мы не можем не спросить: разве наша действительность заслуживает такого изображения!? Разве сердца врачей, пробирающихся через леса, взбирающихся на горы, переплывающих реки, чтобы помочь людям, так холодны? Разве сердца людей, телом своим закрывающих пробоину в плотине так холодны!? Сегодня «Жэньминьжибао» сообщила: «Начальник финансового отдела Н-ской войсковой части Се Линь-чжан и командир взвода Лэй Да-ся пали смертью героев, защищая дамбу от наводнения и спасая пострадавших». Разве их сердца были холодны!? Разве холодно сердце Мэн Тая, который бережет каждый кусок железа, каждую деталь машины!? Мы хотели бы, в свою очередь, спросить этого холодного литератора почему ему так холодно в жаркую погоду, почему ему так темно в светлом мире? Мы считаем, что основной вопрос заключается в политической платформе таких писателей Холодны их сердца, темны их души, они славословят старый строй и не могут восхищаться светом новой эпохи, они привыкли жить в темноте и не выносят солнца, боятся красного пламени побед трудового народа. Они, закрыв глаза, говорят, что все кругом черно.

Когда мы переходим от их абсурдных литературных идей к творческой практике, мы особенно чувствуем правоту слов Мао Цзэ-дуна: «Ревизионизм, или же правый оппортунизм, является буржуазным идеологическим течением, он намного опаснее догматизма». Вернемся еще раз к уже упоминавшейся нами вначале формулировке: «с января этого года холодный поток догматизма и сектантства захлестнул всю страну». Разумеется, мы решительно стоим за искоренение догматизма в литературе, мы не допустим, чтобы люди под прикрытием борьбы с правыми свернули на старую дорогу догматизма, сочли, что «левый» догматизм уже осужден — и довольно. Мы должны идти вперед, решительно осуществляя курс «пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ». Но что касается разговоров правых о холоде и жаре, то эта терминология обращается против них самих. Мы утверждаем, что на протяжении последнего года правые идеи были настоящим холодным потоком, ледяным течением, замораживающим революционную литературу, нанесшим большой вред молодым читателям.

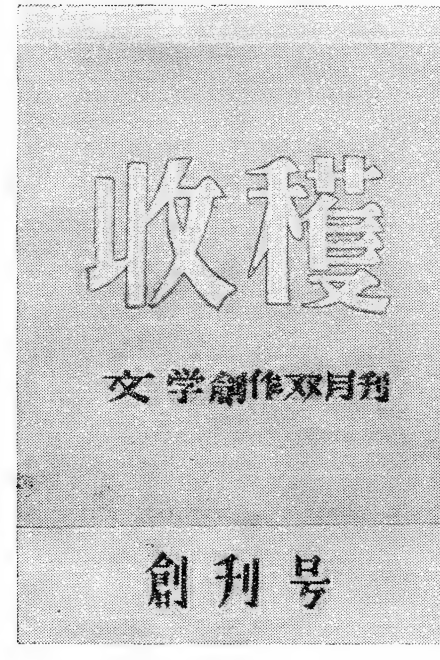
Сколько бы правые, смотрящие на мир через темные очки, ни говорили о «мраке», «холоде», «ледяных потоках», это не может помешать наступившему социалистическому подъему. Наоборот, этот подъем сметет и разгромит холодных людей, так как, в сущности, они — лишь оставшаяся после большой волны грязь. Грязь возомнила себя большой волной, но на самом деле волна давно выбросила ее на отмель. Нет ничего удивительного в той свистопляске, ругани и воплях, которые подняли эти люди. Еще в 1927 году в своей работе «Доклад об обследовании крестьянского движения в провинции Хунань» товарищ Мао Цзэ-дун говорил о двух противоположных взглядах на крестьянское движение: «очень скверно» и «очень хорошо». Он говорил в связи с крестьянским движением: «Стать ли впереди них, чтобы руководить ими? Стать ли позади, чтобы, размахивая руками, критиковать их? Или же встать на их пути, чтобы бороться против них? Каждый китаец волен выбрать один из этих трех путей, но ход событий заставит каждого поспешить с выбором». Разве сейчас, в момент вступления в социализм, не наступила такая же проверка для каждого из нас? В знаменитой статье «Механическим гражданам» СССР» Горький писал: «Жизнь требует героев, а паразиты уже отжили свой век». Конечно, речь идет не об их жизни, а о жизни их паразитической идеологии, остатках частно-собственнической психологии. Если эти люди отбросят упадочнические настроения, идеологически перестроятся, изменят политическую платформу, пойдут к рабочим, крестьянам, солдатам, отдадут все силы делу строительства, то и жизнь их в новых условиях заиграет новыми красками. Однако тем, кто твердо верит в необходимость служения литературы рабочим, крестьянам, солдатам, тем, кто считает социалистический реализм наилучшим методом литературного творчества, следует извлечь необходимый урок из этой атаки правых элементов. Мы должны еще теснее сплотиться с народом, совершающим неодолимое движение вперед, еще решительнее отстаивать принцип партийности литературы, мы должны стать борцами за социализм, борцами за дело социалистической литературы. Мы не позволим правым элементам возобновить свои атаки, мы разгромим их повсюду, где бы они ни пытались поднять голову.

А. Тишков

Новый журнал „Жатва"

Появление нового толстого литературно - художественного журнала всегда становится заметным событием в литературной жизни страны и привлекает к себе пристальное внимание писательской общественности и широких читательских кругов.

Таким событием в литературной жизни Китая, без сомнения, является выход нового журнала «Шоуху» («Жатва»). Этот журнал — орган Союза китайских писателей, имеет объем свыше пятидесяти печатных листов и будет выходить раз в два месяца. Рождение журнала «Жатва»,— как об этом говорится в редакционной статье,— конкретное проявление курса «пусть расцветают сто цветов». Знаменательным является и тот факт, что первый номер журнала «Жатва» вышел в момент напряженной борьбы китайского народа против правых элементов. «Борьба против правых элементов,— как подчеркивала газета «Жэньминьжибао»,*—является борьбой, решающей судьбу страны, борьбой, связанной с вопросом гибели или существования дела социализма, поэтому совершенно ясно, что эта борьба никоим образом не может быть приостановлена на полпути». И еще: «...до тех пор, пока не будет одержана победа на политическом и идеологическом фронтах, пока не будет прочно установлено пролетарское руководство на этих фронтах, нельзя считать, что наша социалистическая революция уже успешно завершилась»**. Поэтому установление надежного пролетарского руководства на политическом и идеологическом фронтах, в том числе и в области литературы и искусства, является непременным условием завоевания окончательной победы социализма над капитализмом. Борьба с правыми элементами, развернувшаяся по всей стране, не могла не затронуть и писательскую общественность.



Разоблачение правых элементов и их антипартийной деятельности в писательской организации, без сомнения, послужит сплочению рядов литераторов и нанесет сокрушительный удар проповедникам буржуазной идеологии.

* «Жэньминьжибао», 16 августа 1957 г. Передовая «Еще и еще углубить борьбу».

** Там же.

В такой сложной и напряженной обстановке кое-кто полагал, что журнал «Жатва» предоставит свои страницы «и для цветов и для ядовитых трав», однако эти люди просчитались. «Мы совершенно свободны,— пишут в статье, посвященной выходу первого номера «Жатвы», его главные редакторы (их двое), известные писатели Ба Цзинь и Цзинь И,— но мы не можем, злоупотребляя свободой, потихоньку взращивать ядовитые травы. Мы будем давать читателю полезную духозную пищу, в противном случае мы оказались бы виноватыми перед народом и партией, даже более того — совершили бы преступление перед народом»*.

Чем же определяется полезность духовной пищи, которую журнал предлагает читателю? На этот вопрос редакция дает исчерпывающий ответ. Все произведения, публикуемые в журнале, должны соответствовать шести критериям, выдвинутым товарищем Мао Цзэ-дуном, а именно: « 1. благоприятное для сплочения всего народа нашей многонациональной страны, а не вызывающее раскол в народе; 2. благоприятное для социалистических преобразований и социалистического строительства, а не вредное для социалистических преобразований и социалистического строительства; 3. благоприятное для укрепления демократической диктатуры народа, а не подрывающее или ослабляющее эту диктатуру; 4. благоприятное для укрепления демократического централизма, а не подрывающее или ослабляющее эту систему; 5. благоприятное для укрепления руководства Коммунистической партии, а не ведущее к отходу от такого руководства или к его ослаблению; 6. благоприятное для международной социалистической солидарности и международной солидарности всех миролюбивых народов, а не наносящее ущерб этим двум видам солидарности».

Эта четкая и принципиальная политическая позиция журнала, декларированная редакцией, отображает настроение и взгляды подавляющего большинства писательской общественности.

Такова вкратце обстановка, в которой рождался новый журнал, таковы его основные задачи, продиктованные борьбой за дальнейшее развитие китайской литературы.

Еще до выхода в свет первого номера «Жатвы» в редакционном портфеле уже находилось около семидесяти повестей и романов, не считая других материалов.

Первый номер журнала открывается работой Лу Синя «Основные этапы в истории китайской повествовательной литературы». Летом 1924 года Лу Синь был приглашен в город Сиань читать лекции по китайской литературе; запись этих лекций, сделанная двумя студентами Северо-западного университета, была просмотрена и исправлена Лу Синем и напечатана в одном из сборников, издававшихся этим университетом. Тем не менее, эта работа Лу Синя была известна ограниченному кругу людей и не вошла ни в одно из собраний сочинений Лу Синя, она была обнаружена лишь два-три года назад.

Первая лекция называется «От мифов к житиям святых», в ней Лу Синь отмечает, что китайские мифы, являющиеся первыми ростками литературы, немногочисленны и среди них нет достаточно развернутых и разработанных мифов; ханьские же литературные памятники, дошедшие до нашего времени, Лу Синь считает фальсифицированными. Интересны лекции, посвященные танской новелле, повестям и романам Сунской, Минской и Цинской эпох. Эта вновь найденная работа Лу Синя представит несомненный интерес для литературоведов, историков китайской литературы и любителей старинной словесности.

Советскому читателю хорошо известно имя одного из популярнейших китайских писателей, автора многих романов, пьес и рассказов — Лао Шэ. В первом номере журнала «Жатва» напечатана его новая пьеса «Чайная». Три акта пьесы охватывают большой для драматургического произведения отрезок времени — более полувека. Драматург опять возвращается к своим любимым героям — простым людям его родного города Пекина, жизнь которых ему известна до мелочей. Показывая завсегдатаев одной пекинской чайной в переломные для китайского общества моменты — в период «ста дней реформ» в 1898 году, перед синхайской революцией и после разгрома империалистической Японии, Лао Шэ убедительно доказывает полную обреченность и неминуемый крах прогнившей насквозь маньчжурской династии Цин, неотвратимую гибель антинародного гоминдановского режима. Первый акт пьесы «Чайная» публикуется в этом номере журнала «Иностранная литература».

В первом номере «Жатвы» напечатан первый крупный роман, созданный писателем Ай У после освобождения страны. В течение нескольких лет писатель собирал материал, подолгу жил в промышленных районах страны, и результатом напряженной работы писателя явился роман о китайском рабочем классе. В номере публикуется восемнадцать глав романа, окончание будет в следующей книжке журнала.

Социалистическим преобразованиям в деревне посвящен новый роман писателя Кан Чжо «Вода долбит камень», законченный в мае текущего года.

В рамках небольшой заметки трудно рассказать о содержании толстого журнала, где напечатаны два романа, детская повесть, пьеса, киносценарий, стихи и другие произведения.

Несколько слов хотелось бы сказать о стихах известного поэта Янь Чэня, объединенных в цикл «По Советскому Союзу». Хорошей традицией стали своеобразные творческие отчеты советских писателей, по-

* Ба Цзинь, Цзинь И. «К выходу первого номера «Жатвы», «Жэньминьжибао», 6 августа 1957 г.

бывавших в Китае, и наших друзей, китайских писателей, гостивших в Советском Союзе. В конце прошлого года Китай посетила делегация советских писателей в составе Б. Галина, С. Залыгина и Б. Полевого. Результатом этой поездки явились три книги советских писателей, рассказывающие советскому читателю о жизни великого китайского народа в настоящее время, о его прошлом, о его древней культуре. Почти одновременно в Советском Союзе гостила делегация китайских писателей — прозаик Цзинь И, один из редакторов журнала «Жатва», и два отличных поэта Гэ Би-чжоу и Янь Чэнь. Наши гости побывали в Ленинграде, в Средней Азии, на Кавказе, на Украине, ознакомились с достопримечательностями столицы. Результатом этой поездки наших друзей явились интересные очерки о Советском Союзе Цзинь И и Янь Чэня, много стихов Гэ Би-чжоу и того же Янь Чэня, в которых китайские писатели рассказывают о своем путешествии по нашей стране. Трудно переоценить пользу таких «творческих отчетов» писателей, знакомящих читателей своей страны с жизнью дружественного народа.

В первом номере «Жатвы» Янь Чэнь опубликовал более десяти новых стихотворений о поездке в Советский Союз, а до этого им было напечатано еще столько же стихотворений об этой поездке в других периодических изданиях. В публикуемой подборке — три стихотворения о московском Кремле и балете «Лебединое озеро», стихи о Ташкенте и легенда об озере Рица, песни об Арарате и небольшие лирические зарисовки о Черном море и Байкале. Разнообразные по форме и содержанию, эти стихи, думается, представляют интерес не только для китайского, но и для советского читателя.

В разделе поэзии напечатано также большое лирическое стихотворение известной поэтессы и писательницы Бин Синь «Моя тайна».

Среди остальных произведений первого номера «Жатвы» — новая повесть для детей известного писателя Ян Вэнь-цзина, литературный сценарий Кэ Лина «Город, не знающий ночи», рассказ Ша Тина «Собрание» и рассказ Лю Бай-юя «Наши зори», а также ответ Ба Цзиня читателям его романа «Семья».

Содержание первого номера «Жатвы» разнообразно и интересно, и есть основания полагать, что редакционная коллегия журнала, составленная из таких опытных писателей и редакторов, как Ба Цзинь и Цзинь И, Бин Синь и Лю Бай-юй, Чэнь Бай-чэнь и Чжоу Эр-фу, Чжэн Чжэнь-до и Цао Юй и других, сделает все возможное, чтобы журнал достаточно представил современную литературу Китая в ее лучших образцах.

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

Мао Дунь (Шэнь Янь-бин) 矛盾（沈雁冰）(род. в 1896 г.) — китайский писатель. Председатель Союза китайских писателей, министр культуры КНР. Автор многих романов и рассказов. В 1956 году на русском языке вышел трехтомник избранных произведений Мао Дуня. Печатаемая нами статья получена от автора в рукописи.

Го Мо-жо 郭沫若 (род. в 1892 г.) — видный общественный деятель, писатель и историк, президент Академии наук Китая. Автор целого ряда исследований по древней истории Китая, а также многих художественных произведений, из которых драма «Цюй Юань» наиболее известна советскому читателю. В 1957 году в Китае вышли первые пять томов собрания сочинений Го Мо-жо.

Стихотворение «Подбадриваю друзей, оставшихся без работы» взято из первого тома избранных сочинений Го Мо-жо, изд. 1951 г. Стихотворение «Верблюд» получено редакцией из Китая в рукописи.

Сюй Хуай-чжун 徐懷中 (род. в 1929 г. в провинции Хэбэй, — молодой китайский писатель. Автор романа «Радуга». Печатаемый нами роман «Мы сеем любовь» опубликован в журнале «Цзефанцзюн вэньи» («Литература Народно-освободительной армии») в № 12, 1956 г. и №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 1957 г.

Ша Оу — китайский поэт. Известен сборниками стихов «Сто отвратительных картин», «Горящая деревня» и др. Печатаемое стихотворение взято из журнала «Шикань» № 2, 1957 г.

Гун Лю — молодой китайский поэт. Печатаемые стихотворения взяты из журнала «Шикань» № 2, 1957 г.

Цзан Кэ-цзя (род. в 1905 г.) — китайский поэт. Известен сборниками стихотворений «Напевы на реке Хуай», «Раковина» и др. Печатаемые стихотворения получены в рукописи.

Лао Шэ 老舍 (род. в 1898 г.) — китайский прозаик и драматург. Известен советскому читателю по роману «Рикша», пьесе «Лунсюйгоу» и целому ряду рассказов.

Печатаемое нами первое действие новой пьесы Лао Шэ «Чайная» получено от автора в рукописи. Полностью эта пьеса опубликована в июле 1957 года в журнале «Шоуху» («Жатва»).

Жаоцзебасан 饒介巴桑 (род. в 1932 г.) — молодой поэт, уроженец тибетского национального автономного района в провинции Юньнань. Печатаемое нами стихотворение взято из апрельского номера журнала «Цзефанцзюн вэньи» за 1956 год.

Фэн Чжи 馮至 (род. в 1905 г.) — китайский поэт. Начал печататься в тридцатых годах. Печатаемое нами стихотворение взято из журнала «Шикань», № 1, 1957 г.

Ван Юань-цзянь 王愿堅 (род в 1929 г. в провинции Шаньдун). Автор пьесы «Образцовый командир». Рассказ «Партийный взнос» взят из сборника рассказов молодых китайских писателей, озаглавленного «Один год» (Пекин, 1956 г.)

Цао Цзин-хуа 曹靖華 (род. в 1897 г.) — профессор Пекинского университета, переводчик, исследователь русской и советской литературы. Печатаемая нами статья получена от автора в рукописи.

Чжан Цзюнь-сян 張駿祥 — китайский кинорежиссер и сценарист, художественный руководитель Шанхайской киностудии.

Ли Чао 李超 (род. в 1917 г.) — китайский драматург. Автор нескольких драматических произведений: «Сечья из пограничного городка», «В горах Ванбашань», «Дерево счастья», «Возвращение домой с победой». Печатаемая нами статья получена редакцией в рукописи.

Ван Сунь 王遜 — китайский искусствовед. Профессор Центральной Академии художеств в Пекине. Печатаемая нами статья получена от автора в рукописи.

Лю Бай-юй 劉白羽 (род. в 1915 г.) — китайский писатель, секретарь Правления Союза китайских писателей. Автор повести «Заря впереди» и многих рассказов, переведенных на русский язык.

Главный редактор **А. Б. Чаковский.**

Редакционная коллегия:
И. И. Анисимов, М. Я. Аплетин, М. О. Ауэзов, Н. Н. Вильмонт, С. А. Герасимов, С. А. Дангулов (зам. главного редактора), **Т. Л. Мотылева, Л. В. Никулин, С. В. Образцов, С. П. Щипачев.**

Адрес редакции: Москва, ул. Воровского, д. 52, журнал «Иностранная литература».
Телефоны: Д 5-17-83, Д 5-17-10, Д 5-19-81.

Художеств. редактор *М. М. Милославский.* Технический редактор *А. Ф. Марков.*

А 06932. Сдано в производство 29/VII 1957 г. Подписано к печати 24/VIII 1957 г.
Бумага 70 × 108¹/₁₆ = 9,0 бум. л. П. л. 24,66 + 3 вкл. объемом 1¹/₈ п. л.
Зак. 1787 Цена 8 руб.

Типография «Известий Советов депутатов трудящихся СССР» имени И. И. Скворцова-Степанова. Москва, Пушкинская пл., 5.

Цена 8 руб.